

А. С. ПУШКИН

А. С.
ПУШКИН

3

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

Советский
издатель



Q

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ



*Большая серия
Второе издание*



Л Е Н И Н Г Р А Д * 1 9 5 5

А. С. ПУШКИН
СТИХОТВОРЕНИЯ

3



С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

*Подготовка текста и примечания
Б. В. Томашевского*

**СТИХОТВОРЕНИЯ
ПЕТЕРБУРГСКОГО
ПЕРИОДА**

(1817—апрель 1820)

Простите, верные дубравы!
Прости, беспечный мир полей,
И легкокрылые забавы
Столь быстро улетевших дней!
Прости, Тригорское, где радость
Меня встречала столько раз!
На то ль узнал я вашу сладость,
Чтоб навсегда покинуть вас?
От вас беру воспоминанье,
А сердце оставляю вам.
Быть может (сладкое мечтанье!),
Я к вашим возвращусь полям,
Приду под липовые своды,
На скат тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.

Есть в России город Луга
Петербургского округа;
Хуже не было б сего
Городишки на примете,
Если б не было на свете
Новоржева моего.

**К ОГАРЕВОЙ,
КОТОРОЙ МИТРОПОЛИТ ПРИСЛАЛ
ПЛОДОВ ИЗ СВОЕГО САДУ**

Митрополит, хвастун бесстыдный,
Тебе прислав своих плодов,
Хотел уверить нас, как видно,
Что сам он бог своих садов.

Возможно всё тебе — Харита
Улыбкой дряхлость победит,
С ума сведет митрополита
И пыл желаний в нем родит.

И он, твой встретив взор волшебный,
Забудет о своем кресте
И нежно станет петь молебны
Твоей небесной красоте.

К ***

Не спрашивай, зачем унылой думой
Среди забав я часто омрачен,
Зачем на всё поднимаю взор угрюмый,
Зачем не мил мне сладкой жизни сон;

Не спрашивай, зачем душой остылой
Я разлюбил веселую любовь
И никого не называю *милой* —
Кто раз любил, уж не полюбит вновь;

Кто счастье знал, уж не узнает счастья.
На краткий миг блаженство нам дано:
От юности, от нег и сладострастья
Останется уныние одно. . .

Краев чужих неопытный любитель
И своего всегдашний обвинитель,
Я говорил: в отечестве моем
Где верный ум, где гений мы найдем?
Где гражданин с душою благородной,
Возвышенной и пламенно свободной?
Где женщина — не с хладной красотой,
Но с пламенной, пленительной, живой?
Где разговор найду непринужденный,
Блистательный, веселый, просвещенный?
С кем можно быть не хладным, не пустым?
Отечество почти я ненавидел —
Но я вчера Голицыну увидел
И примирен с отечеством моим.

К НЕЙ

В печальной праздности я лиру забывал,
Воображение в мечтах не разгоралось,
С дарами юности мой гений отлетал,
И сердце медленно хладело, закрывалось.
Вас вновь я призывал, о дни моей весны,
Вы, пролетевшие под сенью тишины,
Дни дружества, любви, надежд и грусти нежной,
Когда, поэзии поклонник безмятежный,
На лире счастливой я тихо воспевал
Волнение любви, уныние разлуки —
И гул дубрав горам передавал
Мои задумчивые звуки. . .

Напрасно! Я влачил постыдной лени груз,
В дремоту хладную неволью погружался,
Бежал от радостей, бежал от милых муз
И — слезы на глазах — со славою прощался!
Но вдруг, как молнии стрела,
Зажглась в увядшем сердце младость,
Душа проснулась, ожила,
Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость.
Всё снова расцвело! Я жизнью трепетал;
Природы вновь восторженный свидетель,
Живее чувствовал, свободнее дышал,
Сильней пленяла добродетель. . .
Хвала любви, хвала богам!
Вновь лиры сладостной раздался голос юный,
И с звонким трепетом воскреснувшие струны
Несу к твоим ногам.

ТУРГЕНЕВУ

Тургенев, верный покровитель
Попов, евреев и скопцов,
Но слишком счастливый гонитель
И езуитов, и глупцов,
И лени моей бесплодной,
Всегда беспечной и свободной,
Подруги благотворных снов!
К чему смеяться надо мною,
Когда я слабою рукою
На лире с трепетом брожу
И лишь изнеженные звуки
Любви, сей милой сердцу муки,
В струнах незвонких нахожу?
Душой предавшись наслажденью,
Я сладко, сладко задремал.
Один лишь ты с глубокой ленью
К трудам охоту сочетал;
Один лишь ты, любовник страстный
И Соломирской, и креста,¹
То ночью прыгаешь с прекрасной,
То проповедуешь Христа.
На свадьбах и в Библейской зале,
Среди веселий и забот,
Роняешь Лунину на бале,
Подъемлешь трепетных сирот;

¹ Креста, сиречь не Анненского и не Владимирского — а *честнаго* и животворящаго.

Ленивец милый на Парнасе,
Забыв любви своей печаль,
С улыбкой дремлешь в Арзамасе
И спишь у графа де-Лаваль;
Нося мучительное бремя
Пустых иль тяжких должностей,
Один лишь ты находишь время
Смеяться лениности моей.

Не вызывай меня ты боле
К навек оставленным трудам,
Ни к поэтической неволе,
Ни к обработанным стихам!
Что нужды, если и с ошибкой
И слабо иногда пою?
Пускай Нинета лишь улыбкой
Любовь беспечную мою
Воспламенит и успокоит!
А труд и холоден и пуст;
Поэма никогда не стоит
Улыбки сладострастных уст.

КРИВЦОВУ

Не пугай нас, милый друг,
Гроба близким новосельем:
Право, нам таким бездельем
Заниматься недосуг.
Пусть остылой жизни чашу
Тянет медленно другой;
Мы ж утратим юность нашу
Вместе с жизнью дорогой;
Каждый у своей гробницы
Мы присядем на порог;
У пафосския царицы
Свежий выпросим венок,
Лишний миг у верной лени,
Круговой нальем сосуд —
И толпою наши тени
К тихой Лете убегут.
Смертный миг наш будет светел;
И подруги шалунов
Соберут их легкий пепел
В урны праздные пиров.

ВОЛЬНОСТЬ

Ода

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?
Приди, сорви с меня венки,
Разбей изнеженную лиру. . .
Хочу воспеть свободу миру,
На тронах поразить порок.

Открой мне благородный след
Того возвышенного галла,
Кому сама среди славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Увы! куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела — рабства грозный гений
И славы роковая страсть.

Лишь там над царскою главою
Народов не легло страданье,
Где крепко с вольностью святой
Законов мощных сочетанье;
Где всем простерт их твердый щит,
Где сжатый верными руками
Граждан над равными главами
Их меч без выбора скользит

И преступленье свысока.
Сражает праведным размахом;
Где не подкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом.
Владыки! вам венец и трон
Дает закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон.

И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу иль царям
Законом властвовать возможно!
Тебя в свидетели зову,
О мученик ошибок славных,
За предков в шуме бурь недавних
Сложивший царскую главу.

Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства,
Главою развенчанной приник
К кровавой плахе вероломства.
Молчит закон — народ молчит,
Падет преступная секира...
И се — злодейская порфира
На галлах скованных лежит.

Самовластительный злодей,
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою гибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,

Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,
Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец —

И слышит Клии страшный глас:
За сими страшными стенами
Калигулы последний час
Он видит живо пред очами,
Он видит — в лентах и звездах,
Вином и злобой упоенны
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце страх.

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.

И днесь учитесь, о цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас огады.
Склонитесь первые главой
Под сень надежную закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

КН. ГОЛИЦЫНОЙ
ПОСЫЛАЯ ЕЙ ОДУ „ВОЛЬНОСТЬ“

Простой воспитанник природы,
Так я, бывало, воспевал
Мечту прекрасную свободы
И ею сладостно дышал.
Но вас я вижу, вам внимаю,
И что же? . . слабый человек! . .
Свободу потеряв навек,
Неволю сердцем обожаю.

К ЧААДАЕВУ

Люби, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

ТОРЖЕСТВО ВАКХА

Откуда чудный шум, неистовые клики?
Кого, куда зовут и бубны и тимпан?
Что значат радостные лики
И песни поселян?
В их круге светлая свобода
Прияла праздничный венок.
Но двинулись толпы народа. . .
Он приближается. . . Вот он, вот сильный бог!
Вот Бахус мирный, вечно юный!
Вот он, вот Индии герой!
О радость! Полные тобой
Дрожат, готовы грянуть струны
Нелицемерною хвалой!

Эван, эвое! Дайте чаши!
Несите свежие венцы!
Невольники, где тирсы наши?
Бежим на мирный бой, отважные бойцы!
Вот он, вот Вахх! О час отрадный!
Державный тирс в его руках;
Венец желтеет виноградный
В чернокудрявых волосах. . .
Течет. Его молодые тигры
С покорной яростью влекут;
Кругом летят эроты, игры —
И гимны в честь ему поют.
За ним теснится козлоногий
И фавнов и сатиров рой,
Плющом опутаны их роги;

Бегут смятенную толпой
Вослед за быстрой колесницей,
Кто с тростниковой цевницей,
Кто с верной кружкой своей;
Тот оступившись упадает
И бархатный ковер полей
Вином багровым обливает
При диком хохоте друзей.
Там дале вижу дивный ход:
Звучат веселые тимпаны;
Младые нимфы и сильваны,
Составя шумный хоровод,
Несут недвижимого Силена. . .
Вино струится, брызжет пена,
И розы сыплются кругом;
Несут за спящим стариком
И тирс, символ победы мирной,
И кубок тяжко-золотой,
Венчанный крышкою сапфирной,—
Подарок Вакха дорогой.

Но воет берег отдаленный.
Власы раскинув по плечам,
Венчанны гроздем, обнаженны,
Бегут вакханки по горам.
Тимпаны звонкие, кружась меж их перстами,
Гремят — и вторят их ужасным голосам.
Промчались, летят, свиваются руками,
Волшебной пляской топчут луг,
И младость пылкая толпами
Стекается вокруг.

Поют неистовые девы;
Их сладострастные напевы
В сердца вливают жар любви;
Их перси дышат вождельем;
Их очи, полные безумством и томленьем,
Сказали: счастье лови!
Их вдохновенные движенья
Сперва изображают нам
Стыдливость милого смятенья,

Желанье робкое — а там
Восторг и дерзость наслажденья.
Но вот рассыпались по холмам и полям;
Махая тирсами, несутся;
Уж издали их вопли раздаются,
И гул им вторит по лесам:
Эван, эвое! Дайте чаши!
Несите свежие венцы!
Невольники, где тирсы наши?
Бежим на мирный бой, отважные бойцы!

Друзья, в сей день благословенный
Забвенью бросим суеты!
Теки, вино, струею пенной
В честь Вакха, муз и красоты!
Эван, эвое! Дайте чаши!
Несите свежие венцы!
Невольники, где тирсы наши?
Бежим на мирный бой, отважные бойцы!

Когда сожмешь ты снова руку,
Которая тебе дарит
На скучный путь и на разлуку
Святую библию харит?
Амур нашел ее в Цитере,
В архиве шалости младой.
По ней молись своей Венере
Благочестивою душой.
Прости, эпикуреец мой!
Останься век, каков ты ныне,
Лети во мрачный Альбион!
Да сохранят тебя в чужбине
Христос и верный Купидон!
Неси в чужой предел пената,
Но, помня прежни дни свои,
Люби невественного брата,
Страдальца чувственной любви!

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Тебя ль я видел, милый друг?
Или неверное то было сновиденье,
Мечтанье смутное, и пламенный недуг
Обманом волновал мое воображенье?
В минуты мрачные болезни роковой
Ты ль, дева нежная, стояла надо мной
В одежде воина с неловкостью приятной?
Так, видел я тебя; мой тусклый взор узнал
Знакомые красы под сей одеждой ратной:
И слабым шопотом подругу я назвал. . .
Но вновь в уме моем стеснились мрачны грезы,
Я слабою рукой искал тебя во мгле. . .
И вдруг я чувствую твое дыханье, слезы
И влажный поцелуй на пламенном челе. . .
Бессмертные! с каким волненьем
Желанья, жизни огонь по сердцу пробежал!
Я закипел, затрепетал. . .
И скрылась ты прелестным привиденьем.
Жестокий друг, меня томишь ты упоеньем:
Приди, меня мертвит любовь!
В молчаньи благосклонной ночи
Явись, волшебница! пускай увижу вновь
Под грозным кивером твои небесны очи,
И плащ, и пояс боевой,
И бранной обувью украшенные ноги. . .
Не медли, поспешай, прелестный воин мой,
Приди, я жду тебя: здоровья дар благой
Мне снова ниспослали боги,
А с ним и сладкие тревоги
Любви таинственной и шалости молодой.

ЖУКОВСКОМУ

НА ИЗДАНИЕ КНИЖЕК ЕГО „ДЛЯ НЕМНОГИХ“

Когда, к мечтательному миру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на коленях лиру
Нетерпеливою рукой;
Когда сменяются виденья
Перед тобой в волшебной мгле
И быстрый холод вдохновенья
Власы подымлет на челе,—
Ты прав, творишь ты *для немногих*,
Не для завистливых судей,
Не для сбирателей убогих
Чужих суждений и вестей,
Но для друзей таланта строгих,
Священной истины друзей.
Не всякого полюбит счастье,
Не все родились для венцов.
Блажен, кто знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов!
Кто наслаждение прекрасным
В прекрасный получил удел
И твой восторг уразумел
Восторгом пламенным и ясным!

К ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКОГО

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.

*** ЭПИГРАММА**

Бессмертною рукой раздавленный зоил,
Позорного клейма ты вновь не заслужил!
Бесчестью твоему нужна ли перемена?
Наш Тацит на тебя захочет ли взглянуть?
Уймись — и прежним ты стихом доволен будь,
Плюгавый выползок из гузна Дефонтена!

МЕЧТАТЕЛЮ

Ты в страсти горестной находишь наслажденье;
Тебе приятно слезы лить,
Напрасным пламенем томить воображенье
И в сердце тихое уныние таить.
Поверь, не любишь ты, неопытный мечтатель.
О если бы тебя, унылых чувств искатель,
Постигло страшное безумие любви;
Когда б весь яд ее кипел в твоей крови;
Когда бы в долгие часы бессонной ночи,
На ложе, медленно терзаемый тоской,
Ты звал обманчивый покой,
Вотще смыкая скорбны очи,
Покровы жаркие рыдая обнимал
И сохнул в бешенстве бесплодного желанья,—
Поверь, тогда б ты не питал
Неблагодарного мечтанья.
Нет, нет: в слезах упав к ногам
Своей любовницы надменной,
Дрожащий, бледный, иступленный,
Тогда б воскликнул ты к богам:
«Отдайте, боги, мне рассудок омраченный,
Возьмите от меня сей образ роковой;
Довольно я любил; отдайте мне покой. . .»
Но мрачная любовь и образ незабвенный
Остались вечно бы с тобой.

К Н. Я. ПЛЮСКОВОЙ

На лире скромной, благородной
Земных богов я не хвалил
И силе в гордости свободной
Кадилом лести не кадил.
Свободу лишь умея славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожден царей забавить
Стыдливой музою моей.
Но, признаюсь, под Геликоном,
Где Касталийский ток шумел,
Я, вдохновенный Аполлоном,
Елисавету втайне пел.
Небесной благодати свидетель,
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

ПРЕЛЕСТНИЦЕ

К чему нескромным сим убором,
Умильным голосом и взором
Младое сердце распалить
И тихим, сладостным укором
К победе легкой вызывать?
К чему обманчивая нежность,
Стыдливости притворный вид,
Движений томная небрежность
И трепет уст и жар ланит?
Напрасны хитрые старанья:
В порочном сердце жизни нет. . .
Невольный хлад негодованья
Тебе мой роковой ответ.
Твоею прелестью надменной
Кто не владел во тьме ночной?
Скажи: у двери оцененной
Твоей обители презренной
Кто смелой не стучал рукой?
Нет, нет, другому свой завялый
Неси, прелестница, венок;
Ласкай неопытный порок,
В твоих объятиях усталый;
Но гордый замысел забудь:
Не привлечешь питомца музы
Ты на предательную грудь.
Неси другим наемны узы,
Своей любви постыдный торг,
Корысти хладные лобзанья,
И принужденные желанья,
И златом купленный восторг!

К ***

Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный,
Без томной робости твой ловит светлый взор,
Движенья милые, игривый разговор
И след улыбки незабвенной.

*** ЭПИГРАММА**

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

СКАЗКИ

№ 1

Ура! в Россию скачет
Кочующий деспот.
Спаситель горько плачет,
А с ним и весь народ.
Мария в хлопотах Спасителя страшает:
«Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
Вот бука, бука — русский царь!»
Царь входит и вещает:

«Узнай, народ российский,
Что знает целый мир:
И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир.
О радуйся, народ: я сыт, здоров и тучен;
Меня газетчик прославлял;
Я ел, и пил, и обещал —
И делом не замучен.

Узнай еще в прибавку,
Что сделаю потом:
Лаврову дам отставку,
А Соца — в желтый дом;
Закон постановлю на место вам Горголи,
И людям я права людей,
По царской милости моей,
Отдам из доброй воли».

От радости в постеле
Распрыгалось дитя:
«Неужто в самом деле?
Неужто не шутя?»
А мать ему: «Бай-бай! закрой свои ты глазки;
Пора уснуть уж наконец,
Послушавши, как царь-отец
Рассказывает сказки».

ДЕРЕВНЯ

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
 На лоне счастья и забвенья!
Я твой: я променял порочный двор цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

 Я твой: люблю сей темный сад
 С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
 Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крилаты;
Везде следы довольства и труда.

Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в истине блаженство находить,
Свободною душой закон боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвещенной.
Участьем отвечать застенчивой мольбе
 И не завидывать судьбе
Злодея иль глупца — в величии неправом.

Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!
В уединеньи величавом
Слышнее ваш отрадн^{ый} глас;
Он гонит лени сон угрюм^{ый},
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине.

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственн^{ый} позор.
Не видя слез, не внемля сто^{на},
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чужд^{ый} плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостн^{ый} ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов.
О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодн^{ый} жар
И не дан мне судьбой витийства грозн^{ый} дар?
Увижу ль, о друзья! народ неугнетенн^{ый}
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

ЭЛЕГИЯ

Воспоминаньем упоенный,
С благоговеньем и тоской
Объемлю грозный мрамор твой,
Кагула памятник надменный.
Не смелый подвиг россиян,
Не слава, дар Екатерине,
Не задунайский великан
Меня воспаляют ныне...

.
.

*** ЭПИГРАММА**

Холоп венчанного солдата,
Благодари свою судьбу:
Ты стоишь лавров Герострата
Иль смерти немца Коцебу.

Вкруг я Стурдзы хожу,
Вкруг библического,
Я на Стурдзу гляжу
Монархического.

Ольга, крестница Киприды,
Ольга, чудо красоты,
Как же ласки и обиды
Расточать привыкла ты!
Поцелуем сладострастья
Ты, тревожа сердце в нас,
Соблазнительного счастья
Назначаешь тайный час.
Мы с горячкою любовной
Прибегаем в час условный,
В дверь стучим — но в сотый раз
Слышим твой коварный шопот,
И служанки сонный ропот,
И насмешливый отказ.

Ради резвого разврата,
Приапических затей,
Ради неги, ради злата,
Ради прелести твоей,
Ольга, жрица наслажденья,
Внемли наш влюбленный плач —
Ночь восторгов, ночь забвенья
Нам наверное назначь.

*** МАНСУРОВУ**

Мансуров, закадышный друг,
Надень венок терновый,
Вздохни — и рюмку выпей вдруг
За здоровье Крыловой.

Поверь, она верна тебе,
Как девственница Ласси,
Она покорствует судьбе
И госпоже Қазасси.

Но скоро счастливой рукой
Набойку школы скинет,
На бархат ляжет пред тобой

.

ДОРИДА

В Дориде нравятся и локоны золотые,
И бледное лицо, и очи голубые.
Вчера, друзей моих оставя пир ночной,
В ее объятиях я негу пил душой;
Восторги быстрые восторгами сменялись,
Желанья гасли вдруг и снова разгорались;
Я таял; но среди неверной темноты
Другие милые мне виделись черты,
И весь я полон был таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали.

Н. Н.

Я ускользнул от Эскулапа
Худой, обритый — но живой;
Его мучительная лапа
Не тяготеет надо мной.
Здоровье, легкий друг Приапа,
И сон, и сладостный покой,
Как прежде, посетили снова
Мой угол тесный и простой.
Утешь и ты полубольного!
Он жаждет видеться с тобой,
С тобой, счастливый беззаконник,
Ленивый Пинда гражданин,
Свободы, Вакха верный сын,
Венеры набожный поклонник
И наслаждений властелин!
От суеты столицы праздной,
От хладных прелестей Невы,
От вредной сплетницы молвы,
От скуки, столь разнообразной,
Меня зовут холмы, луга,
Тенисты клены огорода,
Пустынной речки берега
И деревенская свобода.
Дай руку мне. Приеду я
В начале мрачном сентября:
С тобою пить мы будем снова,
Открытым сердцем говоря

Насчет глупца, вельможи злого,
Насчет холопа записного,
Насчет небесного царя,
А иногда насчет земного.

ОРЛОВУ

О ты, который сочетал
С душою пылкой, откровенной
(Хотя и русский генерал)
Любезность, разум просвещенный;
О ты, который, с каждым днем
Вставая на военну муку,
Усталым усачам верхом
Преподаешь царей науку;
Но не бесславишь сгоряча
Свою воинственную руку
Презренной палкой палача;
Орлов, ты прав: я забываю
Свои гусарские мечты
И с Соломоном восклицаю:
Мундир и сабля — суеты!
На генерала Киселева
Не положу своих надежд,
Он очень мил, о том ни слова,
Он враг коварства и невежд;
За шумным, медленным обедом
Я рад сидеть его соседом,
До ночи слушать рад его;
Но он придворный: обещанья
Ему не стоят ничего.
Смирив немирные желанья,
Без долимана, без усов,
Сокроюсь с тайною свободой,

С цевницей, негой и природой
Под сенью дедовских лесов;
Над озером, в спокойной хате,
Или в траве густых лугов,
Или холма на злачном скате,
В бухарской шапке и в халате
Я буду петь моих богов,
И буду ждать. — Когда ж восстанет
С одра покоя бог мечей
И брани громкий вызов грянет,
Тогда покину мир полей;
Питомец пламенный Беллоны,
У трона верный гражданин!
Орлов, я стану под знамены
Твоих воинственных дружин;
В шатрах, средь сечи, средь пожаров,
С мечом и с лирой боевой
Рубиться буду пред тобой
И славу петь твоих ударов.

ЩЕРВИННУ

Житье тому, любезный друг,
Кто страстью глупою не болен,
Кому влюбиться недосуг,
Кто занят всем и всем доволен;
Кто Наденьку, под вечерок,
За тайным ужином ласкает
И жирный страсбургский пирог
Вином душистым запивает;
Кто, удалив заботы прочь,
Как верный сын пафосской веры,
Проводит набожную ночь
С молодой монашенкой Цитеры.
Поутру сладко дремлет он,
Читая листик «Инвалида»;
Весь день веселью посвящен,
А в ночь — вновь царствует Киприда.

И мы не так ли дни ведем,
Щербинин, резвый друг забавы,
С Амуром, шалостью, вином,
Покамест молоды и здоровы.
Но дни молодые пролетят,
Веселье, нега нас покинут,
Желаньям чувства изменят,
Сердца иссохнут и остынут.
Тогда — без песен, без подруг,
Без наслаждений, без желаний,
Найдем отраду, милый друг,
В туманном сне воспоминаний!

Тогда, качая головой,
Скажу тебе у двери гроба:
«Ты помнишь Фанни, милый мой?»
И тихо улыбнемся оба.

ДОМОВОМУ

Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес и дикий садик мой
И скромную семьи моей обитель!
Да не вредят полям опасный хлад дождей
И ветра позднего осенние набеги;
Да в пору благотворны снеги
Покроют влажный тук полей!
Останься, тайный страж, в наследственной сени,
Постигни робостью полунощного вора
И от недружеского взора
Счастливый домик охрани!
Ходи вокруг его заботливым дозором,
Люби мой малый сад и берег сонных вод,
И сей укромный огород
С калиткой ветхою, с обрушенным забором!
Люби зеленый скат холмов,
Луга, измятые моей бродящей ленью,
Прохладу лип и кленов шумный кров —
Они знакомы вдохновенью.

*** ЮРЬЕВУ**

Здорово, Юрьев именинник!
Здорово, Юрьев лейб-улан!
Сегодня для тебя пустынный
Осушит пенистый стакан.
Здорово, Юрьев именинник!
Здорово, Юрьев лейб-улан!

Здорово, рыцари лихие
Любви, свободы и вина!
Для нас, союзники младые,
Надежды лампа зажжена.
Здорово, рыцари лихие
Любви, свободы и вина!

Здорово, молодость и счастье,
Застольный кубок
Где с громким смехом сладострастье
Ведет нас пьяных на постель.
Здорово, молодость и счастье,
Застольный кубок

РУСАЛКА

Над озером, в глухих дубровах,
Спасался некогда монах,
Всегда в занятиях суровых,
В посте, молитве и трудах.
Уже лопаткою смиренной
Себе могилу старец рыл —
И лишь о смерти возжеленной
Святых угодников молил.

Однажды летом у порогу
Поникшей хижины своей
Анахорет молился богу.
Дубравы делались черней;
Туман над озером дымился,
И красный месяц в облаках
Тихонько по небу катился.
На воды стал глядеть монах.

Глядит, невольно страха полный;
Не может сам себя понять. . .
И видит: закипели волны
И присмирели вдруг опять. . .
И вдруг. . . легка, как тень ночная,
Бела, как ранний снег холмов,
Выходит женщина нагая
И молча села у берегов.

Глядит на старого монаха
И чешет влажные волосы.
Святой монах дрожит со страха
И смотрит на ее красы.
Она манит его рукою,
Кивает быстро головой. . .
И вдруг — падучею звездою —
Под сонной скрылася волной.

Всю ночь не спал старик угрюмый
И не молился целый день —
Перед собой с невольной думой
Всё видел чудной девы тень.
Дубравы вновь оделись тьмою;
Пошла по облакам луна,
И снова дева над водою
Сидит, прелестна и бледна.

Глядит, кивает головою,
Целует издали шутя,
Играет, плещется волною,
Хохочет, плачет, как дитя,
Зовет монаха, нежно стонет. . .
«Монах, монах! Ко мне, ко мне! . . .»
И вдруг в волнах прозрачных тонет;
И всё в глубокой тишине.

На третий день отшельник страстный
Близ очарованных берегов
Сидел и девы ждал прекрасной,
А тень ложилась средь дубров. . .
Заря прогнала тьму ночную:
Монаха не нашли нигде,
И только бороду седую
Мальчишки видели в воде.

НЕДОКОНЧЕННАЯ КАРТИНА

Чья мысль восторгом угадала,
Постигла тайну красоты?
Чья кисть, о небо, означала
Сии небесные черты?

Ты, гений! .. Но любви страданья
Его сразили. Взор немой
Вперил он на свое созданье
И гаснет пламенной душой.

УЕДИНЕНИЕ

Блажен, кто в отдаленной сени,
Вдали взыскательных невежд,
Дни делит меж трудов и лени,
Воспоминаний и надежд;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрыт, по милости творца,
От усыпителя глупца,
От пробудителя нахала.

ВЕСЕЛЫЙ ПИР

Я люблю вечерний пир,
Где веселье председатель,
А свобода, мой кумир,
За столом законодатель,
Где до утра слово *пей!*
Заглушает крики песен,
Где просторен круг гостей,
А кружок бутылок тесен.

ВСЕВОЛОЖСКОМУ

Прости, счастливый сын пиров,
Балованный дитя свободы!
Итак, от наших берегов,
От мертвой области рабов,
Капральства, прихотей и моды
Ты скачешь в мирную Москву,
Где наслажденьям' знают цену,
Беспечно дремлют наяву
И в жизни любят перемену.
В сей азиатской стороне,
Нас уверяют, жизнь игрушка!
В почтенной кичке, в шушуне
Москва премилая старушка.
Разнообразной и живой
Она пленяет пестротой,
Старинной роскошью, пирами,
Невестами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.
Ты там на шумных вечерах
Увидишь важное безделье,
Жеманство в тонких кружевах,
И глупость в золотых очках,
И тяжелой знатности веселье,
И скуку с картами в руках.
Всего минутный наблюдатель,
Ты посмеешься под рукой;
Но вскоре, верный обожатель
Забав и лени золотой,

Держась моего совета
И волю всей душой любя,
Оставишь круг большого света
И жить решишься для себя.
Уже в приюте отдаленном
Я вижу мысленно тебя:
Кипит в бокале опененном
Аи холодная струя;
В густом дыму ленивых трубок,
В халатах, новые друзья
Шумят и пьют; задорный кубок
Обходит их безумный круг,
И мчится в радостях досуг;
А там египетские девы
Летают, вьются пред тобой;
Я слышу звонкие напевы,
Стон неги, вопли, дикий вой;
Их исступленные движенья,
Огонь неистовых очей
И всё, мой друг, в душе твоей
Рождает трепет упоенья. . .
Но вспомни, милый: здесь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхает пленница младая;
Весь день уныла и томна,
В своей задумчивости сладкой
Тихонько плачет под окном
От грозных аргусов украдкой
И смотрит на пустынный дом,
Где мы так часто пировали
С Кипридой, Вакхом и тобой,
Куда с надеждой и тоской
Ее желанья улетали.
О, скоро ль милого найдут
Ее потупленные взоры
И пред любовью упадут
Замков ревнивые затворы?

А наш осиротелый круг,
Товарищ, скоро ль оживится?
Когда прискачешь, милый друг?
Душа вослед тебе стремится.

Где б ни был ты, возьми венок
Из рук молодого сладострастья
И докажи, что ты знаток
В неведомой науке счастья.

ЦАРСКОЕ СЕЛО

Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений,
О ты, певцу дубрав давно знакомый гений,
Воспоминание, рисуй передо мной
Волшебные места, где я живу душой,
Леса, где я любил, где чувство развивалось,
Где с первой юностью младенчество сливалось
И где, взлелеянный природой и мечтой,
Я знал поэзию, веселость и покой.
Веди, веди меня под липовые сени,
Всегда любезные моей свободной лени,
На берег озера, на тихий скат холмов! . .
Да вновь увижу я ковры густых лугов
И дряхлый пук дерев, и светлую долину,
И злачных берегов знакомую картину,
И в тихом озере, средь блещущих зыбей,
Станицу гордую спокойных лебедей.

Другой пускай поет героев и войну,
Я скромно возлюбил живую тишину
И, чуждый призраку блистательному славы,
Вам, Царского села прекрасные дубравы,
Отныне посвятил безвестный музы друг
И песни мирные и сладостный досуг.

Там у леска, за ближнею долиной,
Где весело течение светлых струй,
Младой Эдвин прощался там с Алиной;
Я слышал их последний поцелуй.

Взошла луна — Алина там сидела,
И тягостно ее дышала грудь.
Взошла заря — Алина всё глядела
Сквозь белый пар на опустелый путь.

Там у ручья, под ивою прощальной,
Соседних сёл пастух ее видал,
Когда к ручью волынкою печальной
В полдневный жар он стадо созывал.

Прошли года — другой уж в половине;
И вижу я — вдали Эдвин идет.
Он шел грустя к дубраве по долине,
Где весело течение светлых вод.

Глядит Эдвин — под ивою, где с милой
Прощался он, стоит святой чернец,
Поставлен крест над новою могилой,
И на кресте завялых роз венец.

И в нем душа стеснилась вдруг от страха.
Кто здесь сокрыт? — читает надпись он,
Главой поник. . . упал к ногам монаха,
И слышал я его последний стон. . .

ПЛАТОНИЗМ

Я знаю, Лидинька, мой друг,
Кому в задумчивости сладкой
Ты посвящаешь свой досуг,
Кому ты жертвуешь, украдкой
От подозрительных подруг.
Тебя страшит проказник милый,
Очарователь легкокрылый,
И хладной важностью своей
Тебе несносен Гименей.
Ты молишься другому богу,
Своей покорствуя судьбе;
Восторги нежные к тебе
Нашли пустынную дорогу.
Я понял слабый жар очей,
Я понял взор полузакрытый,
И побледневшие ланиты,
И томность поступи твоей. . .
Твой бог не полною отрадой
Своих поклонников дарит;
Его таинственной наградой
Младая скромность дорожит;
Он любит сны воображенья,
Он терпит на дверях замок,
Он друг стыдливый наслажденья,
Он брат любви, но одинок.
Когда бессонницей унылой
Во тьме ночной томишься ты,
Он оживляет тайной силой
Твои неясные мечты;

Вздыхает нежно с бедной Лидой
И гонит тихою рукой
И сны, внушенные Кипридой,
И сладкий, девственный покой.
В уединенном упоеньи
Ты мыслишь обмануть любовь;
Напрасно! — в самом наслажденьи
Тоскуешь и томишься вновь. . .

Амур ужели не заглянет
В неосвященный свой приют?
Твоя краса, как роза, вянет;
Минуты юности бегут.
Ужель мольба моя напрасна?
Забудь преступные мечты:
Не вечно будешь ты прекрасна,
Не для себя прекрасна ты.

*** ЗАПИСКА К ЖУКОВСКОМУ**

Раевский, *молоденец* прежний,
А там уже *отважный сын*,
И Пушкин, школьник неприлежный
Парнасских девственниц-богинь,
К тебе, Жуковский, заезжали,
Но к неописанной печали
Поэта дома не нашли —
И, увенчавшись кипарисом,
С французской повестью *Борисом*
Домой уныло побрели.
Какой святой, какая сводня
Сведет Жуковского со мной?
Скажи — не будешь ли сегодня
С Карамзиным, с Карамзиной? —
На всякий случай — ожидаю,
Тронися просьбою моей,
Тебя зовет на чашку чаю
Раевский — *слава наших дней*.

СТАНСЫ ТОЛСТОМУ

Философ ранний, ты бежишь
Пиров и наслаждений жизни,
На игры младости глядишь
С молчаньем хладным укоризны.

Ты милые забавы света
На грусть и скуку променял
И на лампаду Эпиктета
Златой Горациев фиал.

Поверь, мой друг, она придет,
Пора унылых сожалений,
Холодной истины забот
И бесполезных размышлений.

Зевес, балуя смертных чад,
Всем возрастам дает игрушки:
Над сединою не гремят
Безумства резвые гремушки.

Ах, младость не приходит вновь!
Зови же сладкое безделье,
И легкокрылую любовь,
И легкокрылое похмелье!

До капли наслажденье пей,
Живи беспечен, равнодушен!
Мгновенью жизни будь послушен,
Будь молод в юности твоей!

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок незаконный
Над ней бессмысленно чертит.

Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.

ПОСЛАНИЕ К БН. ГОРЧАКОВУ

Питомец мод, большого света друг,
Обычаев блестящий наблюдатель,
Ты мне велишь оставить мирный круг,
Где, красоты беспечный обожатель,
Я провожу незнаемый досуг;
Как ты, мой друг, в неопытные лета,
Опасною прельщенный суетой,
Терял я жизнь и чувства и покой;
Но угорел в чаду большого света
И отдохнуть убрался я домой.
И, признаюсь, мне во сто крат милее
Младых повес счастливая семья,
Где ум кипит, где в мыслях волен я,
Где спорю вслух, где чувствую живее,
И где мы все — прекрасного друзья,
Чем вялые, бездушные собранья,
Где ум хранит невольное молчанье,
Где холодом сердца поражены,
Где Бутурлин — невежд законодатель,
Где Шеппинг — царь, а скука — председатель,
Где глупостью единой все равны.
Я помню их, детей самолюбивых,
Злых без ума, без гордости спесивых,
И, разглядев тиранов модных зал,
Чуждаюсь их укоров и похвал.
Когда в кругу Лаис благочестивых
Затянутый невежда-генерал
Красавицам внимательным и сонным
С трудом острит французский мадригал,

Глядя на всех с нахальством благосклонным,
И все вокруг и дремлют и молчат,
Крутят усы и шпорами бренчат,
Да изредка с улыбкою зевают, —
Тогда, мой друг, забытых шалунов
Свобода, Вакх и музы угощают.
Не слышу я, бывало, острых слов,
Политики смешного лепетанья,
Не вижу я изношенных глупцов,
Святых невежд, почетных подлецов
И мистики придворного кривлянья.
И ты на миг оставь своих вельмож
И тесный круг друзей моих умножь,
О ты, харит любовник своевольный,
Приятный льстец, язвительный болтун,
Попрежнему остряк небогомольный,
Попрежнему философ и шалун.

БАЛЛАДА

Что ты, девица, грустна,
Молча присмирела,
Хоровод забыв, одна
В уголку присела?
«Именинницу, друзья,
Нечем позабавить.
Думала в балладе я .
Счастье наше славить.
Но Жуковский наш заснул,
Гнедич заговелся,
Пушкин бесом ускользнул,
А Крылов объелся».

Вот в гостиной стол накрыт —
Поскорее сядем,
В рюмках пена закипит,
И балладу сладим:
Вот и слажена она —
Нужны ли поэты? —
Рюмки высушив до дна,
Скажем: многи леты
Той, которую друзьям
Ввек любить не поздно!
Многи лета также нам,
Только с ней не розно.

1 8 2 0
(П Е Т Е Р Ь У Р Г)

Мне бой знаком — люблю я звук мечей;
От первых лет поклонник бранной славы,
Люблю войны кровавые забавы,
И смерти мысль мила душе моей.
Во цвете лет свободы верный воин,
Перед собой кто смерти не видал,
Тот полного веселья не вкушал
И милых жен лобзаний недостоин.

• ЭПИГРАММА

Всё пленяет нас в Эсфири:
Упоительная речь,
Поступь важная в порфире,
Кудри черные до плеч,
Голос нежный, взор любви,
Набеленная рука,
Размалеванные брови
И огромная нога!

ДОРИДЕ

Я верю: я любим; для сердца нужно верить.
Нет, милая моя не может лицемерить;
Всё непритворно в ней: желаний томный жар,
Стыдливость робкая, харит бесценный дар,
Нарядов и речей приятная небрежность
И ласковых имен младенческая нежность.

ЛИЛЕ

Ли́ла, Ли́ла, я страдаю
Безотрадною тоской,
Я томлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой;
Но любовь моя напрасна:
Ты смеешься надо мной.
Смейся, Ли́ла: ты прекрасна
И бесчувственной красой.

ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА

Внимает он привычным ухом
Свист;
Марают он единым духом
Лист;
Потом всему терзает свету
Слух;
Потом печатает — и в Лету
Бух!

МАДРИГАЛ М...ОЙ

О вы, которые любовью не горели,
Взгляните на нее — узнаете любовь.
О вы, которые уж сердцем охладели,
Взгляните на нее: полюбите вы вновь.

ИМЕНИНЫ

Умножайте шум и радость;
Пойте песни в добрый час:
Дружба, грация и младость
Именинницы у нас.
Между тем дитя крылато,
Вас приветствуя, друзья,
Втайне думает: когда-то
Именинник буду я?

Б. А. Б***

Что можем наскоро стихами молвить ей?
Мне истина всего дороже.
Подумать не успев, скажу: ты всех милей;
Подумав, я скажу всё то же.

*** В АЛЬБОМ СОСНИЦКОЙ**

Вы соединить могли с холодностью сердечной
Чудесный жар пленительных очей.
Кто любит вас, тот очень глуп, конечно;
Но кто не любит вас, тот во сто раз глупей.

• ЭПИГРАММА

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он — друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? *Преданный без лести,*
. грошевой солдат.

*** ЭПИГРАММА**

Вот Хвостовой покровитель,
Вот холопская душа,
Просвещения губитель,
Покровитель Бантыша!
Напирайте, бога ради,
На него со всех сторон!
Не попробовать ли сзади?
Там всего слабее он.

ДОБРЫЙ СОВЕТ

Давайте пить и веселиться,
Давайте жизнь играть,
Пусть чернь слепая суетится,
Не нам безумной подражать.
Пусть наша ветренная младость
Потонет в неге и вине,
Пусть изменяющая радость
Нам улыбнется хоть во сне.
Когда же юность легким дымом
Умчит веселья юных дней,
Тогда у старости отыдем
Всё, что отыметса у ней.

Т Ы И Я

Ты богат, я очень беден;
Ты прозаик, я поэт;
Ты румян, как маков цвет,
Я как смерть и тощ и бледен.
Не имея ввек забот,
Ты живешь в огромном доме;
Я ж средь горя и хлопот
Провожу дни на соломе.
Ешь ты сладко всякий день,
Тянешь вина на свободе,
И тебе нередко лень
Нужный долг отдать природе;
Я же с черствого куска,
От воды сырой и пресной,
Сажень за сто с чердака
За нуждой бегу известной.
Окружен рабов толпой,
С грозным деспотизма взором,
Афедрон ты жирный свой
Подтираешь коленкором;
Я же грешную дыру
Не балую детской модой
И Хвостова жесткой одой,
Хоть и морщуся, да тру.

*** ЗАПИСКА К ЖУКОВСКОМУ**

Штабс-капитану, Гете, Грею,
Томсону, Шиллеру привет!
Им поклониться честь имею,
Но сердцем истинно жалею,
Что никогда их дома нет.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Ты прав, несносен Фирс ученый,
Педант надутый и мудреный:
Он важно судит обо всем,
Всего он знает понемногу.
Люблю тебя, сосед Пахом, —
Ты просто глуп, и слава богу.

*** К ПОРТРЕТУ ДЕЛЬВИГА**

Се самый Дельвиг, тот, что нам всегда твердил,
Что, коль судьбой ему даны б Нерон и Тит,
То не в Нерона меч, но в Тита сей вонзил —
Нерон же без него правдиву смерть узрит.

*** К ПОРТРЕТУ ЧААДАЕВА**

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской;
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он — офицер гусарский.

**СТИХОТВОРЕНИЯ
ЮЖНОГО ПЕРИОДА**

(май 1820—июль 1824)

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волнением и тоской туда стремлюся я,
Вспоминаньем упоенный. . .
И чувствую: в очах родились слезы вновь,
Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает;
Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И всё, чем я страдал, и всё, что сердцу мило,
Желаний и надежд томительный обман. . .
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Лети, корабль, носи меня к пределам дальным
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей,
Страны, где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где музы нежные мне тайно улыбались,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,
Где легкокрылая мне изменила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отечески края;

Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочных заблуждений,
Которым без любви я жертвовал собой,
Покою, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, изменницы молодые,
Подруги тайные моей весны златая,
И вы забыты мной. . . Но прежних сердца ран,
Глубоких ран любви, ничто не излечило. . .
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан. . .

Я видел Азии бесплодные пределы,
Кавказа дальний край, долины обгорелы,
Жилище дикое черкесских табунов,
Подкумка знойный брег, пустынные вершины,
Обвитые венцом летучим облаков,
И закубанские равнины!

Ужасный край чудес! . . там жаркие ручьи
Кипят в утесах раскаленных,
Благословенные струи!

Надежда верная болезнью изнуренных.

Мой взор встречал близ дивных берегов
Увядших юношей, отступников пиров,
На муки тайные Кипридой осужденных,
И юных ратников на ранних костылях,
И хилых стариков в печальных седилах.

НЕРЕИДА

Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду,
На утренней заре я видел нереиду.
Сокрытый меж дерев, едва я смел дохнуть:
Над ясной влагою — полубогиня грудь
Младую, белую как лебедь, воздымал?
И пену из волос струею выжимала.

Редает облаков летучая гряда;
Звезда печальная, вечерняя звезда!
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и черных скал вершины.
Люблю твой слабый свет в небесной вышине;
Он думы разбудил, уснувшие во мне:
Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где всё для сердца мило,
Где стройны тополы в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис,
И сладостно шумят полуденные волны.
Там некогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень,
Когда на хижины сходила ночи тень —
И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.

Увы, зачем она блистает
Минутной, нежной красотой?
Она приметно увядает
Во цвете юности живой. . .
Увянет! Жизнью молодою
Недолго наслаждаться ей;
Недолго радовать собою
Счастливый круг семьи своей,
Беспечной, милой острою
Беседы наши оживлять
И тихой, ясною душою
Страдальца душу улаждать.
Спешу в волненьи дум тяжелых,
Сокрыв уныние мое,
Наслушаться речей веселых
И наглядеться на нее.
Смотрю на все ее движенья,
Внимаю каждый звук речей,
И миг единый разлученья
Ужасен для души моей.

К * * *

Зачем безвременную скуку
Зловещей думою питать
И неизбежную разлуку
В уныньи робком ожидать?
И так уж близок день страданья!
Один, в тиши пустых полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянных тобою дней;
Тогда изгнаньем и могилой,
Несчастный, будешь ты готов
Купить хоть слово девы милой,
Хоть легкий шум ее шагов.

Мне вас не жаль, года весны моей,
Протекшие в мечтах любви напрасной, —
Мне вас не жаль, о таинства ночей,
Воспетые цевницей сладострастной;

Мне вас не жаль, неверные друзья,
Венки пиров и чаши круговые, —
Мне вас не жаль, изменницы молодые, —
Задумчивый, забав чуждаюсь я.

Но где же вы, восторги умиленья,
Младых надежд, сердечной тишины?
Где прежний жар и слезы вдохновенья? . .
Придите вновь, года моей весны!

ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГИЯ

Гроза луны, свободы воин,
Покрытый кровию святой,
Чудесный твой отец, преступник и герой,
И ужаса людей, и славы был достоин.
Тебя, младенца, он ласкал
На пламенной груди рукой окровавленной;
Твоей игрушкой был кинжал,
Братоубийством изощренный. . .
Как часто, возбудив свирепой мести жар,
Он молча над твоей невинной колыбелью
Убийства нового обдумывал удар
И лепет твой внимал, и не был чужд веселью!
Таков был: сумрачный, ужасный до конца.
Но ты, прекрасная, ты бурный век отца
Смиренной жизнью пред небом искупила:
С могилы грозной к небесам
Она, как сладкий фимиам,
Как чистая любви молитва, восходила.

К ПОРТРЕТУ ВЯЗЕМСКОГО

Судьба свои дары явить желала в нем,
В счастливом баловне соединив ошибкой
Богатство, знатный род с возвышенным умом
И простодушие с язвительной улыбкой.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ

Молдавская песня

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Когда легковерен и молод я был,
Младую гречанку я страстно любил.

Прелестная дева ласкала меня,
Но скоро я дожил до черного дня.

Однажды я созвал веселых гостей;
Ко мне постучался презренный еврей.

«С тобою пируют (шепнул он) друзья;
Тебе ж изменила гречанка твоя».

Я дал ему злата и проклял его
И верного позвал раба моего.

Мы вышли; я мчался на быстром коне;
И кроткая жалость молчала во мне.

Едва я завидел гречанки порог,
Глаза потемнели, я весь изнемог...

В покой отдаленный вхожу я один...
Неверную деву лобзал армянин.

Не взвидел я света; булат загремел...
Прервать поцелуя злодей не успел.

Безглавое тело я долго топтал
И молча на деву, бледнея, взирал.

Я помню моления, текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь.

С главы ее мертвой сняв черную шаль,
Отер я безмолвно кровавую сталь.

Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В дунайские волны их бросил тела.

С тех пор не целую прелестных очей,
С тех пор я не знаю веселых ночей.

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

*** ЭПИГРАММА**

Когда б писать ты начал сдуру,
Тогда б, наверно, ты пролез
Сквозь нашу тесную цензуру,
Как видишь в царствие небес.

*** ЭПИГРАММА**

Хаврониос! ругатель закоснелый,
Во тьме, в пыли, в презренье поседелый,
Уймись, дружок! к чему журнальный шум
И пасквилей томительная тупость?
Затейник зол, с улыбкой скажет глупость,
Невежда глуп, зевая, скажет ум.

*** ЭПИГРАММА**

Как брань тебе не надоела?
Расчет короток мой с тобой:
Ну так! я празден, я без дела,
А ты бездельник деловой.

ЭПИГРАММА

В жизни мрачной и презренной
Был он долго погружен,
Долго все концы вселенной
Осквернял развратом он.
Но, исправясь понемногу,
Он загладил свой позор,
И теперь он — слава богу —
Только что картежный вор.

ЗЕМЛЯ И МОРЕ*Идиллия Мосха*

Когда по синеве морей
Зефир скользит и тихо веет
В ветрила гордых кораблей
И челны на волнах лелеет, —
Забот и дум слагая груз,
Тогда ленюсь я веселее
И забываю песни муз:
Мне моря сладкий шум милее.
Когда же волны по брегам
Ревут, кипят и пеной плещут,
И гром гремит по небесам,
И молнии во мраке блещут, —
Я удаляюсь от морей
В гостеприимные дубровы;
Земля мне кажется верней,
И жалок мне рыбак суровый:
Живет на утлом он челне,
Игралище слепой пучины,
А я в надежной тишине
Внимаю шум ручья долины.

МУЗА

В младенчестве моем она меня любила
И семиствольную цевницу мне вручила.
Она внимала мне с улыбкой — и слегка,
По звонким скважинам пустого тростника,
Уже наигрывал я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И песни мирные фригийских пастухов.
С утра до вечера в немой тени дубов
Прилежно я внимал урокам девы тайной,
И, радуя меня наградою случайной,
Откинув локоны от милого чела,
Сама из рук моих свирель она брала:
Тростник был оживлен божественным дыханьем
И сердце наполнял святым очарованьем.

БРАСАВИЦА ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Взгляни на милую, когда свое чело
Она пред зеркалом цветами окружает,
Играет локоном, и верное стекло
Улыбку, хитрый взор и гордость отражает.

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец;
Живу печальный, одинокий,
И жду: придет ли мой конец?

Так, поздним хладом пораженный,
Как бури слышен зимний свист,
Один на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист.

ВОЙНА

Война! . . подъяты наконец,
Шумят знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздник мести;
Засвищет вокруг меня губительный свинец.
И сколько сильных впечатлений
Для жаждущей души моей:
Стремленье бурных ополчений,
Тревоги стана, звук мечей,
И в роковом огне сражений
Паденье ратных и вождей!
Предметы гордых песнопений
Разбудят мой уснувший гений.
Всё ново будет мне: простая сень шатра,
Огни врагов, их чуждое зыванье,
Вечерний барабан, гром пушки, визг ядра
И смерти грозной ожиданье.
Родишься ль ты во мне, слепая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирепый жар героев?
Венок ли мне двойной достанется на часть,
Кончину ль темную судил мне жребий боев?
И всё умрет со мной: надежды юных дней,
Священный сердца жар, к высокому стремленье,
Воспоминание и брата и друзей,
И мыслей творческих напрасное волненье,
И ты, и ты, любовь! . . Ужель ни бранный шум,
Ни ратные труды, ни ропот гордой славы,
Ничто не заглушит моих привычных дум?

Я таю, жертва злой отравы:
Покой бежит меня, нет власти над собой,
И тягостная лень душою овладела...
 Что ж медлит ужас боевой?
Что ж битва первая еще не закипела?..

ДЕЛЬВИГУ

Друг Дельвиг, мой парнасский брат,
Твоей я прозой был утешен,
Но признаюсь, барон, я грешен:
Стихам я больше был бы рад.
Ты знаешь сам: в минувши годы
Я на берегу парнасских вод
Любил марать поэмы, оды,
И даже зрел меня народ
На кукольном театре моды.
Бывало, что ни напишу,
Всё для иных не Русью пахнет;
Об чем цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковский ахнет.
Теперь едва, едва дышу,
От воздержанья муза чахнет,
И редко, редко с ней грешу.

К неверной славе я хладею;
И по привычке лишь одной
Лениво волочусь за нею,
Как муж за гордою женой.
Я позабыл ее обеты,
Одна свобода мой кумир,
Но всё люблю, мои поэты,
Счастливым голос ваших лир.
Так точно, позабыв сегодня
Проказы младости своей,
Глядит с улыбкой ваша сводня
На шашни молодых...

*** ИЗ ПИСЬМА К ГНЕДИЧУ**

В стране, где Юлией венчанный
И хитрым Августом изгнанный
Овидий мрачны дни влачил;
Где элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Он малодушно посвятил;
Далече северной столицы
Забыл я вечный ваш туман,
И вольный глас моей цевницы
Тревожит сонных молдаван.
Всё тот же я — как был и прежде;
С поклоном не хожу к невежде,
С Орловым спорю, мало пью,
Октавию — в слепой надежде —
Молебнов лести не пою.
И дружбе легкие посланья
Пищу без строгого старанья.
Ты, коему судьба дала
И смелый ум и дух высокий,
И важным песням обрекла,
Отраде жизни одинокой;
О ты, который воскресил
Ахилла призрак величавый,
Гомера музу нам явил
И смелую певицу славы
От звонких уз освободил, —
Твой глас достиг уединенья,
Где я сокрылся от гоненья
Ханжи и гордого глупца,

И вновь он оживил певца,
Как сладкий голос вдохновенья.
Избранник Феба! твой привет,
Твои хвалы мне драгоценны;
Для муз и дружбы жив поэт.
Его враги ему презренны —
Он музу битвой площадной
Не унижает пред народом;
И поучительной лозой
Зоила хлещет — мимоходом.

КИНЖАЛ

Лемносский бог тебя сковал
Для рук бессмертной Немезиды,
Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды.

Где Зевса гром молчит, где дремлет меч закона,
Свершитель ты проклятий и надежд,
Ты кроешься под сенью трона,
Под блеском праздничных одежд.

Как адский луч, как молния богов,
Немое лезвие злодею в очи блещет,
И, озираясь, он трепещет
Среди своих пиров.

Везде его найдет удар неожиданный твой:
На суше, на морях, во храме, под шатрами,
За потаенными замками,
На ложе сна, в семье родной.

Шумит под Кесарем заветный Рубикон,
Державный Рим упал, главой поник закон;
Но Брут восстал вольнолюбивый:
Ты Кесаря сразил — и мертв объемлет он
Помпея мрамор горделивый.

Исчадь мятежей подьемлет злобный крик:
Презренный, мрачный и кровавый,
Над трупом вольности безглавой
Палач уродливый возник.

Апостол гибели, усталому Аиду
Перстом он жертвы назначал,
Но вышний суд ему послал
Тебя и деву Эвмениду.

О юный праведник, избранник роковой,
О Занд, твой век угас на плахе;
Но добродетели святой
Остался глас в казненном прахе.

В твоей Германии ты вечной тенью стал,
Грозя бедой преступной силе —
И на торжественной могиле
Горит без надписи кинжал.

*** ЭПИГРАММА**

Князь Г. — со мною незнаком.
Я не видал такой негодной смеси;
Составлен он из подлости и спеси,
Но подлости побольше спеси в нем.
В сраженьи трус, в трактире он бурлак,
В передней он подлец, в гостиной он дурак.

*** ЭПИГРАММА**

«Хоть, впрочем, он поэт изрядный,
Эмилий человек *пустой*». —
«Да ты чем *полон*, шут нарядный?
А, понимаю: сам собой;
Ты полон дряни, милый мой!»

*** В. Л. ДАВЫДОВУ**

Меж тем как генерал Орлов —
Обритый рекрут Гименея —
Священной страстью пламенея,
Под меру подойти готов;
Меж тем как ты, проказник умный,
Проводишь ночь в беседе шумной
И за бутылками аи
Сидят Раевские мои,
Когда везде весна младая
С улыбкой распустила грязь
И с горя на берегах Дуная
Бунтует наш безрукий князь. . .
Тебя, Раевских и Орлова,
И память Каменки любя,
Хочу сказать тебе два слова
Про Кишинев и про себя.

На этих днях, среди собора,
Митрополит, седой обжора,
Перед обедом невзначай
Велел жить долго всей России
И с сыном птички и Марии
Пошел христосоваться в рай. . .
Я стал умен, я лицемерю —
Пощусь, молюсь и твердо верю,
Что бог простит мои грехи,
Как государь мои стихи.
Говееет Инзов, и намедни
Я променял парнасски бредни

И лиру, грешный дар судьбы,
На часослов и на обедни,
Да на сушеные грибы.
Однако ж гордый мой рассудок
Мое раскаянье бранит,
А мой ненабожный желудок
«Помилуй, братец, — говорит, —
Еще когда бы кровь Христова
Была хоть, например, лафит. . .
Иль кло-д-вужо, тогда б ни слова.
А то — подумай, как смешно! —
С водой молдавское вино».
Но я молюсь — и воздыхаю. . .
Крещусь, не внемлю сатане. . .
А всё невольно вспоминаю,
Давыдов, о твоём вине. . .

Вот эвхаристия другая,
Когда и ты и милый брат,
Перед камином надевая
Демократический халат,
Спасенья чашу наполняли
Беспенной, мерзлую струей
И за здоровье *тех* и *той*
До дна, до капли выпивали! . .
Но *те* в Неаполе шалят,
А *та* едва ли там воскреснет. . .
Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет.
Ужель надежды луч исчез?
Но нет! — мы счастьем насладимся,
Кровавой чаши причастимся —
И я скажу: Христос воскрес.

ДЕВА

Я говорил тебе: страшися девы милой!
Я знал: она сердца влечет невольной силой.
Неосторожный друг, я знал, нельзя при ней
Иную замечать, иных искать очей.
Надежду потеряв, забыв измены сладость,
Пылает близ нее задумчивая младость;
Любимцы счастья, наперсники судьбы
Смиренно ей несут влюбленные мольбы;
Но дева гордая их чувства ненавидит
И, очи опустив, не внемлет и не видит.

В кругу семей, в пирах счастливых
Я гость унылый и чужой,
Вдали друзей вольнолюбивых
Теснимый хладною толпой.
Певец любви, печальный странник,
Забыв и лиру и покой,
Бегу за милою мечтой.
Где ж отдохну, молодой изгнанник,
Забуду горечь и любовь
И сердца пыл неосторожный,
Забуду посох мой дорожный
И равнодушен буду вновь.
А вы, товарищи молодые,
Друзья, готовьте шумный пир,
Готовьте чаши круговые,
Венки цветов и гимны лир.

.
. до меня доходят,
И звуки мне знакомых струн
Печаль на душу мне наводят.
Непримиримую судьбою
Певцы давно разлучены. . .
Их лиры ветреной игрою
Не славят счастья чередою,
Умы тоской омрачены.
Младых пиров утихли смехи,
Утих безумства вольный глас,
Любовницы забыли нас,
И разлетелися утехи.
В изгнании скучном, каждый час

Горя завистливым желаньем,
Я к вам лечу воспоминаньем,
Воображаю, вижу вас:
Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров?
Кипишь ли ты, золотая чаша,
В руках веселых остряков?
Где ты, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равенство,
Где своенравный произвол
Менял бутылки, разговоры,
Рассказы, песни шалуна,
И разгорались наши споры
Огнем и шуток и вина.
Услышу ль я, мои поэты,
Богов торжественный язык?
Налей же мне вина кометы,
Желай мне здравия, калмык.
Разлуки долгой и тяжелой
Забыта хладная печаль.
Ты здесь, Амфитрион веселый,
Счастливец, добрый, умный враль! . .
Бывалой дружбой пламенея,
Благослови же мой возврат.
Но где же он, твой милый брат,
Недавний рекрут Гименея?
Вы оба в прежни времена
В ночных беседах пиروвали
И сладкой лестью баловали
Певца свободы и вина:

Приди, прелестный Адонис,
Улан Пафоса и Киферы,
Любимец ветреных Лаис,
Счастливый балозень Венеры.
И ты, о гражданин кулис,
Театра злой летописатель,

Очаровательниц актрис
Непостоянный обожатель.
И я любил их остроту,
Веселость, ум и разговоры,
Любил улыбку, речи, взоры;
Но оскорбил я красоту:
Когда она блистала славой,
В дыму пылающих кадил,
В досаде, может быть, неправой,
Хвалы я свистом заглушил.
Погибни, мести миг единый
И дерзкой лиры ложный звук,
Она виновна, милый друг,
Пред Мельпоменой и Моинной.
Вот храм парнасских трех цариц
Всё так же осеняют своды;
Всё те же крики юных жриц,
Всё те же вьются хороводы.
Ужель умолк волшебный глас
Семеновой, сей чудной музыки,
Ужель навек, оставя нас,
Она расторгла с Фебом узы,
И славы русской луч угас!
Не верю, вновь она восстанет,
Ей вновь готова дань сердец,
Пред нами долго не увянет
Ее торжественный венец,
И для нее любовник славы,
Наперсник важных аонид,
Младой Катенин воскресит
Софокла гений величавый
И ей порфиру возвратит.

ЮРЬЕВУ

Любимец ветреных Лаис,
Прелестный баловень Киприды —
Умей сносить, мой Адонис,
Ее минутные обиды!
Она дала красы младой
Тебе в удел очарованье,
И черный ус, и взгляд живой,
Любви улыбку и молчанье.
С тебя довольно, милый друг,
Пускай, желаний пылких чуждый,
Ты поцелуями подруг
Не наслаждаешься, что нужды?
В чаду веселий городских,
На легких играх Терпсихоры,
К тебе красавиц молодых
Летят задумчивые взоры.
Увы! язык любви немой,
Сей вздох души красноречивый,
Быть должен сладок, милый мой,
Беспечности самолюбивой.
И счастлив ты своей судьбой.
А я, повеса вечно праздный,
Потомок негров безобразный,
Взрощенный в дикой простоте,
Любви не ведая страданий,
Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдным бешенством желаний;

С невольным пламенем ланит
Украдкой нимфа молодая,
Сама себя не понимая,
На фавна иногда глядит.

БАТЕНИНУ

Кто мне пришлет ее портрет,
Черты волшебницы прекрасной?
Талантов обожатель страстный,
Я прежде был ее поэт.
С досады, может быть, неправой,
Когда одна в дыму кадил
Красавица блистала славой,
Я свистом гимны заглушил.
Погибни злобы миг единый,
Погибни лиры ложный звук:
Она виновна, милый друг,
Пред Селименой и Моиной.
Так легкомысленной душой,
О боги, смертный вас поносит;
Но вскоре трепетной рукой
Вам жертвы новые приносит.

К МОЕЙ ЧЕРНИЛЬНИЦЕ

Подруга думы праздной,
Чернильница моя;
Мой век разнообразный
Тобой украсил я.
Как часто друг веселья
С тобою забывал
Условный час похмелья
И праздничный бокал;
Под сенью хаты скромной
В часы печали томной
Была ты предо мной
С лампадой и мечтой.
В минуты вдохновенья
К тебе я прибегал
И музу призывал
На пир воображенья.
Прозрачный, легкий дым
Носился над тобою,
И с трепетом живым
В нем быстрой чередую

.....*

Стихи без принужденья
Рождались и текли,
И робкие девицы
С улыбкою прочли
Их легкие страницы

.....

* Здесь недостает, вероятно, около сорока стихов, из которых сохранились в черновике только следующие пять. — *Ред.*

Сокровища мои
На дне твоём таятся.
Тебя я посвятил
Занятиям досуга
И с ленью примирил:
Она твоя подруга.
С тобой успех узнал
Отшельник неизвестный...
Заветный твой кристалл
Хранит огонь небесный;
И под вечер, когда
Перо по книжке бродит,
Без вялого труда
Оно в тебе находит
Концы моих стихов
И верность выраженья;
То звуков или слов
Нежданное стеченье,
То едкой шутки соль,
То правды слог суровый,
То странность рифмы новой,
Неслышанной дотоль.
С глупцов сорвав одежду,
Я весело клеймил
Зоила и невежду
Пятном твоих чернил...
Но их не разводил
Ни тайной злости пеной,
Ни ядом клеветы.
И сердца простоты
Ни лестью, ни изменой
Не замарала ты.

Но здесь, на лоне лени,
Я слышу нежны пени
Заботливых друзей...
Ужели их забуду,
Друзей души моей,
И им неверен буду?
Оставь, оставь порой
Привычные затеи,
И дактил, и хорей



Для прозы почтовой.
Минуты хладной скуки,
Сердечной пустоты,
Уныние разлуки,
Всегдашние мечты,
Мои надежды, чувства
Без лести, без искусства
Бумаге передай. . .
Болтливостью небрежной,
И ветреной и нежной,
Их сердце утешай. . .

Беспечный сын природы,
Пока золотые годы
В забвении трачу я,
Со мною неразлучно
Живи благополучно,
Наперсница моя.

Когда же берег ада
Навек меня возьмет,
Когда навек уснет
Перо, моя отрада,
И ты, в углу пустом
Осиротев, остынешь
И навсегда покинешь
Поэта тихий дом. . .
Чедаев, друг мой милый,
Тебя возьмет унылый;
Последний будь привет
Любимцу прежних лет.
Иссохшая, пустая,
Меж двух его картин
Останься век немая,
Укрась его камин.
Взыскательного света
Очей не привлекай,
Но верного поэта
Друзьям напоминай.

ЧААДАЕВУ

В стране, где я забыл тревоги прежних лет,
Где прах Овидиев пустынный мой сосед,
Где слава для меня предмет заботы малой,
Тебя недостает душе моей усталой.
Врагу стеснительных условий и оков,
Нетрудно было мне отвыкнуть от пиров,
Где праздный ум блеснит, тогда как сердце
дремлет,
И правду пылкую приличий хлад объемлет.
Оставя шумный круг безумцев молодых,
В изгнании моем я не жалел об них;
Вздохнув, оставил я другие заблужденья,
Врагов моих предал проклятию забвенья,
И, сети разорвав, где бился я в плену,
Для сердца новую вкушаю тишину.
В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд и жажду размышлений.
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне.
Богини мира, вновь явились музы мне
И независимым досугам улыбнулись;
Цевницы брошенной уста мои коснулись;
Старинный звук меня обрадовал — и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу верную, и милые предметы,

Пленявшие меня в младенческие леты,
В те дни, когда, еще незнаемый никем,
Не зная ни забот, ни цели, ни систем,
Я пеньем оглашал приют забав и лени
И царскосельские хранительные сени.

Но дружбы нет со мной: печальный, вижу я
Лазурь чужих небес, полдневные края;
Ни музы, ни труды, ни радости досуга —
Ничто не заменит единственного друга.
Ты был целителем моих душевных сил;
О неизменный друг, тебе я посвятил
И краткий век, уже испытанный судьбою,
И чувства — может быть, спасенные тобою!
Ты сердце знал мое во цвете юных дней;
Ты видел, как потом в волнении страстей
Я тайно изнывал, страдалец утомленный;
В минуту гибели над бездной потаенной
Ты поддержал меня недремлющей рукой;
Ты другу заменил надежду и покой;
Во глубину души вникая строгим взором,
Ты оживлял ее советом иль укором;
Твой жар воспламенял к высокому любовь;
Терпенье смелое во мне рождалось вновь;
Уж голос клеветы не мог меня обидеть:
Умел я презирать, умея ненавидеть.
Что нужды было мне в торжественном суде
Холопа знатного, невежды при звезде,
Или философа, который в прежни лета
Развратом изумил четыре части света,
Но, просветив себя, загладил свой позор:
Отвыкнул от вина и стал картежный вор?
Оратор Лужников, никем не замечаем,
Мне мало досаждал своим безвредным лаем.
Мне ль было сетовать о толках шалунов,
О лепетаньи дам, зоилов и глупцов
И сплетней разбирать игривую затею,
Когда гордиться мог я дружбою твоею?
Благодарю богов: прешел я мрачный путь;
Печали ранние мою теснили грудь;
К печалям я привык, расчелся я с судьбою
И жизнь перенесу стоической душою.

Одно желание: останься ты со мной!
Небес я не томил молитвою другой.
О, скоро ли, мой друг, настанет срок разлуки?
Когда соединим слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привет?
Как обниму тебя! Увижу кабинет,
Где ты всегда мудрец, а иногда мечтатель
И ветреной толпы бесстрастный наблюдатель.
Приду, приду я вновь, мой милый домосед,
С тобою вспоминать беседы прежних лет,
Младые вечера, пророческие споры,
Знакомых мертвецов живые разговоры;
Поспорим, перечтем, посудим, побраним,
Вольнолюбивые надежды оживим.
И счастлив буду я; но только, ради бога,
Гони ты Шеппинга от нашего порога.

Кто видел край, где роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Где весело шумят и блещут воды
И мирные ласкают берега,
Где на холмы под лавровые своды
Не смеют лечь угрюмые снега?
Скажите мне: кто видел край прелестный,
Где я любил, изгнанник неизвестный?

Златой предел! любимый край Эльвины,
К тебе летят желанья мои!
Я помню скал прибрежные стремнины,
Я помню вод веселые струи,
И тень, и шум — и красные долины,
Где в тишине простых татар семья
Среди забот и с дружбою взаимной
Под кровлею живут гостеприимной.

Всё живо там, всё там очей отрада,
Сады татар, селенья, города;
Отражена волнами скал громада,
В морской дали теряются суда,
Янтарь висит на лозах винограда;
В лугах шумят бродящие стада. . .
И зрит пловец — могила Митридата
Озарена сиянием заката.

И там, где мирт шумит над падшей урной,
Увижу ль вновь сквозь темные леса
И своды скал, и моря блеск лазурный,
И ясные, как радость, небеса?

Утихнет ли волнение жизни бурной?
Минувших лет воскреснет ли краса?
Приду ли вновь под сладостные тени
Душой уснуть на лоне мирной лени?

Раззевавшись от обедни,
К Катакази еду в дом.
Что за греческие бредни,
Что за греческой содом!
Подогнув ноги,
За вареньем, средь прохлад,
Как египетские боги,
Дамы преют и молчат.

«Признаюсь пред всей Европой, —
Хромоногая кричит, —
Маврогений
Душу, сердце мне томит.
Муж! вотще карманы грузно
Ты набил в семье моей
И вотще ты пятишь грузно,
Маврогений мне милей».

Здравствуй, круглая соседка!
Ты бранчива, ты скупа,
Ты неловкая кокетка,
Ты плешива, ты глупа.
Говорить с тобой нет мочи —
Всё прощаю! бог с тобой;
Ты с утра до темной ночи
Рада в банк играть со мной.

Вот еврейка с Тадарашкой.
Пламя пышет в подлеще,
Лапу держит под рубашкой,
Рыло на ее лице.

Весь от ужаса хладею:
Ах, еврейка, бог убьет!
Если верить Моисею,
Скотоложница умрет!

Ты наказана сегодня,
И тебя пронзил Амур,
О чувствительная сводня,
О краса молдавских дур;
Смотришь: каждая девица
Пред тобою с молодцом,
Ты ж одна, моя вдовица,
С указательным перстом.

Ты умна, велеречива,
Кишиневская Жанлис,
Ты бела, жирна, шутлива,
Пучеокая Тарсис, —
Не хочу судить я строго,
Но к тебе не льнет душа —
Так послушай, ради бога,
Будь глупа, да хороша.

Недавно бедный музульман
В Юрзуфе жил с детьми, с женою;
Душевно почитал священный Алькоран
И счастлив был своей судьбою;
Мехмет (так звался он) прилежно целый день
Ходил за ульями, за стадом
И за домашним виноградом,
Не зная, что такое лень;
Жену свою любил — Фатима это знала,
И каждый год ему детей она рожала —
По-нашему, друзья, хоть это и смешно,
Но у татар уж так заведено. —
Фатима раз — (она в то время
Несла трехмесячное бремя, —
А каждый ведает, что в эти времена
И даже самая степенная жена
Имеет прихоти то эти, то другие,
И, боже упаси, какие!)
Фатима говорит умильно муженьку:
«Мой друг, мне хочется ужасно каймаку.
Теряю память я, рассудок,
Во мне так и горит желудок;
Я не спала всю ночь — и посмотри, душа,
Сегодня, верно, я совсем нехороша.
Всего мне должно опасаться:
Не смею даже почесаться,
Чтоб крошку не родить с сметаной на носу —
Такой я муки не снесу.
Любезный, миленький, красавец, мой дружок,
Достань мне каймаку хоть крохотный кусочек».

Мехмет разнежился, собрался, завязал
В кушак тарелку жестяную;
Детей благословил, жену поцеловал
И мигом в ближнюю долину побежал,
Чтобы порадовать больную.
Не шел он, а летел — зато в обратный путь
Пустился по горам, едва, едва шагая;
И скоро стал искать, совсем изнемогая,
Местечка, где бы отдохнуть.
По счастью, на конце долины
Увидел он ручей,
Добрел до берегов и лег в тени ветвей.
Журчанье вод, дерев вершины,
Душистая трава, прохладный бережок,
И тень, и легкий ветерок —
Всё нежило, всё говорило:
«Люби иль почивай!» — Люби! таких затей
Мехмету в ум не приходило,
Хоть он и мог. Но спать! вот это мило —
Благоразумней и верней. —
Зато Мехмет, как царь, уснул в долине;
Положим, что царям приятно спать дано
Под балдахином на перине,
Хоть это, впрочем, мудрено.

*** ВЯЗЕМСКОМУ**

Язвительный поэт, остряк замысловатый,
И блеском колких слов, и шутками богатый,
Счастливый Вяземский, завидую тебе.
Ты право получил, благодаря судьбе,
Смеяться весело над злобою ревнивой,
Невежество разить анафемой игривой.

Эллеферия, пред тобой
Затмились прелести другие,
Горю тобой, я вечно твой,
Я твой навек, Эллеферия!

Ее пугает света шум,
Придворный блеск ей неприятен;
Люблю в ней пылкий, правый ум.
И сердцу глас ее понятен.

На юге, в мирной темноте
Живи со мной, Эллеферия,
Твоей красоте
Вредна холодная Россия.

Примите новую тетрадь,
Вы, юноши, и вы, девицы.
Не веселее ль вам читать
Игривой музы небылицы,
Чем пиндарических похвал
Высокопарные страницы
Иль усыпительный журнал,
Который, ввек не зная цели,
Усердно так тяжел и груб
И ровно кажды две недели
Быть хочет зол, и только глуп.

О вы, которые любили
Парнаса тайные цветы
И своевольные мечты
Вниманьем сладким наградили,
Спасите труд небрежный мой
Под сенью своего покрова
От рук невежества слепого,
От взоров зависти косой.
Картины, думы и рассказы
Для вас я вновь перемешал,
Смешное с важным сочетал
И бешеной любви проказы
В архивах ада отыскал.

Вот муза, резвая болтуня,
Которую ты столь любил,
Раскаялась моя шалунья,
Придворный тон ее пленил.
Ее всевышний осенил
Своей небесной благодатью,
Она духовному занятью
Преступной жертвует игрой,
Не испугайся, милый мой,
Ее израильскому платью,
Прости ей прежние грехи
И под заветною печатью
Прими опасные стихи.

ДИОНЕЯ

Хромид в тебя влюблен: он молод, и не раз
Украдкой вдвоем мы замечали вас;
Ты слушаешь его, в безмолвии краснея;
Твой взор потупленный желанием горит,
И долго после, Дионея,
Улыбку нежную лицо твое хранит.

Если с нежной красотой
Вы чувствительны душою,
Если горести чужой
Вам ужасно быть виною,
Если тяжело помнить вам
Жертву тайного страданья —
Не оставлю сим листам
Моего воспоминанья.

*** ДЕНИСУ ДАВЫДОВУ**

Певец-гусар, ты пел биваки,
Раздолье ухарских пиров
И грозную потеху драки
И завитки своих усов.

С веселых струн во дни покоя
Походную сдувая пыль,
Ты славил, лиру перестроя,
Любовь и мирную бутыль.

ГЕНЕРАЛУ ПУЩИНУ

В дыму, в крови, сквозь тучи стрел
Теперь твоя дорога;
Но ты предвидишь свой удел,
Грядущий наш Квируга!
И скоро, скоро смолкнет брань
Средь рабского народа,
Ты молоток возьмешь во длань
И воззовешь: свобода!
Хвалю тебя, о верный брат!
О каменщик почтенный!
О Кишинев, о темный град!
Ликуй, им просвещенный!

Умолкну скоро я. Но если в день печали
Задумчивой игрой мне струны отвечали;
Но если юноши, внимая молча мне,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила в тишине
И сердца моего язык любила страстный;
Но если я любим. . . позволь, о милый друг,
Позволь одушевить прощальный лиры звук
Заветным именем любовницы прекрасной.
Когда меня навек обмет смертный сон,
Над урною моей промолви с умиленьем:
Он мною был любим, он мне был одолжен
И песен и любви последним вдохновеньем.

Мой друг, забыты мной следы минувших лет
И младости моей мятежное теченье.
Не спрашивай меня о том, чего уж нет,
Что было мне дано в печаль и в наслажденье,
 Что я любил, что изменило мне.
Пусть я радости вкушаю не вполне;
Но ты, невинная, ты рождена для счастья.
Беспечно верь ему, летучий миг лови:
Душа твоя жива для дружбы, для любви,
 Для поцелуев сладострастья;
Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
Светла, как ясный день, младенческая совесть.
К чему тебе внимать безумства и страстей
 Незанимательную повесть?
Она твой тихий ум невольно возмутит;
Ты слезы будешь лить, ты сердцем содрогнешься;
Доверчивой души беспечность улетит,
И ты моей любви, быть может, ужаснешься.
Быть может, навсегда. . . Нет, милая моя,
Лишиться я боюсь последних наслаждений.
Не требуй от меня опасных откровений:
Сегодня я люблю, сегодня счастлив я.

ГРОБ ЮНОШИ

. Сокрылся он,
Любви, забав питомец нежный;
Кругом его глубокий сон
И хлад могилы безмятежной. . .

Любил он игры наших дев,
Когда весной в тени дерев
Они кружились на свободе;
Но нынче в резвом хороводе
Не слышен уж его припев.

Давно ли старцы любовались
Его веселостью живой,
Полупечально улыбались
И говорили меж собой:
«И мы любили хороводы,
Блестали также в нас умы;
Но погоди: приспеют годы,
И будешь то, что ныне мы;
Как нам, о мира гость игривый,
Тебе постынет белый свет;
Теперь играй. . .» Но старцы живы,
А он увял во цвете лет.
И без него друзья пируют,
Других уж полюбить успев;
Уж редко, редко именуют
Его в беседе юных дев.

Из милых жен, его любивших,
Одна, быть может, слезы льет
И память радостей почивших
Привычной думою зовет. . .
К чему?

Над ясными водами
Гробницы мирною семьей
Под наклоненными крестами
Таятся в роще вековой.
Там, на краю большой дороги,
Где липа старая шумит,
Забыв сердечные тревоги,
Наш бедный юноша лежит.

Напрасно блещет луч денницы,
Иль ходит месяц средь небес,
И вокруг бесчувственной гробницы
Ручей журчит и шепчет лес;
Напрасно утром за малиной
К ручью красавица с корзиной
Идет и в холод ключевой
Пугливо ногу опускает:
Ничто его не вызывает
Из мирной сени гробовой.

НАПОЛЕОН

Чудесный жребий совершился;
Угас великий человек.
В неволе мрачной закатился
Наполеона грозный век.
Исчез властитель осужденный,
Могучий баловень побед,
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настает.

О ты, чьей памятью кровавой
Мир долго, долго будет полн,
Приосенен твоею славой,
Почий среди пустынных волн!
Великолепная могила. . .
Над урной, где твой прах лежит,
Народов ненависть почила
И луч бессмертия горит.

Давно ль орлы твои летали
Над обесславленной землей?
Давно ли царства упали
При громах силы роковой?
Послушны воле своенравной,
Бедой шумели знамена,
И налагал ярем державный
Ты на земные племена?

Когда надеждой озаренный
От рабства пробудился мир,

И галл десницей разъяренной
Низвергнул ветхий свой кумир;
Когда на площади мятежной
Во прахе царский труп лежал,
И день великий, неизбежный —
Свободы яркий день вставал, —

Тогда, в волненьи бурь народных
Предвидя чудный свой удел,
В его надеждах благородных
Ты человечество презрел.
В свое погибельное счастье
Ты дерзкой веровал душой,
Тебя пленяло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленного народа
Ты буйность юную смирил,
Новорожденная свобода,
Вдруг онемев, лишилась сил;
Среди рабов до упоенья
Ты жажду власти утолил,
Помчал к боям их ополченья,
Их цепи лаврами обвил.

И Франция, добыча славы,
Пленный устремила взор,
Забыв надежды величавы,
На свой блистательный позор.
Ты вел мечи на пир обильный;
Всё пало с шумом пред тобой:
Европа гибла; сон могильный
Носился над ее главой.

И се, в величии постыдном
Ступил на грудь ее колосс.
Тильзит! . . (при звуке сем обидном
Теперь не побледнеет росс) —
Тильзит надменного героя
Последней славою венчал,
Но скучный мир, но хлад покоя
Счастливица душу волновал.

Надменный! кто тебя подвигнул?
Кто обуял твой дивный ум?
Как сердца русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?
Великодушного пожара
Не предузнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем, как дара;
Но поздно русских разгадал. . .

Россия, бранная царица,
Вспомни древние права!
Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другие,
Исчезни, краткий наш позор!
Благослови Москву, Россия!
Война по гроб — наш договор!

Оцепенелыми руками
Схватив железный свой венец,
Он бездну видит пред очами,
Он гибнет, гибнет наконец.
Бежат Европы ополченья;
Окровавленные снега
Провозгласили их паденье,
И тает с ними след врага.

И всё, как буря, закипело;
Европа свой расторгла плен;
Во след тирану полетело,
Как гром, проклятие племен.
И длань народной Немезиды
Подъяту видит великан:
И до последней все обиды
Отплачены тебе, тиран!

Искуплены его стяжанья
И зло воинственных чудес
Тоскою душного изгнанья
Под сенью чуждою небес.
И знойный остров заточенья
Полнощный парус посетит,

И путник слово примиренья
На оном камне начертит,

Где, устремив на волны очи,
Изгнанник помнил звук мечей,
И льдистый ужас полуночи,
И небо Франции своей;
Где иногда, в своей пустыне
Забыв войну, потомство, трон,
Один, один о милом сыне
В уныньи горьком думал он.

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!
Хвала! . . он русскому народу
Высокий жребий указал,
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

Гречанка верная! не плачь, — он пал героем,
Свинец врага в его вонзился грудь.
Не плачь — не ты ль ему сама пред первым боем
Назначила кровавый чести путь?
Тогда, тяжелую предчувствуя разлуку,
Супруг тебе простер торжественную руку,
Младенца своего в слезах благословил,
Но знамя черное свободой восшумело.
Как Аристокитон, он миртом меч обвил,
Он в сечу ринулся — и, падши, совершил
Великое, святое дело.

ПРИМЕТЫ

Старайся наблюдать различные приметы:
Пастух и земледел в младенческие леты,
Взглянув на небеса, на западную тень,
Умеют уж предречь и ветер, и ясный день,
И майские дожди, молодых полей отраду,
И мразов ранний хлад, опасный винограду.
Так, если лебеди, на лоне тихих вод
Плескаясь вечером, окличут твой приход,
Иль солнце яркое зайдет в печальны тучи,
Знай: завтра сонных дев разбудит дождь ревучий,
Иль бьющий в окна град, а ранний селянин,
Готовясь уж косить высокий злак долин,
Услыша бури шум, не выдет на работу
И погрузится вновь в ленивую дремоту.

КОБЕТКЕ

И вы поверить мне могли,
Как простодушная Аньеса?
В каком романе вы нашли,
Чтоб умер от любви повеса?
Послушайте: вам тридцать лет,
Да, тридцать лет — не многим боле,
Мне за двадцать; я видел свет,
Кружился долго в нем на воле;
Уж клятвы, слезы мне смешны;
Проказы утомить успели;
Вам также с вашей стороны
Измены, верно, надоели;
Остепенясь, мы охладели,
Некстати нам учиться вновь.
Мы знаем: вечная любовь
Живет едва ли три недели.
Сначала были мы друзья,
Но скука, случай, муж ревнивый...
Безумным притворился я,
Вы притворилися стыдливой,
Мы поклялись... потом... увы!
Потом забыли клятву нашу;
Клеона полюбили вы,
А я наперсницу Наташу.
Мы разошлись; до этих пор
Всё хорошо, благопристойно,
Могли б мы жить без дальних ссор
Опять и дружно и спокойно;

Но нет! сегодня поутру
Вы вдруг в трагическом жару
Седую воскресили древность —
Вы проповедуете вновь
Покойных рыцарей любовь,
Учтивый жар и грусть и ревность.
Помилуйте — нет, право нет.
Я не дитя, хоть и поэт.
Когда мы клонимся к закату,
Оставим юный пыл страстей —
Вы старшей дочери своей,
Я своему меньшому брату:
Им можно жизнь шалить
И слезы впредь себе готовить;
Еще пристало им любить,
А нам уже пора злословить.

АЛЕКСЕЕВУ

Мой милый, как несправедливы
Твои ревнивые мечты:
Я позабыл любви призывы
И плен опасной красоты;
Свободы друг миролюбивый,
В толпе красавиц молодых,
Я, равнодушный и ленивый,
Своих богов не вижу в них.
Их томный взор, приветный лепет
Уже не властны надо мной.
Забыло сердце нежный трепет
И пламя юности живой.
Теперь уж мне влюбиться трудно,
Вздыхать неловко и смешно,
Надежде верить безрассудно,
Мужей обманывать грешно.
Прошел веселый жизни праздник.
Как мой задумчивый проказник,
Как Баратынский, я твержу:
«Нельзя ль найти подруги нежной?
Нельзя ль найти любви надежной?»
И ничего не нахожу.
Оставя счастья призрак ложный,
Без упоительных страстей,
Я стал наперсник осторожный
Мбих неопытных друзей.
Когда любовник исступленный,
Тоскуя, плачет предо мной

И для красавицы надменной
Клянется жертвовать собой;
Когда в жару своих желаний
С восторгом изъясняет он
Неясных, темных ожиданий
Обманчивый, но сладкий сон
И, крепко руку сжав у друга,
Клянёт ревнивого супруга
Или докучливую мать, —
Его безумным увереньям
И поминутным повтореньям
Люблю с участием внимать;
Я льщу слепой его надежде,
Я молод юностью чужой
И говорю: так было прежде,
Во время оно и со мной.

ПРИЯТЕЛЮ

Не притворяйся, милый друг,
Соперник мой широкоплечий:
Тебе не страшен лиры звук,
Ни элегические речи.
Дай руку мне: ты не ревнив,
Я слишком ветрен и ленив,
Твоя красавица не дура;
Я вижу всё и не сержусь:
Она прелестная Лаура,
Да я в Петрарки не гожусь.

ДЕСЯТАЯ ЗАПОВЕДЬ

Добра чужого не желать
Ты, боже, мне повелеваешь;
Но меру сил моих ты знаешь —
Мне ль нежным чувством управлять?
Обидеть друга не желаю,
И не хочу его села,
Не нужно мне его вола,
На всё спокойно язираю:
Ни дом его, ни скот, ни раб,
Не лестна мне вся благостыня.
Но ежели его рабыня
Прелестна... Господи! я слаб!
И ежели его подруга
Мила, как ангел во плоти,
О боже праведный! прости
Мне зависть ко блаженству друга.
Кто сердцем мог повелевать?
Кто раб усилий бесполезных?
Как можно не любить любезных?
Как райских благ не пожелать?
Смотрю, томлюся и вздыхаю,
Но строгий долг умею чтить,
Страшусь желаньям сердца льстить,
Молчу... и втайне я страдаю.

*** ЭПИГРАММА**

Клеветник без дарованья,
Палок ищет он чутьем,
А дневного пропитанья
Ежемесячным враньем.

ЭПИГРАММА

Лечись — иль быть тебе Панглосом,
Ты жертва вредной красоты —
И то-то, братец, будешь с носом,
Когда без носа будешь ты.

**НА ТРАГЕДИЮ ГР. ХВОСТОВА,
ИЗДАННУЮ С ПОРТРЕТОМ КОЛОСОВОЙ**

Подобный жребий для поэта
И для красавицы готов:
Стихи отводят от портрета,
Портрет отводит от стихов.

ЧИНОВНИК И ПОЭТ

«Куда вы? за город конечно,
Зефиром утренним дышать
И с вашей музою мечтать
Уединенно и беспечно?» —
«Нет, я собираюсь на базар,
Люблю базарное волнение,
Скуфьи жидов, усы болгар,
И спор и крик, и торга жар,
Нарядов пестрое стеснение.
Люблю толпу, лохмотья, шум —
И жадной черни лай свободный». —
«Так — наблюдаете, — ваш ум
И здесь вникает в дух народный.
Сопровождать вас рад бы я,
Чтоб слышать ваши замечанья;
Но службы долг зовет меня,
Простите, нам не до гулянья». —
«Куда ж?» —

«В острог — сегодня мы
Выпращиваем из тюрьмы
За молдаванскую границу
. Кирджали».

В твою светлицу, друг мой нежный,
Я прихожу в последний раз.
Любви счастливой, безмятежной
Делю с тобой последний час.
Вперед одна в надежде томной
Не жди меня средь ночи темной,
До первых утренних лучей
 Не жги свечей.

К ОВИДИЮ

Овидий, я живу близ тихих берегов,
Которым изгнанных отеческих богов
Ты некогда принес и пепел свой оставил.
Твой безотрадный плач места сии прославил;
И лиры нежный глас еще не онемел;
Еще твоей молвой наполнен сей предел.
Ты живо впечатлел в моем воображенье
Пустыню мрачную, поэта заточенье,
Туманный свод небес, обычные снега
И краткой теплотой согретые луга.
Как часто, увлечен унылых струн игрою,
Я сердцем следовал, Овидий, за тобою:
Я видел твой корабль игралищем валов
И якорь, верженный близ диких берегов,
Где ждет певца любви жестокая награда.
Там нивы без теней, холмы без винограда;
Рожденные в снегах для ужасов войны,
Там хладной Скифии свирепые сыны,
За Истром утаясь, добычи ожидают
И селам каждый миг набегом угрожают.
Преграды нет для них: в волнах они плывут
И по льду звучному бестрепетно идут.
Ты сам (дивись, Назон, дивись судьбе превратной!),
Ты, с юных лет презрев волнение жизни ратной,
Привыкнув розами венчать свои власы
И в неге провождать беспечные часы,
Ты будешь принужден взложить и шлем тяжелый,
И грозный меч хранить близ лиры оробелой.

Ни дочь, ни жена, ни верный сонм друзей,
Ни музы, легкие подруги прежних дней,
Изгнанного певца не усладят печали.
Напрасно грации стихи твои венчали,
Напрасно юноши их помнят наизусть:
Ни слава, ни лета, ни жалобы, ни грусть,
Ни песни робкие Октавия не тронут;
Дни старости твоей в забвении потонут.
Златой Италии роскошный гражданин,
В отчизне варваров безвестен и один,
Ты звуков родины вокруг себя не слышишь;
Ты в тяжкой горести далекой дружбе пишешь:
«О, возвратите мне священный град отцов
И тени мирные наследственных садов!
О други, Августу мольбы мои несите,
Карающую длань слезами отклоните!
Но если гневный бог досель неумолим
И век мне не видать тебя, великий Рим, —
Последнею мольбой смягчая рок ужасный,
Приблизьте хоть мой гроб к Италии прекрасной!»
Чье сердце хладное, презревшее харит,
Твое уныние и слезы укорит?
Кто в грубой гордости прочтет без умиления
Сии элегии, последние творенья,
Где ты свой тщетный стон потомству передал?

Суровый славянин, я слез не проливал,
Но понимаю их. Изгнанник самовольный
И светом, и собой, и жизнью недовольный,
С душой задумчивой я ныне посетил
Страну, где грустный век ты некогда влачил.
Здесь, оживив тобой мечты воображенья,
Я повторил твои, Овидий, песнопенья
И их печальные картины поверял;
Но взор обманутым мечтаньям изменял.
Изгнание твое пленяло втайне очи,
Привыкшие к снегам угрюмой полуночи.
Здесь долго светится небесная лазурь;
Здесь кратко царствует жестокость зимних бурь.
На скифских берегах переселенец новый,
Сын юга, виноград блистает пурпуровый.

Уж пасмурный декабрь на русские луга
Слоями расстилал пушистые снега;
Зима дышала там — а с вешней теплотою
Здесь солнце ясное катилось надо мною;
Младую зеленью пестрел увядший луг;
Свободные поля взрывал уж ранний плуг;
Чуть веял ветерок, под вечер холодея;
Едва прозрачный лед, над озером тускнея,
Кристаллом покрывал недвижные струи.
Я вспомнил опыты несмелые твои,
Сей день, замеченный крылатым вдохновеньем,
Когда ты в первый раз вверял с недоуменьем
Шаги свои волнам, окованным зимой. . .
И по льду новому, казалось, предо мной
Скользила тень твоя, и жалобные звуки
Неслися издали, как томный стон разлуки.

Утешься; не увял Овидиев венец!
Увы, среди толпы затерянный певец,
Безвестен буду я для новых поколений,
И, жертва темная, умрет мой слабый гений
С печальной жизнью, с минутною молвой! . .
Но если обо мне потомок поздний мой
Узнав, придет искать в стране сей отдаленной
Близ праха славного мой след уединенный —
Брегов забвения оставя хладну сень,
К нему слетит моя признательная тень,
И будет мило мне его воспоминанье.
Да сохранится же заветное преданье:
Как ты, враждующей покорствуя судьбе,
Не славой — участью я равен был тебе.
Здесь, лирой северной пустыни оглашая,
Скитался я в те дни, как на берега Дуная
Великодушный грек свободу вызывал,
И ни единый друг мне в мире не внимал;
Но чуждые холмы, поля и рощи сонны,
И музы мирные мне были благосклонны.

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

Как ныне собирается вещий Олег
Отмстить неразумным хозарам,
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам.
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях прошедший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землю?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им ненужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово мое:
 Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твое;
 Твой щит на вратах Цареграда;
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
 В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
 Щадят победителя годы. . .
Под грозной броней ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
 Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
 То мчится по бранному полю.
И холод и сеча ему ничего, —
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся — однако чело
 И взор омрачилися думой.
В молчаньи, рукой опершись на седло,
 С коня он слезает, угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
 Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай; уж не ступит нога
 В твое позлащенное стремя.
Прощай, утешайся — да помни меня.
Вы, отроки-друзи, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатым ковром,
 В мой луг под уздцы отведите;
Купайте, кормите отборным зерном;
 Водой ключевую поите».
И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещей Олег
При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают, минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

«А где мой товарищ? — промолвил Олег, —
Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? всё так же ль лёгок его бег?
Всё тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твое предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят — на холме, у берега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокий!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обagriшь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змия
Шипя между тем выползала;
Как черная лента, вокруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запеньясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у брега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

БАРАТЫНСКОМУ

ИЗ БЕССАРАВИИ

Сия пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державиным воспета
И славой русскою полна.
Еще донныне тень Назона
Дунайских ищет берегов;
Она летит на сладкий зов
Питомцев муз и Аполлона,
И с нею часто при луне
Брожу вдоль берега крутого;
Но, друг, обнять милее мне
В тебе Овидия живого.

ЕМУ ЖЕ

Я жду обещанной тетради:
Что ж медлишь, милый трубадур!
Пришли ее мне, Феба ради,
И награди тебя Амур.

*** ЭПИГРАММА**

Иной имел мою Аглаю
За свой мундир и черный ус.
Другой за деньги — понимаю,
Другой за то, что был француз,
Клеон — умом ее страшая,
Дамис — за то, что нежно пел.
Скажи теперь, мой друг Аглая,
За что твой муж тебя имел?

*** ЭПИГРАММА**

У Кларисы денег мало,
Ты богат; иди к венцу:
И богатство ей пристало,
И рога тебе к лицу.

ДРУЗЬЯМ

Вчера был день разлуки шумной,
Вчера был Вакха буйный пир,
При кликах юности безумной,
При громе чаш, при звуке лир.

Так, музы вас благословили,
Венками свыше осеня,
Когда вы, други, отличили
Почетной чашею меня.

Честолюбивой позолотой
Не ослепляя наших глаз,
Она не суетной работой,
Не резьбою пленяла нас;

Но тем одним лишь отличалась,
Что, жажду скифскую поя,
Бутылка полная вливалась
В ее широкие края.

Я пил — и думою сердечной
Во дни минувшие летал
И горе жизни скоротечной
И сны любви воспоминал.

Меня смешила их измена:
И скорбь исчезла предо мной,
Как исчезает в чашах пена
Под зашипевшею струей.

ТАВРИДА

Gib meine Jugend mir zurück!*

Ты, сердцу непонятный мрак,
Приют отчаянья слепого,
Ничтожество! пустой призрак,
Не жажду твоего покрова;
Мечтанья жизни разлюбя,
Счастливых дней не знав от века,
Я всё не верую в тебя,
Ты чуждо мысли человека!
Тебя страшится гордый ум!
Так путник, с вышины внимая
Ручьев альпийских вечный шум
И взоры в бездну погружая,
Невольным ужасом томим,
Дрожит, колеблется: пред ним
Предметы движутся, темнеют,
В нем чувства хладные немеют,
Кругом оплота ищет он,
Всё мчится, меркнет, исчезает...
И хладный обморока сон
На край горы его бросает...
Конечно, дух бессмертен мой,
Но, улетев в миры иные,
Ужели с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные
И чужд мне будет мир земной?

* Возврати мне мою юность! (Нем.) — *Ред.*

Ужели там, где всё блистает
Нетленной славой и красой,
Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия,
Минутных жизни впечатлений
Не сохранит душа моя,
Не буду ведать сожалений,
Тоску любви забуду я? ..

Любви! Но что же за могилой
Переживет еще меня?
Во мне бессмертна память милой,
Что без нее душа моя?
Зачем не верить вам, поэты?
Да, тени тайною толпой
От берегов печальной Леты
Слетаются на брег земной.
Они уныло посещают
Места, где жизнь была милей,
И в сновиденьях утешают
Сердца покинутых друзей. . .
Они, бессмертные вкушая,
В Элизий поджидают их,
Как в праздник ждет семья родная
Замедливших гостей своих. . .

Мечты поэзии прелестной,
Благословенные мечты!
Люблю ваш сумрак неизвестный
И ваши тайные цветы.

Так, если удаляться можно
Оттоль, где вечный свет горит,
Где счастье вечно, непреложно,
Мой дух к Юрзуфу прилетит.
Счастливым край, где блещут воды,
Лаская пышные брега,
И светлой роскошью природы
Озарены холмы, луга,
Где скал нахмуренные своды

.

Ты вновь со мною, наслажденье;
В душе утихло мрачных дум
Однообразное волненье!
Воскресли чувства, ясен ум.
Какой-то негой неизвестной,
Какой-то грустью полон я;
Одушевленные поля,
Холмы Тавриды, край прелестный —
Я снова посещаю вас,
Пью томно воздух сладострастья,
Как будто слышу близкий глас
Давно затерянного счастья.

.

За нею по наклону гор
Я шел дорогой неизвестной,
И примечал мой робкий взор
Следы ноги ее прелестной.
Зачем не смел ее следов
Коснуться жаркими устами

.

Нет, никогда средь бурных дней
Мятежной юности моей
Я не желал с таким волненьем
Лобзать уста молодых Цирцей
И перси, полные томленьем.

.

Один, один остался я.
Пирь, любовницы, друзья
Исчезли с легкими мечтами,
Померкла молодость моя
С ее неверными дарами.
Так свечи, в долгу ночь горев
Для резвых юношей и дев,
В конце безумных пирований
Бледнеют пред лучами дня.

*** В. Ф. РАЕВСКОМУ**

Не тем горжусь я, мой певец,
Что привлекать умел стихами
Вниманье пламенных сердец,
Играя смехом и слезами,

Не тем горжусь, что иногда
Мои коварные напевы
Смиряли в мыслях юной девы
Волненье страха и стыда,

Не тем, что у столба сатиры
Разврат и злобу я казнил
И что грозящий голос лиры
Неправду в ужас приводил,

Что непреклонным вдохновеньем
И бурной юностью моей
И страстью воли и гоненьем
Я стал известен меж людей, —

Иная, высшая награда
Была мне роком суждена —
Самолюбивых дум отрада!
Мечтанья суетного сна!..

.

ГРЕЧАНКЕ

Ты рождена воспламенять
Воображение поэтов,
Его тревожить и пленять
Любезной живостью приветов,
Восточной странностью речей,
Блистаньем зеркальных очей
И этой ножкою нескромной,
Ты рождена для неги томной,
Для упоения страстей.
Скажи: когда певец Леилы
В мечтах небесных рисовал
Свой неизменный идеал,
Уж не тебя ль изображал
Поэт мучительный и милый?
Быть может, в дальней стороне,
Под небом Греции священной,
Тебя страдалец вдохновенный
Узнал иль видел, как во сне,
И скрылся образ незабвенный
В его сердечной глубине.
Быть может, лирою счастливой
Тебя волшебник искушал;
Невольный трепет возникал
В твоей груди самолюбивой,
И ты, склонясь к его плечу. . .
Нет, нет, мой друг, мечты ревнивой
Питать я пламя не хочу:
Мне долго счастье чуждо было,
Мне ново наслаждаться им,
И, тайной грустию томим,
Боюсь: неверно всё, что мило.

*** ИЗ ПИСЬМА К Я. Н. ТОЛСТОМУ**

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров?
Кипишь ли ты, золотая чаша,
В руках веселых остряков?
Всё те же ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стихов?
Часы любви, часы похмелья
Попрежнему ль летят на зов
Свободы, лени и безделья?
В изгнании скучном, каждый час
Горя завистливым желаньем,
Я к вам лечу воспоминаньем,
Воображаю, вижу вас:
Вот он, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равенство,
Где своенравный произвол
Менял бутылки, разговоры,
Рассказы, песни шалуна;
И разгорались наши споры
От искр и шуток и вина.
Я слышу, верные поэты,
Ваш очарованный язык. . .
Налейте мне вина кометы,
Желай мне здравия, калмык!

*** В. Ф. РАЕВСКОМУ**

Ты прав, мой друг, напрасно я презрел
Дары природы благосклонной.
Я знал досуг, беспечных муз удел,
И наслажденья лени сонной,

Красы лаис, заветные пиры,
И клики радости безумной,
И мирных муз минутные дары,
И лепетанье славы шумной.

Я дружбу знал — и жизни молодой
Ей отдал ветреные годы,
И верил ей за чашей круговой
В часы веселий и свободы;

Я знал любовь, не мрачную тоской,
Не безнадежным заблужденье,
Я знал любовь прелестною мечтой,
Очарованьем, упоеньем.

Младых бесед оставя блеск и шум,
Я знал и труд и вдохновенье,
И сладостно мне было жарких дум
Уединенное волненье.

Но всё прошло! — остыла в сердце кровь,
В их наготе я ныне вижу
И свет, и жизнь, и дружбу, и любовь,
И мрачный опыт ненавижу.

Свою печать утратил резвый нрав,
 Душа час от часу немеет;
В ней чувств уж нет. Так легкий лист дубрав
 В ключах кавказских каменеет.

Разоблачив пленительный кумир,
 Я вижу призрак безобразный.
Но что ж теперь тревожит хладный мир
 Души бесчувственной и праздно́й?

Ужели он казался прежде мне
 Столь величавым и прекрасным,
Ужели в сей позорной глубине
 . Я наслаждался сердцем ясным!

Что ж видел в нем безумец молодой,
 Чего искал, к чему стремился,
Кого ж, кого возвышенной душой
 Боготворить не постыдился!

Я говорил пред хладною толпой
 Языком истины свободной,
Но для толпы ничтожной и глухой
 Смешон глас сердца благородный.

Везде ярем, секира иль венец,
 Везде злодей иль малодушный,
А человек везде тиран, иль льстец,
 Иль предрассудков раб послушный.

ПОСЛАНИЕ ЦЕНЗОРУ

Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой,
Сегодня рассуждать задумал я с тобой.
Не бойся: не хочу, прельщенный мыслью ложной,
Цензуру поносить хулой неосторожной;
Что нужно Лондону, то рано для Москвы.
У нас писатели, я знаю, каковы;
Их мыслей не теснит цензурная расправа,
И чистая душа перед тобою права.

Во-первых, искренно я признаюсь тебе,
Нередко о твоей жалею я судьбе:
Людской бессмыслицы присяжный толкователь,
Хвостова, Буниной единственный читатель,
Ты вечно разбирать обязан за грехи
То прозу глупую, то глупые стихи.
Российских авторов нелегкое встревожит:
Кто английский роман с французского предложит,
Тот оду сочинит, потея да кряхтя,
Другой трагедию напишет нам шутя —
До них нам дела нет; а ты читай, бесися,
Зевай, сто раз засни — а после подпишися.

Так, цензор мученик; порой захочет он
Ум чтеньем освежить; Руссо, Вольтер, Бюффон,
Державин, Карамзин манят его желанье;
А должен посвятить бесплодное вниманье
На бредни новые какого-то враля,
Которому досуг петь рощи да поля,

Да связь утратя в них, ищи ее с начала;
Или вымарывай из тощего журнала
Насмешки грубые и площадную брань,
Учтивых остряков затейливую дань.

Но цензор гражданин, и сан его священный:
Он должен ум иметь прямой и просвещенный;
Он сердцем почитать привык алтарь и трон;
Но мнений не теснит и разум терпит он.
Блюститель тишины, приличия и нравов,
Не преступает сам начертанных уставов,
Закопу преданный, отечество любя,
Принять ответственность умеет на себя;
Полезной истине пути не заграждает,
Живой поэзии резвиться не мешает.
Он друг писателю, пред знатью не труслив,
Благодарумен, тверд, свободен, справедлив.

А ты, глупец и трус, что делаешь ты с нами?
Где должно б умствовать, ты хлопаешь глазами;
Не понимая нас, мараешь и дерешь;
Ты черным белое по прихоти зовешь;
Сатиру пасквилем, поэзию развратом,
Глас правды мятежом, Куницына Маратом!..
Решил, а там поди, хоть на тебя проси.
Скажи: не стыдно ли, что на святой Руси,
Благодаря тебя, не видим книг доселе;
И если говорить задумают о деле,
То, славу русскую и здравый ум любя,
Сам государь велит печатать без тебя.
Остались нам стихи: поэмы, триолеты,
Баллады, басенки, элегии, куплеты,
Досугов и любви невинные мечты,
Воображения минутные цветы.
О варвар! кто из нас, владельцев русской лиры,
Не проклинал твоей губительной секиры?
Докучным евнухом ты бродишь между муз;
Ни чувства пылкие, ни блеск ума, ни вкус,
Ни слог певца *Пиров*, столь чистый, благородный, —
Ничто не трогает души твоей холодной.
На всё кидаешь ты косою, неверный взгляд.
Подозревая всё, во всем ты видишь яд.
Оставь, пожалуй, труд, нимало не похвальный:

Парнас не монастырь и не гарем печальный,
И право никогда искусный коновал
Излишней пылкости Пегаса не лишал.
Чего боишься ты? поверь мне, чьи забавы —
Осмеивать закон, правительство иль нравы,
Тот не подвергнется взысканью твоему;
Тот незнаком тебе, мы знаем почему, —
И рукопись его, не погибая в Лете,
Без подписи твоей разгуливает в свете.
Барков шутовых од тебе не посылал,
Радищев, рабства враг, цензуры избежал,
И Пушкина стихи в печати не бывали;
Что нужды? их и так иные прочитали.
Но ты свое несешь, и в наш премудрый век
Едва ли Шаликов не вредный человек.
Зачем себя и нас терзаешь без причины?
Скажи, читал ли ты *Наказ* Екатерины?
Прочти, пойми его; увидишь ясно в нем
Свой долг, свои права, пойдешь иным путем.
В глазах монархини сатирик превосходный
Невежество казнил в комедии народной,
Хоть в узкой голове придворного глупца
Кутейкин и Христос два равные лица.
Державин, бич вельмож, при звуке грозной лиры
Их горделивые разоблачал кумиры;
Хемницер истину с улыбкой говорил,
Наперсник Душеньки двусмысленно шутил,
Киприду иногда являл без покрывала —
И никому из них цензура не мешала.
Ты что-то хмуришься; признайся, в наши дни
С тобой не так легко б разделались они?
Кто ж в этом виноват? перед тобой зеркало:
Дней Александровых прекрасное начало.
Проведай, что в те дни произвела печать.
На поприще ума нельзя нам отступить.
Старинной глупости мы праведно стыдимся.
Ужели к тем годам мы снова обратимся,
Когда никто не смел отечество назвать
И в рабстве ползали и люди и печать?
Нет, нет! оно прошло, губительное время,
Когда невежества несла Россия бремя.
Где славный Карамзин снискал себе венец,

Там цензором уже не может быть глупец. . .
Исправься ж: будь умней и примирился с нами.

«Всё правда, — скажешь ты, — не стану спорить
с вами:

Но можно ль цензору по совести судить?
Я должен то того, то этого щадить.
Конечно, вам смешно, — а я нередко плачу,
Читаю да крещусь, мараю наудачу —
На всё есть мода, вкус; бывало, например,
У нас в большой чести Бентам, Руссо, Вольтер,
А нынче и Милот попался в наши сети.
Я бедный человек; к тожу ж жена и дети. . .»

Жена и дети, друг, поверь — большое зло:
От них всё скверное у нас произошло.
Но делать нечего; так если невозможно
Тебе скорей домой убраться осторожно
И службою своей ты нужен для царя,
Хоть умного себе возьми секретаря.

ИНОСТРАНЦЕ

На языке, тебе невнятном,
Стихи прощальные пишу,
Но в заблуждении приятном
Внима́нья твоего прошу:
Мой друг, доколе не увяну,
В разлуке чувство погубя,
Боготворить не перестану
Тебя, мой друг, одну тебя. .
На чуждые черты взирая,
Верь только сердцу моему,
Как прежде верила ему,
Его страстей не понимая.

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны,
Во дни утех и снов первоначальных.
Я ждал тебя; в вечерней тишине
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидела в шушуне,
В больших очках и с резвою гремушкой.
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заморозила.
Младенчество прошло, как легкий сон.
Ты отрока беспечного любила,
Средь важных муз тебя лишь помнил он,
И ты его тихонько посетила;
Но тот ли был твой образ, твой убор?
Как мило ты, как быстро изменилась!
Каким огнем улыбка оживилась!
Каким огнем блеснул приветный взор!
Покров, клубясь волною непослушной,
Чуть осенял твой стан полувоздушный;
Вся в локонах, обвитая венком,
Прелестницы глава благоухала;
Грудь белая под желтым жемчугом
Румянилась и тихо трепетала. . .

Ф. Н. ГЛИНБЕ

Когда средь оргий жизни шумной
Меня постигнул остракизм,
Увидел я толпы безумной
Презренный, робкий эгоизм.
Без слез оставил я с досадой
Венки пиров и блеск Афин,
Но голос твой мне был отрадой,
Великодушный гражданин!
Пускай судьба определила
Гоненья грозные мне вновь,
Пускай мне дружба изменила,
Как изменяла мне любовь,
В моем изгнании позабуду
Несправедливость их обид:
Они ничтожны — если буду
Тобой оправдан, Аристид.

*** Д. ДАВЫДОВУ**

Недавно я в часы свободы
Устав наездника читал
И даже ясно понимал
Его искусные доводы;
Узнал я резкие черты
Неподражаемого слога;
Но перевертывал листы
И — признаюсь — роптал на бога.
Я думал: ветреный певец,
Не сотвори себе кумира,
Перебесилась наконец
Твоя проказливая лира,
И, сердцем охладев навек,
Ты, видно, стал в угоду мира
Благоразумный человек!
О горе, молвил я сквозь слезы,
Кто дал Давыдову совет
Оставить лавр, оставить розы?
Как мог унизиться до прозы
Венчанный музою поэт,
Презрев и славу прежних лет
И Бурцовой души угрозы!
И вдруг растрепанную тень
Я вижу прямо пред собою,
Пьяна, как в самый смерти день,
Столбом усы, виски горою,
Жестокий ментик за спиною
И кивер чудо набекрень.

АДЕЛИ

Играй, Адель,
Не знай печали.
Хариты, Лель
Тебя венчали
И колыбель
Твою качали.
Твоя весна
Тиха, ясна:
Для наслажденья
Ты рождена.
Час упоенья
Лови, лови!
Младые лета
Отдай любви
И в шуме света
Люби, Адель,
Мою свирель.

УЗНИК

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,

Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай, улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер. . . да я! . . .»

ПТИЧКА

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

Я стал доступен утешенью;
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

Кто, волны, вас остановил,
Кто оковал ваш бег могучий,
Кто в пруд безмолвный и дремучий
Поток мятежный обратил?
Чей жезл волшебный поразил
Во мне надежду, скорбь и радость
И душу бурную и младость
Дремотой лени усыпил?
Взыграйте, ветры, взройте воды,
Разружьте гибельный оплот!
Где ты, гроза — символ свободы?
Промчись поверх невольных вод.

Завидую тебе, питомец моря смелый,
Под сенью парусов и в бурях поседелый!
Спокойной пристани давно ли ты достиг —
Давно ли тишины вкусил отрадный миг —
И вновь тебя зовут заманчивые волны.
Дай руку — в нас сердца единой страстью полны.
Для неба дального, для отдаленных стран
Оставим берега Европы обветшалой;
Ищу стихий других, земли жилец усталый;
Приветствую тебя, свободный океан.

Бывало, в сладком ослепленье
Я верил избранным душам,
Я мнил — их тайное рожденье
Угодно властным небесам,
На них указывало мненье —
Едва приблизился я к ним

.

Мое беспечное незнанье
Лукавый демон возмутил,
И он мое существованье
С своим навек соединил.
Я стал взирать его глазами,
Мне жизни дался бедный клад,
С его неясными словами
Моя душа звучала в лад.
Взглянул на мир я взором ясным
И изумился в тишине;
Ужели он казался мне
Столь величавым и прекрасным?
Чего, мечтатель молодой,
Ты в нем искал, к чему стремился,
Кого восторженной душой
Боготворить не устыдился?
И взор я бросил на людей,
Увидел их надменных, низких,
Жестоких, ветреных судей,
Глупцов, всегда злодейству близких.
Пред боязливой их толпой,
Жестокой, суетной, холодной,
Смешон глас правды благородный,
Напрасен опыт вековой.

Вы правы, мудрые народы,
К чему свободы вольный клич!
Стадам не нужен дар свободы,
Их должно резать или стричь,
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

ДЕМОН

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия —
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья, —
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь, —
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу холодный яд.
Неистошимою клеветою
Он провиденье искал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

Изыде сеятель сеяти семена своя.

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды. . .

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

НОЧЬ

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви, текут полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя...
ТВОЯ.

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы верил я, что некогда душа,
От тленья убежав, уносит мысли вечны,
И память, и любовь в пучины бесконечны, —
Клянусь! давно бы я оставил этот мир:
Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир,
И улетел в страну свободы, наслаждений,
В страну, где смерти нет, где нет предрассуждений,
Где мысль одна плывет в небесной чистоте. . .

Но тщетно предаюсь обманчивой мечте;
Мой ум упорствует, надежду презирает. . .
Ничтожество меня за гробом ожидает. . .
Как, ничего! Ни мысль, ни первая любовь!
Мне страшно! . . И на жизнь гляжу печален вновь,
И долго жить хочу, чтоб долго образ милый
Таился и пылал в душе моей унылой.

Придет ужасный час... твои небесны очи
Покроются, мой друг, туманом вечной ночи,
Молчанье вечное твои сомкнет уста,
Ты навсегда сойдешь в те мрачные места,
Где прадедов твоих починут мощи хладны.
Но я, дотеле твой поклонник безотрадный,
В обитель скорбную сойду я за тобой
И сяду близ тебя, печальный и немой,
У милых ног твоих — себе их на колена
Сложу — и буду ждать печально... но чего?
Чтоб силою мечтанья моего
.

Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное волнение?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображение?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой
И всех дарит надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то унылый?
Мной овладев, мне разум омрачив,
Уверена в любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, в толпе их страстной,
Беседы чужд, один и молчалив,
Терзаюсь я досадою одинокой;
Ни слова мне, ни взгляда... друг жестокий!
Хочу ль бежать — с боязнию и мольбой
Твои глаза не следуют за мной.
Заводит ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговор —
Спокойна ты; веселый твой укор
Меня мертвит, любви не выражая.
Скажи еще: соперник вечный мой,
Наедине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лукаво? . .
Что ж он тебе? Скажи, какое право
Имеет он бледнеть и ревновать? . .
В нескромный час меж вечера и света,
Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать? . .
Но я любим... Наедине со мною
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!

Тебе смешны мучения мои;
Но я любим, тебя я понимаю.
Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжело я страдаю.

Как наше сердце своенравно!
. томимый вновь,
Я умолял тебя недавно
Обманывать мою любовь,
Участьем, нежностью притворной
Одушевлять свой дивный взгляд,
Играть душой моей покорной,
В нее вливать огонь и яд.
Ты согласилась, негой влажной
Наполнился твой томный взор;
Твой вид задумчивый и важный,
Твой сладострастный разговор
И то, что позволяешь нежно,
И то, что запрещаешь мне,
Всё впечатлелось неизбежно
В моей сердечной глубине.

КН. М. А. ГОЛИЦЫНОЙ

Давно об ней воспоминанье
Ношу в сердечной глубине,
Ее минутное вниманье
Отрадой долго было мне.
Твердил я стих обвороженный,
Мой стих, унынья звук живой,
Так мило ею повторенный,
Замеченный ее душой.
Вновь лире слез и тайной муки
Она с участием вяла —
И ныне ей передала
Свои пленительные звуки...
Довольно! в гордости моей
Я мыслить буду с умилением:
Я славой был обязан ей —
А может быть и вдохновеньем.

Сегодня я поутру дома
И жду тебя, любезный мой.
Приди ко мне на рюмку рома,
Приди — тряхнем мы стариной.
Наш друг Тардиф, любимец Кома,
Поварни полный генерал,
Достойный дружбы и похвал
Ханжи, поэта, балагура, —
Тардиф, который Коленкура
И откормил и обокрал, —
Тардиф, полицией гонимый
За неуплатные долги, —
Тардиф, умом неистощимый
На *entre-mets*, * на пироги.

* Легкое горячее блюдо. (Франц.) — *Ред*

ЖАЛОБА

Ваш дед портной, ваш дядя повар,
А вы, вы модный господин, —
Таков об вас народный говор,
И дива нет — не вы один.
Потомку предков благородных,
Увы, никто в моей родне
Не шьет мне даром фраков модных
И не варит обеда мне.

*** ИЗ ПИСЬМА К ВИГЕЛЮ**

Проклятый город Кишинев!
Тебя бранить язык устанет.
Когда-нибудь на грешный кров
Твоих запачканных домов
Небесный гром, конечно, грянет.
И — не найду твоих следов!
Падут, погибнут, пламенея,
И пестрый дом Варфоломея
И лавки грязные жидов:
Так, если верить Моисею,
Погиб несчастливый Содом;
Но с этим милым городком
Я Кишинев равнять не смею:
Я слишком с библией знаком,
И к лести вовсе непривычен.
Содом, ты знаешь, был отличен
Не только вежливым грехом,
Но просвещением, пирами,
Гостеприимными домами
И красотой нестрогих дев!
Как жаль, что ранними громами
Его сразил Еговы гнев!
В блистательном разврате света,
Хранимый богом человек
И член верховного совета,
Провел бы я смиренно век
В Париже ветхого завета!

Но в Кишиневе, знаешь сам,
Нельзя найти ни милых дам,
Ни сводни, ни книгопродавца. —
Жалею о твоей судьбе!
Не знаю, придут ли к тебе
Под вечер милых три красавца;
Однако ж кое-как, мой друг,
Лишь только будет мне досуг,
Явлюся я перед тобою;
Тебе служить я буду рад —
Стихами, прозой, всей душою,
Но, Вигель, — пощади мой зад!

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел!

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит попрежнему телега.
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега,
А время гонит лошадей.

*** ЗАПИСКА В. П. ГОРЧАКОВУ**

Зима мне рыхлою стеною
К воротам заградила путь;
Пока тропинки пред собою
Не протопчу я как-нибудь,
Сижу я дома, как бездельник;
Но ты, душа души моей,
Узнай, что будет в понедельник,
Что скажет наш Варфоломей.

*** Л. ПУШКИНУ**

Брат милый, отроком расстался ты со мной —
В разлуке протекли медлительные годы;
Теперь ты юноша — и полною душой
Цветешь для радостей, для света, для свободы.
Какое поприще открыто пред тобой,
Как много для тебя восторгов, наслаждений
И сладостных забот и милых заблуждений!
Как часто новый жар твою волнует кровь!
Ты сердце пробуешь в надежде торопливой,
Зовешь, вверяясь им, и дружбу и любовь.

.

«Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий,
Внемли, боже кларосский, молению старца, — погибнет
Ныне, ежели ты не предыдешь слепому вожатым».
Рек и сел на камне слепец утомленный. — Но следом
Три пастуха за ним, дети страны той пустынной,
Скоро сбежались на лай собак, их стада стерегущих.
Ярость уняв их, они защитили бессилие старца;
Издали внемля ему, приближались и думали: «Кто же
Сей белоглавый старик, одинокий, слепой? Уж
не бог ли?»

Горд и высок; висит на поясе бедном простая
Лира, и голос его возмущает волны и небо».
Вот шаги он услышал, ухо клонит, смутясь, уж
Руки простер для моленья странник несчастный.

«Не бойся,

Коли только не скрыт в земном и дряхлеющем теле
Бог, покровитель Греции, — столь величаявая прелесть
Старость твою украшает, — вещали они незнакомцу; —
Если ж ты смертный — то знай, что волны тебя принесли
К людям дружелюбным».

*** М. Е. ЭЙХФЕЛЬДТ**

Ни блеск ума, ни стройность платья
Не могут вас обворожить;
Одни двоюродные братья
Узнали тайну вас пленить!
Лишили вы меня покоя,
Но вы не любите меня.
Одна моя надежда — Зоя:
Женюсь, и буду вам родня.

.

Вечерня отошла давно,
Но в кельях тихо и темно.
Уже и сам игумен строгий
Свои молитвы прекратил
И кости ветхие склонил,
Перекрестясь, на одр убогий.
Кругом и сон и тишина,
Но церкви дверь отворена;
Трепещет луч лампы,
И тускло озаряет он
И темну живопись икон
И позлащенные оклады.

И раздается в тишине
То тяжкий вздох, то шопот важный,
И мрачно дремлет в вышине
Старинный свод, глухой и влажный.

Стоят за клиросом чернец
И грешник — неподвижны оба, —
И шопот их как глас из гроба,
И грешник бледен как мертвец.

М о н а х

Несчастный — полно, перестань,
Ужасна исповедь злодея!
Заплачена тобою дань
Тому, кто в злобе пламенея,

Лукаво грешника блюдет
И к вечной гибели ведет.
Смирись, опомнись! время, время
Раскаянья покров.
Я разрешу тебя. Грехов
Сложи мучительное бремя.

Туманский, Фебу и Фемиде
Полезно посвящая дни,
Дозором ездит по Тавриде
И проповедует Парни.

Шаталась Австрия, Неаполь восставал,
За Пиренеями давно ль судьбой народа
Уж правила свобода
И самовластие лишь север укрывал?

5

Давно ль — и где же вы, зиждители свободы?
Ну что ж? витийствуйте, ищите прав природы,
Волнуйте, мудрецы, безумную толпу —
Вот Кесарь — где же Брут? О грозные витии,
Целуйте жезл России
И вас поправшую железную стопу».

6

Он рек, и некий дух повеял невидимо,
Повеял и затих, и вновь повеял мимо,
Владыку севера мгновенный хлад объял,
На царственный порог вперил, смутясь, он очи —
Раздался бой полночи —
И се внезапный гость в чертог царя предстал.

7

То был сей чудный муж, посланник провиденья,
Свершитель роковой безвестного вельенья,
Сей всадник, перед кем склонилися цари,
Мятежной вольности наследник и убийца,
Сей хладный кровопийца,
Сей царь, исчезнувший, как сон, как тень зари.

8

Ни тучной праздности ленивые морщины,
Ни поступь тяжкая, ни ранние седины,
Ни пламя бледное нахмуренных очей
Не обличали в нем изгнанного героя,
Мучением покоя
В морях казненного по манию царей.

Всё кончено: меж нами связи нет.
В последний раз обняв твои колени,
Произносил я горестные пени.
Всё кончено — я слышу твой ответ.
Обманывать себя не стану вновь,
Тебя тоской преследовать не буду,
Прошедшее, быть может, позабуду —
Не для меня сотворена любовь.
Ты молода: душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты.

Зачем ты послан был и кто тебя послал?
Чего, добра иль зла, ты верный был свершитель?
Зачем потух, зачем блистал,
Земли чудесный посетитель?

Вещали книжники, тревожились цари,
Толпа пред ними волновалась,
Разоблаченные пустыли алтари,
Свободы буря подымалась.

И вдруг нагрянула. . . Упали в прах и в кровь,
Разбились ветхие скрижали,
Явился муж судеб, рабы затихли вновь,
Мечи да цепи зазвучали.

И горд и наг пришел разврат,
И перед ним сердца застыли,
За власть отечество забыли,
За злато продал брата брат.
Рекли безумцы: нет свободы,
И им поверили народы.
И безразлично, в их речах,
Добро и зло, всё стало тенью —
Всё было предано презренью,
Как ветру предан дольный прах.

ДАВЫДОВУ

НА ПРИГЛАШЕНИЕ ЕХАТЬ С НИМ
МОРЕМ НА ПОЛУДЕННЫЙ БЕРЕГ КРЫМА

Нельзя, мой толстый Аристип:
Хоть я люблю твои беседы,
Твой милый нрав, твой милый хрип,
Твой вкус и жирные обеды,
Но не могу с тобою плыть
К брегам полуденной Тавриды.
Прошу меня не позабыть,
Любимец Вакха и Киприды!
Когда чахоточный отец
Немного тощей Энеиды
Пускался в море наконец,
Ему Гораций, умный льстец,
Прислал торжественную оду,
Где другу Августов певец
Сулил хорошую погоду.
Но льстивых од я не пишу;
Ты не в чахотке, славу богу:
У неба я тебе прошу
Лишь аппетита на дорогу.

КОРАБЛЮ

Морей красавец окриленный!
Тебя зову — плыви, плыви
И сохрани залог бесценный
Мольбам, надеждам и любви.
Ты, ветер, утренним дыханьем
Счастливый парус напрягай,
Волны незапным колыханьем
Ее груди не утомляй.

О боги мирные полей, дубрав и гор,
Мой робкий Аполлон ваш любит разговор,
Меж вами я нашел и музу молодую,
Подругу дней моих невинную, простую,
Но чем-то милую — не правда ли, друзья?
И своенравная волшебница моя,
Как тихий ветерок, иль пчелка золотая,
Иль беглый поцелуй, туда, сюда летая,

• • • • •

*** ЭПИГРАММА**

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

***ЭПИГРАММА**

Певец Давид был ростом мал,
Но повалил же Голиафа,
Который был и генерал,
И, положусь, не проще графа.

ПРОЗЕРПИНА

Плещут волны Флегетона,
Своды тартара дрожат:
Кони бледного Плутона
Быстро к нимфам Пелиона
Из аида бога мчат.
Вдоль пустынного залива
Прозерпина вслед за ним,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путем одним.
Пред богинею колена
Робко юноша склонил.
И богиням льстит измена:
Прозерпине смертный мил.
Ада гордая царица
Взором юношу зовет,
Обняла, и колесница
Уж к аиду их несет:
Мчатся, облаком одеты;
Видят вечные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные брега.
Там бессмертье, там забвенье,
Там утехам нет конца.
Прозерпина в упоенье,
Без порфиры и венца,
Повинуется желаньям,
Предает его лобзаньям
Сокровенные красы,

В сладострастной неге тонет,
И молчит и томно стонет...
Но бегут любви часы;
Плещут волны Флегетона,
Своды тартара дрожат:
Кони бледного Плутона
Быстро мчат его назад.
И Кереры дочь уходит,
И счастливца за собой
Из Элизия выводит
Потаенною тропой;
И счастливец отпирает
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылетает
Сновидений ложный рой.

Приют любви, он вечно полн
Прохлады сумрачной и влажной,
Там никогда стесненных волн
Не умолкает гул протяжный.

**СТИХОТВОРЕНИЯ
ПЕРИОДА ССЫЛКИ
В МИХАЙЛОВСКОЕ**

(1824—1826)

Ненастный день потух; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Как привидение, за рощею сосновой
 Луна туманная взошла...
Всё мрачную тоску на душу мне наводит.
Далеко, там, луна в сиянии восходит;
Там воздух напоен вечерней теплотой;
Там море движется роскошной пеленой
 Под голубыми небесами...
Вот время: по горе теперь идет она
К брегам, потопленным шумящими волнами;
 Там, под заветными скалами,
Теперь она сидит печальна и одна...
Одна... никто пред ней не плачет, не тоскует;
Никто ее колен в забвеньи не целует;
Одна... ничьим устам она не предает
Ни плеч, ни влажных уст, ни персей белоснежных.
■
.
.
Никто ее любви небесной недостоин.
Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоен;
.
Но если

Б МОРЮ

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по брегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас,
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно среди зыбей:
Но ты взыграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,

Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег.

Ты ждал, ты звал. ... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я.

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы. . .
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим.

Мир опустел. . . Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба земли повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж просвещение иль тиран.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красоты

И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

**РАЗГОВОР
КНИГОПРОДАВЦА С ПОЭТОМ**

Книгопродавец

Стишки для вас одна забава,
Немножко стоит вам присесть,
Уж разгласить успела слава
Везде приятнейшую весть:
Поэма, говорят, готова,
Плод новый умственных затей.
Итак, решите; жду я слова:
Назначьте сами цену ей.
Стишки любимца муз и граций
Мы вмиг рублями заменим
И в пук наличных ассигнаций
Листочки ваши обратим.
О чем вздохнули так глубоко,
Нельзя ль узнать?

Поэт

Я был далеко:

Я время то воспоминал,
Когда, надеждами богатый,
Поэт беспечный, я писал
Из вдохновенья, не из платы.
Я видел вновь приюты скал
И темный кров уединенья,
Где я на пир воображенья,
Бывало, музу призывал.
Там слаще голос мой звучал;

Там доле яркие виденья,
С неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
В часы ночного вдохновенья.
Всё волновало нежный ум:
Цветущий луг, луны блистанье,
В часовне ветхой бури шум,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демон обладал
Моими играми, досугом;
За мной повсюду он летал,
Мне звуки дивные шептал,
И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава;
В ней грезы чудные рождались;
В размеры стройные стекались
Мои послушные слова
И звонкой рифмой замыкались.
В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь буйный,
Иль иволги напев живой,
Иль ночью моря гул глухой,
Иль шопот речки тихоструйной.
Тогда, в безмолвии трудов,
Делиться не был я готов
С толпою пламенным восторгом
И музы сладостных даров
Не унижал постыдным торгом;
Я был хранитель их скупой:
Так точно, в гордости немой,
От взоров черни лицемерной
Дары любовницы молодой
Хранит любовник суеверный.

Книгопродавец

Но слава заменила вам
Мечтанья тайного отрады:
Вы разошлись по рукам,
Меж тем как пыльные громады
Лежалой прозы и стихов
Напрасно ждут себе чтецов
И ветреной ее награды.

Поэт

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданыя
И от людей, как от могил,
Не ждал за чувство воздаянья!
Блажен, кто молча был поэт
И, терном славы не увитый,
Презренной чернию забытый,
Без имени покинул свет!
Обманчивей и снов надежды,
Что слава? шопот ли чтеца?
Гоненье ль низкого невежды?
Иль восхищение глупца?

Книгопродавец

Лорд Байрон был того же мненья;
Жуковский то же говорил;
Но свет узнал и раскупил
Их сладкозвучные творенья.
И впрям, завиден ваш удел:
Поэт казнит, поэт венчает;
Злодеев громом вечных стрел
В потомстве дальном поражает;
Героев утешает он;
С Коринной на киферский трон
Свою любовницу возносит.
Хвала для вас докучный звон;
Но сердце женщин славы просит:
Для них пишите; их ушам
Приятна лесть Анакреона:
В молодые лета розы нам
Дороже лавров Геликона.

Поэт

Самолюбивые мечты,
Утехи юности безумной!
И я, средь бури жизни шумной,
Искал вниманья красоты.
Глаза прелестные читали
Меня с улыбкою любви;
Уста волшебные шептали
Мне звуки сладкие мои. . .

Но полно! в жертву им свободы
Мечтатель уж не принесет;
Пускай их юноша поет,
Любезный баловень природы.
Что мне до них? Теперь в глуши
Безмолвно жизнь моя несется;
Стон лиры верной не коснется
Их легкой, ветреной души;
Не чисто в них воображение:
Не понимает нас оно,
И, признак бога, вдохновение
Для них и чуждо и смешно.
Когда на память мне невольно
Придет внушенный ими стих,
Я так и вспыхну, сердцу больно:
Мне стыдно идолов моих.
К чему, несчастный, я стремился?
Пред кем унижил гордый ум?
Кого восторгом чистых дум
Боготворить не устыдился?

Книгопродáвец
Люблю ваш гнев. Таков поэт!
Причины ваших огорчений
Мне знать нельзя; но исключений
Для милых дам ужели нет?
Ужели ни одна не стоит
Ни вдохновенья, ни страстей,
И ваших песен не присвоит
Всесильной красоте своей?
Молчите вы?

Поэт

Зачем поэту
Тревожить сердца тяжкий сон?
Бесплодно память мучит он.
И что ж? какое дело свету?
Я всем чужой. Душа моя
Хранит ли образ незабвенный?
Любви блаженство знал ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таил я слезы в тишине?

Где та была, которой очи,
Как небо, улыбались мне?
Вся жизнь, одна ли, две ли ночи?

И что ж? Докучный стон любви,
Слова покажутся мои
Безумца диким лепетаньем.
Там сердце их поймет одно,
И то с печальным содроганьем:
Судьбою так уж решено.
Ах, мысль о той души завялой
Могла бы юность оживить
И сны поэзии бывалой
Толпою снова возмутить!
Она одна бы разумела
Стихи неясные мои;
Одна бы в сердце пламенела
Лампадой чистою любви.
Увы, напрасные желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земных восторгов излишня,
Как божеству, не нужно ей.

Книгопродавец

Итак, любовью утомленный,
Наскуча лепетом молвы,
Заране отказались вы
От вашей лиры вдохновенной.
Теперь, оставя шумный свет,
И муз, и ветреную моду,
Что ж изберете вы?

Поэт

Свободу.

Книгопродавец

Прекрасно. Вот же вам совет.
Внемлите истине полезной:
Наш век — торгаш; в сей век железный
Без денег и свободы нет.

Что слава? — Яркая заплата
На ветхом рубище певца.
Нам нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца!
Предвижу ваше возраженье;
Но вас я знаю, господа:
Вам ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда
Кипит, бурлит воображенье;
Оно застынет, и тогда
Постыло вам и сочиненье.
Позвольте просто вам сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что ж медлить? уж ко мне заходят
Нетерпеливые чтецы;
Вкруг лавки журналисты бродят,
За ними тощие певцы:
Кто просит пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера;
И признаюсь — от вашей лиры
Предвижу много я добра.

П о э т

Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись. Условимся.

*** ИЗ ПИСЬМА К ВУЛЬФУ**

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой
Погулять верхом порой,
Пострелять из пистолета.
Лайон, мой курчавый брат
(Не михайловский приказчик),
Привезет нам, право, клад. . .
Что? — бутылоч полный ящик.
Запируем уж, молчи!
Чудо — жизнь анахорета!
В Троегорском до ночи,
А в Михайловском до света;
Дни любви посвящены,
Ночью царствуют стаканы,
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

Б ЯЗЫКОВУ

(Михайловское, 1824)

Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидиевой тенью:
Языков, близок я тебе.
Давно б на Дерптскую дорогу
Я вышел утренней порой
И к благосклонному порогу
Понес тяжелый посох мой,
И возвратился б оживленный
Картиной беззаботных дней,
Беседой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей.
Но злобно мной играет счастье:
Давно без крова я ношусь,
Куда подует самовластье;
Уснув, не знаю, где проснусь. —
Всегда гоним, теперь в изгнанье
Влачу закованные дни.
Услышь, поэт, мое призванье,
Моих надежд не обмани.
В деревне, где Петра питомец,
Царей, цариц любимый раб
И их забытый однодомец,

Скрывался прадед мой арап,
Где, позабыв Елисаветы
И двор и пышные обеты,
Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденны леты
О дальней Африке своей,
Я жду тебя. Тебя со мною
Обнимет в сельском шалаше
Мой брат по крови, по душе,
Шалун, замеченный тобою;
И муз возвышенный пророк,
Наш Дельвиг всё для нас оставит.
И наша троица прославит
Изгнанья темный уголок.
Надзор обманем караульный,
Восхвалим вольности дары
И нашей юности разгульной
Пробудим шумные пиры,
Вниманье дружное преклоним
Ко звону рюмок и стихов,
И скуку зимних вечеров
Вином и песнями прогоним.

ГРАФУ ОЛИЗАРУ

Певец! издревле меж собою
Враждуют наши племена:
То наша стонет сторона,
То гибнет ваша под грозою.

И вы, бывало, пировали
Кремля позор и плен,
И мы о камни падших стен
Младенцев Праги избивали,
Когда в кровавый прах топтали
Красу Костюшкиных знамен.

И тот не наш, кто с девой вашей
Кольцом заветным сопряжен;
Не выпьем мы заветной чашей
Здоровье красных ваших жен;
И наша дева молодая,
Привлекши сердце поляка,
Отвергнет, гордостью пылая,
Любовь народного врага.

Но глас поэзии чудесной
Сердца враждебные дружит —
Перед улыбкою небесной
Земная ненависть молчит!

При сладких звуках вдохновенья,
При песнях лир...
И восстают благословенья,
На племена нисходит мир...

БОВАРНОСТЬ

Когда твой друг на глас твоих речей
Ответствует язвительным молчаньем;
Когда свою он от руки твоей,
Как от змеи, отдернет с содроганьем;
Как, на тебя взор острый пригвоздя,
Качает он с презреньем головою, —
Не говори: «он болен, он дитя,
Он мучится безумною тоскою»;
Не говори: «неблагодарен он;
Он слаб и зол, он дружбы недостоин;
Вся жизнь его какой-то тяжкий сон». . .
Ужель ты прав? Ужели ты спокоен?
Ах, если так, он в прах готов упасть,
Чтоб вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблял на злобное гоненье;
Но если ты затейливо язвил
Пугливое его воображенье
И гордую забаву находил
В его тоске, рыданьях, униженье;
Но если сам презренной клеветы
Ты про него невидимым был эхом;
Но если цепь ему накинул ты
И сонного врагу предал со смехом,
И он прочел в немой душе твоей
Всё тайное своим печальным взором, —
Тогда ступай, не трать пустых речей —
Ты осужден последним приговором.

*** ИЗ ПИСЬМА К ПЛЕТНЕВУ**

Ты издал дядю моего:
Творец опасного соседа
Достоин очень был того,
Хотя покойная Беседа
И не заметила его. —
Теперь издай меня, приятель,
Плоды пустых моих трудов,
Но ради Феба, мой Плетнев,
Когда ж ты будешь свой издатель?

Как жениться задумал царский арап,
Меж боярынь арап похаживает,
На боярышен арап поглядывает.
Что выбрал арап себе сударушку,
Черный ворон белую лебедушку.
А как он, арап, чернешенек,
А она-то, душа, белешенька.

О дева-роза, я в оковах;
Но не стыжусь твоих оков:
Так соловей в кустах лавровых,
Пернатый царь лесных певцов,
Близ розы гордой и прекрасной
В неволе сладостной живет
И нежно песни ей поет
Во мраке ночи сладострастной.

Т— прав, когда так верно вас
Сравнил он с радугой живою:
Вы милы, как она, для глаз
И как она переменчивы душою;
И с розой сходны вы, блеснувшей весной:
Вы так же, как она, пред нами
Цветете пышною красой
И так же колетесь, бог с вами.
Но более всего сравнение с ключом
Мне нравится — я рад ему сердечно:
Да, чисты вы, как он, и сердцем и умом,
И холодней его, конечно.
Сравненья прочие не столько хороши;
Поэт не виноват — сравненья неудобны.
Вы прелестью лица и прелестью души,
К несчастью, бесподобны.

Мне жаль великия жены,
Жены, которая любила
Все роды славы: дым войны
И дым парнасского кадила.
Мы Прагой ей одолжены,
И просвещеньем, и Тавридой,
И посрамлением Луны,
И мы . . . прозвать должны
Ее Минервой, Аонидой.
В аллеях Сарского села
Она с Державиным, с Орловым
Беседы мудрые вела,
С Делинъем, иногда с Барковым.
Старушка милая жила
Приятно и немного блудно,
Вольтеру первый друг была,
Наказ писала, флоты жгла,
И умерла, садясь на судно.
С тех пор мгла.
Россия, бедная держава,
Твоя подавленная слава
С Екатериной умерла.

ВИНОГРАД

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной;
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

**ФОНТАНУ
БАХЧИСАРАЙСКОГО ДВОРЦА**

Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропит росой хладной:
Ах, лейся, лейся, ключ отрадней!
Журчи, журчи свою мне быль...

Фонтан любви, фонтан печальный!
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальней;
Но о Марии ты молчал...

Светило бледное гарема!
И здесь ужель забвенно ты?
Или Мария и Зарема
Одни счастливые мечты?

Иль только сон воображенья
В пустынной мгле нарисовал
Свои минутные виденья,
Души неясный идеал?

Пока супруг тебя, красавицу младую,
Между шести других еще не заключил, —
Ходи к источнику могил
И черпай воду ключевую,
И думай, милая моя:
Как невозвратная струя
Блестит, бежит и исчезает —
Так жизни время убегает,
В гареме так исчезну я.

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Вот вошла луна золотая,
Тише... чу... гитары звон...
Вот испанка молодая
Оперлася на балкон.

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Скинь мантилью, ангел милый,
И явь как яркий день!
Сквозь чугунные перилы
Ножку дивную продень!

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

*** ЭПИГРАММА**

Охотник до журнальной драки,
Сей усыпительный зоил
Разводит опиум чернил
Слюною бешеной собаки,

Лихой товарищ наших дедов,
Он друг Венеры и пиров,
Он на обедах — бог обедов,
В своих садах — он бог садов.

Презрев и голос укоризны
И зовы сладостных надежд,
Иду в чужбине прах отчизны
С дорожных отряхнуть одежд.
Умолкни, сердца шопот сонный,
Привычки давной слабый глас,
Прости, предел неблагосклонный,
Где свет узрел я в первый раз!
Простите, сумрачные сени,
Где дни мои текли в тиши,
Исполнены страстей и лени
И снов задумчивых души.
Мой брат, в опасный день разлуки
Все думы сердца — о тебе.
В последний раз сожжем же руки
И покоримся мы судьбе.
Благослови побег поэта

.
. где-нибудь в волненьи света
Мой глас вспомни иногда. . .

Умолкнет он под небом дальным
. сне,
Один печальным
Угасну в чуждой стороне.
Моей могилы безымянной
.
Настанет час желаний
И славяннн.

МЛАДЕНЦУ

Дитя, не смею над тобой
Произносить благословенья.
Ты взором, мирною душой
Небесный ангел утешенья.

Да будут ясны дни твои,
Как милый взор твой ныне ясен.
Меж лучших жребиев земли
Да будет жребий твой прекрасен.

*** ИЗ ПИСЬМА К РОДЗЯНКЕ**

Прости, украинский мудрец,
Наместник Феба и Приапа!
Твоя соломенная шляпа
Покойней, чем иной венец;
Твой Рим — деревня; ты мой папа,
Благослови ж меня, певец!

ПОСЛАНИЕ К Л. ПУШКИНУ

Что же? будет ли вино?
Лайон, жду его давно.
Знаешь ли какого рода?
У меня закон один:
Жажды полная свобода
И терпимость всяких вин.
Погреб мой гостеприимный
Рад мадере золотой
И под пробкой смоленой
Сен Пере бутылке длинной.
В лета красные мои,
В лета юности безумной,
Поэтический *Аи*
Нравился мне пеной шумной,
Сим подобием любви!
. вспомнил о поэте,
И напеченный бокал
Я тогда всему на свете,
Милый брат, предпочитал.

Ныне нет во мне пристрастья —
Без разбора за столом,
Друг разумный сладострастья,
Вина обхожу кругом.
Все люблю я понемногу —
Частодвигаю стакан,
Часто пью — но слава богу
Редко, редко лягу пьян.

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает;
На девственных устах улыбка замирает.
Давно твоей иглой узоры и цветы
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Грустить. О, я знаток в девической печали;
Давно глаза мои в душе твоей читали.
Любви не утаишь: мы любим, и как нас,
Девицы нежные, любовь волнует вас.
Счастливы юноши! Но кто, скажи, меж ими
Красавец молодой с очами голубыми,
С кудрями черными? . . . Краснеешь? Я молчу,
Но знаю, знаю всё; и если захочу,
То назову его. Не он ли вечно бродит
Вкруг дома твоего и взор к окну возводит?
Ты втайне ждешь его. Идет, и ты бежишь,
И долго вслед за ним незримая глядишь.
Никто на празднике блистательного мая,
Меж колесницами роскошными летая,
Никто из юношей свободней и смелей
Не властвует конем по прихоти своей.

ЧААДАЕВУ
С МОРСКОГО БЕРЕГА ТАВРИДЫ

К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам
Дымились жертвоприношенья;
Здесь успокоена была
Вражда свирепой Эвмениды:
Здесь провозвестница Тавриды
На брата руку занесла;
На сих развалинах свершилось
Святое дружбы торжество,
И душ великих божество
Своим созданием возгордилось.

· · · · ·
Чедаев, помнишь ли бывшее?
Давно ль с восторгом молодым
Я мыслил имя роковое
Предать развалинам иным?
Но в сердце, бурями смиренном,
Теперь и лень и тишина,
И, в умиленьи вдохновенном,
На камне, дружбой освященном,
Пишу я наши имена.

АКВИЛОН

Зачем ты, грозный аквилон,
Тростник прибрежный долу клонишь?
Зачем на дальний небосклон
Ты облачко столь гневно гонишь?

Недавно черных туч грядой
Свод неба глухо облакался,
Недавно дуб над высотой
В красе надменной величался. . .

Но ты поднялся, ты взыграл,
Ты прошумел грозой и славой —
И бурны тучи разогнал,
И дуб низвергнул величавый.

Пускай же солнца ясный лик
Отныне радостью блистает,
И облачком зефир играет,
И тихо зыблется тростник.

Пускай увенчанный любовью красоты
В заветном золоте хранит ее черты
И письма тайные, награда долгой муки,
Но в тихие часы томительной разлуки
Ничто, ничто моих не радует очей,
И ни единый дар возлюбленной моей,
Святой залог любви, утеха грусти нежной —
Не лечит ран любви безумной, безнадежной.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ ЦЕНЗОРУ

На скользком поприще Тимковского наследник!
Позволь обнять себя, мой прежний собеседник.
Недавно, тяжкою цензурой притеснен,
Последних, жалких прав без милости лишен,
Со всею братией гонимый совокупно,
Я, вспыхнув, говорил тебе немного крупно,
Потешил дерзости бранчивую свербежь —
Но извини меня: мне было невтерпез.
Теперь в моей глуши журналы раздирая
И бедной братии стишонки разбирая
(Теперь же мне читать охота и досуг),
Обрадовался я, по ним заметя вдруг
В тебе и правила и мыслей образ новый!
Ура! ты заслужил венок себе лавровый
И твердостью души и смелостью ума.
Как изумилася поэзия сама,
Когда ты разрешил по милости чудесной
Заветные слова *божественный, небесный*,
И ими назвалась (для рифмы) красота,
Не оскорбляя тем уж Господа Христа!
Но что же вдруг тебя, скажи, переменяло
И нрава твоего кичливость усмирило?
Свои послания хоть очень я люблю,
Хоть знаю, что прочел ты жалобу мою,
Но, подразнив тебя, я переменною сею
Приятно изумлен, гордиться не посмею.
Отнесся я к тебе по долгу моему;

Но мне ль исправить вас? Нет, ведаю, кому
Сей важной новостью обязана Россия.
Обдумав наконец намеренья благие,
Министра честного наш добрый царь избрал,
Шишков наук уже правленье восприял.
Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа,
Он славен славою двенадцатого года;
Один в толпе вельмож он русских муз любил,
Их, незамеченных, созвал, соединил;
Осиротелого венца Екатерины
От хлада наших дней укрыл он лавр единый.
Он с нами сетовал, когда святой отец,
Омара да Гали прияв за образец,
В угодность господу, себе во утешенье,
Усердно задуть старался просвещенье.
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистых муз, спасая Бантыша,
И помогал ему Магницкий благородный,
Муж твердый в правилах, душою превосходный,
И даже бедный мой Кавелин-дурачок,
Креститель Галича, Магницкого дьячок.
И вот, за все грехи, в чьи пакостные руки
Вы были вверены, печальные науки!
Цензура! вот кому подвластна ты была!

Но полно: мрачная година протекла,
И ярче уж горит светильник просвещения.
Я с переменою несчастного правленья
Отставки цензоров, признаться, ожидал,
Но сам не зная как, ты, видно, устоял.
Итак, я поспешил приятелей поздравить,
А между тем совет на память им оставить.

Будь строг, но будь умен. Не просят у тебя,
Чтоб, все законные преграды истребя,
Всё мыслить, говорить, печатать безопасно
Ты нашим господам позволил самовластно.
Права свои храни по долгу своему.
Но скромной истине, но мирному уму
И даже глупости невинной и довольной
Не заграждай пути заставой своевольной.
И если ты в плодах досужного пера

Порою не найдешь великого добра,
Когда не видишь в них безумного разврата,
Престолов, алтарей и нравов супостата,
То, славы автору желая от души,
Махни, мой друг, рукой и смело подпиши.

*** ЭПИГРАММА**

Тимковский царствовал — и все твердили вслух,
Что в свете не найдешь ослов подобных двух.
Явился Бируков, за ним вослед Красовский:
Ну право, их умней покойный был Тимковский!

С перегородкою коморки,
Довольно чистенькие норки,
В углу на полке образа,
Под ними вербная лоза
С иссохшей просвирой и свечкой
Горшок с на окне,
Две канареечки над печкой —

Лизе страшно полюбить.
Полно, нет ли тут обмана?
Берегитесь — может быть,
Эта новая Диана
Притаила нежну страсть —
И стыдливými глазами
Ищет робко между вами,
Кто бы ей помог упасть.

ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ ¹

Посвящено П. А. Осиповой

I

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой: ²

Нет, не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?

Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?
Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?

Мужайся ж, презирай обман,
Стезю правды бодро следуй,
Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

II

О жены чистые пророка,
От всех вы жен отличены:
Страшна для вас и тень порока.

Под сладкой сенью тишины
Живите скромно: вам пристало
Безбрачной девы покрывало.
Храните верные сердца
Для нег законных и стыдливых,
Да взор лукавый нечестивых
Не узрит вашего лица.

А вы, о гости Магомста,
Стекаясь к вечери его,
Брегитесь суетами света
Смутить пророка моего.
В пареньи дум благочестивых,
Не любит он велеречивых
И слов нескромных и пустых:
Почтите пир его смиреньем
И целомудренным склоненьем
Его невольниц молодых. ³

III

Смутясь, нахмурился пророк,
Слепца послышав приближенье: ⁴
Бежит, да не дерзнет порок
Ему являть недоуменье.

С небесной книги список дан
Тебе, пророк, не для строптивых;
Спокойно возвещай Коран,
Не понуждая нечестивых!

Почто ж кичится человек?
За то ль, что наг на свет явился,
Что дышит он недолгий век,
Что слаб умрет, как слаб родился?

За то ль, что бог и умертвит
И воскресит его — по воле?
Что с неба дни его хранит
И в радостях и в горькой доле?

За то ль, что дал ему плоды
И хлеб, и финик, и оливу,
Благословив его труды,
И вертоград, и холм, и ниву?

Но дважды ангел вострубит;
На землю гром небесный грянет:
И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет.

И все пред бога притекут,
Обезображенные страхом;
И нечестивые падут,
Покрыты пламенем и прахом.

IV

С тобою древле, о всеильный,
Могучий состязаться мнил,
Безумной гордостью обильный;
Но ты, господь, его смирил.
Ты рек: я миру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На всё подъята длань моя.
Я также, рек он, жизнь дарую
И также смертью наказую:
С тобою, боже, равен я.
Но смолкла похвальба порока
От слова гнева твоего:
Подъемлю солнце я с востока;
С заката подыми его.

V

Земля недвижна; неба своды,
Творец, поддержаны тобой,
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой.⁵

Зажег ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле,
Как лен, елеем напоенный,
В лампадном светит хрустале.

Творцу молитесь; он могучий:
Он правит ветром; в знойный день
На небо насылает тучи;
Дает земле древесну сень.

Он милосерд: он Магомету
Открыл сияющий Коран,
Да притечем и мы ко свету,
И да падет с очей туман.

VI

Недаром вы приснились мне
В бою с обритыми главами,
С окровавленными мечами,
Во рвах, на башне, на стене.

Внемлите радостному кличу,
О дети пламенных пустынь!
Ведите в плен молодых рабынь,
Делите бранную добычу!

Вы победили: слава вам,
А малодушным посмеянье.
Они на бранное призванье
Не шли, не веря дивным снам.

Прельстясь добычей боевою,
Теперь в раскаяньи своем
Рекут: возьмите нас с собою;
Но вы скажите: не возьмем.

Блаженны падшие в сраженьи:
Теперь они вошли в эдем
И потонули в наслажденьи,
Не отравляемом ничем.

VII

Восстань, боязливый:
В пещере твоей
Святая лампада
До утра горит.

Сердечной молитвой,
Пророк, удали
Печальные мысли,
Лукавые сны!
До утра молитву
Смиренно твори;
Небесную книгу
До утра читай!

VIII

Торгуя совестью пред бледной ницетою,
Не сыпь своих даров расчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесам.
В день грозного суда, подобно ниве тучной,
 О сеятель благополучный,
Сторицею воздаст она твоим трудам.

Но если, пожалев трудов земных стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань —
Знай: все твои дары, подобно горсти пыльной,
 Что с камня моет дождь обильный,
Исчезнут — господом отверженная дань.

IX

И путник усталый на бога роптал:
Он жаждой томился и тени алкал.
В пустыне блуждая три дня и три ночи,
И зноем и пылью тягчимые очи
С тоской безнадежной водил он вокруг,
И кладязь под пальмою видит он вдруг.

И к пальме пустынной он бег устрёмил,
И жадно холодной струей освежил
Горевшие тяжко язык и зеницы,
И лег, и заснул он близ верной ослицы —
И многие годы над ним протекли
По воле владыки небес и земли.

Настал пробужденья для путника час;
Встает он и слышит неведомый глас:
«Давно ли в пустыне заснул ты глубоко?»
И он отвечает: «Уж солнце высоко
На утреннем небе сияло вчера;
С утра я глубоко проспал до утра».

Но голос: «О путник, ты долее спал;
Взгляни: лег ты молод, а старцем восстал;
Уж пальма истлела, а кладязь холодный
Иссяк и засохнул в пустыне безводной,
Давно занесенный песками степей;
И кости белеют ослицы твоей».

И горем объятый мгновенный старик,
Рыдая, дрожащей главою поник...
И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главой;
Вновь кладязь наполнен прохладой и мглой.

И ветхие кости ослицы встают
И телом оделись, и рев издают;
И чувствует путник и силу и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с богом он дале пускается в путь.

Примечания

¹ «Нечестивые, пишет Магомет (глава *Награды*), думают, что Коран есть собрание новой лжи и старых басен». Мнение сих *нечестивых*, конечно, справедливо; но, несмотря на сие, многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом. Здесь предлагается несколько вольных подражаний. В подлиннике Алла везде говорит от своего имени, а о Магомете упоминается только во втором или третьем лице.

² В других местах Корана Алла клянется копытами кобылиц, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродетелию и пороком, ангелами и человеком и проч. Странный сей риторический оборот встречается в Коране поминутно.

³ «Мой пророк, прибавляет Алла, вам этого не скажет, ибо он весьма учтив и скромн; но я не имею нужды с вами чиниться» и проч. Ревность араба так и дышит в сих заповедях.

⁴ Из книги *Слепец*.

⁵ Плохая физика; но зато какая смелая поэзия!

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ*Посвящено Н. Н. Раевскому*

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait... *

Меж тем как изумленный мир
На урну Байрона взирает
И хору европейских лир
Близ Данте тень его внимаёт,

Зовет меня другая тень,
Давно без песен, без рыданий
С кровавой плахи в дни страданий
Сошедшая в могильну сень.

Певцу любви, дубрав и мира
Несу надгробные цветы.
Звучит незнаемая лира,
Пою. Мне внемлет он и ты.

Подъялась вновь усталая секира
И жертву новую зовет.
Певец готов; задумчивая лира
В последний раз ему поет. ¹

Заутра казнь, привычный пир народу;
Но лира юного певца
О чем поет? Поет она свободу:
Не изменилась до конца!

* Так, когда я был в печали и в заключении, лира моя всё же пробуждалась... (Франц.) — *Ред.*

«Приветствую тебя, мое светило!
 Я славил твой небесный лик,
 Когда он искрою возник,
 Когда ты в буре восходило.
 Я славил твой священный гром,
 Когда он разметал позорную твердыню
 И власти древнюю гордыню
 Развеял пеплом и стыдом;
 Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу,
 Я слышал братский их обет,
 Великодушную присягу
 И самовластия бестрепетный ответ.
 Я зрел, как их могущи волны
 Всё ниспровергли, увлекли,
 И пламенный трибун предрек, восторга полный,
 Перерождение земли.
 Уже сиял твой мудрый гений,
 Уже в бессмертный Пантеон
 Святых изгнанников входили славны тени,
 От пелены предрассуждений
 Разоблачался ветхий трон;
 Оковы падали. Закон,
 На вольность опершись, провозгласил равенство,
 И мы воскликнули: *Блаженство!*
 О горе! о безумный сон!
 Где вольность и закон? Над нами
 Единый властвует топор.
 Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
 Избрали мы в цари. О ужас! о позор!
 Но ты, священная свобода,
 Богиня чистая, нет, — не виновна ты,
 В порывах буйной слепоты,
 В презренном бешенстве народа
 Сокрылась ты от нас; целебный твой сосуд
 Завешен пеленой кровавой;
 Но ты придешь опять со мщением и славой, —
 И вновь твои враги падут;
 Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
 Всё ищет вновь упиться им;
 Как будто Вакхом разъяренный,
 Он бродит, жаждою томим;

Так — он найдет тебя. Под сению равенства
В объятиях твоих он сладко отдохнет;
 Так буря мрачная минет!
Но я не узрю вас, дни славы, дни блаженства:
Я плахе обречен. Последние часы
Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою
Палач мою голову подымет за волосы
 Над равнодушною толпою.
Простите, о друзья! Мой бесприютный прах
Не будет почивать в саду, где провождали
Мы дни беспечные в науках и в пирах
И место наших урн заранее назначали.
 Но, други, если обо мне
 Священно вам воспоминанье,
Исполните мое последнее желанье: -
Оплачьте, милые, мой жребий в тишине;
Страшитесь возбудить слезами подозренье;
В наш век, вы знаете, и слезы преступленье:
О брате сожалеть не смеет ныне брат.
Еще ж одна мольба: вы слушали стократ
Стихи, летучих дум небрежные созданья,
Разнообразные, заветные преданья
Всей младости моей. Надежды и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сии листы
Всю жизнь мою хранят. У Авеля, у Фанни,²
Молю, найдите их; невинной музы дани
Сберите. Строгий свет, надменная молва
Не будут ведать их. Увы, моя глава
Безвременно падет: мой незрелый гений
Для славы не свершил возвышенных творений;
Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдет, толпою суеверной
Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный,
И, долго слушая, скажите: это он;
Вот речь его. А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И сам заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь. . . и, может быть, утешен буду я
Любовью; может быть, и *Узница* моя,³
Уныла и бледна, стихам любви внимая. . .»

Но, песни нежные мгновенно прерывая,
Младой певец поник задумчивой главой.
Пора весны его с любовью, тоской
Промчалась перед ним. Красавиц томны очи,
И песни, и пиры, и пламенные ночи,
Всё вместе ожило; и сердце понеслось
Далече. . . и стихов журчанье излилось:

«Куда, куда завлек меня враждебный гений?
Рожденный для любви, для мирных искушений,
Зачем я покидал безвестной жизни тень,
Свободу и друзей, и сладостную лень?
Судьба лелеяла мою златую младость;
Беспечною рукой меня венчала радость,
И муза чистая делила мой досуг.
На шумных вечерах друзей любимый друг,
Я сладко оглашал и смехом и стихами
Сень, охраненную домашними богами.
Когда ж, вакхической тревогой утомясь
И новым пламенем незапно воспаясь,
Я утром наконец являлся к милой деве
И находил ее в смятении и гнев;
Когда, с угрозами, и слезы на глазах,
Мой проклиная век, утраченный в пирах,
Она меня гнала, бранила и прощала, —
Как сладко жизнь моя лилась и утекала!
Зачем от жизни сей, ленивой и простой,
Я кинулся туда, где ужас роковой,
Где страсти дикие, где буйные невежды,
И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Что делать было мне,
Мне, верному любви, стихам и тишине,
На низком поприще с презренными бойцами!
Мне ль было управлять строптивыми конями
И круто напрягать бессильные бразды?
И что ж оставляю я? Забытые следы
Безумной ревности и дерзости ничтожной.
Погибни, голос мой, и ты, о призрак ложный,
Ты, слово, звук пустой. . .

О нет!

Умолкни, ропот малодушный!
Гордись и радуйся, поэт:

Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет;
Ты презрел мощного злодея;
Твой светоч, грозно пламенея,
Жестоким блеском озарил
Совет правителей бесславных; ⁴
Твой бич настигнул их, казнил
Сих палачей самодержавных;
Твой стих свистал по их главам;
Ты звал на них, ты славил Немезиду;
Ты пел Маратовым жрецам
Кинжал и деву-эвмениду!
Когда святой старик от плахи отрывал
Венчанную главу рукой оцепенелой,
Ты смело им обоим руку дал,
И перед вами трепетал
Ареопаг остервенелый.
Гордись, гордись, певец; а ты, свирепый зверь,
Моей главой играй теперь:
Она в твоих когтях. Но слушай, знай, безбожный:
Мой крик, мой ярый смех преследует тебя!
Пей нашу кровь, живи, губя:
Ты всё пигмей, пигмей ничтожный.
И час придет... и он уж недалек:
Падешь, тиран! Негодованье
Воспрянет наконец. Отечества рыданье
Разбудит утомленный рок.
Теперь иду... пора... но ты ступай за мною;
Я жду тебя».

Так пел восторженный поэт.
И всё покоилось. Лампады тихий свет
Бледнел пред утренней зарею,
И утро веяло в темницу. И поэт
К решетке поднял важны взоры...
Вдруг шум. Пришли, зовут. Они! Надежды нет!
Звучат ключи, замки, запоры.
Зовут... Постой, постой; день только, день один:
И казней нет, и всем свобода,
И жив великий гражданин
Среди великого народа. ⁵

Не слышат. Шествие безмолвно. Ждет палач.
Но дружба смертный путь поэта очарует.⁶
Вот плаха. Он взошел. Он славу именует...⁷
Плачь, муза, плачь!..

Примечания

- 1 Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphyre
Anime le soir d'un beau jour,
Au pied de l'échafaud j'essaie encor ma lyre.

(V. *Les derniers vers d'André Chénier*). *

- 2 У Авеля, у Фанни.

Abel, doux confident de mes jeunes mystères (El. I): один из друзей А. Ш.

Fanni, l'une des mattresses d'An. Ch. Voyez les odes qui lui sont adressées. **

- 3 И Узница моя.

V. La jeune Captive (M-lle de Coigny). ***

- 4 Voyez ses iambes.

Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, ilétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre.— On sait que le roi avait demandé à l'Assemblée, par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier.

(H. de la Touche.) ****

- 5 Он был казнен 8 термидора, т. е. накануне низвержения Робеспьера.

-
- * Как последний луч, как последнее веяние ветра

Оживляет вечер прекрасного дня,

Так у подножия эшафота я еще пробую свою лиру.

(См. *Последние стихи Андре Шенье.*) (Франц.) — *Ред.*

** Авель, милый наперсник моих юных тайн (*Элегия I*).

Фанни, одна из любовниц Ан. Шенье. См. обращенные к ней оды. (Франц.) — *Ред.*

*** См. Юная Пленница (М-ль де Куаньи). (Франц.) — *Ред.*

**** См. его Ямбы.

Шенье заслужил ненависть мятежников. Он прославлял Шарлотту Корде, клеймил Колло д'Эрбуа, нападал на Робеспьера.— Известно, что король испрашивал у Собрания в письме, исполненном спокойствия и достоинства, права апеллировать к народу на вынесенный ему приговор. Это письмо, подписанное в ночь с 17 на 18 января, составлено Андреем Шенье. (*А. Де ла Туш.*) (Франц.) — *Ред.*

⁶ На роковой телеге везли на казнь с Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poésie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'Andromaque.

(*H. de la Touche.*) *

⁷ На месте казни он ударил себя в голову и сказал: pourtant j'avais quelque chose là. **

* В свои последние минуты они беседовали о поэзии. Она была для них, после дружбы, прекраснее всего на свете. Предметом их беседы и последнего их восторга был Расин. Они решили читать его стихи. Выбрали они первую сцену «Андромахи». (*А. Де ла Туш.*) (Франц.) — *Ред.*

** Всѣ-таки у меня там кое-что было. (Франц.) — *Ред.*

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО

Прощай, письмо любви, прощай! Она велела. . .
Как долго медлил я, как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои! . .
Но полно, час настал: гори, письмо любви.
Готов я; ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет. . .
Минуту! . . вспыхнули! пылают. . . легкий дым,
Виясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утрата впечатленье,
Растопленный сургуч кипит. . . О провиденье!
Свершилось! Темные свернулись листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют. . . Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди. . .

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи —
Храни меня, мой талисман.

В уединеньи чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

Священный сладостный обман,
Души волшебное светило...
Оно сокрылось, изменило...
Храни меня, мой талисман.

Пускай же ввек сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Прощай, надежда; спи, желанье;
Храни меня, мой талисман.

ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ

Когда, любовью и негой упоенный,
Безмолвно пред тобой коленопреклоненный,
Я на тебя глядел и думал: ты моя, —
Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
Ты знаешь: удален от ветреного света,
Скучая суетным прозванием поэта,
Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
Жужжанью дальнему упреков и похвал.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонив ко мне томительные взоры
И руку на главу мне тихо наложив,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив?
Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь?
А я стесненное молчание хранил,
Я наслаждением весь полон был, я мнил,
Что нет грядущего, что грозный день разлуки
Не придет никогда. . . И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета, всё на главу мою
Обрушилось вдруг. . . Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И всё передо мной затмилось! И ныне
Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Всё, всё вокруг тебя звучало обо мне,
Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моления
В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья,

Всё в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей,
И славы блеск, и мрак изгнания,
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страданья.

Лишь розы увядают,
Амврозией дыша,
В Элизий улетает
Их легкая душа.

И там, где волны сонны
Забвение несут,
Их тени благовонны
Над Летою цветут.

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

Твое соседство нам опасно,
Хоть мило, может быть, оно, —
Так утверждаю не напрасно
И доказать немудрено.
Твой дом, учтивая беседа
И шулки с желчью пополам
Напоминают живо нам
И впрямь Опасного соседа.

*** ЭПИГРАММА**

Наш друг *Фита*, Кутейкин в эполетах,
Бормочет нам растянутый псалом:
Поэт Фита, не становись Фертом!
Дьячок Фита, ты Ижица в поэтах!

* ЭПИГРАММА

Сказали раз царю, что наконец
Мятежный вождь, Риэго, был удушен.
«Я очень рад, — сказал усердный льстец, —
От одного мерзавца мир избавлен».
Все смолкнули, все потупили взор,
Всех рассмешил проворный приговор.
Риэго был пред Фердинандом грешен,
Согласен я. Но он за то повешен.
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться нам над жертвой палача?
Сам государь такого добродетства
Не захотел улыбкой наградить:
Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства.

ПРИЯТЕЛЯМ

Враги мои, покамест я ни слова...
И, кажется, мой быстрый гнев угас;
Но из виду не выпускаю вас
И выберу когда-нибудь любого:
Не избежит пронзительных когтей,
Как налечу нежданный, беспощадный.
Так в облаках кружится ястреб жадный
И сторожит индеек и гусей.

*** НАБРОСКИ К ЗАМЫСЛУ
О ФАУСТЕ**

I

— Скажи, какие заклинанья
Имеют над тобою власть?
— Все хороши: на все призванья
Готов я как бы с неба пасть.
Довольно одного желанья —
Я, как догадливый холоп,
В ладони по-турецки хлоп,
Присвистни, позвони, и мигом
Явлюсь. Что делать — я служу,
Живу, крихчу под вечным игом.
Как нянька бедная, хожу
За вами — слушаю, гляжу.

II

— Вот Коцит, вот Ахерон,
Вот горящий Флегетон.
Доктор Фауст, ну, смелее,
Там нам будет веселее.
— Где же мост? — Какой тут мост,
На вот — сядь ко мне на хвост.

— Кто идет? — Солдат.
— Это что? — Парад.

— Вот обер-капрал,
Унтер-генерал.

— Что горит во мгле?
Что кипит в котле?
— Фауст, ха-ха-ха,
Посмотри — уха,
Погляди — цари.
О вари, вари!..

III

— Так вот детей земных изгнать?
Какой порядок и молчанье!
Какой огромный сводов ряд,
Но где же грешников варят?
Здесь пусто. — Там, гораздо дале.
— Где мы теперь? — В парадной зале.

Сегодня бал у сатаны —
На именины мы званы,
Смотри, как эти два бесенка
Усердно жарят поросенка,
А этот бес — как важен он,
Как чинно выметает вон
Опилки, серу, пыль и кости.
— Скажи мне, скоро ль будут гости?

— Что козырь? — Черви. — Мне ходить.
— Я бью. — Нельзя ли погодить?
— Беру. — Кругом нас обыграла.
— Эй, смерть! Ты, право, сплutowала.
— Молчи! ты глуп и молоденек.
Уж не тебе меня ловить.
Ведь мы играем не из денег,
А только б вечность проводить!

— Кто там? — Здорово, господа!
— Зачем пожаловал сюда?
— Привел я гостя. — Ах, создатель! . . .
— Вот доктор Фауст, наш приятель.
— Живой! — Он жив, да наш давно —
Сегодня ль, завтра ль — всё равно.
— Об этом думают двояко;
Обычай требовал однако
Соизволения моего,
Но, впрочем, это ничего.
Вы знаете, всегда я другу
Готова оказать услуги. . .
Я дамой. . . — Крой! — Я бью тузом. . .
— Позвольте, козырь. — Ну, пойдём. . .

Я был свидетелем златой твоей весны;
Тогда напрасен ум, искусства не нужны,
И самой красоте *семнадцать лет* замена.
Но время протекло, настала перемена,
Ты приближаешься к сомнительной поре,
Как меньше женихов толпятся на дворе,
И тише звук похвал твой слух обворожает,
А зеркало смелей грозит и упрекает.
Что делать утешься и смиришь,
От милых прежних прав заране откажись,
Ищи других побед — успехи пред тобою,
Я счастья тебе желаю всей душою,
. а опытов моих,
Мой дидактический, благоразумный стих.

СОВЕТ

Поверь: когда слепней и комаров
Вокруг тебя летает рой журнальный,
Не рассуждай, не трать учтивых слов,
Не возражай на писк и шум нахальный:
Ни логикой, ни вкусом, милый друг,
Никак нельзя смирить их род упрямый.
Сердиться грех — но замахнись и вдруг
Прихлопни их проворной эпиграммой.

Напрасно ахнула Еропа,
Не унывайте, не беда!
От петербургского потопа
Спаслась Полярная Звезда.
Бестужев, твой ковчег на бреге!
Парнаса блещут высоты;
И в благодетельном ковчеге
Спаслись и люди и скоты.

ОДА
ЕГО СИЯТ. Гр. ДМ. ИВ. ХВОСТОВУ

Султан ярится. ¹ Кровь Эллады
И резвоскачет ² и кипит.
Открылись грекам древни клады, ³
Трепещет в Стиксе лютый Пит. ⁴
И се — летит продерзко судно
И мечет громы обоюдно.
Се Бейрон, Феба образец.
Притек, но недуг быстропарный, ⁵
Строптивый и неблагодарный
Взнес смерти на него резец.

Певец бессмертный и маститый,
Тебя Эллада днесь зовет
На место тени знаменитой,
Пред коей Цербер днесь ревет.
Как здесь, ты будешь там сенатор,
Как здесь, почтенный литератор,
Но новый лавр тебя ждет там,
Где от крови земля промокла:
Перикла лавр, лавр Фемистокла;
Лети туда, Хвостов наш! сам.

Вам с Бейроном шипела злоба,
Гремела и правдива лесть.
Он лорд — граф ты! Поэты оба!
Се, мнится, явно сходство есть. —

Никак! Ты с верною супругой⁶
Под бременем судьбы упругой
Живешь в любви — и наконец
Глубок он, но единообразен,
А ты глубок, игрив и разен,
И в шалостях ты впрям певец.

А я, неведомый пиита,
В восторге новом воспою
Вослед пиита знаменита
Правдиву похвалу свою,
Моляся кораблю бегущу,
Да Бейрона он узрит куцу,⁷
И да блюдут твой мирный сон⁸
Нептун, Плутон, Зевс, Цитерея,
Гебея, Псиша, Крон, Астрея,
Феб, Игры, Смехи, Вакх, Харон.

Примечания

¹ Подражание г. Петрову, знаменитому нашему лирику.

² Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмом Карловичем Кюхельбекером в стихотворном его письме к г. Грибоедову.

³ Под словом *клады* должно разуметь правдивую ненависть нынешних Леонидов, Ахиллесов и Мильтиадов к жестоким чалмоносцам.

⁴ Г. Питт, знаменитый английский министр и известный противник свободы.

⁵ Горячка.

⁶ Графиня А. И. Хвостова, урожденная княжна Горчакова, достойная супруга маститого нашего певца. Во многочисленных своих стихотворениях везде называет он ее Темирою (см. последн. замеч. к оде: «Заздравный кубок»).

⁷ Подражание его высокопр. действ. тайн. сов. Ив. Ив. Дмитриеву, знаменитому другу гр. Хвостова:

К тебе я руки простирал
Уже из отческия кущи,
Взирая на суда бегущи.

⁸ Здесь поэт, увлекаясь воображением, видит уже великого нашего лирика, погруженного в сладкий сон и приближающегося к берегам благословенной Эллады. Нептун усмиряет пред ним продерз-

кие волны; Плутон исходит из преисподней бездны, дабы узреть того, кто ниспошлет ему в непродолжительном времени богатую жатву теней поклонников Лже-пророка; Зевес улыбается ему с небес; Цитерея (Венера) осыпает цветами своего любимого певца; Геба подымлет кубок за здравие его; Псиша, в образе Иполита Богдановича, ему завидует; Крон удерживает косу, готовую разить; Астрея предчувствует возврат своего царствования; Феб ликует; Игры, Смехи, Вакх и Харон веселою толпою следуют за судном нашего бессмертного пииты.

ЖИВ, ЖИВ КУРИЛКА!

— Как! жив еще Курилка журналист?

— Живёхонек! всё так же сух и скучен,

И груб, и глуп, и завистью размучен,

Всё тискает в свой nepотpeбный лист

И старый вздор и вздорную новинку.

— Фу! надоел Курилка журналист!

Как загасить вонючую лучинку?

Как уморить Курилку моего?

Дай мне совет. — Да... плюнуть на него.

КОЗЛОВУ

ПО ПОЛУЧЕНИИ ОТ НЕГО „ЧЕРНЕЦА“

Певец, когда перед тобой
Во мгле сокрылся мир земной,
Мгновенно твой проснулся гений,
На всё минувшее воззрел
И в хоре светлых привидений
Он песни дивные запел.

О милый брат, какие звуки!
В слезах восторга внемлю им:
Небесным пением своим
Он усыпил земные муки.
Тебе он создал новый мир:
Ты в нем и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юности кумир.

А я, коль стих единый мой
Тебе мгновенье дал отрады,
Я не хочу другой награды:
Недаром темною стезёй
Я проходил пустыню мира,
О нет, недаром жизнь и лира
Мне были вверены судьбой!

EX UNGUE LEONEM *

Недавно я стихами как-то свистнул
И выдал их без подписи моей;
Журнальный шут о них статейку тиснул,
Без подписи ж пустив ее, злодей.
Но что ж? Ни мне, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своих проказ:
Он по когтям узнал меня в минуту,
Я по ушам узнал его как раз.

* По когтям узнаем льва. (Латинск.) — *Ред.*

П. А. ОСИПОВОЙ

Быть может, уж недолго мне
В изгнании мирном оставаться,
Вздыхать о милой старине
И сельской музе в тишине
Душой беспечной предаваться.

Но и в дали, в краю чужом
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней.

Когда померкнет ясный день,
Одна из глубины могильной
Так иногда в родную сень
Летит тоскующая тень
На милых бросить взор умильный.

* К РОДЗЯНКЕ

Ты обещал о романтизме,
О сем парнасском афеизме,
Потолковать еще со мной,
Полтавских муз поведать тайны,
А пишешь мне об *ней* одной. . .
Нет, это ясно, милый мой,
Нет, ты влюблен, Пирон Украйны!

Ты прав: что может быть важней
На свете женщины прекрасной?
Улыбка, взор ее очей
Дороже злата и честей,
Дороже славы разногласной. . .
Поговорим опять об *ней*.

Хвалю, мой друг, ее охоту,
Поотдохнув, рожать детей,
Подобных матери своей.
И счастлив, кто разделит с ней
Сию приятную заботу:
Не наведет она зевоту.
Дай бог, чтоб только Гименей
Меж тем продлил свою дремоту.
Но несогласен я с тобой,
Не одобряю я развода:
Во-первых, веры долг святой,
Закон и самая природа. . .
А во-вторых, замечу я,

Благопристойные мужья
Для умных жен необходимы:
При них домашние друзья
Иль чуть заметны, иль незримы.
Поверьте, милые мои:
Одно другому помогает,
И солнце брака затмевает
Звезду стыдливую любви.

К * * *

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Блестит луна, недвижно море спит,
Молчат сады роскошные Гассана.
Но кто же там во мгле дерев сидит
На мраморе печального фонтана?
Арап-евнух, гарема страж седой,
И с ним его товарищ молодой.

«Мизрур, недуг тоски душевной
Не от меня сокроешь ты.
Твой мрачный взор, твой ропот гневный,
Твои свирепые мечты
Уже давно мне всё сказали.
Я знаю — жизнь тебе тяжка.
А что виной твоей печали?
Мой сын, послушай старика».

Заступники кнута и плети,
О знаменитые князья,
За всё жена моя и дети
Вам благодарны, как и я.
За вас молить я бога буду
И никогда не позабуду.
Когда позовут
Меня на расправу,
За ваше здравие и славу
. мой первый кнут.

*** ЭПИГРАММА**

Словесность русская больна.
Лежит в истерике она
И бредит языком мечтаний,
И хладный между тем зоил
Ей Каченовский застудил
Теченье месячных изданий.

На небесах печальная луна
Встречается с веселою зарею,
Одна горит, другая холодна.
Заря блестит невестой молодою,
Луна пред ней, как мертвая, бледна.
Так встретился, Эльвина, я с тобою.

• ИЗ ПИСЬМА К ВЯЗЕМСКОМУ

Сатирик и поэт любовный,
Наш Аристип и Асмодей,
Ты не племянник Анны Львовны,
Покойной тетушки моей.
Василий Львович тонкий, острый,
Мой дядюшка — не дядя твой,
Но, милый, — музы наши сестры,
Итак, ты всё же братец мой.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!
Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно
В густое вино
Заветные кольца бросайте!
Подыдем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Н. Н.

ПРИ ПОСЫЛКЕ ЕЙ „НЕВСКОГО АЛЬМАНАХА“

Примите «Невский Альманах».
Он мил и в прозе и в стихах:
Вы тут найдете ***ого,
Вел***, Х***ова;
К***, дальний ваш родня,
Украсил также книжку эту;
Но не найдете вы меня:
Мои стихи скользнули в Лету.
Что слава мира? . . дым и прах!
Ах, сердце ваше мне дороже! . .
Но, кажется, мне трудно тоже
Попасть и в этот альманах.

САФО

Счастливый юноша, ты всем меня пленил:
Душою гордою и пылкой и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

19 ОКТЯБРЯ

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружающих гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждет.

Я пью один, и на берегах Невы
Меня друзья сегодня именуют. . .
Но многие ль и там из вас пируют?
Еще кого не досчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлек холодный свет?
Чей глас умолк на братской переключке?
Кто не пришел? Кого меж вами нет?

Он не пришел, кудрявый наш певец,
С огнем в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русской могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полуночных морей?
Счастливый путь! . . С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О, волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальные нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты постирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в молодой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!»

Друзья мой, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское село.

Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой. . .
С мольбой моей печальной и мятежной,

С доверчивой надеждой первых лет,
Друзьям иным душой предался нежной;
Но горек был небратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Всё тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгий;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар как жизнь я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:

Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты. . .
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг, —
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Пора и мне. . . пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует Лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте. . .
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часу редее;
Кто в гробе спит, кто дальний сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный друг! средь новых поколений
Докучный гость и лишний и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...
Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провел без горя и забот.

• ИЗ ПИСЬМА К ВЯЗЕМСКОМУ

В глуши, измучась жизнью постной,
Изнемогая животом,
Я не парю — сижу орлом
И болен праздностью поносной.

Бумаги берегу запас,
Натугу вдохновенья чуждый,
Хожу я редко на Парнас,
И только за большою нуждой.

Но твой затейливый навоз
Приятно мне щекотит нос:
Хвостова он напоминает,
Отца зубастых голубей,
И дух мой снова позовет
Ко испражненью прежних дней.

Брови царь нахмуря,
Говорил: «Вчера
Повалила буря
Памятник Петра».
Тот перепугался.
«Я не знал!.. Ужель?» —
Царь расхохотался.
«Первый, брат, апрель!»

Говорил он с горем
Фрейлинам дворца:
«Вешают за морем
.
То есть разумею, —
Вдруг примолвил он, —
Вешают за шею,
Но жесток закон».

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА

В лесах, во мраке ночи праздной
Весны певец разнообразный
Урчит, и свищет, и гремит;
Но бестолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое твердит,
И эхо вслед за нею то же.
Накуковали нам тоску!
Хоть убежать. Избавь нас, боже,
От элегических куку!

ДРУЖБА

Что дружба? Легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья
Иль покровительства позор.

ДВИЖЕНИЕ ·

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

Нет ни в чем вам благодати,
С счастьем у вас разлад:
И прекрасны вы некстати,
И умны вы невпопад.

СЦЕНА ИЗ ФАУСТА

Берег моря. Фауст и Мефистофель

Фауст

Мне скучно, бес.

Мефистофель

Что делать, Фауст?

Таков вам положен предел,
Его ж никто не преступает.
Вся тварь разумная скучает:
Иной от лени, тот от дел;
Кто верит, кто утратил веру;
Тот насладиться не успел,
Тот насладился через меру,
И всяк зеваает да живет —
И всех вас гроб, зевая, ждет.
Зевай и ты.

Фауст

Сухая шутка!

Найди мне способ как-нибудь
Рассеяться.

Мефистофель

Доволен будь

Ты доказательством рассудка.
В своем альбоме запиши:
Fastidium est quies * — скука
Отдохновение души.

* Пресыщение есть покой. (Латинск.) — Ред.

Я психолог... о, вот наука!..
Скажи, когда ты не скучал?
Подумай, поищи. Тогда ли,
Как над Виргилием дремал,
А розги ум твой возбуждали?
Тогда ль, как розами венчал
Ты благосклонных дев веселья
И в буйстве шумном посвящал
Им пыл вечернего похмелья?
Тогда ль, как погрузился ты
В великодушные мечты,
В пучину темную науки?
Но — помнится — тогда со скуки,
Как арлекина, из огня
Ты вызвал наконец меня.
Я мелким бесом извивался,
Развеселить тебя старался,
Возил и к ведьмам и к духам,
И что же? всё по пустякам.
Желал ты славы — и добился,
Хотел влюбиться — и влюбился.
Ты с жизни взял возможную дань,
А был ли счастлив?

Ф а у с т

Перестань,
Не растравляй мне язвы тайной.
В глубоком знаньи жизни нет —
Я проклял знаний ложный свет,
А слава... луч ее случайный
Неуловим. Мирская честь
Бессмысленна, как сон... Но есть
Прямое благо: сочетанье
Двух душ...

М е ф и с т о ф е л ь

И первое свиданье,
Не правда ль? Но нельзя ль узнать,
Кого изволишь поминать,
Не Гретхен ли?

Фауст

О сон чудесный!

О пламя чистое любви!
Там, там — где тень, где шум древесный
Где сладкозвонкие струи, —
Там, на груди ее прелестной
Покая томную главу,
Я счастлив был...

Мефистофель

Творец небесный!

Ты бредишь, Фауст, наяву!
Услужливым воспоминаньем
Себя обманываешь ты.
Не я ль тебе своим стараньем
Доставил чудо красоты?
И в час полуночи глубокой
С тобою свел ее? Тогда
Плодами своего труда
Я забавлялся одинокий,
Как вы вдвоем, — всё помню я.
Когда красавица твоя
Была в восторге, в упоенье,
Ты беспокойною душой
Уж погружался в размышленья
(А доказали мы с тобой,
Что размышленья — скуки семя).
И знаешь ли, философ мой,
Что́ думал ты в такое время,
Когда не думает никто?
Сказать ли?

Фауст

Говори. Ну, что?

Мефистофель

Ты думал: агнец мой послушный!
Как жадно я тебя желал!
Как хитро в деве простодушной
Я грезы сердца возмущал! —
Любви невольной, бескорыстной
Невинно предалась она...

Что ж грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистной? ..
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслаждением,
С неодолимым отвращеньем:
Так безрасчетный дуралей,
Вотще решаешь на злое дело,
Зарезав нищего в лесу,
Бранит ободранное тело;
Так на продажную красу,
Насытись ею торопливо,
Разврат косится боязливо...
Потом из этого всего
Одно ты вывел заключенье...

Фауст

Сокройся, адское творенье!
Беги от взора моего!

Мефистофель

Изволь. Задай лишь мне задачу:
Без дела, знаешь, от тебя
Не смею отлучаться я —
Я даром времени не трачу.

Фауст

Что там белеет? говори.

Мефистофель

Корабль испанский трехмачтовый,
Пристать в Голландию готовый:
На нем мерзавцев сотни три,
Две обезьяны, бочки золота,
Да груз богатый шоколата,
Да модная болезнь: она
Недавно вам подарена.

Фауст

Всё утопить.

Мефистофель

Сейчас.

(Исчезает.)

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалою
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;

То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.
Склонись ко мне главою нежной,
И да почию безмятежный,
Пока дохнет веселый день
И двинется ночная тень.

Вертоград моей сестры,
Вертоград уединенный;
Чистый ключ у ней с горы
Не бежит запечатленный.
У меня плоды блестят
Наливные, золотые;
У меня бегут, шумят
Воды чистые, живые.
Нард, алой и киннамон
Благовонием богаты:
Лишь повеет аквилон,
И закаплют ароматы.

БУРЯ

Ты видел деву на скале
В одежде белой над волнами,
Когда, бушуя в бурной мгле,
Играло море с берегами,
Когда луч молний озарял
Ее всечасно блеском алым
И ветер бился и летал
С ее летучим покрывалом?
Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури;
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури.

ПРОЗАИК И ПОЭТ

О чем, прозаик, ты хлопочешь?
Давай мне мысль какую хочешь:
Ее с конца я заострю,
Летучей рифмой оперю,
Вложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу,
А там пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!

*** ИЗ ВОЛЬТЕРА**

Короче дни, а ночи доле,
Настала скучная пора,
И солнце будто поневоле
Глядит на убранное поле.
Что делать в зимни вечера,
Пока не подали нам кушать?
Хотите ли теперь послушать,
Мои почтенные друзья,
Рассказ про доброго Роберта,
Что жил во время Дагоберта?

Из Рима ехал он домой,
Имея очень мало денег.
Сей рыцарь был хорош собой,
Разумен, хоть и молоденек.

Хотя стишки на именины
Натальи, Софьи, Катерины
Уже не в моде, может быть,
Но я, ваш обожатель верный,
Я в знак послушности примерной
Готов и ими вам служить.
Но предаю себя проклятью,
Когда я знаю, почему
Вас окрестили *благодатью*.
Нет, нет, по мненью моему,
И ваша речь, и взор унылый,
И ножка (смею вам сказать) —
Всё это чрезвычайно мило,
Но пагуба, не благодать.

Под каким созвездием,
Под какой планетою
Ты родился, юноша?
Ближнего Меркурия,
Аль Сатурна дальнего,
Марсовой, Кипридиной?

Уродился юноша
Под звездой безвестною,
Под звездой падучею,
Миг один блеснувшей
В темноте небес.

Что с тобой, скажи мне, братец?
Бледен ты как святотатец,
Волоса стоят горой!
Или с девой молодой
Пойман был ты у забора,
И, приняв тебя за вора,
Сторож гнался за тобой?
Иль смушен ты привиденьем,
Иль за тяжкие грехи,
Мучась диким вдохновеньем,
Сочиняешь ты стихи?

С ПОРТУГАЛЬСКОГО

Там звезда зари взошла,
Пышно роза процвела.
Это время нас, бывало,
Друг ко другу призывало.

На постеле пуховой
Дева сонною рукой
Отирала томны очи,
Удаляя грезы ночи.

И являлася она
У дверей иль у окна
Ранней звездочки светлее,
Розы утренней свежее.

Лишь ее завиджу я,
Мнилось, легче вокруг меня
Воздух утренний струился;
Я вольнее становился.

Меж овец деревни всей
Я красавицы моей
Знал любимую овечку —
Я водил ее на речку,

На тенистые берега,
На зеленые луга;
Я поил ее, лелеял,
Перед ней цветы я сеял.

Дева издали ко мне
Приближалась в тишине,
Я, прекрасную встречая,
Пел, гитарою бряцая:

«Девы, радости моей,
Нет! на свете нет милей!
Кто посмеет под луною
Спорить в счастья со мною?»

Не завидую царям,
Не завидую богам,
Как увижу очи томны,
Тонкий стан и косы темны».

Так певал, бывало, ей,
И красавицы моей
Сердце песнью любовалось;
Но блаженство миновалось.

Где ж красавица моя!
Одинокий плачу я —
Заменили песни нежны
Стон и слезы безнадежны.

НАЧАЛО I ПЕСНИ „ДЕВСТВЕННОИЦЫ“

Я не рожден святыню славословить,
Мой слабый глас не взыдет до небес;
Но должен я вас ныне приготовить
К услышанью Иоанниных чудес.
Она спасла французские лилеи.
В боях ее девической рукой
Поражены заморские злодеи.
Могучею блистая красотой,
Она была под юбкою герой.
Я признаюсь — вечернею порой
Милее мне смиренная девица,
Послушная, как агнец полевой;
Иоанна же была душою львица,
Среди трудов и бранных непогод
Являлася всех витязей славнее
И, что всего чудеснее, труднее,
Цвет девственный хранила круглый год.

О ты, певец сей чудотворной девы,
Седой певец, чьи хриплые напевы,
Нестройный ум и бестолковый вкус
В былые дни бесили нежных муз,
Хотел бы ты, о стихотворец хилый,
Почтить меня скрипичею своею,
Да не хочу. Отдай ее, мой милый,
Кому-нибудь из модных рифмачей.

От многоречия отрекшись добровольно,
В собраньи полном слов не вижу пользы я;
Для счастья души, поверьте мне, друзья,
Иль слишком мало всех, иль одного довольно.

**ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ
АННЫ ЛЬВОВНЫ**

Ох, тетенька! ох, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Была ты к маменьке любовна,
Была ты к папеньке добра,
Была ты Лизаветой Львовной
Любима больше серебра;
Матвей Михайлович, как кровный,
Тебя встречал среди двора.
Давно ли с Ольгою Сергевной,
Со Львом Сергеичем давно ль,
Как бы на смех судьбине гневной,
Ты разделяла хлеб да соль.
Увы! зачем Василий Львович
Твой гроб стихами обмочил,
Или зачем подлец попович
Его Красовский пропустил.

В пещере тайной, в день гоненья,
Читал я сладостный Коран,
Внезапно ангел утешенья,
Влетев, принес мне талисман.

Его таинственная сила

.
Слова святыя начертила
На нем безвестная рука.

Люблю ваш сумрак неизвестный
И ваши тайные цветы,
О вы, поэзии прелестной
Благословенные мечты!
Вы нас уверили, поэты,
Что тени легкою толпой
От берегов холодной Леты
Слетаются на брег земной
И невидимо навещают
Места, где было всё милей,
И в сновиденьях утешают
Сердца покинутых друзей;
Они, бессмертные вкушая,
Их поджидают в Элизей,
Как ждет на пир семья родная
Своих замедливших гостей. . .

Но, может быть, мечты пустые —
Быть может, с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные,
И чужд мне будет мир земной;
Быть может, там, где всё блистает
Нетленной славой и красой,
Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия,
Минутных жизни впечатлений
Не сохранит душа моя,
Не буду ведать сожалений,
Тоску любви забуду я? . .

ПЕСНИ О СТЕНЬКЕ РАЗИНЕ

1

Как по Волге-реке по широкой
Выплывала востроносая лодка,
Как на лодке гребцы удалые,
Казаки, ребята молодые.
На корме сидит сам хозяин,
Сам хозяин, грозен Стенька Разин,
Перед ним красная девица,
Полоненая персидская царевна,
Не глядит Стенька Разин на царевну,
А глядит на матушку на Волгу.
Как промолвит грозен Стенька Разин:
«Ой ты гой еси, Волга, мать родная!
С глупых лет меня ты воспоила,
В долгу ночь баюкала, качала,
В волновую погоду выносила,
За меня ли, молодца, не дремала,
Казаков моих добром наделила.
Что ничем тебя еще мы не дарили».
Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
Подхватил персидскую царевну,
В волны бросил красную девицу,
Волге-матушке ею поклонился.

2

Ходил Стенька Разин
В Астрахань-город
Торговать товаром.

Стал воевода
Требовать подарков.
Поднес Стенька Разин
Камки хрущатые,
Камки хрущатые —
Парчи золотые.
Стал воевода
Требовать шубы.
Шуба дорогая,
Полы-то новы,
Одна боброва,
Друга соболья.
Ему Стенька Разин
Не отдает шубы.
«Отдай, Стенька Разин,
Отдай с плеча шубу.
Отдашь, так спасибо;
Не отдашь, повешу.
Что во чистом поле,
На зеленом дубе,
На зеленом дубе,
Да в собачьей шубе».
Стал Стенька Разин
Думати думу:
«Добро, воевода,
Возьми себе шубу,
Возьми себе шубу,
Да не было б шуму».

3

Что ни конский топ, ни людская молвь,
Ни труба трубача с поля слышится,
А погодушка свищет, гудит,
Свищет, гудит, заливаётся,
Зазывает меня, Стеньку Разина,
Погулять по морю по синему:
«Молодец удалой, ты разбойник лихой,
Ты разбойник лихой, ты разгульный буян.
Ты садись на ладьи свои скорые,
Распусти паруса полотняные,
Побеги по морю по синему.

Пригоню тебе три кораблика:
На первом корабле красно золото,
На втором корабле чисто серебро,
На третьем корабле душа-девица».

*** И. П. ПУЩИНУ**

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил;
Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

*** К ВЯЗЕМСКОМУ**

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грозного трезубец.

Не славь его. В наш гнусный век
Седой Нептун земли союзник.
На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник.

К БАРАТЫНСКОМУ

Стих каждый в повести твоей
Звучит и блещет, как червонец.
Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанок Байрона милей,
А твой зоил прямой чухонец.

*** ИЗ ПИСЬМА К ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ**

С тобой мне вновь считаться довелось,
Певец любви то резвой, то унылой;
Играешь ты на лире очень мило,
Играешь ты довольно плохо в штос.
Пятьсот рублей, проигранных тобою,
Наличные свидетели тому.
Судьба моя сходна с твоей судьбою.
Сейчас, мой друг, увидишь почему.

К ЗИНЕ

Вот, Зина, вам совет: играйте,
Из роз веселых заплетайте
Себе торжественный венец —
И впредь у нас не разрывайте
Ни мадригалов, ни сердец.

ИЗ АРИОСТОВА „ORLANDO FURIOSO“

Canto XXIII

Ott. 100*

Пред рыцарем блестит водами
Ручей прозрачнее стекла,
Природа милыми цветами
Тенистый берег убрала
И обсадила древесами.

101

Луга палит полдневный зной,
Пастух убогий спит у стада,
Устал под латами герой —
Его манит ручья прохлада;
Здесь мыслит он найти покой.
И здесь-то, здесь нашел несчастный
Приют жестокий и ужасный.

102

Гуляя, он на деревьях
Повсюду надписи встречает.
Он с изумленьем в сих чертах
Знакомый почерк замечает;

* «Неистовый Орланд». Песнь XXIII. Октава 100. (Итал.) —
Ред.

Невольный страх его влечет,
Он руку милой узнает. . .
И в самом деле в жар полдневный
Медор с китайскою царевной
Из хаты пастыря сюда
Сам друг являлся иногда.

103

Орланд их имена читает
Соединенны вензелом;
Их буква каждая гвоздем
Герою сердце пробивает.
Стараясь разум усыпить,
Он сам с собою лицемерит,
Не верить хочет он, хоть верит,
Он силится вообразить,
Что вензеля в сей роще дикой
Начертаны все, может быть,
Другой, не этой Анджеликой.

104

Но вскоре, витязь, молвил ты:
«Однако ж эти мне черты
Знакомы очень. . . разумею,
Медор сей выдуман лишь ею,
Под этим прозвищем меня
Царевна славила, быть может».
Так басней правду заменя,
Он мыслит, что судьбе поможет.

105

Но чем он более хитрит,
Чтоб утушить свое мученье,
Тем пуще злое подозренье
Возобновляется, горит;
Так в сетке птичка, друг свободы,
Чем больше бьется, тем сильней,
Тем крепче путается в ней.
Орланд идет туда, где своды
Гора склонила на ручей.

369

Кривой, бродящей павиликой
 Завешен был тенистый вход.
 Медор с прелестной Анжеликой
 Любили здесь у свежих вод
 В день жаркий, в тихий час досуга
 Дышать в объятиях друг друга,
 И здесь их имена кругом
 Древа и камни сохраняли;
 Их мелом, углем иль ножом
 Везде счастливцы написали.

Туда пешком печальный граф
 Идет и над пещерой темной
 Зрит надпись — в похвалу забав
 Медор ее рукою томной
 В те дни стихами начертал;
 Стихи, чувств нежных вдохновенье,
 Он по-арабски написал,
 И вот их точное значенье:

«Цветы, луга, ручей живой,
 Счастливый грот, прохладны тени,
 Приют любви, забав и лени,
 Где с Анжеликой молодой,
 С прелестной дочерью Галафрона,
 Любимой многими, — порой
 Я знал утехи Купидона.
 Чем, бедный, вас я награжу?
 Столь часто вами охраненный,
 Одним лишь только услужу —
 Хвалою и просьбою смиренной.

Господ любовников молю,
 Дам, рыцарей и всевозможных
 Пришельцев, здешних иль дорожных,

Которых в сторону сию
Фортуна заведет случайно, —
На воды, луг, на тень и лес
Зовите благодать небес,
Чтоб нимфы их любили тайно,
Чтоб пастухи к ним никогда
Не гнали жадные стада».

110

Граф точно так, как по-латыни,
Знал по-арабски. Он не раз
Спасался тем от злых проказ,
Но от беды не спасся ныне.

111

Два, три раза, и пять, и шесть
Он хочет надпись перечесть;
Несчастный силится напрасно
Сказать, что нет того, что есть,
Он правду видит, видит ясно,
И нестерпимая тоска,
Как бы холодная рука,
Сжимает сердце в нем ужасно,
И наконец на свой позор
Вперил он равнодушный взор.

112

Готов он в горести безгласной
Лишиться чувств, оставить свет.
Ах, верьте мне, что муки нет,
Подобной муке сей ужасной.
На грудь опершись бородой,
Склонив чело, убитый, бледный,
Найти не может рыцарь бедный
Ни вопля, ни слезы одной.

Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконец, и, верно, надо мной
Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами есть.
Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.
Так вот кого любил я пламенной душой
С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы, в душе моей
Для бедной, легковерной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.

Едва уста красноречивы
Тебя коснулись, и вмиг
Его ума огонь игривый
В тебя таинственно проник.

Кристал, поэтом обновленный,
Украсть мой мирный уголок,
Залог поэзии священной
И дружбы сладостный залог.

В тебе таится жар целебный

.

К ЯЗЫКОВУ

Языков, кто тебе внушил
Твое посланье удалое?
Как ты шалишь, и как ты мил,
Какой избыток чувств и сил,
Какое буйство молодое!
Нет, не кастальскою водой
Ты воспоил свою камену;
Пегас иную Иппокрену
Копытом вышиб пред тобой.
Она не хладной льется влагой,
Но пенится хмельною брагой;
Она разымчива, пьяна,
Как сей напиток благородный,
Слиянье рому и вина,
Без примеси воды негодной,
В Тригорском жаждою свободной
Открытый в наши времена.

Будь подобен полной чаше,
Молодых счастливый дом, —
Непонятно счастье ваше,
Но молчите ж обо всем.

Что за диво, что за каша
Для рассудка моего —
Черт возьми! но, воля ваша,
Не скажу я ничего.

То-то праздник мне да Маше,
Другу сердца моего;
Никогда про счастье наше
Мы не скажем ничего.

Стойте — тотчас угадаю
Горе сердца твоего.
Понимаю, понимаю! —
Не болтай же ничего.

Строгий суд и слово.ваше
Ценим более всего.
Вы ль одни про счастье наше
Не сказали ничего!

ПРИЗНАНИЕ

Я вас люблю, — хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный:
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам. . .
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, — я зеваю;
При вас мне грустно, — я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь — мне отрада;
Вы отвернетесь — мне тоска;
За день мучения — награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пальцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя, —
Я в умиленьи, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя! . .
Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой, в ненастье,
Вы собираетесь в даль?

И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествие в Опочку,
И фортепьяно вечерком? . .
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви:
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Всё может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно! . .
Я сам обманываться рад!

ПРОРОК

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутьи мне явился;
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

**СТИХОТВОРЕНИЯ
ПОСЛЕДНЕГО
ПЕРИОДА**

(август 1826—1837)

Б. А. ТИМАШЕВОЙ

Я видел вас, я их читал,
Сии прелестные созданья,
Где ваши томные мечтанья
Боготворят свой идеал.
Я пил отраву в вашем взоре,
В душой исполненных чертах,
И в вашем милом разговоре,
И в ваших пламенных стихах;
Соперницы *запретной розы*
Блажен бессмертный идеал...
Стократ блажен, кто вам внушал
Не много рифм и много прозы.

НЯНЕ

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
То чудится тебе.

*** ИЗ ПИСЬМА Б СОБОЛЕВСКОМУ**

У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармазаном макарони,
Да яичницу свари.

На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай (именно
котлет)
И отправься налегке.

Как до Яжельбиц дотащит
Колымагу мужичок,
То-то друг мой растарашит
Сладострастный свой глазок!

Поднесут тебе форели!
Тотчас их варить вели,
Как увидишь: посинели, —
Влей в уху стакан шабли.

Чтоб уха была по сердцу,
Можно будет в кипяток
Положить немного перцу,
Луку маленький кусок.

Яжельбицы — первая станция после Валдая. — В Валдае спроси, есть ли свежие сельди? если же нет,

У податливых крестьянок
(Чем и славится Валдай)
К чаю накупи баранок
И скорее поезжай.

Как счастлив я, когда могу покинуть
Докучный шум столицы и двора
И убежать в пустынные дубравы,
На берега сих молчаливых вод.

О, скоро ли она со дна речного
Подымет, как рыбка золотая?

Как сладостно явление ее
Из тихих волн, при свете ночи лунной!
Опутана зелеными власами,
Она сидит на берегу крутом.
У стройных ног, как пена белых, волны
Ласкаются, сливаясь и журча.
Ее глаза то меркнут, то блистают,
Как на небе мерцающие звезды;
Дыханья нет из уст ее, но сколь
Пронзительно сих влажных синих уст
Прохладное лобзанье без дыханья.
Томительно и сладко: в летний зной
Холодный мед не столько сладок жажде...
Когда она игривыми перстами
Кудрей моих касается, тогда
Мгновенный хлад, как ужас, пробегает
Мне голову, и сердце громко бьется,
Томительно любовью замирая.
И в этот миг я рад оставить жизнь,
Хочу стонать и пить ее лобзанье.
А речь ее... Какие звуки могут
Сравниться с ней — младенца первый лепет,
Журчанье вод, иль майский шум небес,
Иль звонкие Бояна Славья гусли.

ОТВЕТ Ф. Т***

Нет, не черкешенка она;
Но в доли Грузии от века
Такая дева не сошла
С высот угрюмого Казбека.

Нет, не агат в глазах у ней;
Но все сокровища Востока
Не стоят сладостных лучей
Ее полуденного ока.

В еврейской хижине лампада
В одном углу бледна горит,
Перед лампадою старик
Читает библию. Седые
На книгу падают власы.
Над колыбелию пустой
Еврейка плачет молодая.
Сидит в другом углу, главой
Поникнув, молодой еврей,
Глубоко в думу погруженный.
В печальной хижине старушка
Готовит позднюю трапезу.
Старик, закрыв святую книгу,
Застежки медные сомкнул.
Старуха ставит бедный ужин
На стол и всю семью зовет.
Никто нейдет, забыв о пище.
Текут в безмолвии часы.
Уснуло всё под сенью ночи.
Еврейской хижины одной
Не посетил отрадный сон.
На колокольне городской
Бьет полночь. — Вдруг рукой тяжелой
Стучатся к ним. Семья вздрогнула,
Младой еврей встает и дверь
С недоумением отворяет —
И входит незнакомый странник.
В его руке дорожный посох. . .

Е ***

Ты богоматерь, нет сомненья,
Не та, которая красой
Пленила только дух святой,
Мила ты всем без исключенья;
Не та, которая Христа
Родила не спросясь супруга.
Есть бог другой земного круга —
Ему послушна красота,
Он бог Парни, Тибулла, Мура,
Им мучусь, им утешен я.
Он весь в тебя — ты мать Амура,
Ты богородица моя!

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска. . .

Ни огня, ни черной хаты. . .
Глушь и снег. . . Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне.

Скучно, грустно. . . завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ящик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

СТАНСЫ

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукий.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

АРИОН

Нас было много на челне;
Иные парус натягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны весла. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный чолн;
А я — беспечной веры полн,
Пловцам я пел. . . Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный. . .
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

* МОРДВИНОВУ

Под хладом старости угрюмо угасал
Единый из седых орлов Екатерины.
В крылах отяжелев, он небо забывал
И Пинда острые вершины.

В то время ты вставал: твой луч его согрел,
Он поднял к небесам и крылья и зеницы
И с шумной радостью взыграл и полетел
Во сретенье твоей денницы.

Мордвинов, не вотще Петров тебя любил,
Тобой гордится он и на берегах Коцита.
Ты лиру оправдал, ты ввек не изменил
Надеждам вещего пиита.

Как славно ты сдержал пророчество его!
Сияя доблестью, и славой, и наукой,
В советах недвижим у места своего,
Стоишь ты, новый Долгорукий.

Так, в пенистый поток с вершины гор скатясь,
Стоит седой утес, вотще берега трепещут,
Вотще грохочет гром и волны, вокруг мутясь,
И увиваются и плещут.

Один, на рамена поднявши мощный труд,
Ты зорко бодрствуешь над царскою казною,
Вдовицы бедный лепт и дань сибирских руд
Равно священны пред тобою.

ПОЭТ

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы. . .

СОЛОВЕЙ И РОЗА

В безмолвии садов, весной, во мгле ночей,
Поет над розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствует, не внимлет,
И под влюбленный гимн колеблется и дремлет.
Не так ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэт, к чему стремишься ты?
Она не слушает, не чувствует поэта;
Глядишь, она цветет; взываешь — нет ответа.

ЭПИГРАММА

(Из антологии)

Лук звенит, стрела трепещет,
И, клубясь, издох Пифон;
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон!
Кто ж вступился за Пифона,
Кто разбил твой истукан?
Ты, соперник Аполлона,
Бельведерский Митрофан.

Есть роза дивная: она
Пред изумленною Киферой
Цветет румяна и пышна,
Благословенная Венерой.
Вотще Киферу и Пафос
Мертвит дыхание мороза —
Блестит между минутных роз
Неувядаемая роза. . .

*** ЕК. Н. УШАКОВОЙ**

Когда, бывало, в старину
Являлся дух иль привиденье,
То прогоняло сатану
Пустое это изречение:
«Аминь, аминь, рассыпся!» В наши дни
Гораздо менее бесов и привидений
(Бог ведаёт, куда девались они...);
Но ты, мой злой иль добрый гений,
Когда я вижу пред собой
Твой профиль, и глаза, и кудри золотые,
Когда я слышу голос твой
И речи резвые, живые, —
Я очарован, я горю
И содрогаюсь пред тобою
И сердца пылкого мечтою
«Аминь, аминь, рассыпся!» говорю.

**КНЯГИНЕ З. А. ВОЛКОНСКОЙ
ПРИ ПОСЫЛКЕ ЕЙ ПОЭМЫ „ЦЫГАНЫ“**

Среди рассеянной Москвы,
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется и пылает гений.
Певца, плененного тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

*** В АЛЬБОМ ПАВЛУ ВЯЗЕМСКОМУ**

Душа моя Павел,
Держись моих правил:
Люби то-то, то-то,
Не делай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.

*** Е. Н. УШАКОВОЙ**

В отдалении от вас
С вами буду неразлучен,
Томных уст и томных глаз
Буду памятью размучен;
Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен, —
Вы ж вздохнете ль обо мне,
Если буду я повешен?

ТРИ КЛЮЧА

В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробилась три ключа:
Ключ юности, ключ быстрый и мятежный,
Кипит, бежит, сверкая и журча.
Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит.
Последний ключ — холодный ключ забвенья,
Он слаще всех жар сердца утолит.

АНГЕЛ

В дверях эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.

Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.

«Прости, — он рек, — тебя я видел,
И ты недаром мне сиял:
Не всё я в небе ненавидел,
Не всё я в мире презирал».

Какая ночь! Мороз трескучий,
На небе ни единой тучи;
Как шитый полог, синий свод
Пестреет частыми звездами.
В домах всё темно. У ворот
Затворы с тяжкими замками.
Везде покоится народ;
Утих и шум и крик торговый;
Лишь только лает страж дворовый
Да цепью звонкою гремит.

И вся Москва покойно спит,
Забыв волнение боязни.
А площадь в сумраке ночном
Стоит, полна вчерашней казни.
Мучений свежий след кругом:
Где труп, разрубленный с размаха,
Где столп, где вилы; там котлы,
Остывшей полные смолы;
Здесь опрокинутая плаха;
Торчат железные зубцы,
С костями груды пепла тлеют,
На кольях, скорчась, мертвецы
Оцепенелые чернеют. . .
Недавно кровь со всех сторон
Струею тощей снег багрила,
И подымался томный стон,
Но смерть коснулась к ним, как сон,
Свою добычу захватила.
Кто там? чей конь во весь опор
По грозной площади несется?

Чей свист, чей громкий разговор
Во мраке ночи раздается?
Кто сей? — Кромешник удалой.
Спешит, летит он на свиданье,
В его груди кипит желанье.
Он говорит: «Мой конь лихой,
Мой верный конь! лети стрелой!
Скорей, скорей! . . .» Но конь ретивый
Вдруг размахнул плетеной гривой
И стал. Во мгле между столпов
На перекладине дубовой
Качался труп. Ездок суровый
Под ним промчатся был готов,
Но борзый конь под плетью бьется,
Храпит, и фыркает, и рвется
Назад. «Куда? мой конь лихой!
Чего боишься? что с тобой?
Не мы ли здесь вчера скакали,
Не мы ли яростно топтали,
Усердной местию горя,
Лихих изменников царя?
Не их ли кровию омыты
Твои булатные копыты!
Теперь ужель их не узнал?
Мой борзый конь, мой конь удалый,
Несись, лети! . . .» И конь усталый
В столбы под трупом проскакал.

.

Весна, весна, пора любви,
Как тяжело мне твое явленье,
Какое томное волненье
В моей душе, в моей крови...
Как чуждо сердцу наслажденье...
Всё, что ликует и блестит,
Наводит скуку и томленье.

Отдайте мне метель и вьюгу
И зимний долгий мрак ночей.

*** БИПРЕНСКОМУ**

Любимец моды легкокрылой,
Хоть не британец, не француз,
Ты вновь создал, волшебник милый,
Меня, питомца чистых муз, —
И я смеюся над могилой,
Ушед навек от смертных уз.

Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит.
Оно гласит, что не унижу
Пристрастия важных аонид.
Так Риму, Дрездену, Парижу
Известен впредь мой будет вид.

АБАФИСТ
ЕКАТЕРИНЕ НИКОЛАЕВНЕ БАРАМЗИНОЙ.

Земли достигнув наконец,
От бурь спасенный провиденьем,
Святой владычице пловец
Свой дар несет с благоговеньем.
Так посвящаю с умиленьем
Простой, увядший мой венец
Тебе, высокое светило
В эфирной тишине небес,
Тебе, сияющей так мило
Для наших набожных очес.

Близ мест, где царствует Венеция златая,
Оди́, ночной гребец, гондолой управляя,
При свете Веспера по взморию плывет,
Ринальда, Годфреда, Эрминию поет.
Он любит песнь свою, поет он для забавы,
Без дальных умыслов; не ведает ни славы,
Ни страха, ни надежд, и, тихой музы полн,
Умеет услаждать свой путь над бездной волн.
На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокий,
Как он, без отзыва утешно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

ПОСЛАНИЕ ДЕЛЬВИГУ

Прими сей череп, Дельвиг: он
Принадлежит тебе по праву.
Тебе поведаю, барон,
Его готическую славу.

Почтенный череп сей не раз
Парами Вакха нагревался:
Литовский меч в недобрый час
По нем со звоном ударялся;
Сквозь эту кость не проходил
Луч животворный Аполлона;
Ну словом, череп сей хранил
Тяжеловесный мозг барона,
Барона Дельвига. Барон,
Конечно, был охотник славный,
Наездник, чаши друг исправный,
Гроза вассалов и их жен.
Мой друг, таков был век суровый,
И предок твой крепкоголовый
Смутился б рыцарской душой,
Когда б тебя перед собой
Увидел без одежды бранной,
С главою, миртами венчанной,
В очках и с лирой золотой.

Покойником в церковной книге
Уж был давно записан он,

И с предками своими в Риге
Вкушал непробудимый сон.
Барон в обители печальной
Доволен, впрочем, был судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербом гробницы феодальной
И эпитафией плохой.
Но в наши беспокойны годы
Покойникам покоя нет.
Косматый баловень природы,
И математик и поэт,
Бвян задумчивый и важный,
Хирург, юрист, физиолог,
Идеолог и филолог,
Короче вам — студент присяжный,
С витою трубкою в зубах,
В плаще, с дубиной и в усах
Явился в Риге. Там спесиво
В трактирах стал он пенить пиво,
В дыму табачных облаков;
Бродить над берегами моря,
Мечтать об Лотхен, или с горя
Стихи писать, да бить жидов.
Студент под лестницей трактира
В каморке темной жил один:
Там, в виде зеркал и картин,
Короткий плащ, картуз, рапира
Висели на стене рядком.
Полуизмаранный альбом,
Творенья Фихте и Платона
Да два восточных лексикона
Под паутиною в углу
Лежали грудой на полу —
Предмет занятий разнородных
Ученого да крыс голодных.
Мы знаем: роскоши пустой
Почтенный мыслитель не ищет;
Смеясь над глупой суетой,
В чулане он беспечно свищет.
Умеренность, вещал мудрец,
Сердце высоких отпечаток.
Студент однако ж наконец

Заметил важный недостаток
В своем быту: ему предмет
Необходимый был... скелет,
Предмет, философам любезный,
Предмет приятный и полезный
Для глаз и сердца, слова нет;
Но где достанет он скелет?
Вот он однажды в воскресенье
Сошелся с кистером градским
И, тотчас взяв в соображение
Его характер и служенье,
Решился подружиться с ним.
За кружкой пива мой мечтатель
Открылся кистеру душой
И говорит: «Нельзя ль, приятель,
Тебе досужною порой
Свести меня в подвал могильный,
Костями праздными обильный,
И между тем один скелет
Помочь мне вынести на свет?
Клянусь тебе айдесским богом:
Он будет дружбы мне залогом
И до моих последних дней
Красой обители моей».
Смутился кистер изумленный.
«Что за желанье? что за страсть?
Идти в подвал уединенный,
Встревожить мертвых сонм почтенный
И одного из них украсть!
И кто же?.. Он, гробов хранитель!
Что скажут мертвые потом?»
Но пиво, страха усыпитель
И гневной совести смиритель,
Сомненья разрешило в нем.
Ну, так и быть! Дает он слово,
Что к ночи будет всё готово,
И другу назначает час.
Они расстались.

День угас.

Настала ночь. Плащом покрытый,
Стоит герой наш знаменитый
У галереи гробовой,

И с ним преступный кистер мой,
Держа в руке фонарь разбитый,
Готов на подвиг роковой.
И вот визжит замок заржавый,
Визжит предательская дверь —
И сходят витязи теперь
Во мрак подвала величавый;
Сияньем тощим фонаря
Глухие своды озаря,
Идут — и эхо гробовое,
Смущенное в своем покое,
Протяжно вторит звук шагов.
Пред ними длинный ряд гробов;
Везде щиты, гербы, короны;
В тщеславном тлении кругом
Почиют непробудным сном
Высокородные бароны. . .

Я бы никак не осмелился оставить рифмы в эту поэтическую минуту, если бы твой прадед, коего гроб попался под руку студента, вздумал за себя вступить, ухватя его за ворот, или погрозив ему костяным кулаком, или как-нибудь иначе оказав свое неудовольствие; к несчастью, похищенье совершилось благополучно. Студент по частям разобрал всего барона и набил карманы костями его. Возвратясь домой, он очень искусно связал их проволокою и таким образом составил себе скелет очень порядочный. Но вскоре молва о перенесении бароновых костей из погребя в трактирный чулан разнеслася по городу. Преступный кистер лишился места, а студент принужден был бежать из Риги, и как обстоятельства не позволяли ему брать с собою *будущего*, то, разобрав опять барона, раздарил он его своим друзьям. Большая часть высокородных костей досталась аптекарю. Мой приятель Вульф получил в подарок череп и держал в нем табак. Он рассказал мне его историю и, зная, сколько я тебя люблю, уступил мне череп одного из тех, которым обязан я твоим существованием.

Прими ж сей череп, Дельвиг, он
Принадлежит тебе по праву.

Обделай ты его, барон,
В благопристойную оправу.
Изделье гроба преврати
В увеселительную чашу,
Вином кипящим освяти,
Да запивай уху да кашу.
Певцу Корсара подражай
И скандинавов рай воинский
В пирах домашних воскрешай,
Или, как Гамлет-Баратынский,
Над ним задумчиво мечтай:
О жизни мертвый проповедник,
Вином ли полный иль пустой,
Для мудреца, как собеседник,
Он стоит головы живой.

Всем красны боярские конюшни:
Чистотой, прислугой и конями;
Всем довольны добрые кони:
Кормом, стойлами и надзором.
Сбруя блещет на стойках дубовых,
В стойлах лоснятся борзые кони.
Лишь одним конюшни непригожи —
Домовой повадился в конюшни.
По ночам ходит он в конюшни,
Чистит, холит коней боярских,
Заплетает гриву им в косички,
Туго хвост завязывает в узел.
Как не взлюбит он вороного.
На вечерней заре с водопою
Обойду я боярские конюшни
И зайду в стойло к вороному —
Конь стоит исправен и смирен.
А поутру отопрешь конюшню,
Конь не тих, весь в мыле, жаром пышет,
С морды каплет кровавая пена.
Во всю ночь домовой на нем ездил
По горам, по лесам, по болотам,
С полуночи до белого света —
До заката месяца

Ах ты, старый конюх неразумный,
Разгадаешь ли, старый, загадку?
Полюбил красну девку младой конюх,
Младой конюх, разгульный парень —
Он конюшни ночью отпирает,

Потихонько вороного седлает,
Полегонько выводит за ворота,
На коня на борзого садится,
К красной девке в гости скачет.

Блажен в златом кругу вельмож
Пиит, внимаемый царями.
Владея смехом и слезами,
Приправя горькой правдой ложь,
Он вкус притупленный щекотит
И к славе спесь бояр охотит,
Он украшает их пиры,
И сыплет Фебовы дары.
Меж тем за тяжкими дверями,
Теснясь у черного крыльца,
Народ, гоняемый слугами,
Поодаль слушает певца.

В роще карийской, любезной ловцам, таится пещера,
Стройные сосны кругом склонились ветвями, и тенью
Вход ее заслонен на воле бродящим в извилах
Плющем, любовником скал и расселин. С камня
на камень
Звонкой струится дугой, пещерное дно затопляя,
Резвый ручей. Он, пробив глубокое русло, виется
Вдаль по роще густой, веселя ее сладким журчаньем.

19 ОКТЯБРЯ 1827

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли!

ТАЛИСМАН

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.

И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.

И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников пророка
Он тебе не покóрит;
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман. . .

Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя —
Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!»

О ты, который сочетал
С глубоким чувством вкус толь верный,
И точный ум, и слог примерный,
О ты, который избежал
Сентиментальности манерной
И в самый легкий мадригал
Умел

РУССКОМУ ГЕСНЕРУ

Куда ты холоден и сух!
Как слог твой чопорен и бледен!
Как в изобретеньях ты беден!
Как утомляешь ты мой слух!
Твоя пастушка, твой пастух
Должны ходить в овчинной шубе:
Ты их морозишь налегке!
Где ты нашел их: в шустер-клубе
Или на Красном кабачке?

Я знаю край: там на берега
Уединенно море плещет;
Там редко падают снега,
Безоблачно там солнце блещет
На опаленные луга;
Дубрав не видно — степь нагая
Над морем стелется одна.

ДРУЗЬЯМ

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю,
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Его я просто полюбил.
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

О нет! хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный;
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.

Тёкла в изгнании жизнь моя,
Влачил я с милыми разлуку,
Но он мне царственную руку
Простер, — и с вами снова я.

Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою,
И я ль, в сердечном умилении,
Ему хвалы не воспою?

Я льстец! Нет, братья, льстец лукав:
Он горе на царя назовет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.

Он скажет: презирай народ,
Глуши природы голос нежный.
Он скажет: просвещения плод —
Разврат и некий дух мятежный.

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

*** ЭПИТАФИЯ МЛАДЕНЦУ**

(Н. Волконскому)

В сияньи, в радостном покое,
У трона вечного творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца.

На игроков, как ты, однажды
Сатиру злую написал
И другу с жаром прочитал.
Ему в ответ его приятель
Взял карты, молча стасовал,
Дал снять, и нравственный писатель
Всю ночь, увы! понтировал.
Тебе знаком ли сей проказник?
Но встреча с ним была б мне праздник:
Я с ним готов всю ночь не спать
И до полднего сиянья
Читать моральные посланья
И проигрыш его писать.

Kennst du das Land?

Wilh. Meist. *

По клюкву, по клюкву
По ягоду, по клюкву...

Кто знает край, где небо блещет
Неизъяснимой синевой,
Где море теплою волной
Вокруг развалин тихо плещет;
Где вечный лавр и кипарис
На воле гордо разрослись;
Где пел Торквато величавый;
Где и теперь во мгле ночной
Адриатической волной
Повторены его октавы;
Где Рафаэль живописал;
Где в наши дни резец Кановы
Послушный мрамор оживлял,
И Байрон, мученик суровый,
Страдал, любил и проклинал?

Волшебный край, волшебный край,
Страна высоких вдохновений,
Людмила зрит твой древний рай,
Твои пророческие сени.

На берегу роскошных вод
Порою карнавальных оргий
Кругом ее кипит народ;

* Ты знаешь ли тот край? *Вильгельм Мейстер*. (Немецк.) —
Ред.

Ее приветствуют восторги.
Людмила северной красой,
Всё вместе — томной и живой,
Сынов Авзонии пленяет
И поневоле увлекает
Их пестры волны за собой.

На рай полуденной природы,
На блеск небес, на ясны воды,
На чудеса немых искусств
В стесненьи вдохновенных чувств.
Людмила светлый взор возводит,
Дивясь и радуясь душой,
И ничего перед собой
Себя прекрасней не находит.
Стоит ли с важностью очей
Пред флорентинскою Кипридой,
Их две. . . и мрамор перед ней
Страдает, кажется, обидой.
Мечты возвышенной полна,
В молчаньи смотрит ли она
На образ нежной Форнарины,
Или Мадонны молодой,
Она задумчивой красой
Очаровательней картины. . .

Скажите мне: какой певец,
Горя восторгом умиленным,
Чья кисть, чей пламенный резец
Предаст потомкам изумленным
Ее небесные черты?
Где ты, ваятель безымянный
Богини вечной красоты?
И ты, харитою венчанный,
Ты, вдохновенный Рафаэль?
Забудь еврейку молодую,
Младенца-бога колыбель,
Постигни прелесть неземную,
Постигни радость в небесах,
Пиши Марию нам другую,
С другим младенцем на руках.

.



В. С. ФИЛИМОНОВУ
ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ПОЭМЫ ЕГО „ДУРАЦКИЙ КОЛПАК“

Вам музы, милые старушки,
Колпак связали в добрый час,
И, прицепив к нему гремушки,
Сам Феб надел его на вас.
Хотелось в том же мне уборе
Пред вами нынче щегольнуть
И в откровенном разговоре,
Как вы, на многое взглянуть;
Но старый мой колпак изношен,
Хоть и любил его поэт;
Он поневоле мной заброшен:
Не в моде нынче красный цвет.
Итак, в знак мирного привета,
Снимая шляпу, бью челом,
Узнав философа-поэта
Под осторожным колпаком.

Увы! Язык любви болтливый,
Язык неполный и простой,
Своею прозой нерадивой
Тебе докучен, ангел мой.
Но сладок уху милой девы
Честолюбивый Аполлон.
Ей милы мерные напевы,
Ей сладок рифмы гордый звон.
Тебя страшит любви признание,
Письмо любви ты разорвешь,
Но стихотворное посланье
С улыбкой нежною прочтешь.
Благословен же будь отныне
Судьбою вверенный мне дар.
Доселе в жизненной пустыне,
Во мне питая сердца жар,
Мне навлекал одно гоненье,
.....
Иль клевету, иль заточенье,
И редко хладную хвалу.

TO DAWE, ESQ^{re} *

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофель.

Рисуй Олениной черты.
В жару сердечных вдохновений,
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.

* Господину Доу. (Англ.) — *Ред.*

ВОСПОМИНАНИЕ

Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

ТЫ И ВЫ

Пустое *вы* сердечным *ты*
Она обмолвись заменила,
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как *вы* милы!
И мыслю: как *тебя* люблю!

26 мая 1828

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомнением взволновал? . .

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

И. В. СЛЁННУ

Я не люблю альбомов модных:
Их ослепительная смесь
Аспазий наших благородных
Провозглашает только спесь.
Альбом красавицы уездной,
Альбом домашний и простой,
Милей болтливостью любезной
И безыскусной пестротой.
Ни здесь, ни там, скажу я смело,
Являться, впрочем, не хочу;
Но твой альбом другое дело.
Охотно дань ему плачу.
Тобой питомцам Аполлона
Не из тщеславья он открыт:
Цариц ты любишь Геликона
И ими сам не позабыт;
Вхожу в него прямым поэтом,
Как в дружеский, приятный дом,
Почтив хозяина приветом
И лар молитвенным стихом.

Еще дуют холодные ветры
И наносят утренни морозы.
Только что на проталинах весенних
Показались ранние цветочки,
Как из чудного царства воскового,
Из душистой келейки медовой
Вылетала первая пчелка,
Полетела по ранним цветочкам
О красной весне поразведать,
Скоро ль будет гостья дорогая,
Скоро ли луга позеленеют,
Скоро ль у кудрявой у березы
Распустятся клейкие листочки,
Зацветет черемуха душиста.

Кобылица молодая,
Честь кавказского тавра,
Что ты мчишься, удалая?
И тебе пришла пора;
Не косись пугливым оком,
Ног на воздух не мечи,
В поле гладком и широком
Своенравно не скачи.
Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:
В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой.

ЕЕ ГЛАЗА

(В ответ на стихи князя Вяземского)

Она мила — скажу меж нами —
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза. ·
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты! . .
Потупит их с улыбкой Леля —
В них скромных граций торжество;
Поднимет — ангел Рафаэля
Так созерцает божество.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Увы, напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь, и при луне
Черты далекой, бедной девы! . .

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

К ЯЗЫКОВУ

К тебе собирался я давно
В немецкий град, тобой воспетый,
С тобой попить, как пьют поэты,
Тобой воспетое вино.
Уж зазывал меня с собою
Тобой воспетый Киселев,
И я с веселою душою
Оставить был совсем готов
Неволю невских берегов.
И что ж? Гербовые заботы
Схватили за полы меня,
И на Неве, хоть нет охоты,
Прикованным остался я.
О юность, юность удалая!
Могу ль тебя не пожалеть?
В долгах, бывало, утопая,
Займодавцев убегая,
Готов был всюду я лететь.
Теперь докучно посещаю
Своих ленивых должников,
Остепенившись, проклиная
Я тяжесть денег и годов.

Прости, певец: играй, пируй,
С Кипридой, Фебом торжествуй,
Не знай сиятельного чванства,
Не знай любезных должников
И не плати своих долгов
По праву русского дворянства.

*** Н. Д. КИСЕЛЕВУ**

Ищи в чужом краю здоровья и свободы,
Но север забывать грешно,
Так слушай: поспешай карлсбадские пить воды,
Чтоб с нами снова пить вино.

ПОРТРЕТ

С своей пылающей душой,
С своими бурными страстями,
О жены севера, меж вами
Она является порой
И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как беззаконная комета
В кругу расчисленном светил.

НАПЕРСНИК

Твоих признаний, жалоб нежных
Ловлю я жадно каждый крик:
Страстей безумных и мятежных
Как упоителен язык!
Но прекрати свои рассказы,
Таи, таи свои мечты:
Боюсь их пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты!

БИРДЖАЛИ

В степях зеленых Буджака,
Где Прут, заветная река,
Обходит русские владенья,
При бедном устье ручейка
Стоит безвестное селенье.
Семействами болгары тут
В беспечной дикости живут,
Храня родительские нравы,
Питаясь трудом,
И не заботятся о том,
Как ратоборствуют державы
И грозно правят их судьбой.

А в ненастные дни
Собирались они
Часто;
Гнули — бог их прости! —
От пятидесяти
На сто,
И выигрывали
И отписывали
Мелом.
Так, в ненастные дни,
Занимались они
Делом.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне. . .
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду. . .
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.

Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: *прости*,
Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Заменит душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

УТОПЛЕННИК

Простонародная сказка

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
«Тятя! тятя! наши сети
Притащили мертвеца».
«Врите, врите, бесенята, —
Заворчал на них отец, —
Ох, уж эти мне робята!
Будет вам ужо мертвец!

Суд наедет, отвечай-ка;
С ним я ввек не разберусь;
Делать нечего; хозяйка,
Дай кафтан: уж поплетусь. . .
Где ж мертвец?» — «Вон, тятя, э-вот!»
В самом деле, при реке,
Где разостлан мокрый невод,
Мертвый виден на песке.

Безобразно труп ужасный
Посинел и весь распух.
Горемыка ли несчастный
Погубил свой грешный дух,
Рыболов ли взят волнами,
Али хмельный молодец,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купец?

Мужику какое дело?
Озираясь, он спешит;
Он потопленное тело
В воду за ноги тащит
И от берега крутого
Оттолкнул его веслом,
И мертвец вниз поплыл снова
За могилой и крестом.

Долго мертвый меж волнами
Плыл качаясь, как живой;
Проводив его глазами,
Наш мужик пошел домой.
«Вы, щенки! за мной ступайте!
Будет вам по калачу,
Да смотрите ж, не болтайте,
А не то поколочу».

В ночь погода зашумела,
Взволновалась река,
Уж лучина догорела
В дымной хате мужика,
Дети спят, хозяйка дремлет,
На полатях муж лежит,
Буря воеет; вдруг он внемлет:
Кто-то там в окно стучит.

«Кто там?» — «Эй,пусти, хозяин!» —
«Ну,какая там беда?
Что ты ночью бродишь, Каин?
Черт занес тебя сюда;
Где возиться мне с тобою?
Дома тесно и темно».
И ленивою рукою
Подымает он окно.

Из-за туч луна катится —
Что же? голый перед ним:
С бороды вода струится,
Взор открыт и недвижим,
Всё в нем страшно онемело,
Опустились руки вниз,

И в распухнувшее тело
Раки черные впились.

И мужик окно захлопнул;
Гостя голого узнав,
Так и обмер: «Чтоб ты лопнул!» —
Прошептал он задрожав.
Страшно мысли в нем мешались,
Трясся ночь он напролет,
И до утра всё стучались
Под окном и у ворот.

Есть в народе слух ужасный:
Говорят, что каждый год
С той поры мужик несчастный
В день урочный гостя ждет;
Уж с утра погода злится,
Ночью буря настает,
И утопленник стучится
Под окном и у ворот.

Рифма, звучная подруга
Вдохновенного досуга,
Вдохновенного труда,
Ты умолкла, онемела;
Ах, зачем ты улетела,
Изменила навсегда!

В прежни дни твой милый лепет
Усмирял сердечный трепет —
Усыплял мою печаль,
Ты ласкалась, ты манила,
И от мира уводила
В очарованную даль.

Ты, бывало, мне внимала,
За мечтой моей бежала,
Как послушное дитя;
То, свободна и ревнива,
Своенравна и ленива,
С нею спорила шутя.

Я с тобой не расставался;
Сколько раз повиновался
Резвым прихотям твоим;
Как любовник добродушный,
Снисходительно послушный,
Был я мучим и любим.

О, когда бы ты явилась
В дни, как на небе толпилась
Олимпийская семья!

Ты бы с нею обитала,
И божественно б сияла
Родословная твоя.

Взяв божественную лиру,
Так поведали бы миру
Гезиод или Омир:
Феб однажды у Адмета
Близ тенистого Тайгета
Стадо пас, угрюм и сир.

Он бродил во мраке леса,
И никто, страшась Зевеса,
Из богинь иль из богов
Навещать его не смели —
Бога лиры и свирели,
Бога света и стихов.

Помня первые свиданья,
Усладить его страданья
Мнемозина притекла.
И подруга Аполлона
В тихой роще Геликона
Плод восторгов родила.

*** ЭПИГРАММА**

Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи;
Не усыпляй меня — иль после не буди.

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
Ворон, где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?

Ворон ворону в ответ:
Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.

Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милóго
Не убитого, живого.

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит —
Всё же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой.

*** 19 ОКТЯБРЯ 1828**

Усердно помолившись богу,
Лицею прокричав *ура*,
Прощайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

Уродился я, бедный недоносок.
С глупых лет брожу я сиротою;
Недорослем меня бедного женили;
Новая семья не полюбила;
Сударыня жена не приласкала.

В прохладе сладостной фонтанов
И стен, обрызганных кругом,
Поэт, бывало, тешил ханов
Стихов гремучим жемчугом.

На нити праздного веселья
Низал он хитрою рукой
Прозрачной лести ожерелья
И четки мудрости золотой.

Любили Крым сыны Саади,
Порой восточный краснобай
Здесь развивал свои тетради
И удивлял Бахчисарай.

Его рассказы расстилались
Как эриванские ковры,
И ими ярко украшались
Гиреев ханские пиры.

Но ни один волшебник милый,
Владелец умственных даров,
Не вымышлял с такою силой,
Так хитро сказок и стихов,

Как прозорливый и крылатый
Поэт той чудной стороны,
Где мужи грозны и косматы,
А жены гуриям равны.

Сто лет минуло, как тевтон
В крови неверных окупался;
Страной полночной правил он.
Уже прусак в оковы вдался,
Или сокрылся, и в Литву
Понес изгнанную главу.

Между враждебными берегами
Струился Немен; — на одном
Еще над древними стенами
Сияли башни, и кругом
Шумели рощи вековые,
Духов пристанища святые.
Символ германца — на другом
Крест веры, в небо возносящий
Свои объятия грозящи,
Казалось, свыше захватить
Хотел всю область Палемона
И племя чуждого закона
К своей подошве привлечь.

С медвежьей кожей на плечах,
В косматой рысьей шапке, с пуком
Каленых стрел и с верным луком,
Литовцы юные, в толпах,
Со стороны одной бродили
И зорко недруга следили.
С другой, покрытый шишаком,
В броне закованный, верхом,
На страже немец, за врагами

Недвижно следуя глазами,
Пищаль с молитвой заряжал.

Всяк переправу охранял:
Ток Немена гостеприимный,
Свидетель их вражды взаимной,
Стал прагом вечности для них;
Сношений дружных глас утих,
И всяк, переступивший воды,
Лишен был жизни иль свободы.
Лишь хмель литовских берегов,
Немецкой тополью плененный,
Через реку, меж тростников,
Переправлялся дерзновенный,
Брегов противных достигал
И друга нежно обнимал.
Лишь соловьи дубрав и гор
По старине вражды не знали
И в остров, общий с давних пор,
Друг к другу в гости прилетали.

КЛЕОПАТРА

Чертог сиял. Гремели хором
Певцы при звуке флейт и лир.
Царица голосом и взором
Свой пышный оживляла пир;
Сердца неслись к ее престолу,
Но вдруг над чашей золотой
Она задумалась и долу
Поникла дивною главой. . .

И пышный пир как будто дремлет:
Безмолвны гости. Хор молчит.
Но вновь она чело подьемлет
И с видом ясным говорит:
— В моей любви для вас блаженство?
Блаженство можно вам купить. . .
Внемлите ж мне: могу равенство
Меж нами я восстановить.
Кто к торгу страстному приступит?
Свою любовь я продаю;
Скажите: кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою?

Клянусь. . . о мать наслаждений,
Тебе неслыханно служу,
На ложе страстных искушений
Простой наемницей всхожу.
Внемли же, мощная Киприда,
И вы, подземные цари,



О боги грозного Аида,
Клянусь — до утренней зари
Моих властителей желанья
Я сладострастно утомлю
И всеми тайнами лобзанья
И дивной негой утолю.
Но только утренней порфирой
Аврора вечная блеснет,
Клянусь — под смертную секирой
Глава счастливец отпадет.

Рекла — и ужас всех объемлет,
И страстью дрогнули сердца. . .
Она смущенный ропот внемлет
С холодной дерзостью лица,
И взор презрительный обводит
Кругом поклонников своих. . .
Вдруг из толпы один выходит,
Вослед за ним и два других.
Смела их поступь; ясны очи;
Навстречу им она встает;
Свершилось: куплены три ночи,
И ложе смерти их зовет.

Благословенные жрецами,
Теперь из урны роковой
Пред неподвижными гостями
Выходят жребии чредой.
И первый — Флавий, воин смелый,
В дружинах римских поседель;
Снести не мог он от жены
Высокомерного презренья;
Он принял вызов наслажденья,
Как принимал во дни войны
Он вызов ярого сраженья.
За ним Критон, молодой мудрец,
Рожденный в рощах Эпикура,
Критон, поклонник и певец
Харит, Киприды и Амура. . .
Любезный сердцу и очам,
Как вешний цвет едва развитый,

Последний имени векам
Не передал. Его ланиты
Пух первый нежно отенял;
Восторг в очах его сиял;
Страстей неопытная сила
Кипела в сердце молодом. . .
И с умилением на нем
Царица взор остановила.

АНЧАР¹

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой прозрачною смолою.

К нему и птица не летит
И тигр нейдет — лишь вихорь черный
На древо смерти набежит
И мчится прочь уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей уж ядовит
Стекает дождь в песок горючий.

¹ Древо яда.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями;

Принес — и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А князь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы,
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

ОТВЕТ КАТЕНИНУ

Напрасно, пламенный поэт,
Свой чудный кубок мне подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосед!
Товарищ милый, но лукавый,
Твой кубок полон не вином,
Но упоительной отравой:
Он заманит меня потом
Тебе вослед опять за славой.
Не так ли опытный гусар,
Вербуя рекрута, подносит
Ему веселый Вакха дар,
Пока воинственный угар
Его на месте не подкосит?
Я сам служивый — мне домой
Пора убраться на покой.
Останься ты в строях Парнаса;
Пред делом кубок наливай
И лавр Корнеля или Тасса
Один с похмелья пожинай.

ОТВЕТ А. И. ГОТОВЦОВОЙ

И недоверчиво и жадно
Смотрю я на твои цветы.
Кто, строгий стоик, примет хладно
Привет харит и красоты?
Горжуся им — но и робею;
Твой недосказанный упрек
Я разгадать вполне не смею.
Твой гнев ужели я навлек?
О, сколько б мук себе готовил
Красавиц ветренный зоил,
Когда б предательски злословил
Сей пол, которому служил!
Любви безумством и волненьем
Наказан был бы он; а ты
Была всегда б опроверженьем
Его печальной клеветы.

ЦВЕТОК

Цветок засохший, безуханный,
Забывтый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

Брадатый староста Авдей
С поклоном барыне своей
Заместо красного яичка
Поднес ученого скворца.
Известно вам: такая птичка
Умней иного мудреца.
Скворец, надувшись величаво,
Вздыхал о царствии небес
И приговаривал картаво:
«Христос воскрес! Христос воскрес!»

За Netty сердцем я летаю
В Твери, в Москве —
И R и O позабываю
Для N и W.*

* Нетти... Р. О... Н. В... (Англ.) — *Ред.*

Как быстро в поле, вокруг открытом,
Подкован вновь, мой конь бежит!
Как звонко под его копытом
Земля промерзлая звучит!
Полезен русскому здоровью
Наш укрепительный мороз:
Ланиты, ярче вешних роз,
Играют холодом и кровью.

Печальны лес и дол завялый,
Проглянет день — и уж темно,
И, будто путник запоздалый,
Стучится буря к нам в окно. . .

Tel j'étais autrefois et tel je suis encor. *

Каков я прежде был, таков и ныне я:
Беспечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать без умиленья,
Без робкой нежности и тайного волненья.
Уж мало ли любовь играла в жизни мной?
Уж мало ль бился я, как ястреб молодой,
В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой;
А не исправленный стократною обидой,
Я новым идолам несу мои мольбы. . .

* Таков я был когда-то, таков я и теперь. (Франц.) — *Ред.*

ПОЭТ И ГОЛПА

Procul este, profani.*

Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянной бряцал.
Он пел — а хладный и надменный
Кругом народ непосвященный
Ему бессмысленно внимал.

И толковала чернь тупая:
«Зачем так звучно он поет?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведет?
О чем бренчит? чему нас учит?
Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный чародей?
Как ветер песнь его свободна,
Зато как ветер и бесплодна:
Какая польза нам от ней?»

Поэт

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий,
Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы всё — на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский.

* Прочь, непосвященные. (Латинск.) — *Ред.*

Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог! . . так что же?
Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь.

Чернь

Нет, если ты небес избранник,
Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
Сердца собратьев исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки:
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы послушаем тебя.

Поэт

Подите прочь — какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело:
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы как гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры;
Довольно с вас, рабов безумных!
Во градах ваших с улиц шумных
Сметают сор, — полезный труд! —
Но, позабыв свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у вас метлу берут?
Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

КАВКАЗ

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых берегах,
И нищий наездник таится в ущельи,
Где Терек играет в свирепом весельи;

Играет и воеет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьется о берег в вражде бесполезной,
И лижет утесы голодной волной. . .
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

ОБВАЛ

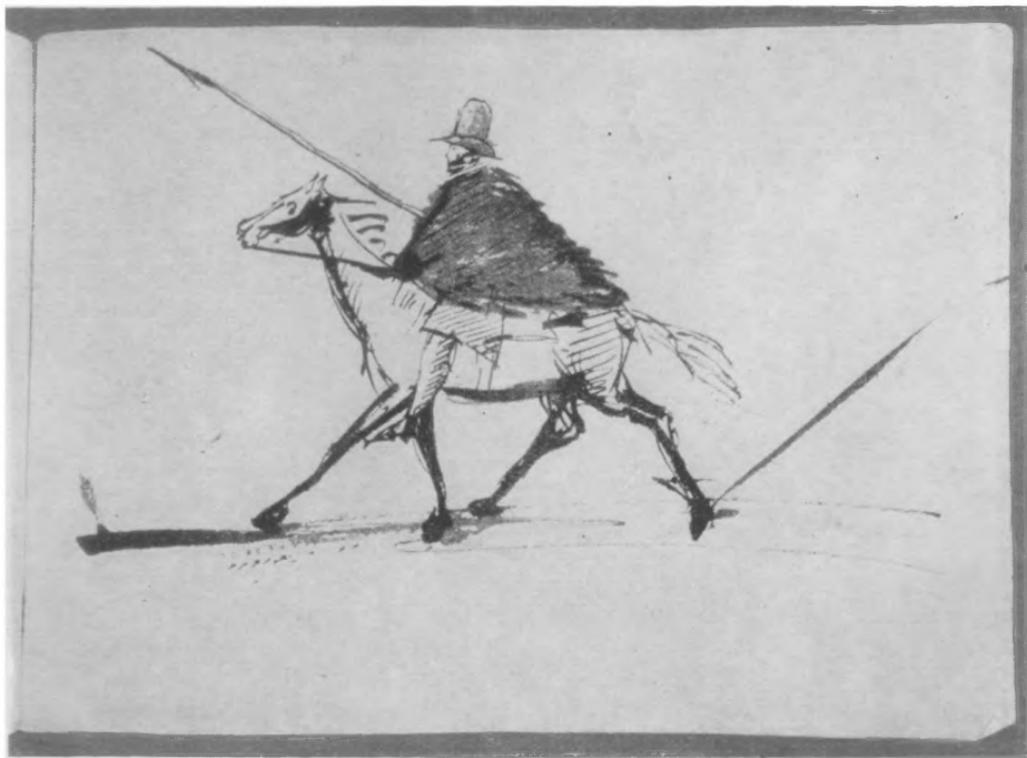
Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и пенятся валы,
И надо мной кричат орлы,
 И ропщет бор,
И блещут средь волнистой мглы
 Вершины гор.

Оттоль сорвался раз обвал,
И с тяжким грохотом упал,
И всю теснину между скал
 Загородил,
И Терека могущий вал
 Остановил.

Вдруг, истошась и присмирив,
О Терек, ты прервал свой рев;
Но задних волн упорный гнев
 Прошиб снега...
Ты затопил, освирепев,
 Свои брега.

И долго прорванный обвал
Неталой грудой лежал,
И Терек злой под ним бежал,
 И пылью вод
И шумной пеной орошал
 Ледяный свод.

И путь по нем широкий шел:
И конь скакал, и влекся вол,
И своего верблюда вел
 Степной купец,
Где ныне мчится лишь Эол,
 Небес жилец.



МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКЕ

Высоко над семью гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.

Далекий, вожденный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство бога скрыться мне! . .

ДЕЛИБАШ

Перестрелка за холмами;
Смотрит лагерь их и наш;
На холме пред казаками
Вьется красный делибаш.

Делибаш! не суйся к *лаве*,
Пожалей свое житье;
Вмиг аминь лихой забаве:
Попадешься на копье.

Эй, казак! не рвися к бою:
Делибаш на всем скаку
Срежет саблюю кривою
С плеч удалую башку.

Мчатся, сшиблись в общем крике...
Посмотрите! каковы?..
Делибаш уже на пике,
А казак без головы.

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой. . . Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

ИЗ ГАФИЗА

(Лагерь при Евфрате)

Не пленяйся бранной славой,
О красавец молодой!
Не бросайся в бой кровавый
С карабахскою толпой!
Знаю: смерть тебя не встретит;
Азраил, среди мечей,
Красоту твою заметит —
И пощада будет ей!
Но боюсь: среди сражений
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движений,
Прелесть неги и стыда!

ДОН

Блещет среди полей широких,
Вон он льется!.. Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон.

Как прославленного брата,
Реки знают тихий Дон:
От Аракса и Евфрата
Я привез тебе поклон.

Отдохнув от злой погони,
Чуя родину свою,
Пьют уже донские кони
Арпачайскую струю.

Приготовь же, Дон заветный,
Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
Виноградников твоих.

ОЛЕГОВ ЩИТ

Когда ко граду Константина
С тобой, воинственный варяг,
Пришла славянская дружина
И развила победы стяг,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку в стыд и страх,
Ты пригвоздил свой щит булатный
На цареградских воротах.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрели.
Но днесь, когда мы вновь со славой
К Стамбулу грозно притекли,
Твой холм потрясся с бранным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил.

БАЛМЫЧКЕ

Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, на зло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосок нос, и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелком не сжимаешь ног;
По-английски пред самоваром
Узором хлеба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маром,
Слегка Шекспира не ценишь,
Не погружаешься в мечтанье,
Когда нет мысли в голове,
Не распеваешь: *Ma dov'è*, *
Галоп не прыгаешь в собранье. . .
Что нужды? — Ровно полчаса,
Пока коней мне запрягали,
Мне ум и сердце занимали
Твой взор и дикая краса.
Друзья! не всё ль одно и то же:
Забыться праздною душой
В блестящей зале, в модной ложе,
Или в кибитке кочевой?

* Но где это? (Итал.) — *Ред.*

Благословен твой подвиг новый,
Твой путь на север наш суровый,
Где кратко царствует весна,
Но где Гафиза и Саади
Знакомы имена.

Ты посетишь наш край полночный,
Оставь же след
Цветы фантазии восточной
Рассыпь на северных снегах.

Был и я среди донцов,
Гнал и я османов шайку;
В память битвы и шатров
Я домой привез нагайку.

На походе, на войне
Сохранил я балалайку —
С нею рядом, на стене
Я повешу и нагайку.

Что таиться от друзей —
Я люблю свою хозяйку,
Часто думал я об ней
И берег свою нагайку.

Меж горных стен несется Терек,
Волнами точит дикий берег,
Клокочет вокруг огромных скал,
То здесь, то там дорогу роет,
Как зверь живой, ревет и воеет —
И вдруг утих и смирен стал.

Всё ниже, ниже опускаясь,
Уж он бежит едва живой.
Так, после бури истощаясь,
Поток струится дождевой.
И вот обнажилось
Его кремнистое русло.

Опять увенчаны мы славой,
Опять кичливый враг сражен,
Решен в Арзруме спор кровавый,
В Эдырне мир провозглашен.

И дале двинулась Россия,
И юг державно облегла,
И пол-Эвксина вовлекла
В свои объятия тугие.

Восстань, о Греция, восстань.
Недаром напрягала силы,
Недаром потрясала брань
Олимп и Пинд и Фермопилы.

При пеньи пламенных стихов
Тиртея, Байрона и Риги,
Страна героев и богов
Расторгла рабские вериги.

Под сенью ветхой их вершин
Свобода юная возникла,
На гробах Перикла,
На мраморных Афин.

ЕЛ. Н. УШАКОВОЙ

В АЛЬБОМ

Вы избалованы природой;
Она пристрастна к вам была,
И наша вечная хвала
Вам кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что вас любить немудрено,
Что нежным взором вы Армида,
Что легким станом вы Сильфида,
Что ваши алые уста
Как гармоническая роза. . .
И наши рифмы, наша проза
Пред вами шум и суета.
Но красоты воспоминанье
Нам сердце трогает тайком —
И строк небрежных начертанье
Вношу смиренно в ваш альбом.
Авось на память поневоле
Придет вам тот, кто вас певал
В те дни, как Пресненское поле
Еще забор не заграждал.

*** Е. П. ПОЛТОРАЦКОЙ**

Когда помилует нас бог,
Когда не буду я повешен,
То буду я у ваших ног,
В тени украинских черешен.

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И вспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красотой,
Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской,
Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.
Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор.
Если ж нет... по прежнему следу
В ваши мирные края
Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября.

ПРИМЕТЫ

Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивый.

Я ехал прочь: иные сны...
Душе влюбленной грустно было,
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло.

Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты;
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВЕСТИЕ

В Элизии Василий Тредьяковский
(Преострый муж, достойный много хвал)
С усердием принялся за журнал.
В сотрудники сам вызвался Поповский,
Свои статьи Елагин обещал;
Курганов сам над критикой хлопочет,
Блеснуть умом «Письмовник» снова хочет;
И, говорят, на днях они начнут,
Благословясь, сей преполезный труд,
И только ждет Василий Тредьяковский,
Чтоб подоспел Михайло Каченовский.

ЭПИГРАММА

Журналами обиженный жестоко,
Зоил Пахом печалился глубоко;
На цензора вот подал он донос;
Но цензор прав, нам смех, зоилу нос.
Иная брань, конечно, неприличность,
Нельзя писать: *«Такой-то де старик,
Козел в очках, плюгавый клеветник,
И зол, и подл»*: всё это будет личность.
Но можете печатать, например,
Что господин парнасский старовер
(*В своих статьях*) бессмыслицы оратор,
Отменно вял, отменно скучноват,
Тяжеловат и даже глуповат;
Тут не лицо, а только литератор.

• ЭПИГРАММА

Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций,
Проигрывал ты кучки ассигнаций,
И серебро, наследие отцов,
И лошадей, и даже кучеров —
И с радостью на карту б, на злодейку,
Поставил бы тетрадь своих стихов,
Когда б твой стих ходил хотя в копейку.

ЭПИГРАММА

Там, где древний Кочерговский
Над Ролленем опочил,
Дней новейших Тредьяковский
Колдовал и ворожил:
Дурень, к солнцу став спиною,
Под холодный Вестник свой
Прыскал мертвою водою,
Прыскал ижицу живой.

(При посылке бронзового Сфинкса)

Кто на снегах возрастил Феокрытовы нежные розы?
В веке железном, скажи, кто золотой угадал?
Кто славянин молодой, грек духом, а родом германец?
Вот загадка моя: хитрый Эдип, разреши!

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.

С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,
Он до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.

Он себе на шею четки
Вместо шарфа навязал
И с лица стальной решетки
Ни пред кем не подымал.

Полон чистою любовью,
Верен сладостной мечте,
А. М. Д. * своею кровью
Начертал он на щите.

И в пустынях Палестины,
Между тем как по скалам
Мчались в битву паладины,
Именуя громко дам, —

* Ave Mater Dei — Радуйся, божия мать. (Латинск.) — *Ред.*

«Lumen coelum, sancta rosa!» *
Воскликнул он, дик и рыан,
И как гром его угроза
Поражала мусульман.

Возвратясь в свой замок дальный,
Жил он строго заключен;
Всё безмолвный, всё печальный,
Как безумец умер он.

* Свет небес, святая роза! (Латинск.). Пушкин нарушил правила классической латыни, допустив неупотребительную краткую форму *coelum* вм. *coeligit* по аналогии с *deum* вм. *deogit*. — *Ред.*

Критон, роскошный гражданин
Очаровательных Афин,
Во цвете жизни предавался
Всем упоениям бытия.
Однажды — слушайте, друзья, —
Он по Керамику скитался,
И вдруг из рощи вековой,
Красою девственной блистая,
В одежде легкой и простой
Явилась нимфа молодая.
Пред банею, между колонн,
Она на миг остановилась
И в дом вошла. Недвижим он
Глядит на дверь, куда, как сон,
Его красавица сокрылась.

*** НА КАРТИНКИ К „ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ“
В „НЕВСКОМ АЛЬМАНАХЕ“**

1

Вот, перешед чрез мост Кокушкин,
Опершись о гранит,
Сам Александр Сергеич Пушкин
С мосье Онегиным стоит.
Не удостоивая взглядом
Твердыню власти роковой,
Он к крепости стал гордо задом:
Не плюй в колодец, милый мой.

2

Пупок чернеет сквозь рубашку,
Наружу титька — милый вид!
Татьяна мнет в руке бумажку,
Зане живот у ней болит:
Она затем поутру встала
При бледных месяца лучах
И на подтирку изорвала
Конечно, «Невский альманах».

Как сатирой безымянной
Лик зоила я пятнал,
Признаюсь: на вызов бранный
Возражений я не ждал.
Справедливы ль эти слухи?
Отвечал он? Точно ль так?
В полученьи оплеухи
Расписался мой дурак?

Зорю бьют . . . из рук моих
Ветхий Данте выпадает,
На устах начатый стих
Недочитанный затих —
Дух далече улетает.
Звук привычный, звук живой,
Сколь ты часто раздавался
Там, где тихо развивался
Я давнишнею порой. ·

Счастлив ты в прелестных дурах,
В службе, в картах и в пирах;
Ты St.-Priest * в карикатурах,
Ты Нелединский в стихах;
Ты прострелен на дуэли,
Ты разрублен на войне, —
Хоть герой ты в самом деле,
Но повеса ты вполне.

* Сен-При. (Франц.) — *Ред.*

САПОЖНИК

(Притча)

Картину раз высматривал сапожник
И в обуви ошибку указал;
Взяв тотчас кисть, исправился художник.
Вот, подбочась, сапожник продолжал:
«Мне кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишком ли нага?...
Тут Апеллес прервал нетерпеливо:
«Суди, дружок, не свыше сапога!»

Есть у меня приятель на примете:
Не ведаю, в каком бы он предмете
Был знатоком, хоть строг он на словах,
Но черт его несет судить о свете:
Попробуй он судить о сапогах!

ДОРОЖНЫЕ ЖАЛОБЫ

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не среди отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть господь судил,

На камнях под копытом,
На горе под колесом,
Иль во рву, водой размытом,
Под разобранным мостом.

Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Неповоротный инвалид.

Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне,
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантине.

Долго ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?

То ли дело быть на месте,
По Мясницкой разъезжать,
О деревне, о невесте
На досуге помышлять!

То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома! . .
Ну, пошел же, погоняй! . .

(2 ноября)

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?
Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня,
И рысью по полю при первом свете дня;
Арапники в руках, собаки вслед за нами;
Глядим на бледный снег прилежными глазами;
Кружимся, рыскаем и позднее уж порой,
Двух зайцев протравив, являемся домой.
Куда как весело! Вот вечер: вьюга воеет;
Свеча темно горит; стесняясь, сердце ноет;
По капле, медленно глотаю скуки яд.
Читать хочу; глаза над буквами скользят,
А мысли далеко. . . Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет. . . Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею странной:
Стих вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, с лирою я прекращаю спор,
Иду в гостиную; там слышу разговор
О близких выборах, о сахарном заводе;
Хозяйка хмурится в подобие погоде,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червонного гадаёт короля.
Тоска! Так день за днем идет в уединенье!

Но если под вечер в печальное селенье,
Когда за шашками сажу я в уголке,
Приедет издали в кибитке иль возке
Нежданная семья: старушка, две девицы
(Две белокурые, две стройные сестрицы), —
Как оживляется глухая сторона!
Как жизнь, о боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потом слов несколько, потом и разговоры,
А там и дружный смех, и песни вечерком,
И вальсы резвые, и шопот за столом,
И взоры томные, и ветреные речи,
На узкой лестнице замедленные встречи;
И дева в сумерки выходит на крыльцо:
Открыты шея, грудь, и вьюга ей в лицо!
Но бури севера не вредны русской розе.
Как жарко поцелуй пылает на морозе!
Как дева русская свежа в пыли снегов!

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный, —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче. . . погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу.
Нетерпеливого коня
И наведем поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

ЭПИГРАММА

Седой Свистов! ты царствовал со славой;
Пора, пора! сложи с себя венец:
Питомец твой молодой, цветущий, здоровый,
Тебя сменит, великий наш певец!
Се: внемлет мне маститый собеседник,
Свершается судьбины произвол,
Является молодой его наследник:
Свистов II вступает на престол!

ЭПИГРАММА

Мальчишка Фебу гимн поднес.
«Охота есть, да мало мозгу.
А сколько лет ему, вопрос?» —
«Пятнадцать». — «Только-то? Эй, розгу!»
За сим принее семинарист
Тетрадь лакейских диссертаций,
И Фебу вслух прочел Гораций,
Кусая губы, первый лист.
Отяжелев как от дурмана,
Сердито Феб его прервал
И тотчас взрослого болвана
Поставить в палки приказал.

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Воспоминаньями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный,
Вхожу с поникшею главой.
В библейской повести так отрок расточитель,
До капли истощив раскаянья фиал,
Увидев наконец родимую обитель,
Главой поник и зарыдал.

В пылу восторгов скоротечных,
В бесплодном вихре суеты,
О, много расточил сокровищ я сердечных
За недоступные мечты,
И долго я блуждал, и часто, утомленный,
Раскаяньем горя, предчувствуя беды,
Я думал о тебе, предел благословенный,
Воображал сии сады.

Воображаю день счастливый,
Когда средь вас возник Лицей,
И слышу наших игр я снова шум игривый
И вижу вновь семью друзей.
Вновь нежным отроком, то пылким, то ленивым,
Мечтанье смутное в груди моей тая,
Скитаясь по лугам, по рощам молчаливым,
Поэтом забываюсь я.

И въявь я вижу: предо мною
Дней прошлых гордые следы.
Еще исполнены великою женою,
Ее любимые сады
Стоят населены гробницами, вратами,
Столпами, башнями, кумирами богов,
И славой мраморной, и медными хвалами
Екатерининских орлов.

Садятся призраки героев
У посвященных им столпов,
Глядите: вот герой, стеснитель ратных строев,
Перун кагульских берегов.
Вот, вот могучий вождь полунощного флага,
Пред кем морей пожар и плавал и летал.
Вот верный брат его, герой Архипелага,
Вот наваринский Ганнибал.

Среди святых воспоминаний
Я с детских лет здесь возрастал,
А глухо между тем поток народной брани
Уж бесновался и роптал.
Отчизну обняла кровавая забота,
Россия двинулась, и мимо нас волной
Шли тучи конные, брадатая пехота
И пушек медных светлый строй.

.....
На юных ратников взирали,
Ловили брани дальний звук,
И детские лета и проклинали
И узы строгие наук.
И многих не пришло. При звуке песней новых
Почили славные в полях Бородина,
На кульмских высотах, в лесах Литвы суровых,
Вблизи Монмартра

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец,
Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают рощи,
Повсюду я готов. Поедем. . . но, друзья,
Скажите: в странствиях умрет ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную деву,
Или к ее ногам, ее младому гневу,
Как дань привычную, любовь я принесу?

.

Еще одной высокой, важной песни
Внемли, о Феб, и смолкнувшую лиру
В разрушенном святилище твоём
Повешу я, да издаёт она,
Когда столбы его колеблет буря,
Печальный звук! Ещё единый гимн —
Внемлите мне, пенаты, — вам пою
Обетный гимн. Советники Зевеса,
Живёте ль вы в небесной глубине,
Иль, божества всевышние, всему
Причина вы по мненью мудрецов,
И следуют торжественно за вами
Великий Зевс с супругой белоплечей
И мудрая богиня, дева силы,
Афинская Паллада, — вам хвала.
Примите гимн, таинственные силы!
Хоть долго был изгнанием удален
От ваших жертв и тихих возлияний,
Но вас любить не остывал я, боги,
И в долгие часы пустынной грусти
Томительно просилась отдохнуть
У вашего святого пепелища
Моя душа — зане там мир.
Так, я любил вас долго! Вас зову
В свидетели, с каким святым волненьем
Оставил я людское племя,
Дабы стеречь ваш огонь уединенный,
Беседуя с самим собою. Да,
Часы неизъяснимых наслаждений!

Они дают мне знать сердечну глубь,
В могуществе и немощах его,
Они меня любить, лелеять учат
Не смертные, таинственные чувства.
И нас они науке первой учат —
Чтить самого себя. О нет, вовек
Не преставал молить благоговейно
Вас, божества домашние.

СОБРАНИЕ НАСЕКОМЫХ

Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки.

Крылов

Мое собранье насекомых
Открыто для моих знакомых:
Ну, что за пестрая семья!
За ними где ни рылся я!
Зато какая сортировка!
Вот ** — божия коровка,
Вот **** — злой паук,
Вот и ** — российский жук,
Вот ** — черная мурашка,
Вот ** — мелкая букашка,
Куда их много набралось!
Опрятно за стеклом и в рамах
Они, пронзенные насквозь,
Рядком торчат на эпиграммах.

Когда твои молодые лета
Позорит шумная молва
И ты по приговору света
На честь утратила права, —

Один, среди толпы холодной,
Твои страдания я делю
И за тебя мольбой бесплодной
Кумир бесчувственный молю.

Но свет. . . Жестоких осуждений
Не изменяет он своих:
Он не карает заблуждений,
Но тайны требует для них.

Достойны равного презренья
Его тщеславная любовь
И лицемерные гоненья:
К забвенью сердце приготовь;

Не пей мучительной отравы;
Оставь блестящий, душный круг;
Оставь безумные забавы:
Тебе один остался друг.

К БЮСТУ ЗАВОЕВАТЕЛЯ

Напрасно видишь тут ошибку:
Рука искусства навела
На мрамор этих уст улыбку,
А гнев на хладный лоск чела.
Недаром лик сей двуязычен.
Таков и был сей властелин:
К противочувствиям привычен,
В лице и в жизни арлекин.

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую минуту
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

СОНЕТ

Scorn not the sonnet, critic.

Wordsworth. *

Суровый Дант не презирал сонета;
В нем жар любви Петрарка изливал;
Игру его любил творец Макбета;
Им скорбну мысль Камоэнс облакал.

И в наши дни пленяет он поэта:
Вордсворт его орудием избрал,
Когда вдали от суетного света
Природы он рисует идеал.

Под сенью гор Тавриды отдаленной
Певец Литвы в размер его стесненный
Свои мечты мгновенно заключал.

У нас еще его не знали девы,
Как для него уж Дельвиг забывал
Гексаметра священные напевы.

* Не презирай сонета, критик. *Вордсворт.* (Англ.) — *Ред.*

ПОЭТУ

Сонет

Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

МАДОННА

Сонет

Не множеством картин старинных мастеров
Украшить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков.

В простом углу моем, среди медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель —

Она с величием, он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

* ЦИКЛОП

Язык и ум теряя разом,
Гляжу на вас единым глазом:
Единый глаз в главе моей.
Когда б судьбы того хотели,
Когда б имел я сто очей,
То все бы сто на вас глядели.

.

.

.

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я.

ОТВЕТ

Я вас узнал, о мой оракул!
Не по узорной пестроте
Сих неподписанных каракул,
Но по веселой остроте,
Но по приветствиям лукавым,
Но по насмешливости злой
И по упрекам... столь неправым,
И этой прелести живой.
С тоской невольной, с восхищеньем
Я перечитываю вас
И восклицаю с нетерпеньем:
Пора! в Москву, в Москву сейчас!
Здесь город чопорный, унылый,
Здесь речи — лед, сердца — гранит;
Здесь нет ни ветрености милой,
Ни муз, ни Пресни, ни харит.

В часы забав иль праздно́й скуки,
Бывало, лире я мое́й
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поража́л.

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести мое́й
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.

*** ЭПИГРАММА**

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин, —
И тут не вижу я стыда;
Будь жид — и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.

*** ЭПИГРАММА**

Надеясь на мое презренье,
Седой зоил меня ругал,
И, потеряв уже терпенье,
Я эпиграммой отвечал.

Укушенный желаньем славы,
Теперь, надеясь на ответ,
Журнальный шут, холоп лукавый,
Ругать бы также стал. — О, нет!

Пусть он, как бес перед обедней,
Себе покоя не дает:
Лакей, сиди себе в передней,
А будет с барином расчет.

Шумит кустарник. . . На утес
Олень веселый выбегает,
Пугливо он подножный лес
С вершины острой озирает,
Глядит на светлые луга,
Глядит на синий свод небесный
И на днепровские брега,
Венчанны чащею древесной.
Недвижим, строен он стоит
И чутким ухом шевелит. . .

Но дрогнул он — незапный звук
Его коснулся, — боязливо
Он шею вытянул и вдруг
С вершины прянул. . . .

Б ВЕЛЬМОЖЕ

(Москва)

От северных оков освобождая мир,
Лишь только на поля, струясь, дохнет зефир,
Лишь только первая позеленеет липа,
К тебе, приветливый потомок Аристиппа,
К тебе явлюся я; увижу сей дворец,
Где циркуль зодчего, палитра и резец
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные в волшебстве состязались.

Ты понял жизни цель: счастливый человек,
Для жизни ты живешь. Свой долгий ясный век
Еще ты смолоду умно разнообразил,
Искал возможного, умеренно проказил;
Чредою шли к тебе забавы и чины.
Посланник молодой увенчанной жены,
Явился ты в Ферней — и циник поседелый,
Умов и моды вождь пронырливый и смелый,
Свое владычество на Севере любя,
Могильным голосом приветствовал тебя.
С тобой веселости он расточал избыток,
Ты лесть его вкусил, земных богов напиток.
С Фернеем распротысь, увидел ты Версаль.
Пророческих очей не простирая вдаль,
Там ликовало всё. Армида молодая,
К веселью, роскоши знак первый подавая,
Не ведая, чему судьбой обречена,
Резвилась, ветренным двором окружена.
Ты помнишь Трианон и шумные забавы?
Но ты не изнемог от сладкой их отравы;

Ученье делалось на время твой кумир:
Уединялся ты. За твой суровый пир
То читатель промысла, то скептик, то безбожник,
Садился Дидерот на шаткий свой треножник,
Бросал парик, глаза в восторге закрывал
И проповедывал. И скромно ты внимал
За чашей медленной афею иль деисту,
Как любопытный скиф афинскому софисту.

Но Лондон звал твое внимание. Твой взор
Прилежно разобрал сей двойственный собор:
Здесь натиск пламенный, а там отпор суровый,
Пружины смелые гражданственности новой.

Скучая, может быть, над Темзою скупой,
Ты думал дале плыть. Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,
Веселый Бомарше блеснул перед тобою.
Он угадал тебя: в пленительных словах
Он стал рассказывать о ножках, о глазах,
О неге той страны, где небо вечно ясно,
Где жизнь ленивая проходит сладострастно,
Как пылкий отрока восторгов полный сон,
Где жены вечером выходят на балкон,
Глядят и, не страшась ревнивого испанца,
С улыбкой слушают и манят иностранца.
И ты, встревоженный, в Севиллу полетел.
Благословенный край, пленительный предел!
Там лавры зыблются, там апельсины зреют...
О, расскажи ж ты мне, как жены там умеют
С любовью набожность умильно сочетать,
Из-под мантильи знак условный подавать;
Скажи, как падает письмо из-за решетки,
Как золотом усыплен надзор угрюмой тетки;
Скажи, как в двадцать лет любовник под окном
Трепещет и кипит, окутанный плащом.

Всё изменилось. Ты видел вихорь бури,
Падение всего, союз ума и фурий,
Свободой грозною воздвигнутый закон,
Под гильотиною Версаль и Трианон —
И мрачным ужасом смененные забавы.

Преобразился мир при громах новой славы.
Давно Ферней умолк. Приятель твой Вольтер,
Превратности судеб разительный пример,
Не успокоившись и в гробовом жилище,
Доныне странствует с кладбища на кладбище.
Барон д'Ольбах, Морле, Гальяни, Дидерот,
Энциклопедии скептический причет,
И колкий Бомарше, и твой безносый Касти,
Все, все уже прошли. Их мненья, толки, страсти
Забыты для других. Смотри: вокруг тебя
Всё новое кипит, бывшее истребя.
Свидетелями быв вчерашнего паденья,
Едва опомнились молодые поколения.
Жестоких опытов собирая поздний плод,
Они торопятся с расходом свесть приход.
Им некогда шутить, обедать у Темиры,
Иль спорить о стихах. Звук новой, чудной лиры.
Звук лиры Байрона развлечь едва их мог.

Один всё тот же ты. Ступив за твой порог,
Я вдруг переносюсь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры, и картины,
И стройные сады свидетельствуют мне,
Что благосклонствуешь ты музам в тишине,
Что ими в праздности ты дышишь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговор свободный
Исполнен юности. Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой и прелесть Гончаровой.
Беспечно окружась Корреджием, Кановой,
Ты, не участвуя в волнениях мирских,
Порой насмешливо в окно глядишь на них
И видишь оборот во всем кругообразный.

Так, вихорь дел забыв для муз и неги праздной,
В тени порфирных бань и мраморных палат,
Вельможи римские встречали свой закат.
И к ним издалека то воин, то оратор,
То консул молодой, то сумрачный диктатор
Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься в путь.

НОВОСЕЛЬЕ

Благословляю новоселье,
Куда домашний свой кумир .
Ты перенес — а с ним веселье,
Свободный труд и сладкий мир.

Ты счастлив: ты свой домик малый,
Обычай мудрости храня,
От злых забот и лени вялой
Застраховал, как от огня.

Когда в объятия мои
Твой стройный стан я заключаю,
И речи нежные любви
Тебе с восторгом расточаю,
Безмолвна, от стесненных рук
Освобождая стан свой гибкий,
Ты отвечаешь, милый друг,
Мне недоверчивой улыбкой;
Прилежно в памяти храня
Измен печальные преданья,
Ты без участия и вниманья
Уныло слушаешь меня. . .
Кляню коварные старанья
Преступной юности моей
И встреч условных ожиданья
В садах, в безмолвии ночей.
Кляню речей любовный шопот,
Стихов таинственный напев,
И ласки легковерных дев,
И слезы их, и поздний ропот.

Полюбуйтесь же вы, дети,
Как в сердечной простоте
Длинный Фирс играет в *эти*,
Те, те, те и *те, те, те*.

Черноокая Россети
В самовластной красоте
Все сердца пленила *эти*,
Те, те, те и *те, те, те*.

О, какие же здесь сети
Рок нам стелет в темноте:
Рифмы, деньги, дамы *эти*,
Те, те, те и *те, те, те*.

БЕСЫ

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин. . .
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

«Эй, пошел, ямщик! . . .» — «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчая передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали. . . «Что там в поле?» —
«Кто их знает? пень иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслися;
Колокольчик дин-дин-дин. . .
Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре. . .
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна. . .
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне. . .

ЭЛЕГИЯ

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать,
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

ОТВЕТ АНОНИМУ

О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье
Приветствует мое к блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мне крепко руку жмет,
Указывает путь и посох подает;
О, кто бы ни был ты: старик ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищ отдаленный,
Иль отрок, музами таинственно храним,
Иль пола кроткого стыдливый херувим, —
Благодарю тебя душою умиленной.
Вниманья слабого предмет уединенный,
К доброжелательству досель я не привык —
И странен мне его приветливый язык.
Смешон, участия кто требует у света!
Холодная толпа взирает на поэта,
Как на заезжего фигляра: если он
Глубоко выразит сердечный, тяжкий стон,
И выстраданный стих, пронзительно-унылый,
Ударит по сердцам с неведомою силой, —
Она в ладони бьет и хвалит, иль порой
Неблагодарно кивает головой.
Постигнет ли певца незапное волнение,
Утрата скорбная, изгнание, заточенье, —
«Тем лучше, — говорят любители искусств, —
Тем лучше! наберет он новых дум и чувств
И нам их передаст». Но счастье поэта
Меж ими не найдет сердечного привета,
Когда боязненно безмолвствует оно...

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.

Дева печально сидит, праздный держа черепок.

Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;

Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

ОТРОБ

Невод рыбацк расстилал по берегу студеного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.

РИФМА

Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пеня.

Феб, увидев ее, страстию к ней воспылал.

Нимфа плод понесла восторгов влюбленного бога;

Меж говорливых наяд, мучась, она родила

Милую дочь. Ее прияла сама Мнемозина.

Резвая дева росла в хоре богинь-аонид,

Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,

Музам мила; на земле Рифмой зовется она.

ТРУД

Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний.

Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?

Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик
ненужный,

Плату приявший свою, чуждый работе другой?

Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатов святых?

НА ПЕРЕВОД «ИЛИАДЫ»

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.

Глухой глухого звал к суду судьи глухого,
Глухой кричал: «Моя им сведена корова!» —
«Помилуй, — возопил глухой тому в ответ: —
Сей пустошью владел еще покойный дед».
Судья решил: «Почто идти вам брат на брата.
Ни тот и не другой, а девка виновата».

ПРОЩАНИЕ

В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь вспоминать.

Бегут, меняясь, наши лета,
Меняя всё, меняя нас,
Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета,
И для тебя твой друг угас.

Прими же, дальняя подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.

ПАЖ, ИЛИ ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОД

C'est l'âge de Chérubin... *

Пятнадцать лет мне скоро минет;
Дождусь ли радостного дня?
Как он вперед меня подвинет!
Но и теперь никто не кинет
С презреньем взгляда на меня.

Уж я не мальчик — уж над губой
Могу свой ус я защипнуть;
Я важен, как старик беззубый;
Вы слышите мой голос грубый,
Попробуй кто меня толкнуть.

Я нравлюсь дамам, ибо скромн,
И между ими есть одна...
И гордый взор ее так томен,
И цвет ланит ее так темен,
Что жизни мне милей она.

Она строга, властолюбива,
Я сам дивлюсь ее уму —
И ужас как она ревнива;
Зато со всеми горделива
И мне доступна одному.

* Это возраст Черубино. (Франц.) — *Ред.*

Вечор она мне величаво
Клялась, что если буду вновь
Глядеть налево и направо,
То даст она мне яду; — право —
Вот какова ее любовь!

Она готова хоть в пустыню
Бежать со мной, презрев молву. . .
Хотите знать мою богиню,
Мою севильскую графиню? . .
Нет! ни за что не назову!

Румяный критик мой, насмешник толстопузый,
Готовый век трунить над нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладим ли с проклятою хандрой.
Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? где темные леса?
Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца. И то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борея.
И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед.
Без шапки он; несет подмышкой гроб ребенка
И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал да церковь отворил.
Скорей! ждать некогда! давно бы схоронил.

Что ж ты нахмурился? — Нельзя ли блажь оставить!
И песенкою нас веселой позабавить? —

Куда же ты? — В Москву — чтоб графских именин
Мне здесь не прогулять.

— Постой — а карантин!

Ведь в нашей стороне индийская зараза.
Сиди, как у ворот угрюмого Кавказа,
Бывало, сиживал покорный твой слуга;
Что, брат? уж не трунишь, тоска берет — ага!

К ПЕРЕВОДУ «ИЛИАДЫ»

Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера,
Боком одним с образцом схож и его перевод.

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.

Исполнен отвагой,
Окутан плащом,
С гитарой и шпагой
Я здесь под окном.

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу.
Проснется ли старый,
Мечом уложу.

Шелковые петли
К окошку привесь...
Что медлишь?.. Уж нет ли
Соперника здесь?..

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как пустыня
И как алтарь без божества.



Азърыцъ бѣлѣмъ нѣмѣцѣмъ
Бѣлѣмъ и нѣмѣцѣмъ Екѣмѣмъ. На
Краснѣмъ 27 июня 1824 - © П. X.

Когда порой воспоминанье
Грызет мне сердце в тишине
И отдаленное страданье
Как тень опять бежит ко мне;
Когда, людей повсюду видя,
В пустыню скрыться я хочу,
Их слабый глас возненавидя, —
Тогда забывшись я лечу
Не в светлый край, где небо блещет
Неизъяснимой синевою,
Где море теплою волной
На пожелтый мрамор плещет
И лавр и темный кипарис
На воле пышно разрослись,
Где пел Торквато величавый,
Где и теперь во мгле ночной
Далече звонкою скалой
Повторены пловца октавы.

Стремлюсь привычною мечтою
К студеным северным волнам.
Меж белоглавой их толпою
Открытый остров вижу там.
Печальный остров — берег дикой
Усеян зимнею брусникой,
Увядшей тундрою покрыт
И холодной пеною подмыт.
Сюда порою приплывает
Отважный северный рыбак,

Здесь невод мокрый расстиляет
И свой разводит он очаг.
Сюда погода волновая
Загонит утлый мой челнок.

.

ЭПИГРАММА

Не то беда, Авдей Флюгарин,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты Видок Фиглярин:
Беда, что скучен твой роман.

ЗАКЛИНАНИЕ

О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы —
Я тень зову, я жду Леилы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, хладна, как зимний день,
Искажена последней мукой.
Приди, как дальная звезда,
Как легкий звук иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне всё равно: сюда, сюда! . .

Зову тебя не для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Не для того, что иногда
Сомненьем мучусь. . . но тоскуя
Хочу сказать, что всё люблю я,
Что всё я твой: сюда, сюда!

Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованой пятой,
Как змия спящего, раздавят,
И прочь пойдут — и так оставят:
Стамбул заснул перед бедой.

Стамбул отрекся от пророка;
В нем правду древнего востока
Лукавый запад омрачил.
Стамбул для сладостей порока
Мольбе и сабле изменил.
Стамбул отвык от поту битвы
И пьет вино в часы молитвы.

В нем веры чистой жар потух,
В нем жены по кладбищам ходят,
На перекрестки шлют старух,
А те мужчин в харемы вводят,
И спит подкупленный евнух.

Но не таков Арзрум нагорный,
Многодорожный наш Арзрум;
Не спим мы в роскоши позорной,
Не черплем чашей непокорной
В вине разврат, огонь и шум.

Постимся мы: струею трезвой
Святые воды нас поят;
Толпой бестрепетной и резвой
Джигиты наши в бой летят;

Харемы наши недоступны,
Евнухи строги, неподкупны,
И смиренно жены там сидят.

Алла велик!

К нам из Стамбула
Пришел гонимый янычар.
Тогда нас буря долу гнула,
И пал неслыханный удар.
От Рущука до старой Смирны,
От Трапезунда до Тульчи,
Скликают псов на праздник жирный,
Толпой ходили палачи:
Трещит в объятиях пожаров,
Валились дома янычаров;
Окровавленные зубцы
Везде торчали; угли тлели;
На кольях, скорчась, мертвецы
Оцепенелые чернели.
Алла велик. — Тогда султан
Был духом гнева обуян.

*** ДЕЛЬВИГУ**

Мы рождены, мой брат названный,
Под одинаковой звездой.
Киприда, Феб и Вакх румяный
Играли нашею судьбой.

Явились мы рано оба
На ипподром, а не на торг
Вблизи Державинского гроба,
И шумный встретил нас восторг.

Твой слог могучий и свободный
Какой-то дразнит пародист,
И стих, надеждами доходный,
Жует беззубый журналист.

Но ты, сын Феба беззаботный,
Своих возвышенных затей
Не продавал рукой расчетной
Оценке хитрых торгашей.

В одних журналах нас ругали,
Упреки те же слышим мы:
Мы любим слишком-де в бокале
Топить разгульные умы.

Избаловало нас начало.
И в гордой лености своей
Заботились мы оба мало
Судьбой гуляющих детей.

**СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ
ВО ВРЕМЯ БЕССОННИЦЫ**

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня,
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шопот?
Укоризна или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

ГЕРОИ

Что есть истина?

Д р у г

Да, слава в прихотях вольна.
Как огненный язык, она
По избранным главам летает,
С одной сегодня исчезает
И на другой уже видна.
За новизной бежать смиренно
Народ бессмысленный привык;
Но нам уж то чело священо,
Над коим вспыхнул сей язык.
На троне, на кровавом поле,
Меж граждан на чреде иной,
Из сих избранных кто всех боле
Твоею властвует душой?

П о э т

Всё он, всё он — пришлец сей бранный,
Пред кем смирились цари,
Сей ратник, вольностью венчанный,
Исчезнувший, как тень зари.

Д р у г

Когда ж твой ум он поражает
Своею чудною звездой?
Тогда ль, как с Альпов он взирает
На дно Италии святой;
Тогда ли, как хватает знамя
Иль жезл диктаторский; тогда ль,

Как водит и кругом и вдаль
Войны стремительное пламя,
И пролетает ряд побед
Над ним одна другой вослед;
Тогда ль, как рать героя плещет
Перед громадой пирамид,
Иль как Москва пустынно блещет,
Его приемля, — и молчит?

Поэт

Нет, не у счастья на лоне
Его я вижу, не в бою,
Не зятем кесаря на троне;
Не там, где на скалу свою
Сев, мучим казнию покоя,
Осмеян прозвищем героя,
Он угасает недвижим,
Плащом закрывшись боевым;
Не та картина предо мною:
Одров я вижу длинный строй,
Лежит на каждом труп живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болезней; он,
Не бранной смертью окружен,
Нахмурясь, ходит меж одрами
И хладно руку жмет чуме,
И в погибающем уме
Рождает бодрость... Небесами
Клянусь: кто жизнью своей
Играл пред сумрачным недугом,
Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет небу другом,
Каков бы ни был приговор
Земли слепой.

Друг

Мечты поэта,
Историк строгий гонит вас!
Увы! его раздался глас, — *
И где ж очарованье света?

* Mèmoires de Bourrienne. <Воспоминания Бурьена.
(Франц.) — Ред.>

Поэт

Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! — Нет,
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман.
Оставь герою сердце; что же
Он будет без него? Тиран!

Друг

Утешься

29 сентября 1830
Москва

В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья.

Смиренная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго.

Толпою нашу окружена,
Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.

Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса.
Но я вникал в ее беседы мало.

Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.

Дичась ее советов и укоров,
Я про себя превратно толковал
Понятный смысл правдивых разговоров,

И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.

Там нежила меня теней прохлада;
Я предавал мечтам свой юный ум,
И праздномыслить было мне отрада.

Любил я светлых вод и листьев шум,
И белые в тени деревьев кумиры,
И в ликах их печать недвижных дум.

Всё — мраморные циркули и лиры,
Мечи и свитки в мраморных руках,
На главах лавры, на плечах порфиры —

Всё наводило сладкий некий страх
Мне на сердце; и слезы вдохновенья,
При виде их, рождались на глазах.

Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья.

Один (Дельфийский идол) лик молодой —
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.

Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал —
Волшебный демон — лживый, но прекрасный.

Пред ними сам себя я забывал;
В груди младое сердце билось — холод
Бежал по мне и кудри подымал.

Безвестных наслаждений темный голод
Меня терзал — уныние и лень
Меня сковали — тщетно был я молод.

Средь отроков я молча целый день
Бродил угрюмый — всё кумиры сада
На душу мне свою бросали тень.

Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать;
Томленье страшное разлуки
Мой стон молил не прерывать.

Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим».

Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...

ОТРЫВОК

Не розу пафосскую,
Росой оживленную,
Я ныне пою;
Не розу феосскую,
Вином окропленную,
Стихами хвалю;
Но розу счастливую,
На персях увядшую
Элизы моей. . .

ИЗ BARRY CORNWALL

Here's a health to thee, Mary. *

Пью за здравие Мери,
Милой Мери моей.
Тихо запер я двери
И один без гостей
Пью за здравие Мери.

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милей
Резвой, ласковой Мери.

Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастных дней
Пусть не ведает Мери.

* Барри Корнуол. Пью за твое здоровье, Мери. (Англ.) — *Ред.*

Пред испанкой благородной
Двое рыцарей стоят,
Оба смело и свободно
В очи прямо ей глядят.
Блещут оба красотою,
Оба сердцем горячи,
Оба мощною рукою
Оперлися на мечи.

Жизни им она дороже
И, как слава, им мила;
Но один ей мил — кого же
Дева сердцем избрала?
«Кто, реши, любим тобою?» —
Оба деве говорят
И с надеждой молодою
В очи прямо ей глядят.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Смеясь жестоко над собратом,
Писаки русские толпой
Меня зовут аристократом:
Смотри, пожалуй, вздор какой!
Не офицер я, не ассессор,
Я по кресту не дворянин,
Не академик, не профессор;
Я просто русский мещанин.

Понятна мне времен превратность,
Не прекословлю, право, ей:
У нас нова рождением знатность,
И чем новее, тем знатней.
Родов дряхлеющих обломок
(И по несчастью не один),
Бояр старинных я потомок;
Я, братцы, мелкий мещанин.

Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князя не прыгал из хохлов,
И не был беглым он солдатом
Австрийских пудренных дружин;
Так мне ли быть аристократом?
Я, слава богу, мещанин.

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил;
Его потомство гнев венчанный —
Иван IV пощадил.
Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

Смирив крамолу и коварство,
И ярость бранных непогод,
Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ,
Мы к оной руку приложили,
Нас жаловал страдальца сын.
Бывало, нами дорожили;
Бывало. . . но — я мещанин.

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.
Его пример будь нам наукой:
Не любит споров властелин.
Счастлив князь Яков Долгорукий,
Умен покорный мещанин.

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин,
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.

Под гербовой моей печатью
Я кипу грамот схоронил
И не якшаюсь с новой знатью,
И крови спесь угомонил.
Я грамотей и стихотворец,
Я Пушкин просто, не Мусин,

Я не богач, не царедворец,
Я сам большой: я мещанин.

Post scriptum

Решил Фиглярин, сидя дома,
Что черный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.

Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двигнулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля.

Сей шкипер деду был доступен,
И сходно купленный арап
Возрос усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.

И был отец он Ганнибала,
Пред кем средь чесменских пучин
Громада кораблей вспылала
И пал впервые Наварин.

Решил Фиглярин вдохновенный:
Я во дворянстве мещанин.
Что ж он в семье своей почтенной?
Он? он в Мещанской дворянин.

ЦЫГАНЫ

Над лесистыми берегами,
В час вечерней тишины,
Шум и песни под шатрами
И огни разложены.

Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы сам в иное время
Провождал сии шатры.

Завтра с первыми лучами
Ваш исчезнет вольный след,
Вы уйдете — но за вами
Не пойдет уж ваш поэт.

Он бродящие ночлеги
И проказы старины
Позабыл для сельской неги
И домашней тишины.

МЁДОК
(МЁДОК В УАЛЛАХ)

Попутный веет ветер. Идет корабль,
Во всю длину развиты флаги, вздулись
Ветрила все, — идет, и пред кормой
Морская пена раздается. Многим
Наполнилася грудь у всех пловцов.
Теперь, когда свершен опасный путь,
Родимый край они узрели снова;
Один стоит, вдаль устремляя взоры,
И в темных очерках ему рисует
Мечта давно знакомые предметы,
Залив и мыс, — пока недвижны очи
Не заболят. Товарищу другой
Жмет руку и приветствует с отчизной,
И господа благодарит, рыдая.
Другой, безмолвную творя молитву
Угоднику и деве пресвятой,
И милостынь и дальних поклонений
Старинные обеты обновляет,
Когда найдет он всё благополучно.
Задумчив, нем и ото всех далек,
Сам Мёдок погружен в воспоминанья
О славном подвиге, то в снах надежды,
То в горестных предчувствиях и страхе.
Прекрасен вечер, и попутный ветер
Звучит меж вервей, и корабль надежный
Бежит, шумя, меж волн.

Садится солнце.

ЭХО

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом —
 На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
 Родишь ты вдруг.

Ты внимлешь грохоту громов,
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
 И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва. . . Таков
 И ты, поэт!

Перед гробницею святой
Стою с поникшею главой. . .
Всё спит кругом; одни лампы
Во мраке храма золотят
Столпов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.

Под ними спит сей властелин,
Сей идол северных дружин,
Маститый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов,
Сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов.

В твоём гробу восторг живет!
Он русский глас нам издает;
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас. . .

Внемли ж и днесь наш верный глас:
Встань и спасай царя и нас!
О грозный старец! На мгновенье
Явись у двери гробовой,
Явись, вдохни восторг и рвенье
Полкам, оставленным тобой!

Явись и дланию своей
Нам укажи в толпе вождей,

Кто твой наследник, твой избранный...
Но храм в молчанье погружен,
И тих твоей могилы бранной
Невозмутимый, вечный сон.

БЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозой
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас. . .
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?

За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?

Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайльский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА

Великий день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела! . .
Но стали ж мы пятою твердой
И грудью приняли напор
Племен, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор.

И что ж? свой бедственный побег,
Кичась, они забыли ныне;
Забыли русский штык и снег,
Погребший славу их в пустыне.
Знакомый пир их манит вновь —
Хмельна для них славянов кровь;
Но тяжело будет им похмелье;
Но долог будет сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под знаком северных полей!

Ступайте ж к нам: вас Русь зовет!
Но знайте, прошенные гости!
Уж Польша вас не поведет:
Через ее шагнете кости! . .»
Сбылось — и в день Бородина
Вновь наши вторглись знамена
В проломы падшей вновь Варшавы;

И Польша, как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый —
И бунт раздавленный умолк.

В бореньи падший невредим;
Врагов мы в прахе не топтали;
Мы не напомним ныне им
Того, что старые скрижали
Хранят в преданиях немых;
Мы не сожжем Варшавы их;
Они народной Немезиды
Не узрят гневного лица
И не услышат песнь обиды
От лиры русского певца:

Но вы, мутители палат,
Легкоязычные витии,
Вы, черни бедственный набат,
Клеветники, враги России!
Что взяли вы? . . . Еще ли росс
Больной, расслабленный колосс?
Еще ли северная слава
Пустая притча, лживый сон?
Скажите: скоро ль нам Варшава
Предпишет гордый свой закон?

Куда отдвинем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Волянь?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?
Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?

Ваш бурный шум и хрипый крик
Смутили ль русского владыку?
Скажите, кто главой поник?
Кому венец: мечу иль крику?

Сильна ли Русь? Война, и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Ее, беснуясь, потрясали —
Смотрите ж: всё стоит она!
А вокруг ее волненья пали —
И Польши участь решена. . .

Победа! сердцу сладкий час!
Россия! встань и возвышайся!
Греми, восторгов общий глас! . .
Но тише, тише раздавайся
Вокруг одра, где он лежит,
Могучий мститель злых обид,.
Кто покорил вершины Тавра,
Пред кем смирилась Эривань,
Кому суворовского лавра
Венок сплела тройная брань.

Восстав из гроба своего,
Суворов видит плен Варшавы:
Вострепетала тень его
От блеска им начатой славы!
Благословляет он, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоих сподвижников отвагу,
И весть триумфа твоего,
И с ней летящего за Прагу
Младого внука своего.

*** ИЗ ЗАПИСКИ К А. О. РОССЕТ**

От вас узнал я плен Варшавы.

.
Вы были вестницею славы
И вдохновеньем для меня.

*** ИЗ ПИСЬМА К ВЯЗЕМСКОМУ**

Любезный Вяземский, поэт и камергер...
(Василья Львовича узнал ли ты манер?
Так некогда письмо он начал к камергеру,
Украшенну ключом за Верность и за Веру) —
Так солнце и на нас взглянуло из-за туч!
На заднице твоей сияет тот же ключ.
Ура! хвала и честь поэту-камергеру.
Пожалуй, от меня поздравь княгиню Веру.

*** 19 ОКТЯБРЯ 1831**

Чем чаще празднует Лицей
Свою святую годовщину,
Тем робче старый круг друзей
В семью стесняется едина,
Тем реже он; тем праздник наш
В своем веселии мрачнее;
Тем глуше звон заздравных чаш,
И наши песни тем грустнее.

Так дуновенья бурь земных
И нас нечаянно касались,
И мы средь пиршеств молодых
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рок судил
И нам житейски испытанья,
И смерти дух средь нас ходил
И назначал свои закланья.

Шесть мест упраздненных стоят,
Шести друзей не узрим боле,
Они разбросанные спят —
Кто здесь, кто там на ратном поле,
Кто дома, кто в земле чужой,
Кого недуг, кого печали
Свели во мрак земли сырой,
И надо всеми мы рыдали.

И мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельвиг милый,
Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой,
Товарищ песен молодых,
Пиров и чистых помышлений,
Туда, в толпу теней родных
Навек от нас утекший гений.

Тесней, о милые друзья,
Тесней наш верный круг составим,
Почившим песнь окончил я,
Живых надеждою поздравим,
Надеждой некогда опять
В пиру лицейском очутиться,
Всех остальных еще обнять
И новых жертв уж не страшиться.

1

И дале мы пошли — и страх обнял меня.
Бесенок, под себя поджав свое копыто,
Крутил ростовщика у адского огня.

Горячий капал жир в копченое корыто,
И лопал на огне печеный ростовщик.
А я: «Поведай мне: в сей казни что сокрыто?»

Виргилий мне: «Мой сын, сей казни смысл велик:
Одно стяжание имел всегда в предмете,
Жир должников своих сосал сей злой старик

И их безжалостно крутил на вашем свете». —
Тут грешник жареный протяжно возопил:
«О, если б я теперь тонул в холодной Лете!

О, если б зимний дождь мне кожу остудил!
Сто на сто я терплю: процент невероятный!» —
Тут звучно лопнул он — я взоры потупил.

Тогда услышал я (о диво!) запах скверный,
Как будто тухлое разбилось яйцо,
Иль карантинный страж курил жаровней серной.

Я, нос себе зажав, отворотил лицо.
Но мудрый вождь тащил меня всё дале, дале —
И, камень приподняв за медное кольцо,

Сошли мы вниз — и я узрел себя в подвале.

Тогда я демонов увидел черный рой,
Подобный издали ватаге муравьиной —
И бесы тешились проклятою игрой:

До свода адского касалась вершиной
Гора стеклянная, как Арарат остра, —
И разлегалась над темною равниной.

И бесы, раскалив как жар чугуна ядра,
Пустили вниз его смердящими когтями.
Ядро запрыгало — и гладкая гора,

Звеня, растрескалась колючими звездами.
Тогда других чертей нетерпеливый рой
За жертвой кинулся с ужасными словами,

Схватили под руки жену с ее сестрой,
И заголили их, и вниз пихнули с криком —
И обе сидючи пустились вниз стрелой. . .

Порыв отчаянья я внял в их вопле диком;
Стекло их резало, впивалось в тело им —
А бесы прыгали в веселии великом.

Я издали глядел — смущением томим.

МАЛЬЧИКУ
(ИЗ КАТУЛЛА)

Minister vetuli, puer. *

Пьяной горечью Фалерна
Чашу мне наполни, мальчик!
Так Постумия велела,
Председательница оргий.
Вы же, воды, прочь теките
И струей, вину враждебной,
Строгих постников поите:
Чистый нам любезен Бахус.

* Мальчик-прислужник,
(латинск.) — *Ред.*

разливающий старый фалерн.

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный
И как дитя была добра;
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писада прямо набело.

*** В АЛЬБОМ А. Д. АБАМЕЛЕК**

Когда-то (помню с умилением)
Я смел вас нянчить с восхищеньем,
Вы были дивное дитя.
Вы расцвели — с благоговеньем
Вам ныне поклоняюсь я.
За вами сердцем и глазами
С невольным трепетом ношусь
И вашей славою и вами,
Как нянька старая, горжусь.

♦ ГНЕДНЧУ

С Гомером долго ты беседовал один,
Тебя мы долго ожидали,
И светел ты сошел с таинственных вершин
И вынес нам свои скрижали.
И что ж? ты нас обрел в пустыне под шатром,
В безумстве суетного пира,
Поющих буйну песнь и скачущих кругом
От нас созданного кумира.
Смутились мы, твоих чуждаясь лучей.
В порыве гнева и печали
Ты проклял ли, пророк, бессмысленных детей,
Разбил ли ты свои скрижали?
О, ты не проклял нас. Ты любишь с высоты
Скрываться в тень долины малой,
Ты любишь гром небес, но также внемлешь ты
Жужжанью пчел над розой алой.
Таков прямой поэт. Он сетует душой
На пышных играх Мельпомены,
И улыбается забаве площадной
И вольности лубочной сцены,
То Рим его зовет, то гордый Илион,
То скалы старца Оссиана,
И с дивной легкостью меж тем летает он
Вослед Бовы иль Еруслана.

КРАСАВИЦА

(В АЛЬБОМ Г****)

Всё в ней гармония, всё диво,
Всё выше мира и страстей:
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей;
Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сияньи исчезает.

Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце ни питал
Ты сокровенное мечтанье, —
Но встреться с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговевя богомольно
Перед святыней красоты.

К ***

Нет, нет, не должен я, не смею, не могу
Волнениям любви безумно предаваться;
Спокойствие мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться;
Нет, полно мне любить; но почему ж порой
Не погружуся я в минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдет передо мной
Младое, чистое, небесное созданье,
Пройдет и скроется? .. Ужель не можно мне,
Любуясь девою в печальном сладострастье,
Глазами следовать за ней и в тишине
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцем ей желать все блага жизни сей,
Веселый мир души, беспечные досуги,
Всё — даже счастье того, кто избран ей,
Кто милой деве даст название супруги.

*** В АЛЬБОМ**

Гонимый рока самовластьем
От пышной далеко Москвы,
Я буду вспоминать с участием
То место, где цветете вы.
Столичный шум меня тревожит;
Всегда в нем грустно я живу,
И ваша память только может
Одна напомнить мне Москву.

В АЛЬБОМ

Долго сих листов заветных
Не касался я пером;
Виноват, в столе моем
Уж давно без строк приветных
Залежался твой альбом.
В именины, очень кстати,
Пожелать тебе я рад
Много всякой благодати,
Много сладостных отрад, —
На Парнасе много грома,
В жизни много тихих дней,
И на совести твоей
Ни единого альбома
От красавиц, от друзей.

ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНИМ

1

(ИЗ КСЕНОФАНА КОЛОФОНСКОГО)

Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают;
 Все уж увенчаны гости; иной обоняет, зажмурясь,
 Ладана сладостный дым; другой открывает амфору,
 Запах веселый вина разливая далече; сосуды
 Светлой студеной воды, золотистые хлебы, янтарный
 Мед и сыр молодой — всё готово; весь убран цветами
 Жертвенник. Хоры поют. Но в начале трапезы, о други,
 Должно творить возлиянья, вещать благовещие речи,
 Должно бессмертных молить, да сподобят нас чистой
 душою
 Правду блюсти: ведь оно ж и легче. Теперь мы
 приступим:
 Каждый в меру свою напивайся. Беда не велика
 В ночь, возвращаясь домой, на раба опираться; но слава
 Гостю, который за чашей беседует мудро и тихо!

2

(ИЗ АФЕНЕЯ)

Славная флейта, Феон, здесь лежит. Предводителя
 хоров
 Старец, ослепший от лет, некогда Скíрпал родил
 И, вдохновенный, нарек младенца Феоном. За чашей
 Сладостно Вакха и муз славил приятный Феон.
 Славил и Вáтала он, молодого красавца: прохожий!
 Мимо гробницы спеша, вымолви: здравствуй, Феон!

Бог веселый винограда
Позволяет нам три чаши
Выпивать в пиру вечернем.
Первую во имя граций,
Обнаженных и стыдливых,
Посвящается вторая
Краснощекому здоровью,
Третья дружбе многолетней.
Мудрый после третьей чаши
Все венки с главы слагает
И творит уж излиянья
Благодатному Морфею.

Юноша! скромно пируй, и шумную Вакхову влагу
С трезвой струею воды, с мудрой беседой мешай.

ВИНО
(ПОН ХИОССКИЙ)

**Злое дитя, старик молодой, властелин добронравный,
Гордость внушающий нам, шумный заступник любви!**

ГУСАР

Скребницей чистил он коня,
А сам ворчал, сердясь не в меру:
«Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартиру!

Здесь человека берегут
Как на турецкой перестрелке,
Насилу шей пустых дадут,
А уж не думай о горелке.

Здесь на тебя как лютый зверь
Глядит хозяин, а с хозяйкой. . .
Небось, не выманишь за дверь
Ее ни честью, ни нагайкой.

То ль дело Киев! Что за край!
Валятся сами в рот галушки,
Вином — хоть пару поддавай,
А молодежи-молодушки!

Ей-ей, не жаль отдать души
За взгляд красотки *чернобровой*.
Одним, одним не хороши. . .»
— А чем же? Расскажи, служивый.

Он стал крутить свой длинный ус
И начал: «Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды.

Ну, слушай: около Днепра
Стоял наш полк; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А муж-то помер, замечай-ка.

Вот с ней и подружился я;
Живем согласно, так что любо:
Прибью — Марусенька моя
Словечка не промолвит грубо;

Напьюсь — уложит, и сама
Опохмелиться приготовит;
Мигну, бывало: Эй, кума! —
Кума ни в чем не прекословит.

Кажись, о чем бы горевать?
Живи в довольстве, безобидно!
Да нет: я вздумал ревновать.
Что делать? враг попутал, видно.

Зачем бы ей, стал думать я,
Вставать до петухов? кто просит?
Шалит Марусенька моя;
Куда ее лукавый носит?

Я стал присматривать за ней.
Раз я лежу, глаза прищуря,
(А ночь была тюрьмы черней,
И на дворе шумела буря)

И слышу: кумушка моя
С печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присела к печке, уголь вздула

И свечку тонкую зажгла,
Да в уголок пошла со свечкой,
Там с полки скляночку взяла
И, сев на веник перед печкой,

Разделась донага; потом
Из склянки три раза хлебнула,

И вдруг на веникѣ верхом
Взвилась в трубу — и улизнула.

Эге! смекнул в минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя! . .
И с печки слез — и вижу: склянка.

Понюхал: кисло! что за дрянь!
Плеснул я на пол: что за чудо?
Прыгнул ухват, за ним лохань,
И оба в печь. Я вижу: худо!

Гляжу: под лавкой дремлет кот;
И на него я брызнул склянкой —
Как фыркнет он! я: брысь! . . И вот
И он туда же за лоханкой.

Я ну кропить во все углы
С плеча, во что уж ни попало;
И всё: горшки, скамьи, столы,
Марш! марш! всё в печку поскакало.

Кой черт! подумал я: теперь
И мы попробуем! и духом
Всю склянку выпил; верь не верь —
Но кверху вдруг взвился я пухом.

Стремглав лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю;
Лишь встречным звездочкам кричу:
Правей! . . и нáземь упадаю.

Гляжу: гора. На той горе
Кипят котлы; поют, играют,
Свистят и в мерзостной игре
Жида с лягушкою венчают.

Я плюнул и сказать хотел. . .
И вдруг бежит моя Маруся:
— Домой! кто звал тебя, пострел?
Тебя съедят! — Но я, не струся:

— Домой? да! черта с два! почем
Мне знать дорогу? — Ах, он странный!
Вот кочерга, садись верхом
И убирайся, окаянный.

— Чтоб я, я сел на кочергу,
Гусар присяжный! Ах ты дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

Коня! — На, дурень, вот и конь. —
И точно: конь передо мною,
Скребет копытом, весь огонь,
Дугою шея, хвост трубою.

— Садись. — Вот сел я на коня,
Ищу уздечки, — нет уздечки.
Как взвился, как понес меня —
И очутились мы у печки.

Гляжу: всё так же; сам же я
Сижу верхом, и подо мною
Не конь — а старая скамья:
Вот что случается порою».

И стал крутить он длинный ус,
Прибавя: «Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды».

Французских рифмачей суровый судия,
О классик Депрео, к тебе взываю я:
Хотя постигнутый неумолимым роком
В своем отечестве престал ты быть пророком,
Хоть дерзких умников простерлася рука
На лавры твоего густого парика;
Хотя, растрепанный новейшей вольной школой,
К ней в гнѣе обратил ты свой затылок голый, —
Но я молю тебя, поклонник верный твой,
Будь мне вожатаем. Дерзаю за тобой
Занять кафедру тѹ, с которой в прежни лета
Ты слишком превознес достоинства сонета,
Но где торжествовал твой здравый приговор
Минувших лет глупцам, вранью тогдашних пор.
Новейшие вдали вралей старинных стоят —
И слишком уж меня их бредни беспокоят.
Ужели всё молчать да слушать? О беда! . .
Нет, всё им выскажу однажды завсегда.

О вы, которые, восчувствовав отвагу,
Хватаете перо, мараете бумагу,
Тисненью предавать труды свои спеша,
Постойте — наперед узнайте, чем душа
У вас исполнена — прямым ли вдохновеньем
Иль ѳеобдуманнѹм одним поползновеньем,
И чешется у вас рука по пустякам;
Иль вам не верят в долг, а деньги нужны вам.
Не лучше ль стало б вам с надеждою смиренной
Заняться службою гражданской иль военной,
С хваленым Жуковым табачный торг завѣсть
И снискивать в труде себе барыш и честь,

Чем объявления совать во все журналы,
Вельможе пошлые кропая мадригалы,
Над меньшей собратъей в поту лица острясь,
Иль выше мнения отважно вознесясь,
С оплошной публики (как некие писаки)
Подписку собирать — на будущие враки. . .

В поле чистом серебрится
Снег волнистый и рябой,
Светит месяц, тройка мчится
По дороге столбовой.

Пой: в часы дорожной скуки,
На дороге, в тьме ночной
Сладки мне родные звуки,
Звуки песни удалой.

Пой, ямщик! Я молча, жадно
Буду слушать голос твой.
Месяц ясный светит хладно,
Грустен ветра дальный вой.

Сват Иван, как пить мы станем,
Непременно уж помянем
Трех Матрен, Луку с Петром,
Да Пахомовну потом.
Мы живали с ними дружно,
Уж как хочешь — будь что будь —
Этих надо помянуть,
Помянуть нам этих нужно.
Поминать так поминать,
Начинать так начинать,
Лить так лить, разлив разливом.
Начинай-ка, сват, пора.
Трех Матрен, Луку, Петра
В первый раз помянем пивом,
А Пахомовну потом
Пирогоми да вином,
Да еще ее помянем:
Сказки сказывать мы станем —
Мастерица ведь была
И откуда что брала.
А куды разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины! . .
Слушать, так душе отрадно.
И не пил бы и не ел,
Всё бы слушал да сидел.
Кто придумал их так ладно?
Стариков когда-нибудь



(Жаль, теперь нам не досужно)
Надо будет помянуть —
Помянуть и этих нужно...
Слушай, сват, начну первой,
Сказка будет за тобой.

Чу, пушки грянули! крылатых кораблей
Покрылась облаком станица боевая,
Корабль вбежал в Неву — и вот среди зыбей
Качаясь плавает, как лебедь молодая.

Ликует русский флот. Широкая Нева
Без ветра, в ясный день глубоко взволновалась,
Широкая волна плеснула в острова.

БУДРЫС И ЕГО СЫНОВЬЯ

Три у Будрыса сына, как и он, три литвина.
Он пришел толковать с молодцами.
«Дети! седла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи с бердышами.

Справедлива весть эта: на три стороны света
Три замышлены в Вильне похода.
Паз идет на поляков, а Ольгерд на прусаков,
А на русских Кестут воевода.

Люди вы молодые, силачи удалые
(Да хранят вас литовские боги!),
Нынче сам я не еду, вас я шлю на победу;
Трое вас, вот и три вам дороги.

Будет всем по награде: пусть один в Новеграде
Поживится от русских добычей.
Жены их, как в окладах, в драгоценных нарядах;
Домы полны; богат их обычай.

А другой от прусаков, от проклятых крыжаков,
Может много достать дорогого,
Денег с целого света, сукон яркого цвета;
Янтаря — что песку там морского.

Третий с Пазом на ляха пусть ударит без страха:
В Польше мало богатства и блеску,
Сабель взять там не худо; но уж верно оттуда
Привезет он мне на дом невестку.

Нет на свете царицы краше польской девицы.
Весела — что котенок у печки —
И как роза румяна, а бела что сметана;
Очи светятся будто две свечки!

Был я, дети, моложе, в Польшу съездил я тоже
И оттуда привез себе женку;
Вот и век доживаю, а всегда вспоминаю
Про нее, как гляжу в ту сторонку».

Сыновья с ним простились и в дорогу пустились.
Ждет, пождет их старик домовитый,
Дни за днями проводит, ни один не приходит.
Будрыс думал: уж, видно, убиты!

Снег на землю валится, сын дорогою мчится,
И под буркою ноша большая.
«Чем тебя наделили? что там? Ге! не рубли ли?» —
«Нет, отец мой; полячка младая».

Снег пушистый валится; всадник с ношею мчится,
Черной буркой ее покрывая.
«Что под буркой такое? Не сукно ли цветное?» —
«Нет, отец мой; полячка младая».

Снег на землю валится, третий с ношею мчится,
Черной буркой ее прикрывает.
Старый Будрыс хлопочет и спросить уж не хочет,
А гостей на три свадьбы сзывает.

ВОЕВОДА

Поздно ночью из похода
Воротился воевода.
Он слугам велит молчать;
В спальню кинулся к постеле;
Дернул полог. . . В самом деле!
Никого; пуста кровать.

И, мрачнее черной ночи,
Он потупил грозны очи,
Стал крутить свой сивый ус. . .
Рукава назад закинул,
Вышел вон, замок задвинул;
«Гей, ты , — кликнул, — чертов кус!

А зачем нет у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я вас, хамы! . . Дай ружье;
Приготовь мешок, веревку,
Да сними с гвоздя винтовку.
Ну, за мною! . . Я ж ее!»

Пан и хлопец под забором
Тихим крадутся дозором,
Входят в сад — и сквозь ветвей,
На скамейке у фонтана,
В белом платье, видят, панна
И мужчина перед ней.

Говорит он: «Всё пропало,
Чем лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любил:
Белой груди воздыханье,
Нежной ручки пожиманье,
Воевода всё купил.

Сколько лет тобой страдал я,
Сколько лет тебя искал я!
От меня ты отперлась.
Не искал он, не страдал он;
Серебром лишь побряцал он,
И ему ты отдалась.

Я скакал во мраке ночи
Милой панны видеть очи,
Руку нежную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лет ей и веселья,
И потом навек бежать».

Панна плачет и тоскует,
Он колени ей целует,
А сквозь ветви те глядят,
Ружья на́земь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполом заряд.

Подступили осторожно.
«Пан мой, целить мне не можно, —
Бедный хлопец прошептал, —
Ветер, что ли, плачут очи,
Дрожь берет; в руках нет мочи,
Порох в полку не попал». —

«Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мне время!
Сыпь на полку... Наводи...
Цель ей в лоб. Левее... выше.
С паном справлюсь сам. Потише;
Прежде я; ты погоди».

Выстрел по саду раздался.
Хлопец пана не дождался;
Воевода закричал,
Воевода пошатнулся. . .
Хлопец, видно, промахнулся:
Прямо в лоб ему попал.

Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал —
И всё бы слушал этот лепет,
Всё б эти ножки целовал. . .

Ночь тиха; в небесном поле
Светит Веспер золотой.
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой.
Воздух полн дыханья лавра.
Дремлют флаги Бучентавра.
Море темное молчит.

.

Колокольчики звенят,
Барабанчики гремят,
А люди-то, люди —
Ой люшеньки-люли!
А люди-то, люди
На цыганочку глядят.

А цыганочка-то пляшет,
В барабанчики-то бьет,
И ширинкой алой машет,
Заливается-поет:
«Я плясунья, я певица,
Ворожить я мастерица».

Не дай мне бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума;
 Нет, легче труд и глад.
Не то, чтоб разумом моим
Я дорожил; не то, чтоб с ним
 Расстаться был не рад:

Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
 Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
 Нестройных, чудных грез.

И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
 В пустые небеса;
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
 Ломающий леса.

Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь как чума,
 Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку, как зверка,
 Дразнить тебя придут.

А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
 Не шум глухой дубров —
А крик товарищей моих,
Да брань зрителей ночных,
 Да визг, да звон оков.

ОСЕНЬ
(Отрывок)

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Державин

I

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад, дорога промерзает.
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

II

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
Суровою зимой я более доволен,
Люблю ее снега; в присутствии луны
Как легкий бег саней с подругой быстр и волен,
Когда под сободем, согрета и свежа,
Она вам руку жмет, пылая и дрожа!

III

Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!
А зимних праздников блестящие тревоги? ..
Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
Ведь это наконец и жителю берлоги —
Медведю надоест. Нельзя же целый век
Кататься нам в санях с Армидами младыми,
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи,
Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;
Лишь как бы напоить да освежить себя —
Иной в нас мысли нет, и жаль зимы старухи,
И, проводив ее блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым и льдом.

V

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихую, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечет. Сказать вам откровенно,
Из годовых времен я рад лишь ей одной,
В ней много доброго; любовник не тщеславный,
Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.

VI

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева.
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице еще багровый цвет.
Она жива еще сегодня, завтра нет.

VII

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса.
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

VIII

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят — я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн — таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

IX

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
Махая гривой, он всадника несет,
И звонко под его блистающим копытом
Звенит промерзлый дол и трескается лед.
Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
Огонь опять горит — то яркий свет лиет,
То тлеет медленно — а я пред ним читаю,
Иль думы долгие в душе моей питаю.

X

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

XI

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.

XII

Плывет. Куда ж нам плыть?
.
.

ПЕСНИ ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Большая часть этих песен взята мною из книги, вышедшей в Париже в конце 1827 года, под названием *La Guzla, ou choix de Poésies Illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégowine*. * Неизвестный издатель говорил в своем предисловии, что, собирая некогда безыскусственные песни полудикого племени, он не думал их обнародовать, но что потом, заметив распространяющийся вкус к произведениям иностранным, особенно к тем, которые в своих формах удаляются от классических образцов, вспомнил он о собрании своем и, по совету друзей, перевел некоторые из сих поэм, и проч. Сей неизвестный собиратель был не кто иной, как Мериме, острый и оригинальный писатель, автор Театра Клары Газюль, Хроники времен Карла IX, Двойной Ошибки и других произведений, чрезвычайно замечательных в глубоком и жалком упадке нынешней французской литературы. Поэт Мицкевич, критик зоркий и тонкий и знаток в славенской поэзии, не усумнился в подлинности сих песен, а какой-то ученый немец написал о них пространную диссертацию.

Мне очень хотелось знать, на чем основано изобретение странных сих песен; С. А. Соболевский, по моей

* Гузла, или сборник иллирийских стихотворений, собранных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине. (Франц.) — Ред.

просьбе, писал о том к Мериме, с которым был он коротко знаком, и в ответ получил следующее письмо:

Paris. 18 janvier 1835.

Je croyais Monsieur, que la Guzla n'avait eu que sept lecteurs, vous, moi et le prote compris; je vois avec bien du plaisir que j'en puis compter deux de plus ce qui forme un joli total de neuf et confirme le proverbe que nul n'est prophète en son pays. Je répondrai candidement à vos questions. La Guzla a été composée par moi pour deux motifs, dont le premier était de me moquer de la couleur locale dans laquelle nous nous jetions à plein collier vers l'an de grâce 1827. Pour vous rendre compte de l'autre motif je suis obligé de vous conter une histoire. En cette même année 1827, un de mes amis et moi nous avons formé le projet de faire un voyage en Italie. Nous étions devant une carte traçant au crayon notre itinéraire; arrivés à Venise, sur la carte s'entend, et ennuyés des Anglais et des Allemands que nous rencontrions, je proposai d'aller à Trieste, puis de là à Raguse. La proposition fut adoptée, mais nous étions fort légers d'argent et cette „douleur nompareille“ comme dit Rabelais nous arrêtait au milieu de nos plans. Je proposai alors d'écrire d'avance notre voyage, de le vendre à un libraire et d'employer le prix à voir si nous nous étions beaucoup trompés. Je demandai pour ma part à colliger les poésies populaires et à les traduire, on me mit au défi, et le lendemain j'apportai à mon compagnon de voyage cinq ou six de ces traductions. Je passai l'automne à la campagne. On déjeunait à midi et je me levais à dix heures, quand j'avais fumé un ou deux cigares ne sachant que faire, avant que les femmes ne paraissent au salon, j'écrivais une ballade. Il en résulta un petit volume que je publiai en grand secret et qui mystifia deux ou trois personnes. Voici les sources où j'ai puisé cette couleur locale tant vantée: d'abord une petite brochure d'un consul de France à Banialouka. J'en ai oublié le titre, l'analyse en serait facile. L'auteur cherche à prouver que les Bosniaques sont de fiers cochons, et il en donne d'assez bonnes raisons. Il cite par-ci par-là quelques mots illyriques pour faire parade de son savoir (il en savait peut-être autant que moi). J'ai recueilli ces mots avec soin et les ai mis dans

mes notes. Puis j'avais lu le chapitre intitulé. De' costumi dei Morlachi, dans le voyage en Dalmatie de Fortis. Il a donné le texte et la traduction de la plainte de la femme de Hassan Aga qui est réellement illyrique; mais cette traduction était en vers. Je me donnai une peine infinie pour avoir une traduction littérale en comparant les mots du texte qui étaient répétés avec l'interprétation de l'abbé Fortis. A force de patience, j'obtins un mot à mot, mais j'étais embarrassé encore sur quelques points. Je m'adressai à un de mes amis qui sait le russe. Je lui lisais le texte en le prononçant à l'italienne, et il le comprit presque entièrement. Le bon fut, que Nodier qui avait déterré Fortis et la ballade de Hassan Aga, et l'avait traduite sur la traduction poétique de l'abbé en la poétisant encore dans sa prose, Nodier cria comme un aigle que je l'avais pillé. Le premier vers illyrique est:

Scto se bieli u gorje zelenoi

Fortis a traduit:

Che mai biancheggia nel verde Bosco

Nodier a traduit bosco par *plaine verdoyante*; c'était mal tomber, car on me dit que *gorje* veut dire colline. Voilà mon histoire. Faites mes excuses à M. Pouchkine. Je suis fier et honteux à la fois de l'avoir attrapé, и проч.

<Париж, 18 января 1835

Я думал, милостивый государь, что у Гузлы было только семь читателей, в том числе вы, я и корректор: с большим удовольствием узнаю, что могу причислить к ним еще двух, что составляет в итоге приличное число девять и подтверждает поговорку — никто не пророк в своем отечестве. Буду отвечать на ваши вопросы чисто-сердечно. Гузлу я написал по двум мотивам, — во-первых, я хотел посмеяться над «местным колоритом», в который мы слепо ударились в лето от рождества Христова 1827. Для объяснения второго мотива расскажу вам следующую историю. В том же 1827 году мы с одним из моих друзей задумали путешествие по Италии. Мы набрасывали карандашом по карте наш маршрут. Так мы прибыли в Венецию — разумеется, на карте, — где нам надоели встречавшиеся англичане и немцы, и я предложил отправиться в Триест, а оттуда в Рагузу. Предложение было принято, но кошельки наши были почти

пусты, и эта «несравненная скорбь», как говорил Рабле, остановила нас на полдороге. Тогда я предложил сначала описать наше путешествие, продать книгопродавцу и вырученные деньги употребить на то, чтобы проверить, во многом ли мы ошиблись. На себя я взял соби́рание народных песен и перевод их; мне было выражено недоверие, но на другой же день я доставил моему товарищу по путешествию пять или шесть переводов. Осень я провел в деревне. Завтрак у нас был в полдень, я же вставал в десять часов: выкурив одну или две сигары и не зная, что делать до прихода дам в гостиную, я писал балладу. Из них составилась томик, который я издал под большим секретом, и мистифицировал им двух или трех лиц. Вот мои источники, откуда я почерпнул этот столь превознесенный «местный колорит»: во-первых, небольшая брошюра одного французского консула в Баналуке. Ее заглавие я позабыл, но дать о ней понятие нетрудно. Автор старается доказать, что босняки — настоящие свиньи, и приводит этому довольно убедительные доводы. Местами он употребляет иллирийские слова, чтобы выставить напоказ свои знания (на самом деле, быть может, он знал не больше моего). Я старательно собрал все эти слова и поместил их в примечания. Затем я прочел главу: *Dei costumi dei Morlachi* (О нравах Морлаков) из «Путешествия по Далмации» Фортиса. Там я нашел текст и перевод чисто иллирийской заплачки жены Ассана-Аги; но песня эта переведена стихами. Мне стоило большого труда получить построчный перевод, для чего приходилось сопоставлять повторяющиеся слова самого подлинника с переложением аббата Фортиса. При некотором терпении я получил дословный перевод, но относительно некоторых мест всё еще затруднялся. Я обратился к одному из моих друзей, знающему по-русски, прочел ему подлинник, выговаривая его на итальянский манер, и он почти вполне понял его. Замечательно, что Нодье, откопавший Фортиса и балладу Ассана-Аги и переведший с поэтического перевода аббата, еще более опозитивировав его в своей прозе, — прокричал на всех перекрестках, что я обокрал его. Вот первый стих в иллирийском тексте: *Scto se biel i gorie zelenoī...** Фортис перевел: *Che mai biancheggia nel verde Bosco.*** Нодье перевел «Bosco» — *зеленеющая равнина*; он промахнулся, потому что, как мне объясняли, *gorie* означает: гора. Вот и вся история. Передайте г. Пушкину мои извинения. Я горжусь и стыжусь вместе с тем, что и он попался, и проч. (Франц.) — *Ред.*>

* Что белеет на горе зеленой (Сербск.) — *Ред.*

** Что же белеет в зеленой роще. (Итал.) — *Ред.*

ВИДЕНИЕ КОРОЛЯ:

Король ходит большими шагами
Взад и вперед по палатам;
Люди спят — королю лишь не спится:
Короля султан осаждает,
Голову отсечь ему грозитя
И в Стамбул отослать ее хочет.

Часто он подходит к окошку;
Не услышит ли какого шума?
Слышит, воеет ночная птица,
Она чует беду неминучу,
Скоро ей искать новой кровли
Для своих птенцов горемычных.

Не сова воеет в Ключе-граде,
Не луна Ключ-город озаряет,
В церкви божией гремят барабаны,
Вся свечами озарена церковь.

Но никто барабанов не слышит,
Никто света в церкви божией не видит,
Лишь король то слышал и видел;
Из палат своих он выходит
И идет один в Божию церковь.

Стал на паперти, дверь отворяет...
Ужасом в нем замерло сердце,
Но великую творит он молитву
И спокойно в церковь Божию входит.

Тут он видит чудное виденье:
На помосте валяются трупы,
Между ими хлещет кровь ручьями,
Как потоки осени дождливой.
Он идет, шагая через трупы,
Кровь по щиколку² ему достягает...

Горе! в церкви турки и татары
И предатели, враги *богумилы*.³

На амвоне сам султан безбожный,
Держит он наголо саблю,
Кровь по сабле свежая струится
С вострия до самой рукояти.

Короля незапный обнял холод:
Тут же видит он отца и брата.
Пред султаном старик бедный справа,
Униженно стоя на коленях,
Подает ему свою корону;
Слева, также стоя на коленях,
Его сын, Радивой окаянный,
Бусурманскою чалмою покрытый
(С тою самую веревкою, которой
Удавил он несчастного старца),
Край полы у султана целует,
Как холоп, наказанный *фалангой*.⁴

И султан безбожный, усмехаясь,
Взял корону, растоптал ногами,
И промолвил потом Радивою:
«Будь над Боснией моей ты властелином,
Для гяур-христиан беглербеем».⁵
И отступник бил челом султану,
Трижды пол окровавленный целуя.

И султан прислужников кликнул
И сказал: «Дать кафтан Радивою!⁶
Не бархатный кафтан, не парчовый,
А содрать на кафтан Радивоя
Кожу с брата его родного».
Бусурмане на короля наскочили,
Донага всего его раздели,
Атаганом ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили и мясо и жилы,
И до самых костей ободрали,
И одели кожу Радивоя.

Громко мученик господу взмолился:
«Прав ты, боже! меня наказуя!

Плоть мою предай на растерзанье,
Лишь помилуй мне душу, Иисусе!»

При сем имени церковь задрожала,
Всё внезапно утихнуло, померкло, —
Всё исчезло — будто не бывало.

И король ощупью в потемках
Кое-как до двери добрался
И с молитвою на улицу вышел.

Было тихо. С высокого неба
Город белый луна озаряла.
Вдруг взвилась из-за города бомба, ⁷
И пошли бусурмане на приступ.

2

ЯНКО МАРНАВИЧ

· Что в разъездах бей Янко Марнавич?
Что ему дома не сидится?
Отчего двух ночей он сряду
Под одною кровлей не ночует?
Али недруги его могучи?
Аль боится он кровомщенья?

Не боится бей Янко Марнавич
Ни врагов своих, ни кровомщенья.
Но он бродит, как гайдук бездомный,
С той поры, как Кирила умер.

В церкви Спаса они братовались, ⁸
И были по богу братья;
Но Кирила несчастливый умер
От руки им избранного брата.

Веселое было пиrowанье,
Много пили меду и горелки;

Охмелели, обезумели гости,
Два могучие беи побранились.

Янко выстрелил из своего пистоля,
Но рука его пьяная дрожала.
В супротивника своего не попал он,
А попал он в своего друга.
С того времени он тоскуя бродит,
Словно вол, ужаленный змиею.

Наконец он на родину воротился
И вошел в церковь святого Спаса.
Там день целый он молился богу,
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью он пришел к себе на дом
И отужинал со своей семьею,
Потом лег и жене своей молвил:
«Посмотри, жена, ты в окошко.
Видишь ли церковь Спаса отселе?»
Жена встала, в окошко поглядела
И сказала: «На дворе полночь,
За рекою густые туманы,
За туманом ничего не видно».
Повернулся Янко Марнович
И тихонько стал читать молитву.

Помолившись, он опять ей молвил:
«Посмотри, что ты видишь в окошко?»
И жена, поглядев, отвечала:
«Вижу, вон, малый огонёчек
Чуть-чуть брезжит в темноте за рекою».
Улыбнулся Янко Марнович
И опять стал тихонько молиться.

Помолясь, он опять жене молвил:
«Отвори-ка, женка, ты окошко:
Посмотри, что там еще видно?»
И жена, поглядев, отвечала:
«Вижу я на реке сиянье,
Близится оно к нашему дому».
Бей вздохнул и с постели свалился.
Тут и смерть ему приключилась.

БИТВА У ЗЕНИЦЫ-ВЕЛИКОЙ *

Радивой поднял желтое знамя:
Он идет войной на бусурмана.
А далматы, завидя наше войско,
Свои длинные усы закрутили,
Набекрень надели свои шапки
И сказали: «Возьмите нас с собою: ¹⁰
Мы хотим воевать бусурманов».
Радивой дружелюбно их принял
И сказал им: «Милости просим!»
Перешли мы заповедную речку,
Стали жечь турецкие деревни,
А жидов на деревьях вешать. ¹¹
Беглербей со своими бошняками
Против нас пришел из Банялуки; ¹²
Но лишь только заржали их кони
И на солнце их кривые сабли
Засверкали у Зеницы-Великой,
Разбежались изменники далматы;
Окружили мы тогда Радивоя
И сказали: «Господь бог поможет,
Мы домой воротимся с тобою
И расскажем эту битву нашим детям».
Стали биться мы тогда жестоко,
Всяк из нас троих воинов стоил;
Кровью были покрыты наши сабли
С острия по самой рукояти.
Но когда через речку стали
Тесной кучкою мы переправляться,
Селихтар ¹³ с крыла на нас ударил
С новым войском, с конницею свежей.
Радивой сказал тогда нам: «Дети,
Слишком много собак-бусурманов,
Нам управиться с ними невозможно.
Кто не ранен, в лес беги скорее
И спасайся там от Селихтара».
Всех-то нас оставалось двадцать,
Все друзья, родные Радивою,
Но и тут нас пало девятнадцать.
Закричал Георгий Радивою:

«Ты садись, Радивой, поскорее
На коня моего вороного;
Через речку вплавь переправляйся,
Конь тебя из погибели вымчит».
Радивой Георгия не послушал,
Наземь сел, поджав под себя ноги.
Тут враги на него наскочили,
Отрубили голову Радивою.

4

ФЕОДОР И ЕЛЕНА

.
.
Стамати был стар и бессилен,
А Елена молода и проворна;
Она так-то его оттолкнула,
Что ушел он охая да хромая.
Поделом тебе, старый бесстыдник!
Ай да баба! отделалась славно!

Вот Стамати стал думать думу:
Как ему погубить бы Елену?
Он к жиду лиходею приходит,
От него он требует совета.
Жид сказал: «Ступай на кладбище,
Отыщи под камнями жабу
И в горшке сюда принеси мне».

На кладбище приходит Стамати,
Отыскал под камнями жабу ¹⁴
И в горшке жиду ее приносит.
Жид на жабу проливает воду,
Нарекает жабу Иваном
(Грех велик христианское имя
Нареши такой поганой твари!).
Они жабу всю потом искололи,
И ее — ее ж кровью напоили;
Напоивши, заставили жабу
Облизать поспелую сливу.

И Стамати мальчику молвил:
«Отнеси ты Елене эту сливу
От моей племянницы в подарок».
Принес мальчик Елене сливу,
А Елена тотчас ее съела.

Только съела поганую сливу,
Показалось бедной молодежи,
Что змия у ней в животе шевелится.
Испугалась молодая Елена;
Она кликнула сестру свою меньшую.
Та ее молоком напоила,
Но змия в животе всё шевелилась.

Стала пухнуть прекрасная Елена,
Стали баять: Елена брюхата.
Каково-то будет ей от мужа,
Как воротится он из-за моря!
И Елена стыдится и плачет,
И на улицу выдти не смеет,
День сидит, ночью ей не спится,
Поминутно сестрице повторяет:
«Что скажу я милому мужу?»

Круглый год проходит, и — Феодор
Воротился на свою сторонку.
Вся деревня бежит к нему навстречу,
Все его приветно поздравляют;
Но в толпе не видит он Елены,
Как ни ищет он ее глазами.
«Где ж Елена?» — наконец он молвил.
Кто смутился, а кто усмехнулся,
Но никто не отвечал ни слова.

Пришел он в дом свой — и видит,
На постеле сидит его Елена.
«Встань, Елена», — говорит Феодор.
Она встала, — он взглянул сурово.
«Господин ты мой, клянусь богом
И пречистым именем Марии,
Пред тобою я не виновата,
Испортили меня злые люди».

Но Феодор жене не поверил:
Он отсек ей голову по плечи.
Отсекши, он сам себе молвил:
«Не сгублю я невинного младенца,
Из нее выну его живого,
При себе воспитывать буду.
Я увижу, на кого он походит,
Так, наверно, отца его узнаю
И убью своего злодея».

Распорол он мертвое тело.
Что ж! — наместо милого дитяти
Он черную жабу находит.
Взвыл Феодор: «Горе мне, убийце!
Я сгубил Елену понапрасну:
Предо мной она была невинна,
А испортили ее злые люди».

Поднял он голову Елены,
Стал ее целовать умиленно,
И мертвые уста отворились,
Голова Елены провещала:

«Я невинна. Жид и старый Стамати
Черной жабой меня окормили».
Тут опять уста ее сомкнулись,
И язык перестал шевелиться.

И Феодор Стамати зарезал,
А жида убил, как собаку,
И отпел по жене панихиду.

5

ВЛАХ В ВЕНЕЦИИ ¹⁵

Как покинула меня Парасковья
И как я с печали промотался,
Вот далмат пришел ко мне лукавый:
«Ступай, Дмитрий, в морской ты город,
Там цехины что у нас каменя».

Там солдаты в шелковых кафтанах,
И только что пьют да гуляют:
Скоро там ты разбогатеешь
И воротись в шитом долимане
С кинжалом на серебряной цепочке.

И тогда-то играй себе на гусях;
Красавицы побегут к окошкам
И подарками тебя закидают.
Эй, послушайся! отправляйся морем;
Воротись, когда разбогатеешь».

Я послушался лукавого далмата.
Вот живу в этой мраморной лодке,
Но мне скучно, хлеб их мне как камень,
Я неволен, как на привязи собака.

Надо мною женщины смеются,
Когда слово я по-нашему молвлю;
Наши здесь язык свой позабыли.
Позабыли и наш родной обычай;
Я завял, как пересаженный кустик.

Как у нас, бывало, кого встречу,
Слышу: «Здравствуй, Дмитрий Алексеич!»
Здесь не слышу доброго привета,
Не дождуся ласкового слова;
Здесь я точно бедная мурашка,
Занесенная в озеро бурей.

6

ГАЙДУК ХРИЗИЧ

В пещере, на острых каменьях
Притаился храбрый гайдук Хризич. ¹⁶
С ним жена его Катерина,
С ним его два милые сына,
Им нельзя из пещеры выдти,
Стерегут их недруги злые.
Коли чуть они голову подымут,
В них прицелятся тотчас сорок ружей.

Они три дня, три ночи не ели,
Пили только воду дождевую,
Накопленную во впадине камня.
На четвертый взошло красно солнце,
И вода во впадине иссякла.
Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
«Господь бог! помилуй наши души!»
И упала мертвая на землю.
Хризич, глядя на нее, не заплакал,
Сыновья плакать при нем не смели;
Они только очи отирали,
Как от них отворачивался Хризич.
В пятый день старший сын обезумел,
Стал глядеть он на мертвую мать
Будто волк на спящую козу.
Его брат, видя то, испугался.
Закричал он старшему брату:
«Милый брат! не губи свою душу;
Ты напейся горячей моей крови,
А умрем мы голодную смертью,
Станем мы выходить из могилы
Кровь сосать наших недругов спящих». ¹⁷
Хризич встал и промолвил: «Полно!
Лучше пуля, чем голод и жажда».
И все трое со скалы в долину
Сбежали, как бешеные волки.
Семерых убил из них каждый,
Семью пулями каждый из них прострелен;
Головы враги у них отсекли
И на копья свои насадили, —
А и тут глядеть на них не смели.
Так им страшен был Хризич с сыновьями.

7

ПОХОРОННАЯ ПЕСНЯ
НАКИНФА ЖАГЛАНОВИЧА ¹⁸

С богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава богу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

Пуля легче лихорадки;
Волен умер ты, как жил.
Враг твой мчался без оглядки;
Но твой сын его убил.

Вспоминай нас за могилой,
Коль сойдется как-нибудь;
От меня отцу, брат милый,
Поклониться не забудь!

Ты скажи ему, что рана
У меня уж зажила;
Я здоров, — и сына Яна
Мне хозяйка родила.

Деду в честь он назван Яном:
Умный мальчик у меня;
Уж владеет атаганом
И стреляет из ружья.

Дочь моя живет в Лизгоре;
С мужем ей не скучно там.
Тварк ушел давно уж в море;
Жив иль нет, — узнаешь сам.

С богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава богу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

8

МАРКО ЯКУБОВИЧ

У ворот сидел Марко Якубович;
Перед ним сидела его Зоя,
А мальчишка их играл у порогу.
По дороге к ним идет незнакомец,
Бледен он и чуть ноги волочит,
Просит он напиться ради бога,

Зоя встала и пошла за водою,
И прохожему вынесла ковшик,
И прохожий до дна его выпил.
Вот, напившись, говорит он Марке:
«Это что под горою там видно?»
Отвечает Марко Якубович:
«То кладбище наше родовое».
Говорит незнакомый прохожий:
«Отдыхать мне на вашем кладбище,
Потому что мне жить уж недолго».
Тут широкий розвил он пояс,
Кажет Марке кровавую рану.
«Три дня, — молвил, — ношу я под сердцем
Бусурмана свинцовую пулю.
Как умру, ты зарой мое тело
За горой, под зеленою ивой.
И со мной положи мою саблю,
Потому что я славный был воин».

Поддержала Зоя незнакомца,
А Марко стал осматривать рану.
Вдруг сказала молодая Зоя:
«Помоги мне, Марко, я не в силах
Поддержать гостя нашего доле».
Тут увидел Марко Якубович,
Что прохожий на руках ее умер.

Марко сел на коня вороного,
Взял с собою мертвое тело
И поехал с ним на кладбище.
Там глубокую вырыли могилу
И с молитвой мертвеца схоронили.
Вот проходит неделя, другая,
Стал худеть сыночек у Марка;
Перестал он бегать и резвиться,
Всё лежал на рогоже да охал.
К Якубовичу калуер приходит, —
Посмотрел на ребенка и молвил:
«Сын твой болен опасною болезнью;
Посмотри на белую его шею:
Видишь ты кровавую ранку?
Это зуб вурдалака,¹⁹ поверь мне».

Вся деревня за старцем калуером
Отправилась тотчас на кладбище;
Там могилу прохожего разрыли,
Видят — труп румяный и свежий, —
Ногти выросли, как вороны когти,
А лицо обросло бородою,
Алой кровью вымазаны губы, —
Полна крови глубокая могила.
Бедный Марко колом замахнулся,
Но мертвец завизжал и проворно
Из могилы в лес бегом пустился.
Он бежал быстрее, чем лошадь,
Стременами острыми язвима;
И кусточки под ним так и гнулись,
А суки дерев так и трещали,
Ломаясь, как замерзлые прутья.

Калуер могильною землею ²⁰
Ребенка больного всего вытер,
И весь день творил над ним молитвы.
На закате красного солнца
Зоя мужу своему сказала:
«Помнишь? ровно тому две недели,
В эту пору умер злой прохожий».

Вдруг собака громко завyla,
Отворилась дверь сама собою,
И вошел великан, наклонившись,
Сел он, ноги под себя поджавши,
Потолка головою касаясь.
Он на Марка глядел неподвижно,
Неподвижно глядел на него Марко,
Очарован ужасным его взором;
Но старик, молитвенник раскрывши,
Запалил кипарисную ветку,
И подул дым на великана.
И затрясся вурдалак проклятый,
В двери бросился и бежать пустился,
Будто волк, охотником гонимый.

На другие сутки в ту же пору
Пес залаял, дверь отворилась,

И вошел человек незнакомый.
Был он ростом как цесарский рекрут.
Сел он молча и стал глядеть на Марка;
Но старик молитвой его прогнал.

В третий день вошел карлик малый, —
Мог бы он верхом сидеть на крысе,
Но сверкали у него злые глазки.
И старик в третий раз его прогнал,
И с тех пор уж он не возвращался.

9

БОНАПАРТ И ЧЕРНОГОРЦЫ

«Черногорцы? что такое? —
Бонапарте спросил, —
Правда ль: это племя злое,
Не боится наших сил?»

Так раскаются ж нахалы:
Объявить их старшинам,
Чтобы ружья и кинжалы
Все несли к моим ногам».

Вот он шлет на нас пехоту
С сотней пушек и мортир,
И своих мамлюков роту,
И косматых кирасир.

Нам сдаваться нет охоты, —
Черногорцы таковы!
Для коней и для пехоты
Камни есть у нас и рвы. . .

Мы засели в наши норы
И гостей незваных ждем, —
Вот они вступили в горы,
Истребляя всё кругом.

.
.

Идут тесно под скалами.
Вдруг смятение! . . . Глядят:
У себя над головами
Красных шапок видят ряд.

«Стой! тали! Пусть каждый сбросит
Черногорца одного.
Здесь пощады враг не просит:
Не щадите ж никого!»

Ружья грянули, — упали
Шапки красные с шестов:
Мы под ними ниц лежали,
Притаясь между кустов.

Дружным залпом отвечали
Мы французам. — «Это что? —
Удивясь, они сказали, —
Эхо, что ли?» Нет, не то!

Их полковник повалился.
С ним сто двадцать человек.
Весь отряд его смутился,
Кто, как мог, пустился в бег.

И французы ненавидят
С той поры наш вольный край
И краснеют, коль завидят
Шапку нашу невзначай.

10

СОЛОВЕЙ

Соловей мой, соловейко,
Птица малая лесная!
У тебя ль, у малой птицы,
Незаменные три песни,
У меня ли, у молодца,
Три великие заботы!
Как уж первая забота —
Рано молодца женили;

А вторая-то забота —
Ворон конь мой притомился;
Как уж третья-то забота —
Красну девицу со мною
Разлучили злые люди.
Вы копайте мне могилу
Во поле, поле широко,
В головах мне посадите
Алы цветики-цветочки,
А в ногах мне проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдут мимо красны девки,
Так сплетут себе веночки.
Пойдут мимо стары люди,
Так воды себе зачерпнут.

11

ПЕСНЯ О ГЕОРГИИ ЧЕРНОМ

Не два волка в овраге грызутся,
Отец с сыном в пещере бранятся.
Старый Петро сына укоряет:
«Бунтовщик ты, злодей проклятый!
Не боишься ты господа бога,
Где тебе с султаном тягаться,
Воевать с белградским пашою!
Аль о двух головах ты родился?
Пропадай ты себе, окаянный,
Да зачем ты всю Сербию губишь?»
Отвечает Георгий угрюмо:
«Из ума, старик, видно, выжил,
Коли лаешь безумные речи.
Старый Петро пуще осердился,
Пуще он бранится, бушует.
Хочет он отправиться в Белград,
Туркам выдать ослушного сына,
Объявить убежище сербов.
Он из темной пещеры выходит;
Георгий старика догоняет:
«Воротися, отец, воротися!
Отпусти мне невольное слово».

Старый Петро не слушает, грозитя:
«Вот ужо, разбойник, тебе будет!»
Сын ему вперед забегаёт,
Старику кланяется в ноги.
Не взглянул на сына старый Петро.
Догоняет вновь его Георгий
И хватает за сивую косу.
«Воротись, ради господа бога:
Не введи ты меня в искушенья!»
Отпихнул старик его сердито
И пошел по белградской дороге.
Горько, горько Георгий заплакал,
Пистолет из-за пояса вынул,
Взвел курок, да и выстрелил тут же.
Закричал Петро, зашатавшись:
«Помоги мне, Георгий, я ранен!»
И упал на дорогу бездыханен.
Сын бегом в пещеру воротился;
Его мать вышла ему навстречу.
«Что, Георгий, куда делся Петро?»
Отвечает Георгий сурово:
«За обедом старик пьян напился
И заснул на белградской дороге». ²¹
Догадалась она, завопила:
«Будь же богом проклят ты, черный,
Коль убил ты отца родного!»
С той поры Георгий Петрович
У людей прозывается Черный.

12

ВОЕВОДА МИЛОШ

Над Сербией смилуйся ты, боже!
Заедают нас волки янычары!
Без вины нам головы режут,
Наших жен обижают, позорят,
Сыновей в неволю забирают,
Красных девок заставляют в насмешку
Распевать зазорные песни
И плясать басурманские пляски.
Старики даже с нами согласны:

Унимать нас они перестали, —
Уж и им нестерпимо насилье.
Гусляры нас в глаза укоряют:
Долго ль вам мирволить янычарам?
Долго ль вам терпеть оплеухи?
Или вы уж не сербы, — цыганы?
Или вы не мужчины, — старухи?
Вы бросайте ваши белые дома,
Уходите в Велийское ущелье, —
Там гроза готовится на турок,
Там дружину свою собирает
Старый сербин, воевода Милош.

13

ВУРДАЛАК

Трусоват был Ваня бедный:
Раз он позднею порой,
Весь в поту, от страха бледный,
Через кладбище шел домой.

Бедный Ваня еле дышит,
Спотыкаясь, чуть бредет
По могилам; вдруг он слышит, —
Кто-то кость, ворча, грызет.

Ваня стал; — шагнуть не может.
Боже! думает бедняк,
Это, верно, кости гложет
Красногубый вурдалак.

Горе! малый я не сильный;
Съест упырь меня совсем,
Если сам земли могильной
Я с молитвою не съем.

Что же? вместо вурдалака —
(Вы представьте Вани злость!)

В темноте пред ним собака
На могиле гложет кость.

14

СЕСТРА И БРАТЯ »

Два дубочка вырастали рядом,
Между ими тонковерхая елка.
Не два дуба рядом вырастали,
Жили вместе два братца родные:
Один Павел, а другой Радула,
А меж ими сестра их Елица.
Сестру братья любили всем сердцем,
Всякую ей оказывали милость;
Напоследок ей нож подарили
Золоченый в серебряной оправе.
Огорчилась молодая Павлиха
На золовку, стало ей завидно;
Говорит она Радуловой любе:
«Невестушка, по богу сестрица!
Не знаешь ли ты зелия такого,
Чтоб сестра омерзела братьям?»
Отвечает Радулова любя:
«По богу сестра моя, невестка,
Я не знаю зелия такого;
Хоть бы знала, тебе б не сказала;
И меня братья мои любили,
И мне всякую оказывали милость».
Вот пошла Павлиха к водопою,
Да зарезала коня вороного
И сказала своему господину:
«Сам себе на зло сестру ты любишь,
На беду даришь ей подарки:
Извела она коня вороного».
Стал Елицу допытывать Павел:
«За что это? скажи бога ради».
Сестра брату с плачем отвечает:
«Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
В ту пору брат сестре поверил.
Вот Павлиха пошла в сад зеленый,

Сивого сокола там заколола
И сказала своему господину:
«Сам себе на зло сестру ты любишь,
На беду даришь ты ей подарки:
Ведь она сокола заколола».
Стал Елицу допытывать Павел:
«За что это? скажи бога ради».
Сестра брату с плачем отвечает:
«Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
И в ту пору брат сестре поверил.
Вот Павлиха по вечеру поздно
Нож украла у своей золовки
И ребенка своего заколола
В колыбельке его золоченой.
Рано утром к мужу прибежала,
Громко воя и лицо терзая.
«Сам себе на зло сестру ты любишь,
На беду даришь ты ей подарки:
Заколола у нас она ребенка.
А когда еще ты мне не веришь,
Осмотри ты нож ее злаченный».
Вскочил Павел, как услышал это,
Побежал к Елице во светлицу:
На перине Елица почивала,
В головах нож висел злаченный.
Из ножен вынул его Павел, —
Нож злаченный весь был окровавлен.
Дернул он сестру за белу руку:
«Ой, сестра, убей тебя боже!
Извела ты коня вороного
И в саду сокола заколола,
Да за что ты зарезала ребенка?»
Сестра брату с плачем отвечает:
«Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!
Коли ж ты не веришь моей клятве,
Выведи меня в чистое поле,
Привяжи к хвостам коней борзых,
Пусть они мое белое тело
Разорвут на четыре части».
В ту пору брат сестре не поверил;

Вывел он ее в чистое поле,
Привязал ко хвостам коней борзых
И погнал их по чистому полю.
Где попала капля ее крови,
Выросли там алые цветочки;
Где осталось ее белое тело,
Церковь там над ней соорудилась.
Прошло малое после того время,
Захворала молодая Павлиха.
Девять лет Павлиха всё хворает, —
Выросла трава сквозь ее кости,
В той траве лютый змей гнездится,
Пьет ей очи, сам уходит к ночи.
Люто страждет молода Павлиха;
Говорит она своему господину:
«Слышишь ли, господин ты мой, Павел,
Сведи меня к золовкиной церкви,
У той церкви авось исцелюся».
Он повел ее к сестриной церкви,
И как были они уже близко,
Вдруг из церкви услышали голос:
«Не входи, молодая Павлиха,
Здесь не будет тебе исцеленья».
Как услышала то молодая Павлиха,
Она молвила своему господину:
«Господин ты мой! прошу тебя богом,
Не веди меня к белому дому,
А вяжи меня к хвостам твоих коней
И пусти их по чистому полю».
Своей любви послушался Павел,
Привязал ее к хвостам своих коней
И погнал их по чистому полю.
Где попала капля ее крови,
Выросло там тернье да крапива;
Где осталось ее белое тело,
На том месте озеро провалило.
Ворон конь по озеру выплывает,
За конем золоченая люлька,
На той люльке сидит сокол-птица,
Лежит в люльке маленький мальчик;
Рука матери у него под горлом,
В той руке теткин нож золоченый.

Полюбил королевич Яныш
Молодую красавицу Елицу,
Любит он ее два красные лета,
В третье лето вздумал он жениться
На Любусе, чешской королевне.
С прежней любой идет он проститься.
Ей приносит с червонцами черес,
Да гремучие серьги золотые,
Да жемчужное тройное ожерелье;
Сам ей вдел он. серьги золотые,
Навязал на шею ожерелье,
Дал ей в руки с червонцами черес,
В обе щеки поцеловал молча
И поехал своею дорогой.
Как одна осталася Елица,
Деньги на́земь она пометала,
Из ушей выдернула серьги,
Ожерелье надвое разорвала,
А сама кинулась в Мораву.
Там на дне молодая Елица
Водяною царицей очнулась
И родила маленькую дочку,
И ее нарекла Водяницей.

Вот проходят три года и боле,
Королевич ездит на охоте,
Ездит он по берегу Моравы;
Захотел он коня вороного
Напоить студеною водою.
Но лишь только запененную морду
Сунул конь в студеною воду,
Из воды вдруг высунулась ручка:
Хвать коня за узду золотую!
Конь отдернул голову в испуге,
На узде висит Водяница,
Как на уде пойманная рыбка, —
Конь кружится по чистому лугу,
Потрясая уздой золотою;
Но стряхнуть Водяницы не может.

Чуть в седле усидел королевич,
Чуть сдержал коня вороного,
Осадив могучею рукою.
На траву Водяница прыгнула.
Говорит ей Яныш королевич:
«Расскажи, какое ты творенье:
Женщина ль тебя породила,
Иль богом проклятая Вила?»
Отвечает ему Водяница:
«Родила меня молодая Елица,
Мой отец Яныш королевич,
А зовут меня Водяницей».
Королевич при таком ответе
Соскочил с коня вороного,
Обнял дочь свою Водяницу
И, слезами заливаясь, молвил:
«Где, скажи, твоя мать Елица?
Я слышал, что она потонула».
Отвечает ему Водяница:
«Мать моя царица водяная;
Она властвует над всеми реками,
Над реками и над озерами;
Лишь не властвует она синим морем,
Синим морем властвует Див-Рыба».
Водянице молвил королевич:
«Так иди же к водяной царице
И скажи ей: Яныш королевич
Ей поклон усердный посылает
И у ней свидания просит
На зеленом берегу Моравы.
Завтра я заеду за ответом».
Они после того расстались.

Рано утром, чуть заря зарделась,
Королевич над рекою ходит;
Вдруг из речки, по белые груди,
Поднялась царица водяная
И сказала: «Яныш королевич,
У меня свидания просил ты:
Говори, чего еще ты хочешь?»
Как увидел он свою Елицу,
Разгорелись снова в нем желанья,

Стал манить ее к себе на берег.
«Люба ты моя, млада Елица,
Выдь ко мне на зеленый берег,
Поцелуй меня попрежнему сладко,
Попрежнему полюблю тебя крепко».
Королевичу Елица не внимает,
Не внимает, головою кивает:
«Нет, не выду, Яныш королевич,
Я к тебе на зеленый берег.
Слаще прежнего нам не целоваться,
Крепче прежнего меня не полюбишь.
Расскажи-ка мне лучше хорошенько,
Каково, счастливо ль поживаешь
С новой любой, с молодой женою?»
Отвечает Яныш королевич:
«Против солнышка луна не пригреет,
Против милой жена не утешит».

16

КОНЬ

«Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил,
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своих удиц?
Али я тебя не холю?
Али ешь овса не вволю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремяна?»

Отвечает конь печальный:
«Оттого я присмирел,
Что я слышу топот дальный,
Трубный звук и пенье стрел;
Оттого я ржу, что в поле
Уж недолго мне гулять,
Проживать в красне и в холе,
Светлой сбруей щеголять;

Что уж скоро враг суровый
 Сбрую всю мою возьмет
 И серебряны подковы
 С легких ног моих сдерет;
 Оттого мой дух и ноет,
 Что наместо чапрака
 Кожей он твоей покроет
 Мне вспотевшие бока».

Примечания

¹ Фома I был тайно умерщвлен своими двумя сыновьями Стефаном и Радивоем в 1460 году. Стефан ему наследовал. Радивой, негодуя на брата за похищение власти, разгласил ужасную тайну и бежал в Турцию к Магомету II. Стефан, по внушению папского легата, решил сражаться с турками. Он был побежден и бежал в Ключ-город, где Магомет осадил его. Захваченный в плен, он не согласился принять магометанскую веру, и с него содрали кожу.

² *Щиколодка*, по московскому наречию щиколка.

³ Так называют себя некоторые иллирийские раскольники.

⁴ *Фаланга*, палочные удары по пятам.

⁵ Радивой никогда не имел этого сана; и все члены королевского семейства истреблены были султаном.

⁶ *Кафтан*, обыкновенный подарок султанов.

⁷ Анахронизм.

⁸ Трогательный обычай *братования*, у сербов и других западных славян, освящается духовными обрядами.

⁹ Неизвестно, к какому происшествию относится эта песня.

¹⁰ Потеря сражения приписывается далматам, ненавистным для влахов.

¹¹ Жиды в турецких областях суть вечные предметы гонения и ненависти. Во время войны им доставалось от мусульман и христиан. Участь их, замечает В. Скотт, походит на участь летучей рыбы. — Мериме.

¹² *Банялука*, прежняя столица Боснийского пашалыка.

¹³ *Селихтар*, меченосец.

¹⁴ Все народы почитали жабу ядовитым животным.

¹⁵ Мицкевич перевел и украсил эту песню.

¹⁶ *Гайдук*, глава, начальник. Гайдуки не имеют пристанища и живут разбоями.

¹⁷ Западные славяне верят существованию *упырей* (vampire). См. песню о *Марке Якубовиче*.

¹⁸ Мериме поместил в начале своей *Guzla* известие о старом гусларе Иакинфе Маглановиче; неизвестно, существовал ли он когда-нибудь; но статья его биографа имеет необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобия. Книга Мериме редка, и читатели, думаю, с удовольствием найдут здесь жизнеописание славянина-поэта.

Notice sur Hyacinthe Maglanovich.

Hyacinthe Maglanovich est le seul joueur de *guzla* que j'aie vu, qui fût aussi poète; car la plupart ne font que répéter d'anciennes chansons, ou tout au plus ne composent que des pastiches en prenant vingt vers d'une ballade, autant d'une autre, et liant le tout au moyen de mauvais vers de leur façon.

Notre poète est né à Zvonigrad, comme il le dit lui-même dans sa ballade intitulée *L'Aubépine de Véliko*. Il était fils d'un cordonnier, et ses parents ne semblent pas s'être donné beaucoup de mal pour son éducation, car il ne sait ni lire ni écrire. A l'âge du huit ans il fut enlevé par des *Tchingénehs* ou Bohémiens. Ces gens le menèrent en Bosnie, où ils lui apprirent leurs tours et le convertirent sans peine à l'islamisme, qu'ils professent pour la plupart.¹ Un *ayan* ou maire de Livno le tira de leurs mains et le prit à son service, où il passa quelques années.

Il avait quinze ans, quand un moine catholique réussit à le convertir au christianisme, au risque de se faire empaler s'il était découvert; car les Turcs n'encouragent point les travaux des missionnaires. Le jeune Hyacinthe n'eut pas de peine à se décider à quitter un maître assez dur, comme sont la plupart des Bosniaques; mais, en se sauvant de sa maison, il voulut tirer vengeance de ses mauvais traitements. Profitant d'une nuit orageuse, il sortit de Livno, emportant une pelisse et le sabre de son maître, avec quelques sequins qu'il put dérober. Le moine, qui l'avait rebaptisé, l'accompagna dans sa fuite, que peut-être il avait conseillée.

De Livno à Scign en Dalmatie il n'y a qu'une douzaine de lieues. Les fugitifs s'y trouvèrent bientôt sous la protection du gouvernement vénitien et à l'abri des poursuites de l'ayan. Ce fut dans cette ville que Maglanovich fit sa première chanson: il célébra sa fuite dans une ballade, qui trouva quelques admirateurs et qui commença sa réputation.²

Mais il était sans ressources d'ailleurs pour subsister, et la nature lui avait donné peu de goût pour le travail. Grâce à l'hospitalité morlaque, il vécut quelque temps de la charité des habitants des campagnes, payant son écot en chantant sur la *guzla* quelque vieille romance qu'il savait par cœur. Bientôt il en composa lui-même pour des mariages et des enterrements, et sut si bien se rendre nécessaire, qu'il n'y avait pas de bonne fête si Maglanovich et sa *guzla* n'en étaient pas.

Il vivait ainsi dans les environs de Scign, se souciant fort peu de ses parents, dont il ignore encore le destin, car il n'a jamais été à Zvonigrad depuis son enlèvement.

A vingt-cinq ans c'était un beau jeune homme, fort, adroit, bon chasseur et de plus poète et musicien célèbre; il était bien vu de tout le monde, et surtout des jeunes filles. Celle qu'il préférait se nommait Marie et était fille d'un riche morlaque, nommé Zlarinovich. Il gagna facilement son affection et, suivant la coutume, il l'enleva. Il avait pour

¹ Tous ces détails m'ont été donnés en 1817 par Maglanovich lui-même.

² J'ai fait de vains efforts pour me la procurer. Maglanovich lui-même l'avait oubliée, ou peut-être eut-il honte de me réciter son premier essai dans la poésie.

rival une espèce de seigneur du pays, nommé Uglian, lequel eut connaissance de l'enlèvement projeté. Dans les moeurs illyriennes l'amant dédaigné se console facilement et n'en fait pas plus mauvaise mine à son rival heureux; mais cet Uglian s'avisait d'être jaloux et voulut mettre obstacle au bonheur de Maglanovich. La nuit de l'enlèvement, il parut accompagné de deux de ses domestiques, au moment où Marie était déjà montée sur un cheval et prête à suivre son amant. Uglian leur cria de s'arrêter d'une voix menaçante. Les deux rivaux étaient armés suivant l'usage. Maglanovich tira le premier et tua le seigneur Uglian. S'il avait eu une famille, elle aurait épousé sa querelle, et il n'aurait pas quitté le pays pour si peu de chose; mais il était sans parents pour l'aider, et il restait seul exposé à la vengeance de toute la famille du mort. Il prit son parti promptement et s'enfuit avec sa femme dans les montagnes, où il s'associa avec des heyduques.¹

Il vécut longtemps avec eux, et même il fut blessé au visage dans une escarmouche avec les pandours.² Enfin, ayant gagné quelque argent d'une manière assez peu honnête, je crois, il quitta les montagnes, acheta des bestiaux et vint s'établir dans le Kotar avec sa femme et quelques enfants. Sa maison est près de Smocovich, sur le bord d'une petite rivière ou d'un torrent, qui se jette dans le lac de Vrana. Sa femme et ses enfants s'occupent de leurs vaches et de leur petite ferme; mais lui est toujours en voyage; souvent il va voir ses anciens amis les heyduques, sans toutefois prendre part à leur dangereux métier.

Je l'ai vu à Zara pour la première fois en 1816. Je parlais alors très facilement l'illyrique, et je désirais beaucoup entendre un poète en réputation. Mon ami, l'estimable voivode Nicolas***, avait rencontré à Biograd, où il den eure, Hyacinthe Maglanovich, qu'il connaissait déjà, et sachant qu'il allait à Zara, il lui donna une lettre pour moi. Il me disait que, si je voulais tirer quelque chose du joueur de guzla, il fallait le faire boire; car il ne se sentait inspiré que lorsqu'il était à peu près ivre.

Hyacinthe avait alors près de soixante ans. C'est un grand homme, vert et robuste pour son âge, les épaules larges et le cou remarquablement gros; sa figure est prodigieusement basanée; ses yeux sont petits et un peu relevés du coin; son nez aquilin, assez enflammé par l'usage des liqueurs fortes, sa longue moustache blanche et ses gros sourcils noirs forment un ensemble que l'on oublie difficilement quand on l'a vu une fois. Ajoutez à cela une longue cicatrice qu'il porte sur le sourcil et sur une partie de la joue. Il est très extraordinaire qu'il n'ait pas perdu l'oeil en recevant cette blessure. Sa tête était rasée, suivant l'usage presque général, et il portait un bonnet d'agneau noir: ses vêtements étaient assez vieux, mais encore très propres.

En entrant dans ma chambre, il me donna la lettre du voivode et s'assit sans cérémonie. Quand j'eus fini de lire: vous parlez donc l'illyrique, me dit-il d'un air de doute assez méprisant. Je lui répondis sur-le-champ dans cette langue que je l'entendais assez bien pour pouvoir apprécier ses chansons, qui m'avaient été extrêmement vantées. Bien, bien, dit-il; mais j'ai faim et soif: je chanterai quand je serai rassasié.

¹ Espèce de bandits.

² Soldats de la police.

Мы дѣлали это вместе. Ему казалось, что он ѣл четыре дня по крайней мере, хотя он ѣл с аппетитом. Слѣдя за ним, я старался, чтобы он пил, и мои друзья, которые были со мной, когда он пришел, наполняли его стаканъ каждый моментъ. Мы надеялись, что когда он ѣл и пил столько необыкновенно, наши надежды были исполнены, нашъ человекъ хотѣлъ бы намъ показать нѣкоторые изъ своихъ пѣсней. Но наша надежда была обманута. Все вдругъ онъ всталъ съ стола и оставилъ на ковре подле огня (мы были въ декабрѣ), онъ заснулъ въ теченіи пяти минутъ, безъ того, чтобы онъ могъ проснуться.

Я былъ счастливѣе, въ другой разъ: я старался, чтобы онъ пилъ только столько, сколько нужно для того, чтобы оживить его, и тогда онъ пѣлъ нѣсколько пѣсней, которыя онъ нашелъ въ своей книжкѣ.

Его пѣніе было очень красиво: но тогда онъ былъ немного пьянъ. Когда онъ пѣлъ на своемъ гузлѣ, его глаза оживлялись, и его фигура принимала выраженіе дикою красотой, которую живописецъ хотѣлъ бы изобразить на холстѣ.

Онъ ушелъ страннымъ образомъ: онъ оставался пять дней у меня, когда однажды утромъ онъ ушелъ, и я ждалъ напрасно до вечера. Я узналъ, что онъ ушелъ въ Зара, чтобы вернуться къ себѣ; но въ то же время я замѣтилъ, что ему не хватало пары английскихъ пистолетовъ, которые онъ вынулъ изъ своей сумки, прежде чѣмъ онъ ушелъ, и висѣли въ моей комнатѣ. Я долженъ сказать въ его честь, что онъ могъ бы также вынести и мою сумку, и одну изъ своихъ сумокъ, которыя стоили въ десять разъ дороже, чѣмъ пистолеты, которые онъ вынулъ.

Въ 1817 году я провелъ два дня въ его домѣ, гдѣ онъ принималъ меня съ самыми добрыми чувствами. Его жена и всѣ его дѣти и малышата оживились, когда онъ ушелъ, и когда онъ ушелъ, они всѣ были рады, что онъ ушелъ, и когда онъ ушелъ, они всѣ были рады, что онъ ушелъ, и когда онъ ушелъ, они всѣ были рады, что онъ ушелъ.

Замѣтка объ Иакинфѣ Маглановичѣ.

Иакинфъ Маглановичъ — единственный мнѣ знакомый гусярь, который въ то же время былъ бы поэтомъ; большинство гусярей повторяютъ старыя пѣсни или самое большое — сочиняютъ подражанія, заимствуя стиховъ двадцать изъ одной баллады, столько же изъ другой и связывая все это при помощи скверныхъ стиховъ собственнаго издѣлія.

Поэтъ нашъ родился въ Звониградѣ, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ въ балладѣ «Шиповникъ въ Велико». Онъ былъ сынъ сапожника, и его родители, повидимому, не сильно беспокоились о его образованіи, ибо онъ не умѣетъ ни читать, ни писать. Въ возрастѣ восьми лѣтъ онъ былъ похищенъ чинженгами или цыганами. Эти люди увели его въ Боснію, гдѣ и обучали своему искусству и безъ труда обратили его въ магометанство, исповѣдуемое большинствомъ среди нихъ.¹ Одинъ «айанъ»,

¹ Все эти подробности были сообщены мнѣ въ 1817 году самимъ Маглановичемъ.

или старшина в Ливно, отнял его у цыган и взял себе в услужение, где он и пробыл несколько лет.

Ему было пятнадцать лет, когда одному католическому монаху удалось обратить его в христианство, с риском быть посаженным на кол в случае обнаружения этого, ибо турки отнюдь не поощряют миссионерской деятельности. Юный Иакинф недолго задумывался над тем, чтобы покинуть своего хозяина, достаточно сурового, как и большинство босняков; но, уходя из его дома, он задумал отомстить за дурное обращение. Под покровом ненастной ночи он ушел из Ливно, захватив с собой шубу и саблю хозяина, с несколькими цехинами, какие ему удалось похитить. Монах, окрестивший его, сопровождал его в бегстве, совершенном, вероятно, по его совету.

От Ливно до Сния, в Далмации, миль двенадцать. Беглецы скоро прибыли туда, под покровительство венецианского правительства, в безопасности от преследований Айана. Здесь-то Магланович сочинил свою первую песню; он воспел свое бегство в балладе, которая привлекла внимание некоторых, и с нее-то началась его известность.¹

Но он был без средств к существованию, а по природе своей не очень был расположен к труду. Благодаря морлацкому гостеприимству некоторое время он жил на подаяния сельских жителей, оплачивая им пением какой-нибудь заученной им старой песни. Вскоре он сочинил несколько новых песен на случаи свадеб и погребений, и его присутствие стало настолько необходимым, что ни один праздник не считался удачным, если на нем не было Маглановича со своей гузлой.

Так он жил в окрестностях Сния, мало беспокоясь о своих родных, судьба которых ему доньше остается неизвестной, так как со дня похищения он ни разу не бывал в Звониграде.

Двадцати пяти лет это был красивый молодой человек, сильный, ловкий, прекрасный охотник и сверх того знаменитый поэт и музыкант; его уважали все, в особенности девушки. Та, которой он отдавал предпочтение, звалась Марией и была дочерью богатого морлака, по имени Злариновича. Он легко добился взаимности и, по обычаю, похитил ее. У него был соперник по имени Ульян, нечто вроде местного сеньора, который заранее проведаль о похищении. Иллирийские нравы таковы, что отвергнутый любовник легко утешается и не косится на своего счастливого соперника; но этот Ульян решил ревновать и препятствовать счастью Маглановича. В ночь похищения он явился с двумя слугами в ту минуту, когда Мария села на лошадь, чтобы следовать за возлюбленным. Ульян угрожающим голосом приказал остановиться. Соперники, по обычаю, были вооружены. Магланович выстрелил первый и убил сеньора Ульяна. Если бы у него была семья, то она поддержала бы его, и он не покинул бы страны из-за таких пустяков; но он был одинок, против него — готовая на месть семья убитого. Он быстро при-

¹ Я тщательно разыскивал эту балладу. Сам Магланович ее забыл или, может быть, стыдился петь мне первый свой поэтический опыт.

шел к решению и скрылся с женой в горах, где присоединился к гайдукам.¹

Он долго жил с ними и даже был ранен в лицо при схватке с пандурами.² — Наконец, заработав кое-какие деньги, как я полагаю, не особенно честным способом, он оставил горы, купил скот и поселился в Каттаре с женой и детьми. Дом его около Смоковича, на берегу речонки или потока, впадающего в озеро Врана. Жена и дети заняты коровами и небольшой фермой; он же вечно в разъездах; часто посещает он своих старинных друзей гайдуков, но не принимает уже участия в их опасном промысле.

Я встретил его в Заре впервые в 1816 г. В то время я свободно говорил по-иллирийски и сильно желал услышать какого-нибудь известного поэта. Мой друг, уважаемый воевода Николай ***, встретил в Белграде — месте своего жительства — Иакинфа Маглановича, ему ранее известного, и, зная, что он направлялся в Зару, снабдил его письмом ко мне. Он писал мне, что если я желаю послушать гуслера, то должен сперва подпойть его; ибо вдохновение на него сходило лишь тогда, когда он бывал почти пьян.

Иакинфу было в то время около шестидесяти лет. Это — высокий человек, еще крепкий и сильный для своего возраста, широкоплечий, с необычайно толстой шеей; лицо его удивительно загорелое, глаза маленькие и слегка приподнятые по углам, орлиный нос, довольно красный от крепких напитков, длинные белые усы и густые черные брови, всё это вместе дает образ, незабываемый для того, кто видел его хоть раз. Прибавьте к тому длинный шрам через бровь и вдоль щеки. Непостижимо, как он не лишился глаза при таком ранении. Голова у него была бритая, по почти всеобщему обычаю, и носил он черную барашковую шапку; платье его было очень поношенное, но притом весьма опрятное.

Войдя ко мне в комнату, он передал мне письмо воеводы и присел без стеснения. Когда я прочел письмо, он сказал тоном довольно презрительного сомнения: — Так вы говорите по-иллирийски. — Я отвечал немедленно на этом языке, что достаточно понимаю по-иллирийски, чтобы оценить его песни, которые мне очень хвалили. — Ладно, ладно, — отвечал он, — но я хочу есть и пить; я буду петь, когда поем. — Мы вместе пообедали. Мне показалось, что он голодал по меньшей мере дня четыре, с такой жадностью он ел. По совету воеводы, я подливал ему, и друзья мои, которые, услышав о его приходе, пришли ко мне, наполняли его стакан ежеминутно. Мы надеялись, что когда этот необычайный голод и жажда будут удовлетворены, наш гость соблаговолит нам что-нибудь спеть. Но ожидания наши оказались напрасны. Вдруг он встал из-за стола и, опустившись на ковер у огня (дело было в декабре), заснул в пять минут, и не было никакой возможности разбудить его.

Я был удачливее в другой раз, я постарался напоить его лишь настолько, чтобы воодушевить его, и тогда он спел мне много баллад, находящихся в этом сборнике.

Должно быть, голос его был прежде хорош, но тогда он был немного разбит. Когда он пел, играя на гузле, глаза его оживали и

¹ Род разбойников.

² Полицейские солдаты.

лицо принимало выражение дикой красоты, которую художники охотно заносят на полотно.

Он со мною расстался довольно странным способом: пять дней жил он у меня и на шестой утром ушел, и я тщетно ждал его до вечера. Мне сказали, что он ушел из Зары к себе домой; но в то же время я заметил исчезновение пары английских пистолетов, которые, до его поспешного ухода, висели у меня в комнате. Я должен добавить к его чести, что он мог равным образом унести и мой кошелек и золотые часы, которые были раз в десять дороже, чем взятые им пистолеты.

В 1817 году я провел дня два в его доме, где он принял меня, выказав живейшую радость. Жена его и все дети и внуки окружили меня и обнимали, а когда я ушел от них, старший сын служил мне проводником в горах в течение нескольких дней, причем невозможно было уговорить его принять какое бы то ни было вознаграждение. (Франц.) — *Ред.*>

¹⁹ *Вурдалаки, вудкодлаки, упыри* — мертвецы, выходящие из своих могил и сосущие кровь живых людей.

²⁰ Лекарством от укушения упыря служит земля, взятая из его могилы.

²¹ По другому преданию, Георгий сказал товарищам: «Старик мой умер; возьмите его с дороги».

²² Прекрасная эта поэма взята мною из Собрания сербских песен Вука Стефановича.

²³ Песня о Яныше королевиче в подлиннике очень длинна и разделяется на несколько частей. Я перевел только первую, и то не всю.

Что белеется на горе зеленой?
Снег ли то, али лебеди белы?
Был бы снег — он уже бы растаял,
Были б лебеди — они б улетели.
То не снег и не лебеди белы,
А шатер Аги Асан-аги.
Он лежит в нем, весь люто изранен.
Посетили его сестра и мать,
Его любя не могла, застыдилась.
Как ему от боли стало легче,
Приказал он своей верной любе:
«Ты не ищи меня в моем белом доме,
В белом доме, ни во всем моем роде».
Как услышала мужнины речи,
Запечалилась бедная Кадуна.
Она слышит, на двор едут кони;
Побежала Асан-агиница,
Хочет броситься, бедная, в окошко,
За ней вопят две милые дочки:
«Воротися, милая мать наша,
Приехал не муж Асан-ага,
А приехал брат твой Пинторович».
Воротилась Асан-агиница,
И повисла она брату на шею —
«Братец милый, что за посрамленье!
Меня гонят от пятерых деток».

Менко Вуич грамоту пишет
Георгию, своему побратиму:
«Берегися, Черный Георгий,
Над тобой подымается туча,
Ярый враг извести тебя хочет,
Недруг хитрый, Милош Обренович.
Он в Хотин подослал потаенно
Янка младшего с Павлом. . .

Осердился Георгий Петрович,
Засверкали черные очи,
Нахмурились черные брови —

Я возмужал среди печальных бурь,
И дней моих поток, так долго мутный,
Теперь утих дремотою минутной
И отразил небесную лазурь.

Надолго ли? .. а, кажется, прошли
Дни мрачных бурь, дни горьких искушений...

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь — как раз — умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Он между нами жил,
Средь племени ему чужого, злобы
В душе своей к нам не питал, и мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Он посещал беседы наши. С ним
Делились мы и чистыми мечтами
И песнями (он вдохновен был свыше
И свысока взирал на жизнь). Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Он
Ушел на запад — и благословеньем
Его мы проводили. Но теперь
Наш мирный гость нам стал врагом — и ядом
Стихи свои, в угоду черни буйной,
Он напояет. Издали до нас
Доходит голос злобного поэта,
Знакомый голос!.. боже! освяти
В нем сердце правдою твоей и миром.



Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя
Широко разлилось, как боевое знамя.
Земля волнуется — с шатнувшихся колонн
Кумиры падают! Народ, гонимый страхом,
Под каменным дождем, под воспаленным прахом,
Толпами, стар и млад, бежит из града вон.

Стою печален на кладбище.
Гляжу кругом — обнажено
Святое смерти пепелище
И степью лишь окружено.
И мимо вечного ночлега
Дорога сельская лежит,
По ней рабочая телега
. изредка стучит.
Одна равнина справа, слева.
Ни речки, ни холма, ни древа.
Кой-где чуть видятся кусты.
Немые камни и могилы
И деревянные кресты
Однообразны и унылы.

ПИР ПЕТРА ПЕРВОГО

Над Невою резво вьются
Флаги пестрые судов;
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов;
В царском доме пир веселый;
Речь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пирует царь великий
В Питербурге-городке?
Отчего пальба и клики
И эскадра на реке?
Озарен ли честью новой
Русский штык иль русский флаг?
Побежден ли швед суровый?
Мира ль просит грозный враг?

Иль в отъятый край у шведа
Прибыл Брантов утлый бот,
И пошел навстречу деда
Всей семьей наш юный флот,
И воинственные внуки
Стали в строй пред стариком,
И раздался в честь науки
Песен хор и пушек гром?

Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь,
День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует
Как победу над врагом.

Оттого-то шум и клики
В Питербурге-городке,
И пальба и гром музыки
И эскадра на реке;
Оттого-то в час веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

(ИЗ АНАКРЕОНА)

Отрывок

Узнают коней ретивых
По их выжженным таврам;
Узнают парфян кичливых
По высоким клобукам;
Я любовников счастливых
Узнаю по их глазам:
В них сияет пламень томный —
Наслаждений знак нескромный.

ОДА LVI
(ИЗ АНАКРЕОНА)

Поредели, побелели
Кудри, честь главы моей,
Зубы в деснах ослабели,
И потух огонь очей.
Сладкой жизни мне не много
Провожать осталось дней:
Парка счет ведет им строго,
Тартар тени ждет моей.
Не воскреснем из-под спуда,
Всяк навеки там забыт:
Вход туда для всех открыт —
Нет исхода уж оттуда.

ОДА LVII

Что же сухо в чаше дно?
Наливай мне, мальчик резвый,
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не скифы, не люблю,
Други, пьянствовать бесчинно:
Нет, за чашей я пою
Иль беседую невинно.

Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила;
К ней на плечо преклонен, юноша вдруг задремал.
Дева тотчас умолкла, сон его легкий лелея,
И улыбалась ему, тихие слезы лия.

ПОЛКОВОДЕЦ

У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Своею кистию свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстрокий.
Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн,
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен,
Ни плясок, ни охот, — а всё плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.
Нередко медленно меж ими я брожу
И на знакомые их образы гляжу,
И, мнится, слышу их воинственные клики.
Из них уж многих нет; другие, коих лики
Еще так молоды на ярком полотне,
Уже состарились и никнут в тишине
Главою лавровой.

Но в сей толпе суровой
Один меня влечет всех больше. С думой новой
Всегда остановлюсь пред ним — и не свожу
С него моих очей. Чем долее гляжу,
Тем более томим я грустию тяжелой.

Он писан во весь рост. Чело, как череп голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Там грусть великая. Кругом — густая мгла;

За ним — военный стан. Спокойный и угрюмый,
Он, кажется, глядит с презрительною думой.
Свою ли точно мысль художник обнажил,
Когда он таковым его изобразил,
Или невольное то было вдохновенье, —
Но Доу дал ему такое выраженье.

О вождь несчастливый! . . Суров был жребий твой:
Всё в жертву ты принес земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчаньи шел один ты с мыслию великой,
И, в имени твоём звук чуждый не взлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал. . .
И долго, укреплен могущим убежденьем,
Ты был непоколебим пред общим заблужденьем;
И на полупути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманый глубоко, —
И в полковых рядах сокрыться одиноко.
Там, устарелый вождь, как ратник молодой,
Свинца веселый свист слышавший впервой,
Бросался ты в огонь, ища желанной смерти, —
Вотще! —

.
.

О люди! Жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколеньи
Поэта приведет в восторг и в умиленье!

ТУЧА

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облежала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки деревьев,
Тебя с успокоенных гонит небес.

ИЗ А. ШЕНЬЕ

Покров, упитанный язвительною кровью,
Кентавра мстящий дар, ревнивою любовью
Алкиду передан. Алкид его приял.
В божественной крови яд быстрый побежал.
Се — ярый мученик, в ночи скитаясь, воеет;
Стопами тяжкими вершину Эты роет;
Гнет, ломит древеса; исторженные пни
Высоко громоздит; его рукой они
В костер навалены; он их зажег; он всходит;
Недвижим на костре он в небо взор возводит;
Под мышцей палица; в ногах немейский лев
Разостлан. Дунул ветер; поднялся свист и рев;
Треща горит костер; и вскоре пламя, воя,
Уносит к небесам бессмертный дух героя.

* РОДРИК

I

На Испанию родную
Призвал мавра Юлиан.
Граф за личную обиду
Мстить решился королю.

Дочь его Родрик похитил,
Обесчестил древний род;
Вот за что отчизну предал
Раздраженный Юлиан.

Мавры хлынули потоком
На испанские берега.
Царство готфов миновалось,
И с престола пал Родрик.

Готфы пали не бесславно:
Храбро бились они,
Долго мавры сомневались,
Одолеет кто кого.

Восемь дней сраженье длилось;
Спор решен был наконец:
Был на поле битвы пойман
Конь любимый короля;

Шлем и меч его тяжелый
Были найдены в пыли.
Короля почли убитым,
И никто не пожалел.

Но Родрик в живых остался,
Бился он все восемь дней —
Он сперва хотел победы,
Там уж смерти лишь алкал.

И кругом свистали стрелы,
Не касаяся его,
Мимо дротики летали,
Шлема меч не рассекал.

Напоследок, утомившись,
Соскочил с коня Родрик,
Меч с запекшеюся кровью
От ладони отклеил,

Бросил об земь шлем пернатый
И блестящую броню.
И спасенный мраком ночи
С поля битвы он ушел.

II

От полей кровавой битвы
Удаляется Родрик;
Короля опередила
Весть о гибели его.

Стариков и бедных женщин
На распутьях видит он;
Все толпой бегут от мавров
К укрепленным городам.

Все, рыдая, молят бога
О спасеньи христиан,
Все Родрика проклинают;
И проклятья слышит он.

И с поникшею главою
Мимо их пройти спешит,
И не смеет даже молвить:
Помолитесь за него.

Наконец на берег моря
В третий день приходит он,
Видит темную пещеру
На пустынном берегу.

В той пещере он находит
Крест и заступ, а в углу
Труп отшельника и яму,
Им изрытую давно.

Тленье трупа не коснулось,
Он лежит окостенев,
Ожидая погребенья
И молитвы христиан.

И с мольбою об усопшем
Схоронил его король,
И в пещере поселился
Над могилою его.

Он питаться стал плодами
И водою ключевой;
И себе могилу вырыл,
Как предшественник его.

Короля в уединеньи
Стал лукавый искушать
И виденьями ночными
Краткий сон его мутить.

Он проснется с содроганьем,
Полон страха и стыда;
Упоение соблазна
Сокрушает дух его.

Хочет он молиться богу
И не может: бес ему
Шепчет в уши звуки битвы
Или страстные слова.

Он в унынии проводит
Дни и ночи недвижим,
Устремив глаза на море,
Поминая старину.

III

Но отшельник, чьи останки
Он усердно схоронил,
За него перед всевышним
Заступился в небесах.

В сновиденьи благодатном
Он явился королю,
Белой ризою одяен
И сияньем окружен.

И король, объятый страхом,
Ниц повергся перед ним,
И вещал ему угодник:
«Встань — и миру вновь явись».

Ты венец утратил царский,
Но господь руке твоей
Даст победу над врагами,
А душе твоей покой».

Пробудясь, господню волю
Сердцем он уразумел,
И, с пустынею расставшись,
В путь отправился король.

*** ЭПИГРАММА**

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Отчего ж он заседает?
Оттого, что есть, чем сесть.

Кто из богов мне возвратил
Того, с кем первые походы
И браней ужас я делил,
Когда за призраком свободы
Нас Брут отчаянный водил?
С кем я тревоги боевые
В шатре за чашей забывал
И кудри, плющем увитые,
Сирийским мирром умащал?

Ты помнишь час ужасный битвы,
Когда я, трепетный квирит,
Бежал, нечестно брося щит,
Творя обеты и молитвы?
Как я боялся! как бежал!
Но Эрмий сам незапной тучей
Меня покрыл и вдаль умчал
И спас от смерти неминучей.

А ты, любимец первый мой,
Ты снова в битвах очутился. . .
И ныне в Рим ты возвратился
В мой домик темный и простой.
Садись под сень моих пенатов.
Давайте чаши. Не жалея
Ни вин моих, ни ароматов.
Венки готовы. Мальчик! лей.
Теперь некстати воздержанье:
Как дикий скиф хочу я пить.
Я с другом праздную свиданье,
Я рад рассудок утопить.

СТРАННИК

I

Однажды странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбию великой
И тяжким бременем подавлен и согбен,
Как тот, кто на суде в убийстве уличен.
Потупя голову, в тоске ломая руки,
Я в воплях изливал души пронзенной муки
И горько повторял, метаясь как больной:
«Что делать буду я? Что станется со мной?»

II

И так я, сетуя, в свой дом пришел обратно.
Уныние мое всем было непонятно.
При детях и жене сначала я был тих
И мысли мрачные хотел таить от них;
Но скорбь час от часу меня стесняла боле;
И сердце наконец раскрыл я поневоле.

«О горе, горе нам! Вы, дети, ты, жена! —
Сказал я, — ведайте: моя душа полна
Тоской и ужасом; мучительное бремя
Тягчит меня. Идет! уж близко, близко время:
Наш город пламени и ветрам обречен;
Он в угли и золу вдруг будет обращен,
И мы погибнем все, коль не успеем вскоре
Обрести убежище; а где? о горе, горе!»

III

Мои домашние в смущение пришли
И здравый ум во мне расстроеным почли.
Но думали, что ночь и сна покой целебный
Охолодят во мне болезни жар враждебный.
Я лег, но во всю ночь всё плакал и вздыхал
И ни на миг очей тяжелых не смыкал.
Поутру я один сидел, оставя ложе.
Они пришли ко мне; на их вопрос я то же,
Что прежде, говорил. Тут ближние мои,
Не доверяя мне, за должное почли
Прибегнуть к строгости. Они с ожесточеньем
Меня на правый путь и бранью и презреньем
Старались обратить. Но я, не внемля им,
Всё плакал и вздыхал, унынием тесним.
И наконец они от крика утомились
И от меня, махнув рукою, отступились
Как от безумного, чья речь и дикий плач
Докучны и кому суровый нужен врач.

IV

Пошел я вновь бродить — уныньем изнывая
И взоры вокруг себя со страхом обращая,
Как узник, из тюрьмы замысливший побег,
Иль путник, до дождя спешащий на ночлег.
Духовный труженик — влача свою веригу,
Я встретил юношу, читающего книгу.
Он тихо поднял взор — и спросил меня,
О чем, бродя один, так горько плачу я?
И я в ответ ему: «Познай мой жребий злобный:
Я осужден на смерть и позван в суд загробный —
И вот о чем крушусь: к суду я не готов,
И смерть меня страшит».

«Коль жребий твой таков, —

Он возразил, — и ты так жалок в самом деле,
Чего ж ты ждешь? зачем не убежишь отселе?»
И я: «Куда ж бежать? какой мне выбрать путь?»
Тогда: «Не видишь ли, скажи, чего-нибудь?»
Сказал мне юноша, даль указуя перстом.

Я оком стал глядеть болезненно-отверстым,
Как от бельма врачом избавленный слепец.
«Я вижу некий свет», — сказал я наконец.
«Иди ж, — он продолжал, — держись сего ты света,
Пусть будет он тебе единственная мета,
Пока ты тесных врат спасенья не достиг,
Ступай!» — И я бежать пустился в тот же миг.

v

Побег мой произвел в семье моей тревогу,
И дети и жена кричали мне с порогу,
Чтоб возвратился я скорее. Крики их
На площадь привлекли приятелей моих;
Один бранил меня, другой моей супруге
Советы подавал, иной жалел о друге,
Кто поносил меня, кто на смех подымал,
Кто силой воротить соседям предлагал;
Иные уж за мной гнались; но я тем боле
Спешил перебежать городовое поле,
Дабы скорей узреть — оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата.

В мои осенние досуги,
В те дни, как любо мне писать,
Вы мне советуете, други,
Рассказ забытый продолжать.
Вы говорите справедливо,
Что странно, даже неучтиво
Роман не конча перервать,
Отдав уже его в печать,
Что должно своего героя
Как бы то ни было женить,
По крайней мере уморить,
И, лица прочие пристроя,
Отдав им дружеский поклон,
Из лабиринта вывести вон.

Вы говорите: «Слава богу,
Покамест твой Онегин жив,
Роман не кончен — понемногу
Иди вперед; не будь ленив.
Со славы, вняв ее призыванью,
Сбирай оброк хвалой и бранью —
Рисуй и франтов городских
И милых барышень своих,
Войну и бал, дворец и хату,
Чердак, и келью, и харем
И с нашей публики меж тем
Бери умеренную плату,
За книжку по пяти рублей —
Налог не тягостный, ей-ей».

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я — но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечер еще бродил
Я в этих рощах.

Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моею.
Уже старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сиживал недвижим — и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...
Меж нив золотых и пажитей зеленых
Оно синяя стелется широко;
Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собой
Убогий невод. По берегам отлогим
Рассеяны деревни — там за ними
Скривилась мельница, на силу крылья
Ворочая при ветре...

На границе
Владений дедовских, на месте том,

Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, — здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я, и пред собою
Увидел их опять. Они всё те же,
Всё тот же их, знакомый уху шорох —
Но около корней их устарелых
(Где некогда всё было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья; кусты теснятся
Под сенью их как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ
Как старый холостяк, и вокруг него
Попрежнему всё пусто.

Здравствуй, племя

Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомнит.

Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!
Прошли восторги, и печали,
И легковерные мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.

О бедность! затвердил я наконец
Урок твой горький! Чем я заслужил
Твое гоненье, властелин враждебный,
Довольства враг, суровый сна мутитель? . .
Что делал я, когда я был богат,
О том упоминать я не намерен:
В молчании добро должно твориться,
Но нечего об этом толковать.
Здесь пищу я найду для дум моих,
Я чувствую, что не совсем погиб
Я с участью моей.

НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ЛУКУЛЛА

Подражание латинскому

Ты угасал, богач молодой!
Ты слышал плач друзей печальных.
Уж смерть являлась за тобой
В дверях сеней твоих хрустальных.
Она, как втершийся с утра
Займодавец терпеливый,
Торча в передней молчаливой,
Не трогалась с ковра.

В померкшей комнате твоей
Врачи угрюмые шептались.
Твоих нахлебников, цирцей
Смущеньем лица омрачались;
Вздыхали верные рабы
И за тебя богов молили,
Не зная в страхе, что сулили
Им тайные судьбы.

А между тем наследник твой,
Как ворон к мертвечине падкий,
Бледнел и трясся над тобой,
Знобим стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургуч
Пятнал замки твоей конторы;
И мнил загресть он злата горы
В пыли бумажных куч.

Он мнил: «Теперь уж у вельмож
Не стану нянчить ребятишек;
Я сам вельможа буду тож;
В подвалах, благо, есть излишек.
Теперь мне честность — трын-трава!
Жену обсчитывать не буду,
И воровать уже забуду
Казенные дрова!»

Но ты воскрес. Твои друзья,
В ладони хлопая, ликуют;
Рабы, как добрая семья,
Друг друга в радости целуют;
Бодрится врач, подняв очки;
Гробовый мастер взоры клонит;
А вместе с ним приказчик гонит
Наследника в толчки.

Так жизнь тебе возвращена
Со всею прелестью своею;
Смотри: бесценный дар она;
Умей же пользоваться ею;
Украсть ее; года летят,
Пора! Введи в свои чертоги
Жену красавицу — и боги
Ваш брак благословят.

Когда владыка ассирийский
Народы казнию казнил
И Олоферн весь край азийский
Его деснице покорил, —
Высок смиреньем терпеливым
И крепок верой в бога сил,
Перед сатрапом горделивым
Израил выи не склонил;
Во все пределы Иудеи
Проникнул трепет. Иереи
Одели вретищем алтарь.
Народ завыл, объятый страхом,
Главу покрыв золой и прахом,
И внял ему всевышний царь.

Притек сатрап к ущельям горным
И зрит: их узкие врата
Замком замкнуты непокорным;
Стеной, как поясом узорным,
Препоясáлась высота.

И над тесниной торжествуя,
Как муж на страже, в тишине
Стоит, белеясь, Ветилуя
В недостижимой вышине.

Сатрап смутился изумленный —
И гнев в нем душу помрачил...
И свой совет разноплеменный
Он — любопытный — спросил:
«Кто сей народ? и что их сила,

И кто им вождь, и отчего
Сердца их дерзость воспалила,
И их надежда на кого? . . .»
И встал тогда сынов Аммона
Военачальник Ахиор
И рек — и Олоферн со трона
Склонил к нему и слух и взор.

На это скажут мне с улыбкою неверной:
«Смотрите, вы поэт уклонный, лицемерный,
Вы нас морочите — вам слава не нужна,
Смешной и суетной вам кажется она;
Зачем же пишете?» — «Я? для себя». — «За что же
Печатаете вы?» — «Для денег». — «Ах, мой боже!
Как стыдно!» — «Почему ж?»... .

ПОДРАЖАНИЕ АРАБСКОМУ

Отрок милый, отрок нежный,
Не стыдись, навек ты мой;
Тот же в нас огонь мятежный,
Жизнью мы живем одной.
Не боюсь я насмешек:
Мы сдвоились меж собой,
Мы точь-в-точь двойной орешек
Под единой скорлупой.

Воротился ночью мельник...
«Женка! что за сапоги?» —
«Ах ты, пьяница, бездельник!
Где ты видишь сапоги?
Иль мутит тебя лукавый?
Это ведра». — «Ведро? право? —
Вот уж сорок лет живу,
Ни во сне, ни наяву
Не видал до этих пор
Я на ведрах медных шпор».

— Не видала ль, девица,
Коня моего?

— Я видала, видела
Коня твоего.

— Куда, красна девица,
Мой конь пробежал?

— Твой конь пробежал
На Дунай реку...

.
Бежал твой конь,
Тебя проклинал, —
Тебя проклинал
.

ХУДОЖНИКУ

Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую:

Гипсу ты мысли даешь, мрамор послушен тебе:
Сколько богов, и богинь, и героев! . . . Вот Зевс

громовержец,

Вот исподлобья глядит, дуя в цевницу, сатир.

Здесь зачинатель Барклай, а здесь совершитель Кутузов.

Тут Аполлон — идеал, там Ниобея — печаль. . .

Весело мне. Но меж тем в толпе молчаливых кумиров —

Грустен гуляю: со мной доброго Дельвига нет.

В темной могиле почил художников друг и советник.

Как бы он обнял тебя! как бы гордился тобой!

Д. В. ДАВЫДОВУ

Тебе певцу, тебе герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник смиренного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир:
Но и по этой службе трудной,
И тут, о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир.
Вот мой Пугач: при первом взгляде
Он виден — плут, казак прямой;
В передовом твоём отряде
Урядник был бы он лихой.

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольных бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв.
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

(ПОДРАЖАНИЕ ИТАЛЬЯНСКОМУ)

Как с древа сорвался предатель ученик,
Диявол прилетел, к лицу его приник,
Дхнул жизнь в него, взвился с своей добычей смрадной
И бросил труп живой в гортань геенны гладной. . .
Там бесы, радуясь и плеща, на рога
Прияли с хохотом всемирного врага
И шумно понесли к проклятому владыке,
И сатана, привстав, с веселием на лице
Лобзанием своим насквозь прожег уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа.

МИРСКАЯ ВЛАСТЬ

Когда великое свершалось торжество
И в муках на кресте кончалось божество,
Тогда по сторонам животворяща древа
Мария-грешница и пресвятая дева
Стояли бледные, две слабые жены,
В неизмеримую печаль погружены.
Но у подножия теперь креста честного,
Как будто у крыльца правителя градского,
Мы зрим — поставленных на место жен святых
В ружье и кивере двух грозных часовых.
К чему, скажите мне, хранительная стража? . .
Или распятие казенная поклажа,
И вы боитесь воров или мышей? . .
Иль мните важности придать царю царей?
Иль покровительством спасаете могучим
Владыку, тернием венчанного колючим,
Христа, предавшего послушно плоть свою
Бичам мучителей, гвоздям и копию?
Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов искупила,
И, чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ?

(ИЗ ПИНДЕМОНТИ)

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги,
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Всё это, видите ль, *слова, слова, слова.*¹
Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не всё ли нам равно? Бог с ними.

Никому

Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! вот права...

¹ Hamlet. <Гамлет. — Ред.>

Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.

Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу,
Решетки, столбики, нарядные гробницы,
Под коими гниют все мертвецы столицы,
В болоте кое-как стесненные рядком,
Как гости жадные за нищенским столом,
Купцов, чиновников усопших мавзолей,
Дешевого резца нелепые затеи,
Над ними надписи и в прозе и в стихах
О добродетелях, о службе и чинах;
По старом рогаче вдовицы плач амурный,
Ворами со столбов отвинченные урны,
Могилы склизкие, которы также тут,
Зеваючи, жильцов к себе наутро ждут, —
Такие смутные мне мысли всё наводит,
Что злое на меня уныние находит.
Хоть плюнуть да бежать. . .

Но как же люблю мне

Осеннею порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое.
Там неукрашенным могилам есть простор;
К ним ночью темною не лезет бледный вор;
Близ камней вековых, покрытых желтым мохом,
Проходит селянин с молитвой и со вздохом;
Наместо праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, растрепанных харит
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колеблясь и шумя. . .

*** 19 ОКТЯБРЯ 1836**

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,
И с песнями бокалов звон мешался,
И тесною сидели мы толпой.
Тогда, душой беспечные невежды,
Мы жили все и легче и смелей,
Мы пили все за здравие надежды
И юности и всех ее затей.

Теперь не то: разгульный праздник наш
С приходом лет, как мы, перебесился,
Он присмирел, утих, остепенился,
Стал глуше звон его заздравных чаш;
Меж нами речь не так игриво льется,
Просторнее, грустнее мы сидим,
И реже смех средь песен раздается,
И чаще мы вздыхаем и молчим.

Всему пора: уж двадцать пятый раз
Мы празднуем Лицея день заветный.
Прошли года чредою незаметной,
И как они переменили нас!
Недаром — нет! — промчалась четверть века,
Не сетуйте: таков судьбы закон;
Вращается весь мир вокруг человека, —
Ужель один недвижим будет он?

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,

Метались смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возник Лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын,
И мы пришли, и встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей.
Тогда гроза двенадцатого года
Еще спала. Еще Наполеон
Не испытал великого народа,
Еще грозил и колебался он.

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас. . . И племена сразились,
Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда пред ним раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!
Вы помните, как оживились вдруг
Сии сады, сии живые воды,
Где проводил он славный свой досуг.

И нет его, и Русь оставил он,
Взнесенну им над миром изумленным.
И на скале, изгнанником забвенным,
Всему чужой, угас Наполеон.
И новый царь, суровый и могучий,
На рубеже Европы бодро стал,
И над землей сошлись новы тучи,
И ураган их

1

НА СТАТУЮ ИГРАЮЩЕГО В СВАЙКУ

Юноша, полный красоты, напряженья, усилия чуждый,
Строен, легок и могуч, — тешится быстрой игрой!
Вот и товарищ тебе, дискобол! Он достоин, клянуса,
Дружно обнявшись с тобой, после игры отдыхать.

2

НА СТАТУЮ ИГРАЮЩЕГО В БАББИ

Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено
Бодро оперся, другой поднял меткую кость.
Вот уж прицелился... прочь! раздайся, народ
любопытный,
Врозь расступись; не мешай русской удáлой игре.

Альфонс садится на коня;
Ему хозяин держит стремя.
«Сеньор, послушайте меня:
Пускаться в путь теперь не время,
В горах опасно, ночь близка,
Другая вента далека.
Останьтесь здесь: готов вам ужин;
В камине разложен огонь;
Постеля есть — покой вам нужен,
А к стойлу тянется ваш конь». —
«Мне путешествие привычно
И днем и ночью — был бы путь, —
Тот отвечает. — Неприлично
Бояться мне чего-нибудь.
Я дворянин, — ни черт, ни воры
Не могут удержать меня,
Когда спешу на службу я».
И дон Альфонс коню дал шпоры,
И едет рысью. Перед ним
Одна идет дорога в горы
Ущельем тесным и глухим.
Вот выезжает он в долину;
Какую ж видит он картину?
Кругом пустыня, дичь и голь,
А в стороне торчит глаголь,
И на глаголе том два тела
Висят. Закаркав, отлетела
Ватага черная ворон,
Лишь только к ним подъехал он.

То были трупы двух гитанов,
Двух славных братьев-атаманов,
Давно повешенных и там
Оставленных в пример ворам.
Дождями небо их мочило,
А солнце знойное сушило,
Пустынный ветер их качал,
Клевать их ворон прилетал.
И шла молва в простом народе,
Что, обрываясь по ночам,
Они до утра на свободе
Гуляли, мстя своим врагам.

Альфонсов конь всхрапел и боком
Прошел их мимо, и потом
Понесся резво, легким скоком,
С своим бесстрашным седоком.

От меня вечер Леила
Равнодушно уходила.
Я сказал: «Постой, куда?»
А она мне возразила:
«Голова твоя седа».
Я насмешнице нескромной
Отвечал: «Всему пора!
То, что было мускус темный,
Стало нынче камфора».
Но Леила неудачным
Посмеялся речам
И сказала: «Знаешь сам:
Сладок мускус новобрачным,
Камфора годна гробам».

Забыв и рощу и свободу,
Невольный чижик надо мной
Зерно клюет, и брызжет воду,
И песнью тешится живой.

Exegi monumentum. *

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит, —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгуз, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.

* Я воздвиг памятник. (Латинск.) — *Ред.*

• НА АЛЕКСАНДРА I

Воспитанный под барабаном,
Наш царь лихим был капитаном:
Под Австерлицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал,
Зато был фрунтовой профессор!
Но фронт герою надоел —
Теперь коллежский он ассессор
По части иностранных дел!

Там на берегу, где дремлет лес священный,
Твое я имя повторял;
Там часто я бродил уединенный
И в даль глядел... и милой встречи ждал.

О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный клич!
Не нужно мне гремящей лиры,
Вручи мне Ювеналов бич!
Не подражателям холодным,
Не переводчикам голодным,
Не безответным рифмачам
Готовлю язвы эпиграмм!
Мир вам, несчастные поэты,
Мир вам, журнальные клеветы.
Мир вам, смиренные глупцы!
А вы, ребята подлецы, —
Вперед! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнию стыда!
Но если же кого забуду,
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лиц бесстыдно-бледных,
О, сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять
Неизгладимую печать!

Не знаю где, но не у нас,
Достопочтенный лорд Мидас,
С душой посредственной и низкой, —
Чтоб не упасть дорогой склизкой,
Ползком прополз в известный чин
И стал известный господин.
Еще два слова об Мидасе:
Он не хранил в своем запасе
Глубоких замыслов и дум;
Имел он не блестящий ум.
Душой не слишком был отважен:
Зато был сух, учтив и важен.
Льстецы героя моего,
Не зная, как хвалить его,
Провозгласить решились тонким...

ЗОЛОТО И БУЛАТ

«Всѣ мое», — сказало злато;
«Всѣ мое», — сказал булат.
«Всѣ куплю», — сказало злато;
«Всѣ возьму», — сказал булат.

. Нет, я не дорожу мятежным наслаждением,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, вивясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!

О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склоняясь на долгие моления,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва ответствуешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом всё боле, боле —
И делишь наконец мой пламень поневоле!

О нет, мне жизнь не надоела,
Я жить люблю, я жить хочу,
Душа не вовсе охладела,
Утрата молодость свою.
Еще хранятся наслажденья
Для любопытства моего,
Для милых снов воображенья,
Для чувств всего.

Одни стихи ему читала,
И щеки рделися у ней,
И тихо грудь ее дышала:
«Приди, жених души моей,
Тебя зову на томной лире.
Но где найду мой идеал?
И кто поймет меня в сем мире?»
Но Анатоль не понимал.

**ИЗ ДРУГИХ
РЕДАКЦИЙ**

ЖУКОВСКОМУ

(«Когда, к мечтательному миру»)

(Стр. 26)

Первоначально (по тексту в журнале «Сын отечества») стихотворение начиналось:

Когда младым воображеньем
Твой гордый гений окрилен,
Тревожит лени праздный сон,
Томясь мятежным упоеньем;
Когда, возвышенной душой
Летя к мечтательному миру,
Ты держишь на коленях лиру
Нетерпеливою рукой,

и т. д.

После стиха «Ты прав, творишь ты для немногих»:

Не для подкупленных судей,
Ревнивых милостью своей,
Не для сбирателей убогих

и т. д.

Стихотворение оканчивалось отброшенными позднее стихами:

Смотри, как пламенный поэт,
Вниманьем сладким упоенный,
На свиток гения склоненный,
Читает повесть древних лет.
Он духом там — в дыму столетий!
Пред ним волнуются толпой
Злодейства, мрачной славы дети,

С сынами доблести прямой;
От сна воскресшими веками
Он бродит тайно окружен,
И благодарными слезами
Карамзину приносит он
Живой души благодаренье
За миг восторга золотой,
За благотворное забвенье
Бесплодной суеты земной —
И в нем трепещет вдохновенье!

НЕДОКОНЧЕННАЯ КАРТИНА

(Стр. 54)

В черновом тексте за первым четверостишием следовало:

Кто сотворил воображеньем
Сей огненный, сей важный взор.
Кто понял гений вдохновеньем,
Кто слышал сердца разговор?
Любовь!.. Но где поэта пламень.
Кто держит кисть любимца муз,
Бесчувствен он, как холодный камень.
Расторгнут с жизнью союз.

ВЕСЕЛЫЙ ПИР

(Стр. 56)

В черновом тексте стихотворение имеет продолжение:

Я люблю в моем стекле
Часто видеть перемену.
Рад я вафлям на столе,
Пирог у я знаю цену.
Я люблю, чтобы заря
За столом меня застала,
Чтоб желанием горя
Лиля сладостно дремала
Я люблю молодых повес

.

ПОСЛАНИЕ К КН. ГОРЧАКОВУ
(«Питомец мод, большого света друг»)
(Стр. 66)

Первоначально стихотворение имело продолжение:

Но я не тот: мои золотые годы,
Безумства жар, веселость, острота,
Любовь стихов, любовь моей свободы.
Проходит всё, как легкая мечта.
Так иногда за чашей ликования
Найдешь меня, объятого тоской,
Задумчива, с поникшею главой,
И ты поймешь души моей страданья.

„КТО ВИДЕЛ КРАЙ, ГДЕ РОСКОШЬЮ ПРИРОДЫ“
(Стр. 133)

В черновом тексте вместо третьей строфы находится:

Всё живо там, и тополей прохлада,
И в их тени уснувшие стада,
Склоненных скал приморская громада,
Развалины, селенья, города,
И моря шум, и говор водопада,
И на волнах крылатые суда,
И яркий блеск лучей золотого Феба,
И синий свод полуденного неба.

В первой белой рукописи за третьей строфой была еще одна:

Приду ли вновь, поклонник муз и мира,
Забыв молву и жизни суеты,
На берегах веселого Салгира
Вспоминать души моей мечты?
И ты, мой друг, задумчивая лира,
Ты, верная певица красоты,
Певица нег, любви и разлуки,
Найдешь ли вновь утраченные звуки?

Последнюю строфу Пушкин начал переделывать, но переработку не довел до завершения:

Когда луны сияет лик двурогий
И луч ее во мраке серебрит
Немой залив и склон холма отлогий,
И хижину, где поздний огонь горит,
И с седоком приморскою дорогой
Привычный конь над бездною бежит,
И в темноте как призрак безобразный
Стоит вельблюд, вкушая отдых праздный...

*** ВЯЗЕМСКОМУ**

(«Язвительный поэт, остряк замысловатый»)

(Стр. 139)

Черновые отрывки продолжения:

Когда б еще я был рифмач миролюбивый,
Пред знатью преданный, покорный, молчаливый.
Как Шаликов, добра хвалитель записной,
Довольный изредка журнальной похвалой,
Невинный фабулист или смиренный лирик, —
Но Феб во гневе мне промолвил: будь сатирик.
С тех пор бесплодный жар в груди моей горит.
Браниться жажду я, рука моя свербит.

Будь мне наставником в насмешливой науке.
Едва лукавый ум твой поймает звуки,
Он рифму грозную невольно затвердит,
И память темное прозвание сохранит.

Клим пошлою меня щекотит остротой.
Кто Фирс? ничтожный шут, красавец молодой,
Жеманный говорун, когда-то бывший в моде,
Толстому верный друг по греческой методе.
Ну, можно ль комара тотчас не раздавить
И в грязь словцом одним глупца не превратить?
А шутку не могу придумать я иную,
Как только отослать... Толстого...

И в глупом бешенстве кричу я наконец
Хвостову — ты дурак, а Стурдзе — ты подлец.

Так точно трусивший буян обняком
Решит в харчевне спор надежным кулаком.

АЛЕКСЕЕВУ

(«Мой милый, как несправедливы»)

(Стр. 159)

Окончание стихотворения:

Я был рожден для наслажденья,
В моей утраченной весне
Как мало нужно было мне
Для милых снов воображенья.
Зачем же в цвете юных лет
Мне стало чуждо сладострастье?
Зачем же вдруг увяло счастье
И ни к чему стремленья нет?
И что ж, изменой хладнокровной
Я ль стану дружеству вредить
И снова тактики любовной
Уроки хитрые твердить?
Нет, милый! если голос томный,
Обман улыбки, нежный взор,
Умильный вид печали скромной
Тобой владеют до сих пор,
Люби: ласкай свои желанья,
Надежде и еврейке верь.
Увы! пройдут любви мечтанья,
И станешь то, что я теперь.

РАЗГОВОР КНИГОПРОДАВЦА С ПОЭТОМ

(Стр. 243)

В первом издании к стихотворению было сделано примечание:

Заметим, для щекотливых блюстителей приличий, что Книгопродавец и Поэт оба лица вымышленные. Похвалы первого не что иное, как светская вежливость, притворство, необходимое в разговоре, если не в журнале.

19 ОКТЯБРЯ (1825)
(«Роняет лес багряный свой убор»)
(Стр. 328)

Пропущенные и замененные строфы рукописной редакции:

Э п и г р а ф:

Nunc est bibendum.
Horatius *

1

После стиха «Минутное забвенье горьких мук»:

Товарищи! сегодня праздник наш.
Заветный срок! сегодня там, далече,
На пир любви, на сладостное вече
Стеклися вы при звоне мирных чаш. —
Вы собрались, мгновенно молодея,
Усталый дух в минувшем обновить,
Поговорить на языке Лицея
И с жизнью вновь свободно пошालить.

2

На пир любви душой стремлюся я...
Вот вижу вас, вот милых обнимаю.
Я празника порядок учреждаю...
Я вдохновен, о, слушайте, друзья:
Чтоб тридцать мест нас ожидали снова!
Садитесь, как вы садились там,
Когда места в сени святого крова
Отличие предписывало нам.

3

Спартанскою душой пленяя нас,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вольховский сядет первый,
Последним я, иль Брольо, иль Данзас.
Но многие не явятся меж нами...
Пускай, друзья, пустеет место их.
Они придут; конечно, над водами
Иль на холме под сенью лип густых

4

Они твердят томительный урок,
Или роман украдкой пожирают,

* Теперь надлежит пить. *Гораций*. (Латинск.) — *Ред.*

Или стихи влюбленные слагают,
И позабыт полуденный звонок.
Они придут! — за праздные приборы
Усядутся; напелят свой стакан,
В нестройный хор сольются разговоры,
И загремит веселый наш пеан.

После стиха «Ты в день его. Лица превратил» (стр. 330):

Что ж я тебя не встретил тут же с ним:
Ты, наш казак и пылкий и незлобный,
Зачем и ты моей сени надгробной
Не озарил присутствием своим?
Мы вспомнили б, как Вакху приносили
Безмолвную мы жертву в первый раз,
Как мы впервой все трое полюбили,
Наперсники, товарищи проказ. . .

Первая редакция этой строфы:

Мы вспомнили, как Вакху в первый раз
Безмолвную мы жертву приносили,
Мы вспомнили, как мы впервой любили,
Наперсники, товарищи проказ. . .
И всё прошло, проказы, заблужденья. . .
Ты, освятив тобой избранный сан,
Ему в очах общественного мненья
Завоевал почтение граждан.

В строфе «И первую полней, друзья, полней!» (стр. 331) четыре последних стиха:

Златые дни! уроки и забавы,
И черный стол, и бунты вечеров,
И наш словарь, и плески мирной славы,
И критики лицейских мудрецов!

После стиха «Он взял Париж, он основал Лицей» (стр. 331)

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краугольный камень,
Им чистая лампада возжена. . .

Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию — и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

И. И. ПУЩИНУ

(«Мой первый друг, мой друг бесценный»)
(Стр. 362)

*В неоконченном послании И. И. Пущину 1825 года за стихом «Твой
и колокольчик огласил» следовало:*

Забытый кров, шалаш опальный
Ты вдруг отрадой оживил,
На стороне глухой и дальней
Ты день изгнанья, день печальный
С печальным другом разделил,
Скажи, куда девались годы,
Дни упований и свободы,
Скажи, что наши? что друзья?
Где ж эти липовые своды?
Где ж молодость? Где ты? Где я?
Судьба, судьба рукой железной
Разбила мирный наш Лицей,
Но ты счастлив, о брат любезный,
На избранной чреде своей.
Ты победил предрассужденья
И от признательных граждан
Умел истребовать почтенья,
В глазах общественного мненья
Ты возвеличил темный сан,
В его смиренном основаньи
Ты правосудие блюдешь,
Ты честь

ВОСПОМИНАНИЕ

(«Когда для смертного умолкнет шумный день»)
(Стр. 436)

Окончание стихотворения в черновой рукописи:

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,

В неволе, бедности, изгнании, в степях
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательский привет
На играх Вакха и Киприды,
Вновь сердцу моему наносит хладный свет
Неотразимые обиды.
Я слышу вокруг меня жужжанье клеветы,
Решенья глупости лукавой,
И шопот зависти, и легкой суеты
Укор всеслынный и кровавый.
И нет отрады мне — и тихо предо мной
Встают два призрака младые,
Две тени милые, два данные судьбой
Мне ангела во дни былые.
Но оба с крыльями и с пламенным мечом,
И стерегут и мстят мне оба,
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах счастья и гроба.

НАПЕРСНИК

(Стр. 447)

Продолжение стихотворения в рукописи:

Счастлив, кто избран своенравно
Твоей тоскливою мечтой,
При ком любовью млеешь явно,
Чьи взоры властвуют тобой;
Но жалок тот, кто молчаливо,
Сгорая пламенем любви,
Потупя голову ревниво,
Признанья слушает твои.

КЛЕОПАТРА

(Стр. 464)

Редакция 1824 года:

Царица голосом и взором
Свой пышный оживляла пир,
Все, Клеопатру славя хором,

В ней признавая свой кумир,
Шумя текли к ее престолу,
Но вдруг над чашей золотой
Она задумалась — и долу
Поникла дивною главой.

И пышный пир как будто дремлет,
И в ожиданьи всё молчит...
Но вновь она чело подымлет
И с видом важным говорит:
«Внемлите мне: могу равенство
Меж вас и мной восстановить.
В моей любви для вас блаженство,
Блаженство можно вам купить:
Кто к торгу страстному приступит?
Свои я ночи продаю.
Скажите, кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою?»

Она рекла. Толпа в молчаньи,
И всех в волнении сердца.
Но Клеопатра в ожиданьи
С холодной дерзостью лица:
«Я жду, — вещает, — что ж молчите?
Иль вы теперь бежите прочь?
Вас было много; приступите,
Торгуйте радостную ночь».

И гордый взор она обводит
Кругом поклонников своих...
Вдруг — из рядов один выходит,
Вослед за ним и два других.
Смела их поступь, ясны очи.
Царица гордо восстает.
Свершилось: куплены три ночи...
И ложе смерти их зовет.

И снова гордый глас возвысила царица:
«Забыты мною днесь венец и багряница!
Простой наемницей на ложе восхожу;
Неслыханно тебе, Киприда, я служу,
И новый дар тебе ночей моих награда.
О боги грозные, внемлите ж. боги ада,

Подземных ужасов печальные цари!
Примите мой обет: до сладостной зари
Властителей моих последние желанья
И дивной негою и тайнами лобзанья,
Всей чашею любви послушно упою...
Но только сквозь завес во храмину мою
Блеснет Авроры луч — клянусь моей порфирой, —
Главы их упадут под утренней секирой!»

Благословенные священной рукой,
Из урны жребии выходят чередой,
И первый Аквила, клеветр Помпея смелый,
Изрубленный в боях, в походах поседелый.
Презренья хладного не снес он от жены
И гордо выступил, суровый сын войны,
На вызов роковых последних наслаждений,
Как прежде выступал на славный клик сражений.
Критон за ним, Критон, изнеженный мудрец,
Воспитанный под небом Арголиды,
От самых первых дней поклонник и певец
И пламенных пиров и пламенной Киприды.
Последний имени векам не передал,
Никем не знаемый, ничем не знаменитый;
Чуть отроческий пух, темнея, покрывал
Его стыдливые ланиты.
Огонь любви в очах его пылал,
Во всех чертах любовь изображалась —
Он Клеопатрою, казалось, дышал,
И молча долго им царица любовалась.

Переработка сюжета о Клеопатре для повести «Мы проводили вечер на лаче» 1835 года

Темная, знойная ночь объедает африканское небо; Александрия заснула; ее стогны утихли, дома померкли. Дальний Фарос горит уединенно в ее широкой пристани, как лампада в изголовьи спящей красавицы.

Светлы и шумны чертоги Птолемеевы: Клеопатра угощает своих друзей; стол обставлен костяными ложами; триста юношей служат гостям, триста дев разносят им амфоры, полные греческих вин, триста черных евнухов надзирают над ними безмолвно.

Порфирная колоннада, открытая с юга и севера, ожидает дуновения Эвра; но воздух недвижим, огненные языки светильников горят недвижно; дым курильниц возносится прямо недвижною струею; море, как зеркало, лежит недвижно у розовых ступеней полукруглого крыльца. Сторожевые сфинксы в нем отразили свои золоченые когти и гранитные хвосты... только звуки кифары и флейт потрясают огни, воздух и море.

Вдруг царица задумалась и грустно поникла дивною головою. светлый пир омрачился ее грустию, как солнце омрачается облаком.

О чем она грустит?

Зачем печаль ее гнетет?
Чего еще недостает
Египта древнего царице?
В своей блистательной столице,
Толпой рабов охранена,
Спокойно властвует она.
Покорны ей земные боги,
Полны чудес ее чертоги.
Горит ли африканский день,
Свежеет ли ночная тень,
Всечасно роскошь и искусства
Ей тешат дремлющие чувства,
Все земли, волны всех морей
Как дань несут наряды ей,
Она беспечно их меняет,
То в блеске яхонтов сияет,
То избирает тирских жен
Покров и пурпурный хитон,
То по волнам седого Нила
Под тенью пышного ветрила
В своей триреме золотой
Плывет Кипридою молодой.
Всечасно пред ее глазами
Пирь сменяются пирами,
И кто постиг в душе своей
Все таинства ее ночей?...

Вотще! в ней сердце томно страждет,
Оно утех безвестных жаждет;

Утомлена, пресыщена,
Больна бесчувствием она...
Клеопатра пробуждается от задумчивости.

И пир утих и будто дремлет,
Но вновь она чело подьемлет,
Надменный взор ее горит,
Она с улыбкой говорит:

«В моей любви для вас блаженство?
Внемлите ж вы моим словам;
Могу забыть я неравенство,
Возможно счастье будет вам.
Я вызываю: кто приступит?
Свои я ночи продаю.
Скажите, кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою?»

.

К этой же переработке относится стихотворный отрывок, соответствующий, по всей видимости, начальным прозаическим строкам данного повествования (приготовления к пиришеству):

И вот уже сокрылся день,
Восходит месяц златорогий.
Александрийские чертоги
Покрыла сладостная тень.
Фонтаны бьют, горят лампы,
Курится легкий фимиам,
И сладострастные прохлады
Земным готовятся богам.
В роскошном сумрачном покое
Средь обольстительных чудес
Под сенью пурпурных завес
Блещет ложе золотое.

КАВКАЗ (Стр. 478)

В недошедшей до нас черновой рукописи было необработанное продолжение:

Так буйную вольность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят...

«НА ХОЛМАХ ГРУЗИИ ЛЕЖИТ НОЧНАЯ МГЛА»
(Стр. 483)

Первая редакция:

Всё тихо — на Кавказ идет ночная мгла,
Восходят звезды надо мною.
Мне грустно и легко — печаль моя светла,
Печаль моя полна тобою —

Тобой, одной тобой, — унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит оттого,
Что не любить оно не может.

Я твой попрежнему, тебя люблю я вновь
И без надежд и без желаний.
Как пламень жертвенный чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний.

ЕЛ. Н. УШАКОВОЙ
(«Вы избалованы природой»)
(Стр. 492)

Первая редакция:

Вы избалованы природой,
Она пристрастна к вам была,
И наша страстная хвала
Вам кажется докучной модой.
Вы сами знаете давно,
Что вас хвалить немудрено,
Что ваши взоры — сердцу жалы,
Что ваши ножки очень малы,
Что вы чувствительны, остры,
Что вы умны, что вы добры,
Что можно вас любить сердечно,
Но вы не знаете конечно,
Что и болтливая молва
Порою правды не умалит,
Что иногда и сердце хвалит,
Хоть и кружится голова.

«ЖИЛ НА СВЕТЕ РЫЦАРЬ БЕДНЫЙ»

(Стр. 501)

Первоначальный текст стихотворения (по первой белой рукописи):

ЛЕГЕНДА

Был на свете рыцарь бедный,
Молчаливый как святой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и простой.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.

Путешествуя в Женеву,
Он увидел у креста
На пути Марию-деву,
Мать господа Христа.

С той поры, заснув душою,
Он на женщин не смотрел
И до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.

Никогда стальной решетки
Он с лица не подымал,
А на грудь святыя четки
Вместо шарфа навязал.

Тлея девственной любовью,
Верен набожной мечте,
Ave, sancta virgo, * — кровью
Написал он на щите.

Петь псалом Отцу и Сыну
И святому духу век
Не случилось паладину —
Был он странный человек.

* Привет тебе, святая дева. (Латинск.) — *Ред.*

Проводил он целы ночи
Перед ликом пресвятой,
Устремив к ней страстны очи,
Тихо слезы лья рекой.

Между тем как паладины
Мчались грозно ко врагам
По равнинам Палестины,
Именуя громко дам,

Lumen coeli, sancta rosa! * —
Восклищал всех громче он,
И гнала его угроза
Мусульман со всех сторон.

Возвратясь в свой замок дальный,
Жил он будто заключен,
И влюбленный и печальный
Без причастья умер он.

Как с кончиной он сражался,
Бес лукавый подоспел.
Душу рыцаря сбирался
Утащить он в свой предел.

Он-де богу не молился,
Он не ведал-де поста,
Целый век-де волочился
Он за матушкой Христа.

Но пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина своего.

*** 19 ОКТЯБРЯ 1881**

(«Чем чаще празднует Лицей»)
(Стр. 593)

В рукописи зачеркнута вторая строфа:

Давно ль, друзья?.. Но двадцать лет
Тому прошло; и что же вижу?

* Свет неба, святая роза. (Латинск.) — Ред.

Того царя в живых уж нет;
Мы жгли Москву; был плен Парижу;
Угас в тюрьме Наполеон;
Воскресла греков древних слава;
С престола пал другой Бурбон;
Отбунтовала вновь Варшава.

ОСЕНЬ

(Стр. 629)

В рукописи зачеркнута строфа после десятой:

XI

Стальные рыцари, угрюмые султаны,
Монахи, карлики, арапские цари,
Гречанки с четками, корсары, болдыханы,
Испанцы в епанчах, жида, богатыри,
Царевны пленные, графини, великаны,
И вы, любимицы золотой моей зари, —
Вы, барышни мои, с открытыми плечами,
С висками гладкими и томными очами.

В черновом автографе последняя строфа доведена до шестого стиха:

Ура! .. куда же плыть? .. какие берега
Теперь мы посетим: Кавказ ли колоссальный,
Иль опаленные Италии луга,
Иль скалы дикие Шотландии печальной,
Или Нормандии блестящие снега,
Или Швейцарии ландшафт пирамидальный.

* РОДРИК

(«На Испанию родную»)

(Стр. 685)

Название отсутствует. В скобках после текста помета: («Родрик»).

Чудный сон мне бог послал:
С длинной белой бородой,
В белой ризе предо мною
Старец некий предстоял
И меня благословлял.
Он сказал мне: будь покоен,

Скоро, скоро удостоен
Будешь царствия небес,
Путник, ляжешь на ночлеге,
В пристань, плаватель, войдешь,
Отпряжешь волов от плуга
На последней борозде.
Скоро, пахарь утомленный,
Скоро странствию земному
Твоему придет конец,
Уж готовит ангел смерти
Для тебя святой венец;
Ныне грешник тот великий,
О котором предвещанье
Слышал ты давно —
Грешник долгожданный —
Наконец к тебе придет
Исповедывать себя,
И получит разрешение,
И заснешь ты вечным сном.

В рукописи имеются строфы, исключенные из последней редакции. После стиха «Над могилюю его»:

В сокрушении глубоком
Беспреданно слезы льет,
День и ночь у бога молит
Отпущение грехов.

После стиха «Краткий сон его мутит»:

Лишь уснет — ему приснятся
Графской дочери черты,
Перед ним мелькает Кава.
Каву снова видит он,

Очи полны думы гордой,
Благородное чело,
И младенчески открыто
Выраженье детских уст.

Вместо одной строфы «В свовденыи благодатном...» было две:

Раз несчастный утомленный
На рассвете задремал,

И господь ему виденье
Благодатное послал.

Видит он: святой угодник
Приближается к нему,
Ризой светлою одян
И сияньем окружен.

... ВНОВЬ Я ПОСЕТИЛ
(Стр. 695)

После стиха «Ни кропотливого ее дозора»:

Первый вариант

И вечером при завываньи бури
Ее рассказов, мною затверженных
От малых лет, но всё приятных сердцу,
Как шум привычный и однообразный
Любимого ручья. Вот уголок,
Где для меня безмолвно протекали
Часы печальных дум иль снов отрадных,
Часы трудов, свободно-вдохновенных.
Здесь, погруженный в
Я размышлял о грустных заблужденьях,
Об испытаньях юности моей,
О строгом заслуженном осуждении,
О мнимой дружбе, сердце уязвившей
Мне горькою и ветреной обидой.

Второй вариант

Не буду вечером под шумом бури
Внимать ее рассказам, затверженным
Сыздетства мной — но всё приятным сердцу,
Как песни давние или страницы
Любимой старой книги, в коих зңасм,
Какое слово где стоит.

Бывало,

Ее простые речи и советы
И полные любви укоризны
Усталое мне сердце ободряли
Отрадой тихой...

После стиха «Оно синее стелется широко»:

Ни тяжкие суда торговли алчной,
Ни корабли, носители громов,
Ему кормой не рассекают вод;
У берегов его не видит путник
Ни гавани кипящей, ни скалы,
Венчанной башнями; оно синее
В своих берегах пустынных и смиренных...

Окончание стихотворения:

В разны годы
Под вашу сень, михайловские рощи,
Являлся я; когда вы в первый раз
Увидели меня, тогда я был
Веселым юношей, беспечно, жадно
Я приступал лишь только к жизни; годы
Промчались, и вы во мне прияли
Усталого пришельца; я еще
Был молод, но уже судьба и страсти
Меня борьбой неравной истомили.
Я зрел врага в бесстрастном судии,
Изменника — в товарище, пожавшем
Мне руку на пиру, — всяк предо мной
Казался мне изменник или враг.
Утрачена в бесплодных испытаньях
Была моя неопытная младость,
И бурные кипели в сердце чувства,
И ненависть, и грезы мести бледной.
Но здесь меня таинственным щитом
Святое провиденье осенило,
Поэзия, как ангел утешитель,
Спасла меня, и я воскрес душой.

ПРИМЕЧАНИЯ

**Стихотворения петербургского периода
(1817—апрель 1820)**

1817 (ПЕТЕРБУРГ)

«Простите, верные дубравы!» (стр. 7). Датировано 17 августа 1817 года (в копии). При жизни Пушкина не печаталось. Автографа не сохранилось. Опубликовано по списку в «Петербургских ведомостях», 1866, № 175, 29 июня. Стихотворение было записано Пушкиным в альбом П. А. Осиповой (помещицы, хозяйки села Тригорского, Псковской губ., по соседству с Михайловским).

«Есть в России город Луга» (стр. 8). При жизни Пушкина не печаталось. Автографа не сохранилось. Опубликовано в «Московских ведомостях», 1855, № 142, 26 ноября. Отрывок, связанный с поездкой Пушкина летом 1817 года из Петербурга в с. Михайловское (через Лугу и Новоржев).

«К Огаревой, которой митрополит прислал плодов из своего сада» (стр. 9). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Библиографических записках», 1858, № 11, стлб. 337. Адресовано Е. С. Огаревой (см. т. I, стр. 474) и имеет в виду петербургского митрополита Амвросия. В 1817 году Огарева была красивой тридцатилетней женщиной. Митрополиту, оказывавшему ей любезности, было 75 лет.

К *** («Не спрашивай, зачем унылой думой») (стр. 10). Датировано Пушкиным 27 ноября 1817 года. Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 117. Ошибочно оказалось в отделе «Эпиграммы и надписи», хотя в рукописи имелась пометка Пушкина «Эл.», т. е. «Элегии». В черновике носит название «Уныние». В одной из копий озаглавлено «К Д.», т. е., по видимому, «К Дельвигу».

«Краев чужих неопытный любитель» (стр. 11). Датировано Пушкиным 30 ноября 1817 года. Опубликовано в «Молве», 1857, № 3, 27 апреля, стр. 29. В стихотворении дана характеристика Евдокии Ивановны Голицыной (1780—1850); Пушкин был постоянным посетителем ее салона, отличавшегося патриотиче-

ским направлением, соединенным с некоторым вольнодумством. Пушкин, посылая Голицыной оду «Вольность», сопровождал ее стихотворением «Простой воспитанник природы». Салон Голицыной посещали передовые люди того времени: Михаил Орлов, братья Тургеневы, Вяземский и др. Из ссылки Пушкин писал А. И. Тургеневу: «Что делает поэтическая, незабвенная, конституциональная, анти-польская... (повидимому, противница конституции, которую дал Александр I — только Польше, вместо того чтобы дать ее всей России. — *B. T.*) небесная княгиня Голицына?» (1 декабря 1823 года). *Где женщина — не с холодной красотой и след.* — П. А. Вяземский писал о Голицыной: «Черные выразительные глаза, густые темные волосы, падающие на плечи извивистыми локонами, южный матовый колорит лица, улыбка добродушная и грациозная, придайте к тому голос, произношение необыкновенно мягкие и благозвучные, — вы составите приблизительное понятие о внешности ее».

К ней («В печальной праздности я лиру забывал») (стр. 12). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. II, 1855, стр. 178. Автографа не сохранилось. Пушкин предполагал включить в составе элегий в «Стих.», 1826, но сам исключил из сборника.

Тургеневу («Тургенев, верный покровитель») (стр. 13). Датировано Пушкиным 8 декабря 1817 года. При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Русском архиве», 1895, № 12, стр. 498. Автографа не сохранилось, но имеется писарская копия (с датой 8 ноября 1817 года) с поправками Пушкина. Адресовано Александру Ивановичу Тургеневу (1784—1845). В октябре Тургенев писал Вяземскому о том, что «Сверчок» (т. е. Пушкин) «прыгает», что надо «усадить его на шесток», т. е. за работу. В послании дается характеристика Тургенева — государственного деятеля, литератора и светского человека и в то же время ленивого чудака. *Покровитель попов, евреев и скопцов.* — Тургенев был директором департамента духовных дел и членом комиссии для устройства евреев. *Гонитель езуитов.* — Тургенев составил указ об изгнании из России членов иезуитского ордена (20 декабря 1815 года). *То пропове-дуешь Христа.* — Тургенев был членом Библейского общества, задачей которого было распространение Библии на разных языках (преимущественно на языках народов России). *Роняешь Лунину на бале* и след. — Речь идет о том, что Тургенев, исправно посещавший великосветское общество (графа Лавалья, Луниных и др.), совершал там неловкости и дремал от скуки.

Кривцову (стр. 15). Датировано Пушкиным декабрем 1817 года. Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 151, в отделе «Послания, с пометой «1819» (возможно, датой окончательной переработки стихотворения). Обращено к Кривцову Н. И. (1791—1843), одному из героев войны с Наполеоном, вольнодумцу и атенсту, оказавшему некоторое влияние на Пушкина в 1817—1820 годах. В автографе было заглавие «К Анаксагору», потом снятое Пушкиным. Имя древнего греческого философа Анаксагора символизировало вольнодумство, неверие. *У пафосския царицы* — т. е. у богини любви Афродиты-Венеры.

Вольность (стр. 16). При жизни Пушкина ода не печаталась. Опубликовано Герценом в альманахе «Полярная звезда» на 1856 год, кн. II, стр. 3. Стихотворение написано в доме Тургеневых и сохранилось в их архиве. Стихотворение имело широкое распространение в списках и оказало большое влияние на политические взгляды декабристского поколения. Ода выражает взгляды молодого Пушкина, сложившиеся еще в Лицее, под впечатлением лекций Куницына о «естественном праве», но отчасти и под влиянием бесед с Николаем Тургеневым и другими представителями передовой политической мысли. Самая идея написать оду о политической свободе, несомненно, возникла под влиянием знакомства с одноименной одой А. Радищева (о чем писал Пушкин в черновом тексте стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» 1836 года: «Вслед Радищеву восславил я свободу»). «Вольность», доведенная до сведения царя, послужила одной из главных причин ссылки Пушкина. *Цитеры слабая царица* — богиня любви Венера. *Того возвышенного галла*. — Французский революционный поэт Экушар Лебрен (1729—1807) воспевал свободу в своих одах в годы Французской революции (*среди славных бед*). *В сгущенной мгле предассуждений* — во мгле религиозных предрассудков. *Где крепко с вольностью святой законов мощных сочетанье*. — Здесь излагается учение просветителей XVIII века о сочетании свободы с законностью, о равенстве всех перед законом и о «естественном законе», приращенных правах человека. *Восходит к смерти Людовик*. — Описана казнь Людовика XVI. *И се злодейская порфира*. — На одном из автографов Пушкин сделал примечание: «Наполеонова порфира... Замечание для В. Л. Пушкина, моего дяди (родного)». *Самовластительный злодей* — Наполеон, в котором Пушкин видел воплощение тирании. *Твою погибель, смерть детей* — иносказательно уничтожение личной власти Наполеона и устранение от престола его династии. У Наполеона был один сын, но много наследников (племянники, усыновленные и пр.). *Забвенью брошенный дворец* — Михайловский замок в Петербурге. Далее описывается убийство Павла I, совершившееся в этом дворце. *Молчит неверный часовой*. — Убийство произошло тогда, когда дворец охранялся отрядом Семеновского полка, на сочувствие которого рассчитывали заговорщики.

Кн. Голицыной («Простой воспитанник природы») (стр. 19). При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в альманахе «Молодик» на 1844 год. Харьков, 1843, стр. 7. Стихотворение написано на одном листе с «Вольностью» и сохранилось в архиве Н. Тургенева. Дата «1817» относится, повидимому, к обоим стихотворениям. Адресовано к Евдокии Ивановне Голицыной (см. «Краев чужих неопытный любитель»).

1818

К Чаадаеву («Люби, надежды, тихой славы») (стр. 20). При жизни Пушкина было напечатано с цензурными сокращениями и искажениями без ведома Пушкина в альманахе «Северная звезда», 1829, стр. 50. Распространялось в списках как одно из наиболее популярных политических стихотворений Пушкина.

Торжество Вакха (стр. 21). Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 53, в отделе «Разные стихотворения», с пометой «1817». Однако в собственном списке стихотворений Пушкин поставил дату «1818». Стихотворение написано на популярный мифологический сюжет — вакханалии. Праздник Вакха здесь изображен как торжественное шествие бога вина после мирного покорения Индии.

«Когда сожмешь ты снова руку» (стр. 24). Датировано Пушкиным 2 марта 1818 года. При жизни напечатано не было. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 472. Обращено к Николаю Ивановичу Кривцову (см. «Кривцову») при отъезде его в Лондон и подарено ему вместе с книгой «Орлеанская девственница» Вольтера (автограф вклеен перед титульным листом книги). *Мрачный Альбион — Англия.*

Выздоровление (стр. 25). Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 10, в отделе «Элегии». Написано, повидимому, в марте 1818 года в дни выздоровления Пушкина после долгой болезни. Сюжет стихотворения совпадает с эпизодом в послании Батюшкова «Мои Пенаты».

Жуковскому на издание книжек его «Для многих» («Когда, мечтательному миру») (стр. 26). Напечатано в «Сыне отечества», 1821, № 52, стр. 276, под заглавием «К Ж*** по прочтении изданных им книжек «Для немногих», без подписи, с примечанием издателя журнала Греча: «Сочинитель не подписал своего имени, но кто не узнает здесь того поэта, который в такие лета, когда другие еще учатся правилам стихотворства, стал наряду с нашими первоклассными писателями!» Стихотворение было переработано дважды — в 1819 и в 1825 году (см. «Из других редакций», стр. 733). Связано с выходом в свет в 1818 году сборников переводов Жуковского под названием «Для немногих».

К портрету Жуковского («Его стихов пленительная сладость») (стр. 27). Напечатано в журнале «Благонамеренный», 1818, № 7, стр. 24.

* Эпиграмма («Бессмертною рукой раздавленный зоил») (стр. 28). При жизни Пушкина не печаталась. Опубликовано в «Остафьевском архиве князей Вяземских», т. I. СПб., 1899, стр. 122. Автографа не сохранилось. Приведено в письме А. И. Тургенева к Вяземскому от 18 сентября 1818 года. Направлена против журналиста консервативного лагеря, издателя «Вестника Европы» М. Т. Каченовского (1775—1842). Пушкин выступает в защиту Карамзина (*Наш Тацит*); Каченовский неоднократно выступал против «Истории Государства Российского». *Плюгавый выполозок из гузна Дефонтена* — стих из эпиграммы И. И. Дмитриева на Каченовского, в свою очередь переведенный из Вольтера. Дефонтен (1685—1745) — французский критик, противник Вольтера, приверженец реакционных идей и католической церкви.

Мечтателю («Ты в страсти горестной находишь наслаждение») (стр. 29). Напечатано в «Сыне отечества», 1818, № 51, стр. 273.

К Н. Я. Плюсковой (стр. 30). Напечатано в «Соревнователе просвещения и благотворения», 1819, № 10, стр. 70, с заглавием «Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества государыни императрицы Елизаветы Алексеевны». Обращено к Н. Я. Плюсковой (р. около 1780, ум. 1845), фрейлине императрицы. Среди членов Союза благоденствия были сторонники государственного переворота с возведением на престол Елизаветы. Пропагандистом этой идеи был Ф. Н. Глинка (редактор журнала «Соревнователь», где напечатано это стихотворение). Позднее, начиная с 1825 и до 1856 года, стихотворение запрещалось цензурой.

Прелестнице (стр. 31). Напечатано в «Невском зрителе», 1820, ч. 2, апрель, стр. 68.

К *** («Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный») (стр. 32). Черновой набросок, опубликованный в Соч., т. I, 1855, стр. 346. Возможно, что этот набросок представляет собой опыт вольного перевода одной из од Сафо.

* Эпиграмма («В его «Истории» изящность, простота») (стр. 33). При жизни Пушкина не печаталось. Впервые опубликовано в Берлине в Стих., 1861, стр. 103, а затем в России, в монографии М. П. Погодина «Н. М. Карамзин», ч. 2, 1866, стр. 204. Сохранилось в многочисленных списках с именем Пушкина. О своей эпigramме Пушкин признавался в письме Вяземскому, который упрекал Пушкина в сочинении эпиграмм на Карамзина: «Довольно и одной, написанной мною в такое время, когда К. меня отстранил от себя, глубоко оскорбив и сердечную к нему привязанность... Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна, а другие, сколько знаю, глупы и бешены» (10 июля 1826). Подготовляя к печати выписки из дневника о Карамзине, Пушкин писал по поводу выхода в свет «Истории Государства Российского»: «Мне приписали одну из лучших русских эпиграмм: это не лучшая черта моей жизни». Слово «лучшая» доказывает, что речь идет о той же эпigramме, что и в письме к Вяземскому. Из этих свидетельств Пушкина следует, что эпиграмма его написана вскоре после выхода в свет «Истории Государства Российского», т. е. в 1818 или в начале 1819 года. Из всех известных по спискам эпиграмм против Карамзина только эта соответствует свидетельствам Пушкина. Другая приписываемая ему эпиграмма, «Послушайте, я сказку вам начну», относится к лицейским годам. В данной эпigramме Пушкин имеет в виду предисловие Карамзина к «Истории», в котором доказывается, что основным достоинством исторического труда является художественность изложения. Пушкин обвиняет Карамзина в том, что за кажущимся беспристрастием скрывается реакционная проповедь спасительности самодержавия со всеми его последствиями.

Сказки. Noël (стр. 34). При жизни Пушкина не печаталось. Автограф не сохранился. Распространялось в копиях. Опубликовано в сборнике «Собрание стихотворений Пушкина, Рылеева, Лермонтова и других лучших авторов». «Русская Библиотека», т. I. Лейпциг, 1858, стр. 27. Наряду с одой «Вольность» стихотворение

оказало немалое влияние на политические взгляды молодежи. Стихи написаны в духе и в форме «святочных песен» с сатирическим обозрением минувшего года. Речь идет об открытии Польского сейма (15 марта 1818 года), на котором Александр произнес конституционную речь, обещая распространить конституционные формы правления на всю Россию. Между тем в сентябре состоялся Аахенский конгресс, на котором присутствовали Александр, английский император и прусский король. Была подписана декларация о политике в духе Священного союза, о поддержании существующего порядка и т. п. Конституционные обещания Александра тем самым оказались сказками. *Кочующий деспот* — Александр I, который постоянно разъезжал по России и Западной Европе. *И прусский и австрийский*. — Речь идет о реакционном союзе России, Пруссии и Австрии. *Лаврову дам отставку* — И. П. Лавров, директор исполнительного департамента министерства полиции. *А Соца — в желтый дом*. — В. И. Соц, литератор, секретарь цензурного комитета (при министерстве полиции). *Горголи* — петербургский обер-полицеймейстер.

1819

Деревня (стр. 36). Датировано Пушкиным июлем 1819 года. Первая половина стихотворения, кончая стихом «В душевной зреют глубине», была напечатана под названием «Уединение» в «Стих.», 1826, стр. 74. В полном составе стихотворение распространилось в списках и было опубликовано Герценом в альманахе «Полярная звезда» на 1856 год, кн. II, стр. 6. Основная идея стихотворения — необходимость отмены крепостного права. В эти годы Александр I поощрял разные проекты как введения конституционного строя, так и отмены крепостного права. Обе реформы казались неизбежными, и речь шла лишь о последовательности. Реакционная часть общества настаивала на введении в первую очередь дворянской конституции, с тем чтобы дворянская Законодательная палата могла задержать и урезать закон об освобождении крестьян. Левые, в частности Н. И. Тургенев, считали, что сперва необходимо освободить крестьян и предоставить им гражданские права, а затем уже вводить конституционные привилегии. В ближайшее время окончательно обнаружилось, что Александр не намерен проводить никаких реформ, что и ускорило переход наиболее прогрессивной части общества на революционный путь. *Порочный двор цирцей* — развратных женщин, оказывавших влияние на ход дела. Так, любовница Аракчеева Пукалова торговала чинами и орденами, раздававшимися по ее настоянию. *Здесь вижу двух озер лазурные равнины* — два озера около Михайловского — Маленец и Кучане.

Элегия («Воспомянем упоенный») (стр. 38). При жизни Пушкина отрывок не печатался. Опубликован в Соч., т. I, 1855, стр. 97. Отрывок элегии, посвященной Царскому селу.

Эпиграмма («Холоп венчанного солдата») (стр. 39). При жизни Пушкина не печаталось. Автографа не сохранилось. Ходила по рукам в списках. Опубликовано в Стих., 1861, стр. 97. Долгое

время эпиграмма считалась написанной на Аракчеева. Вяземский в одном из изданий писал: «Вовсе не на Аракчеева, а на Стурдзу, написавшего современно смерти Коцебу политическую записку о немецких университетах». А. С. Стурдза (1791—1854) — реакционный публицист, идеолог Священного союза, обративший на себя внимание «Запиской о настоящем положении Германии» для членов Аахенского конгресса; в ней германские университеты изображались как рассадники революционных идей и атеизма. После опубликования записки Авг. Коцебу был убит студентом Зандом 23 марта 1819 года (см. «Кинжал»), как информатор Александра.

«Вкруг я Стурдзы хожу» (стр. 40). При жизни Пушкина отрывок не печатался. Опубликовано в «Русском архиве», 1874, № 1, стлб. 123. Является куплетом из не дошедшего до нас политического стихотворения. Вяземский, находившийся осенью 1819 года в Варшаве, заинтересовался «стансами», или, как он пишет, «песней» Пушкина. Какие-то отрывки были ему уже известны, так как письмо его от 3 октября 1819 года, в котором он просит А. Тургенева прислать ему в Варшаву стихи Пушкина «Вкруг я Стурдзы хожу», начинается четверостишием, из которого два стиха — несомненная цитата из куплетов Пушкина:

На царей не гляжу,
Вкруг царей не хожу,
А я с флюсом сижу,
Вкруг постели хожу.

А. Тургенев в письме от 22 октября отвечает: «Пушкин переписал для тебя стансы на С<турдзу>, но я боюсь и за него и за тебя посылать их к тебе».

«Ольга, крестница Киприды» (стр. 41). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. VII, 1857, стр. 36. Адресовано Ольге Массон (р. 1796), дочери Филибера Массона, автора «Секретных записок о России». Она принадлежала к так называемому полусвету, не отличаясь строгостью нравов.

* Мансурову («Мансуров, закадышный друг») (стр. 42). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Отчете имп. Публичной библиотеки за 1881 год». СПб., 1883, стр. 69. Обращено к приятелю Пушкина офицеру П. Б. Мансурову (1795—1880). *За здравие Крыловой* — возлюбленной Мансурова, ученицы театрального училища, танцовщицы. *Ласси* — актриса французской петербургской труппы. *Казасси М. Ф.* — главная надзирательница петербургской театральной школы. Славилась своей строгостью.

Дорида («В Дориде нравятся и локоны златые») (стр. 43). Напечатано в «Невском зрителе», 1820, февраль, стр. 92. В «Стих.», ч. I, 1829 вошло в раздел стихотворений 1820 года, но по положению в тетради относится к 1818 году.

Н. Н. («Я ускользнул от Эскулапа») (стр. 44). Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 160, в отделе «Послания». Обращено к В. В. Эн-

гельгардту (1785—1837), петербургскому приятелю Пушкина. Энгельгардт, внучатный племянник Потемкина, вел рассеянную жизнь независимого богача. Вяземский писал, что «острые выходки и забавные куплеты его ходили по городу» и часто носили вольнодумный характер. *Я ускользнул от Эскулапа* — от врача (по имени древнегреческого врача Эскулапа). Пушкин был болен и, выздоравливая, собирался ехать в Михайловское.

Орлову («О ты, который сочетал») (стр. 46). Датировано Пушкиным 4 июля 1819 года. Напечатано без разрешения Пушкина в альманахе «Северная звезда», 1829, стр. 235, с произвольным заглавием «К ***, отсоветовавшему мне вступать в военную службу» и с цензурными исключениями. Обращено к А. Ф. Орлову (1786—1861), командиру гвардейского конного полка, брату декабриста Михаила Орлова. *Орлов, ты прав: я забываю* и след. — Пушкин долгое время стремился пойти в гусары и, повидимому, собирался служить под начальством генерала П. Д. Киселева (1788—1872), начальника штаба южной армии.

Щербинину (стр. 48). Датировано Пушкиным 9 июля 1819 года. При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в «Москвитянине», 1841, № 4, стр. 320, с цензурными искажениями. В рукописи есть сокращенный вариант стихотворения; от полного текста взято только первое четверостишие и к нему присоединены еще четыре стиха:

Его не ведает печаль,
Его забавы бесконечны,
Он создал мысленно сераль
И в нем блаженствует, беспечный.

Обращено к М. А. Щербинину (1793—1841).

Домовому (стр. 50). Напечатано в альманахе «Полярная звезда» на 1824 год, стр. 318. Написано в Михайловском.

* Юрьеву («Здорово, Юрьев, именинник!») (стр. 51). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Изд. Геннади, т. I, 1859, стр. 213. Обращено к приятелю Пушкина по обществу «Зеленая лампа» Ф. Ф. Юрьеву (1796—1860) по случаю его именин 20 сентября 1819 года и перевода в гвардейский уланский полк. *Надежды лампа*. — Речь идет о свободолюбивых надеждах, связывающих членов «Зеленой лампы» (зеленый цвет — символ надежды).

Русалка («Над озером, в глухих дубровах») (стр. 52). Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 44, в отделе «Разные стихотворения», с подзаголовком «баллада». Стихотворение первоначально было запрещено цензурой, а после появления в печати вызвало жалобы духовенства.

Недоконченная картина (стр. 54). Напечатано в «Московском вестнике», 1828, № 15, стр. 212.

Уединение (стр. 55). Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 105. в отделе «Эпиграммы и надписи». Перевод стихотворения Арио La Solitude. * В автографе стихи 1—3 первоначально читались:

Блажен, кто в отдаленной сени,
Вдали тиранов и невежд,
Живет меж вольности и лени.

Веселый пир (стр. 56). Напечатано в альманахе «Мнемозина», 1824, ч. 2, стр. 85.

Всеволожскому (стр. 57). Датировано Пушкиным 27 ноября 1819 года. Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 141, с заглавием «В***му», с цензурными изменениями. Вместо стихов «Итак, от наших берегов» и след. было:

Любимец муз, поклонник моды
И Терпсихоры и стихов!
Ты в жизни любишь перемену:
Ты скачешь в мирную Москву,
Где сладко дремлют наяву
И наслажденьям знают цену.

Обращено к Н. В. Всеволожскому (1799—1862), приятелю Пушкина по обществу «Зеленая лампа» (собрания общества происходили в доме Всеволожского). Богач и кутила Всеволожский был театральным критиком, переводил для театра и участвовал в занятиях «Зеленой лампы». *Вздыхает пленница младая* — возлюбленная Всеволожского А. Овощникова, танцовщица, воспитанница театрального училища. *И смотрит на пустынный дом* — дом Всеволожского на Екатерингофском проспекте (ныне пр. Римского-Корсакова, 39) находился недалеко от театрального училища.

Царское село («Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений») (стр. 60). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Летописи Дома литераторов.», 1931, № 2, 15 ноября, стр. 6. Данное стихотворение появилось с датой «1817 г.», но с оговоркой, что возможна и более поздняя дата (не позднее 1819). В дальнейшем печаталось под датой «1819 г.», которую и следует признать правильной, так как «Царское село» писано на одном листке со стихотворением «Там у леска», таким же точно почерком, а самый листок вырван из тетради, заполнявшейся преимущественно (в той части, откуда вырван лист) в 1818—1819 годах. На листе — имитация подписи «Кошанский», совершенно тождественная с подобной же имитацией в названной тетради. Кроме того, в этой же тетради есть зачеркнутая строка «Кто хочет, пой» — повидимому, вариант к стиху «Другой пускай поет». Однако в академическом издании и в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» стихотворение, без мотивировки, отнесено к 1822—1823 годам, возможно потому, что в черновых вариантах в неясном контексте встречается слово «изгнание».

* Одиночество. (Франц.) — Ред.

«Там у леска, за ближнею долиной» (стр. 61). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Вестнике литературы», 1922, № 2—3, стр. 5. Стихотворение осталось необработанным.

Платонизм (стр. 62). Датировано Пушкиным 1819 годом. При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Библиографических записках», 1858, № 11, стлб. 341. Подготавливая сборник стихотворений, вышедший в 1826 году, Пушкин исключил это стихотворение и написал на полях: «Не нужно, ибо я хочу быть моральным человеком». Вольный перевод одного эпизода из стихотворения Э. Парни «Взгляд на остров Цитеры».

* Записка к Жуковскому («Раевский, молодец прежний») (стр. 64). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Вестнике Европы», 1888, март, стр. 431. Является запиской к поэту Жуковскому, с приглашением его к генералу Н. Н. Раевскому (старшему). Записка была занесена Жуковскому Пушкиным и его приятелем Н. Н. Раевским (младшим). «Молодец», «отважный сын» и «слава наших дней» — цитаты из стихотворения «Певец во стане русских воинов» Жуковского, где говорится о подвиге генерала Раевского в сражении при Салтановке 11 июля 1812 года, когда Раевский вывел в бой своих сыновей; Николаю тогда было 11 лет. В первой редакции стихотворения Жуковского о сыновьях говорится: «С младенцами сынами» («Вестник Европы», 1812); в издании стихотворений 1815 года Жуковский изменил этот стих: «С отважными сынами». С французской повестью *Борисом* — о повести Сент-Ипполита (Ипполита Оже, 1797—1881) «Борис».

Стансы Толстому («Философ ранний, ты бежишь») (стр. 65). Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 72, с заглавием «Стансы Т—му». В этом издании, вероятно с целью успокоить цензуру, к стиху 18 сделано примечание (скорее всего П. А. Плетневым, которому Пушкин поручил издание): «Как здесь, так и в других местах поэт шутит над философиею эпикурейцев. Читатель, без сомнения, не будет смешивать чистых душевных наслаждений с удовольствиями чувственными». Стансы обращены к Якову Николаевичу Толстому (1791—1867), приятелю Пушкина по «Зеленой лампе», члену Союза благоденствия, и являются ответом на «Послание к А. С. Пушкину» Я. Толстого, где имеются следующие стихи:

Склонись, о Пушкин, Феба ради
На просьбу слабого певца
И вспомни, как к моей отrade
Ты мне посланье обещал.

Возрождение (стр. 66). Напечатано в «Невском альманахе» на 1828 год, кн. IV, стр. 227. Вероятно, сюжет стихотворения подсказан судьбой картины Рафаэля «Святое семейство», находящейся в соборании Эрмитажа. В альбоме «Эрмитажная галерея» 1805 года об этой картине говорилось: «Неискусный какой-то живо-

писец, желая подновить её и не умея совместить работы своей с работой творца оной, всю её переписал снова, так что уж не видно было в ней кисти Рафаэля. Но когда господин Барруа ее купил, то Вандин, очистив ее от посторонней работы, возвратил свету подлинное ее письмо, которое, вместо повреждения, стало оттого гораздо свежее; наложенные на нее краски неискusstного живописца послужили ей покрывкою и сохранили ее от вредных действий воздуха».

Послание к кн. Горчакову («Питомец мод, большого света друг») (стр. 67). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в сборнике «Раут. Книга третья. Историч. и лит. сборник», изд. Н. В. Сушкова. М., 1854, стр. 248, с заглавием «К ***». Автографа не сохранилось. Адресовано лицейскому товарищу Пушкина А. М. Горчакову (см. Послания, ему адресованные, в томе II, стр. 326 и 503). *Где Бутурлин — невежд законодатель*, — Д. П. Бутурлин (1790—1849), флигель-адъютант, выступавший с посредственными сочинениями по военной истории, реакционер. *Где Шеппинг — царь, а скука — председатель*. — Барон Шеппинг (1790—1874), кавалергард, был в глазах Пушкина олицетворением скуки.

Баллада («Что ты, девица, грустна») (стр. 69). Датировано 2 мая 1819 года. При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч. АН, т. II, 1905, стр. 72. Автограф Пушкина, в котором первый стих написан рукой Жуковского, снабжен пометой А. Н. Оленина: «Сочинено на случай рождения Елизаветы Марк. Олениной во 2 день мая 1819 Жуковским и Пушкиным для шарады, изобретенной И. А. Крыловым, *Баллада*». Стихи эти были прочитаны Жуковским во время разыгрывания шарады.

1820 (ПЕТЕРБУРГ)

«Мне бой знаком — люблю я звук мечей» (стр. 70). При жизни Пушкина не печаталось. Автограф не сохранился. Опубликовано в Изд. Геннади, т. I, 1859, стр. 211. Стихотворение было прочитано на собрании общества «Зеленая лампа» и сохранилось в бумагах общества (ныне утрачено) на листке, оборот которого был занят недельным репертуаром Петербургского театра, относящимся к апрелю 1820 года. Идея войны за свободу, повидимому, связана с известиями об испанской революции.

* Эпиграмма («Всё пленяет нас в Эсфире») (стр. 71). При жизни Пушкина эпиграмма не печаталась. Автографа не сохранилось. Опубликовано в «Русской старине», 1879, июнь, стр. 380. Написано на актрису Колосову, со слов которой эпиграмма стала известна. А. М. Колосова (1802—1853), поступившая на петербургскую сцену в 1818 году, соперничала в трагических ролях с Екатериной Семеновой (1786—1849). 3 января 1819 года она играла главную роль в трагедии «Эсфирь» Расина. Пушкин считал ее посредственной подражательницей Е. Семеновой. Впоследствии, когда Колосова стала выступать в комедиях, Пушкин переменял мнение о ее даровании.

Дориде («Я верю: я любим; для сердца нужно верить») (стр. 72). Напечатано в «Невском зрителе», 1820. ч. 1, январь. стр. 96. Последний стих — цитата из XXV элегии Андре Шенье.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ГОДЫ

Ли ле («Лила, Лила, я страдаю») (стр. 73). Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 106, в отделе «Эпиграммы и надписи».

История стихотворца (стр. 74). Напечатано в «Соревнователе просвещения и благотворения», 1821, ч. 14, № 5, стр. 202.

Мадригал М...ой (стр. 75). Напечатано без подписи в «Невском зрителе», 1820, ч. 2, апрель, стр. 68. Принадлежность Пушкину устанавливается наличием этого текста в тетради, приготовленной к изданию стихотворений Пушкина в 1819—1820 году.

Именины (стр. 76). Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 108, в отделе «Эпиграммы и надписи». *Между тем дитя крылато* — бог любви Амур или Эрот.

К А. Б *** («Что можем наскоро стихами молвить ей?») (стр. 77). Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 111, в отделе «Эпиграммы и надписи».

* В альбом Сосницкой («Вы соединить могли с холодностью сердечной») (стр. 78). При жизни Пушкина напечатано не было. Автографа не сохранилось. Опубликовано в Соч., т. VI, 1857, стр. 81, с датой «1818», с заглавием «В альбом Е. Я. Сосницкой». Заглавие основано, повидимому, на знакомстве редактора (Анненкова) с автографом Пушкина в ныне потерянном альбоме, принадлежавшем петербургской актрисе Е. Я. Сосницкой (1800—1855). Пушкин встречался с Сосницкой в театральные круги в 1818—1820 годах.

* Эпиграмма («Всей России притеснитель») (стр. 79). При жизни Пушкина эпиграмма не печаталась. Опубликовано в сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия». Лондон, 1861, стр. 78. В одной из копий последний стих читается: «Службы фрунтовой солдат». Эпиграмма направлена против Аракчеева и распространялась в списках как агитационное произведение. *Преданный без лести* — девиз, который Аракчеев придумал для своего герба. Последний стих намекает на любовницу Аракчеева Настасью Минкину.

* Эпиграмма («Вот Хвостовой покровитель») (стр. 80). При жизни Пушкина эпиграмма не печаталась. Опубликовано в сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия». Лондон, 1861, стр. 86. Автографа не сохранилось. Распространялась в спи-

сках как эпиграмма на одного из главных исполнителей реакционной политики Александра А. Н. Голицына (1773—1844). *Хвостова* А. Н. (1768—1853) — хозяйка мистического салона и автор мистических брошюр. *Просвещения губитель*. — А. Н. Голицын был министром духовных дел и народного просвещения (1816—1824). Имеются в виду университетские события 1821 г., когда был разгромлен Петербургский университет, откуда были под предлогом вольномыслия удалены наиболее известные профессора. Такому же разгрому подвергся и Казанский университет. *Покровитель Бантыша*. — В. Н. Бантыш-Каменский (1778—1829), чиновник коллегии иностранных дел, назван здесь в связи с порочными наклонностями Голицына, о которых говорится в последних стихах эпиграммы. Ср. характеристику А. Н. Голицына в стих. «Второе послание к цензору», стр. 275.

Добрый совет («Давайте пить и веселиться») (стр. 81). При жизни Пушкина не печаталось. Автографа не сохранилось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 152.

Ты и я («Ты богат, я очень беден») (стр. 82). При жизни Пушкина не печаталось. Автограф не сохранился. Опубликовано впервые (11 стихов из 24) в «Библиографических записках», 1858, № 12, стлб. 369. Стихотворение распространялось в списках. Является сатирой на Александра I.

* Записка к Жуковскому («Штабс-капитану, Гете, Грею») (стр. 83). При жизни Пушкина не печаталось. Автографа не сохранилось. Опубликовано в «Русской старине», 1897, февраль, стр. 275. Судя по рассказу поэта Н. М. Коншина, Пушкин написал эти стихи на дверях у Жуковского, не застав его дома. *Штабс-капитаном* Пушкин именуется Жуковского за чин, который был у него во время Отечественной войны 1812 года. Пушкин называет Жуковского именами поэтов, которых он переводил (*Гете* и *Грей*).

Добрый человек (стр. 84). Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 102, в отделе «Эпиграммы и надписи».

* К портрету Дельвига («Се самый Дельвиг, тот, что нам всегда твердил») (стр. 85). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Сборнике Пушкинского Дома на 1923 год». Пг., 1922, стр. 1. Подписано под акварельным портретом поэта Дельвига, исполненным П. Л. Яковлевым (братом лицейского Яковлева). Надпись заключает в себе намек, до настоящего времени не вскрытый. Предположение, что речь идет о цареубийстве (Титом, по имени римского императора, именовали Александра I), не представляется убедительным, принимая во внимание шуточный характер надписи. «Надпись» написана в архаическом стиле подобных же надписей, принадлежащих перу мелких поэтов XVIII и начала XIX века, и представляет собой пародию на устарелый язык, свойственный, в частности, поэтам круга «Беседы».

• К портрету Чаадаева («Он вышней волею небес») (стр. 86). При жизни Пушкина напечатано не было. Автограф не сохранился. Опубликовано в «Вестнике Европы», 1871, июль, стр. 197.

*Стихотворения южного периода
(май 1820—июль 1824)*

1820 (ЮГ)

«Погасло дневное светило» (стр. 89). Напечатано в «Сыне отечества», 1820, № 46, стр. 272. Согласно сообщению Пушкина о том, что элегия написана «ночью на корабле» на пути из Феодосии в Гурзуф (письмо к брату от 24 сентября 1820 года), датируется 18—19 августа. В печати появилось с пометкой «Черное море 1820 Сентябрь». Месяц назван ошибочно или относится к окончательной обработке стихотворения.

«Я видел Азии бесплодные пределы» (стр. 91). При жизни Пушкина не печаталось. Впервые опубликовано в Соч. под ред. Морозова, т. III, 1903, стр. 111. Недоработанный отрывок, посвященный воспоминанию о первом посещении Кавказа в июне—начале августа 1820 года.

Нереида (стр. 92). Напечатано в альманахе «Полярная звезда» на 1824 год, стр. 29. Связано с пребыванием Пушкина на берегу Черного моря, в Гурзуфе.

«Редеет облаков летучая гряда» (стр. 93). Напечатано в «Полярной звезде» на 1824 год, стр. 198 (полностью). Вошло в «Стих.», 1826, без последних трех стихов. По поводу этих стихов Пушкин писал Бестужеву: «Ты напечатал именно те стихи, об которых именно я просил тебя: ты не знаешь, до какой степени это мне досадно... Мне случилось когда-то быть влюблену без памяти. Я обыкновенно в таком случае пишу элегии... ты осрамил меня в нынешней Звезде, напечатав 3 последние стиха моей элегии». В этих стихах заключается намек на Екатерину Николаевну Раевскую, которая любила показывать восход «своей звезды на небосклоне».

«Увы, зачем она блистает» (стр. 94). Напечатано в «Полярной звезде» на 1823 год, стр. 335. Судя по помете в рукописи «1820. Юрзуф», стихотворение датируется временем пребывания Пушкина в Гурзуфе (с 19 августа по 5—8 сентября 1820). По каким-то соображениям в «Стих.» 1826 датировано Пушкиным 1819 годом. В одной из рукописей имеется помета «8 февраля 1821, Киев», — повидимому, время окончательной обработки. Предполагалось, что в стихотворении говорится о Елене Николаевне Раевской, девушке, отличавшейся болезненностью. С большим основанием может быть отнесено к ее старшей сестре Екатерине, с болезнью которой связано пребывание всей семьи Раевских в Гурзуфе.

К *** («Зачем безвременную скуку») (стр. 95). Напечатано в «Московском вестнике», 1827, ч. 1, № 2, стр. 91. В «Стих.», ч. 1, 1829, стр. 142, помещено среди стихотворений 1821 года. Подвергалось переработке, дата которой проставлена в рукописи: 1 ноября 1826 года. Судя по положению в тетради черного автографа, написано в Гурзуфе и, следовательно, датируется второй половиной августа — первыми днями сентября 1820 года. Связано с «чуждой любовью» Пушкина, которая отразилась в целом ряде элегических произведений 1820—1822 годов. См. «Редет облаков летучая гряда».

«Мне вас не жаль, года весны моей» (стр. 96). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч. под ред. Морозова, т. I, 1887, стр. 230. Датировано Пушкиным «1820. Юрзуф. 20 октября». Дата и место написания взаимно исключают друг друга. Повидимому, здесь описка и следует читать 20 августа (т. е. сразу по приезде).

Дочери Карагеоргия (стр. 97). Написано в Кишиневе 5 октября 1820 года (помета на черном автографе). Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 166, в отделе «Послания». Посвящено дочери одного из сербских вождей, Георгия Петровича, прозванного Черным (Кара) за жесткий нрав. Карагеоргий убил своего отца, за то, что тот не хотел участвовать в борьбе за свободу, и повесил своего брата в припадке гнева (См. «Песню о Георгии Черном»). Именуя Карагеоргия «грозою луны», Пушкин имел в виду его борьбу с Турцией, угнетавшей славян (луна — эмблема магометанства). Судя по свидетельствам современников, образ дочери сербского вождя является фантастическим; Пушкин не был знаком с семьей героя, жившей в то время в Хотине.

К портрету Вяземского («Судьба свои дары явить желала в нем») (стр. 98). Напечатано в альманахе «Полярная звезда» на 1824 год, стр. 319, с названием «Надпись к портрету ***». Поэт П. А. Вяземский, принадлежавший к богатому княжескому роду — один из ближайших друзей Пушкина, — был знаменит в своем кругу остроумием, отразившимся в его эпиграммах и критических статьях.

Черная шаль (стр. 99). Датировано Пушкиным 14 ноября 1820 года. Напечатано в «Сыне отечества», 1821, № 15, стр. 142—143, с подзаголовком «Молдавская песня». Перепечатано с поправками и пометой «Кишинев 1820 год ноября 14» в «Благонамеренном», 1821, № 10, стр. 142. К заглавию сделано примечание: «Напечатана с ошибками в 15 № «Сына отечества». Прим. Соч.»

* Эпиграмма («Когда б писать ты начал сдуру») (стр. 101). При жизни Пушкина эпиграмма не печаталась. Впервые — в «Русском архиве», 1865, № 12, стлб. 1529.

* Эпиграмма («Хаврониос! Ругатель закоснелый») (стр. 102). При жизни Пушкина эпиграмма не печаталась. Опубликовано в «Русском архиве», 1865, № 12, стлб. 1529. Речь идет о Каченовском, о чем свидетельствует «греческая» форма имени (Каченовский был

грек), произведенного от русской Хавроньи — свињи. Эпиграмма выведена враждебно-невежественной критикой на поэму «Руслан и Людмила» в журнале «Вестник Европы», редактором которого был Каченовский.

* Эпиграмма («Как брань тебе не надоела?») (стр. 103). Датировано Пушкиным 1820 годом. Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 116, в отделе «Эпиграммы и надписи». Эпиграмма на критика, обвинявшего Пушкина в легкомыслии. Эпиграммы «Князь Г. — со мною незнаком» (1821) и «Хоть, впрочем, он поэт изрядный» (1821) имеют то же содержание, и, повидимому, имеют в виду то же лицо. В этих двух эпиграммах речь идет о каком-то князе (см. примечание к стихотворению «Хоть, впрочем, он поэт изрядный»). Возможно, что все эти эпиграммы, так же как аналогичная эпиграмма Баратынского «Так, он ленивец, он негодник» (1821), направлены против журналиста и критика «Благонамеренного» князя Н. А. Церетелева (1789—1869), выступавшего в 1818—1820 годах в реакционном лагере «Вольного общества любителей российской словесности» против передовой группы литераторов пушкинского круга и печатавшего свои критические замечания под псевдонимом «Житель Васильевского острова» («Благонамеренный», 1821). Эти выступления и статьи состояли из обвинений в легковесности и бессодержательности поэзии и были направлены в адрес Пушкина и его друзей-поэтов.

Эпиграмма («В жизни мрачной и презренной») (стр. 104). При жизни Пушкина эпиграмма не печаталась. Опубликовано в «Русском архиве», 1865, № 12, стлб. 1529. Направлена против Ф. И. Толстого (1782—1846). Толстой был известен своими кутежами, дуэлями и нечистой игрой в карты. Он был разжалован из гвардии, много путешествовал, побывал даже на Алеутских островах (отсюда кличка «американец»). Пушкин считал его своим приятелем, но вскоре после ссылки на юг до него дошли слухи о клевете, которую распространял о нем Толстой. Эта эпиграмма и подобная же характеристика в послании к Чаадаеву (1821) явилась, по словам Пушкина, «мщением», стремлением «резкой обидой отплатить за тайные обиды» (письмо к Вяземскому 1 сентября 1822). Характеристика Толстого, подобная пушкинской, дана Грибоедовым в «Горе от ума» («Ночной разбойник, дуэлист, в Камчатку сослан был, вернулся алеутом. И крепко на руку нечист»).

1821

Земля и море (стр. 105). Датировано Пушкиным 8 февраля 1821 года. Напечатано в «Новостях литературы», 1825, кн. XI, стр. 27. В «Стих.», 1826, стр. 133, вошло в отдел «Подражания древним», с подзаголовком (в оглавлении) «Идиллия Мосха». Является вольным переложением одноименной идиллии Мосха, сиракузского идиллика II в. до н. э.

Муза («В младенчестве моем она меня любила») (стр. 106). Датировано Пушкиным 14 февраля 1821 года. Напечатано в «Сыне

отечества», 1821, № 23, стр. 132—133, с пометой «Кишинев. Апреля 5 1821» (повидимому, дата доработки стихотворения).

Красавица перед зеркалом (стр. 107). Датировано Пушкиным 9 февраля 1821 года. Напечатано в «Соревнователе просвещения и благотворения», 1825, ч. 29, № 3, стр. 295.

«Я пережил свои желанья» (стр. 108). Датировано Пушкиным 22 февраля 1821 года. Напечатано в «Новостях литературы», 1823, кн. VI, № 48, стр. 114, с заглавием «Элегия». В беловом автографе носит название «Элегия (Из поэмы Кавказ)». Наброски двух первых строф стихотворения находятся на полях рукописи «Кавказского пленника», против стихов «Без упоенья, без желаний» и след. (ч. II, стихи 54—60). Повидимому, является вариантом указанных стихов поэмы, обработанным в качестве отдельного стихотворения.

Война (стр. 109). Датировано Пушкиным 29 ноября 1821 года. Напечатано в «Полярной звезде» на 1823 год, стр. 388, с заглавием «Мечта война». О тексте, опубликованном в альманахе, Пушкин писал брату (30 января 1843): «Мечта война» привела в задумчивость война, что служит в иностранной коллегии и находится ныне в бессарабской канцелярии. Эта Мечта напечатана с ошибочного списка — призванье вместо взыванье, *тревожных дум*, слово, употребляемое знаменитым Рылеевым, которое по-русски ничего не значит. *Воспоминание и брата и друзей* стих трогательный, а в Звезде просто плоский». В «Стих.», 1826, стр. 12, вошло с заглавием «Война» (в отделе «Элегии»). Стихотворение связано со слухами о олизкой войне с Турцией в помощь восставшим грекам.

Дельвигу («Друг Дельвиг, мой парнасский брат») (стр. 111). Датировано Пушкиным 23 марта 1821 года. При жизни Пушкина не печаталось. Впервые напечатано в «Москвитянине», 1854, № 5, кн. I, отд. IV, стр. 4. Составляет начало письма к Дельвигу. Переписано Пушкиным в качестве стихотворения с заглавием «Дельвигу» и пометой «1821 в марте». *Тимковский И. О.* — петербургский цензор в годы 1804—1821, отличавшийся придирчивостью.

* Из письма к Гнедичу («В стране, где Юлией венчаный») (стр. 112). Датировано Пушкиным 24 марта 1821 года (дата письма). При жизни Пушкина не печаталось. Впервые опубликовано Я. К. Гротом в сборнике «Складчина», СПб., 1874, стр. 369. Является ответом на письмо Н. И. Гнедича (1784—1833), поэта, знаменитого переводчика «Илиады». Пушкин называл в своем ответе письмо Гнедича «вдохновенным» и благодарил его «за воспоминания, за дружбу, за хвалу, за упреки». Судя по ответу, Гнедич писал Пушкину о его высоком назначении и восхвалял независимость поэта. Пушкин сопоставляет себя с римским поэтом Овидием Назоном (который был сослан якобы в те же молдавские степи, куда был сослан Пушкин) и порицает малодушие Овидия, обращавшегося к своему гонителю императору Октавиану Августу с униженными просьбами о прощении. *Орлов М. Ф.* (1788—1842) возглавлял

кишиневский круг будущих декабристов. В его доме постоянно собиралось передовое общество, велись политические споры. *От звонких уз освободил*. — Речь идет о том, что Гнедич переводил «Илиаду» гекзаметром, а не стеснительным рифмованным александрийским стихом, как переводили античных поэтов до того времени и как, в частности, переводил «Илиаду» Костров. *Ханжи и гордого глумца* — так именует Пушкин Александра I и его приближенных.

К и н ж а л (стр. 114). При жизни Пушкина не печаталось. Имело широкое распространение в списках в качестве агитационного произведения. Опубликовано Герценом в альманахе «Полярная звезда» на 1856, кн. II, стр. 8—9. *Лемносский бог тебя сковал* — Гефест, или Вулкан; в греко-римской мифологии считался искуснейшим кузнецом. *Шумит под Кесарем заветный Рубикон* и след. — Речь идет о полководце Юлии Цезаре, который, нарушив постановление сената в 48 году до н. э., перешел с войсками запретную границу римских владений (реку Рубикон), начал гражданскую войну, сосредоточил в своих руках государственную власть и провозгласил себя императором. Он пал в 44 году от руки Брута, стремившегося восстановить республику (по преданию, Цезарь был убит в сенате у подножия статуи Помпея). *Исчадь мятежей* и след. — Под влиянием антиякобинской литературы Пушкин считал Марата губителем свободы, а Шарлотту Кордэ (*дева Эвменида*) защитницей революционной законности. Отрицательное отношение к якобинской диктатуре было свойственно и декабристам. *Юный праведник*. — Патриотически настроенный немецкий студент Карл-Людвиг Занд в марте 1819 года заколол реакционного писателя Коцебу, являвшегося тайным политическим агентом Александра I. Занд был казнен 20 мая 1820 года.

* **Э п и г р а м м а** («Князь Г. — со мною незнаком») (стр. 116). При жизни Пушкина эпиграмма не печаталась. Опубликовано в Соч. под ред. Морозова, т. I, 1887, стр. 256. Представляет собой черновой набросок. Возможно, что имеется в виду Цертелев (см. примечание к стих. «Как брань тебе не надоела», стр. 770).

* **Э п и г р а м м а** («Хоть, впрочем, он поэт изрядный») (стр. 117). Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 114, в отделе «Эпиграммы и надписи». *Эмилей*, в черновике *Людмилиин* — автор «Руслана и Людмилы», Пушкин. В черновике эпиграммы Пушкина критик назван *князем*. Возможно, что эпиграмма направлена на князя Цертелева (см. примечание к стих. «Как брань тебе не надоела» стр. 770).

* **В. Л. Давыдову** («Меж тем как генерал Орлов») (стр. 118). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Русской старине», 1884, апрель, стр. 92. Адресовано В. Л. Давыдову. Принадлежит к южному тайному обществу, Давыдов состоял председателем каменной управы и тульчинской думы. На его половине в каменной усадьбе (близ Чигирина, Киевской губ.) происходили «шумные беседы», о которых пишет Пушкин. Бывший гусар Давыдов был не только политическим деятелем, но веселым, изобретательным собеседником.

Меж тем как генерал Орлов и след. — писано незадолго до женьбы М. Орлова на Екатерине Николаевне Раевской. *Безрукий князь* — Александр Ипсиланти, потерявший руку во время Отечественной войны. *Митрополит, седой обжора* — Гавриил Банулеско, митрополит Молдаво-валахский, умер 30 апреля 1821 года. *Говеев Инзов* — Иван Никитич Инзов (1768—1845), наместник Бессарабии. В его распоряжении находился Пушкин, к которому Инзов относился с отеческим участием, считая, однако, своим долгом призывать поэта к исполнению религиозных обрядов, которые сам исполнял неукоснительно. *Те и та* — итальянские карбонарии, возглавившие неаполитанскую революцию в июле 1820 года. В марте 1821 восстание в Неаполе было подавлено австрийскими войсками.

Дева (стр. 120). Напечатано в «Соревнователе просвещения и благотворения». 1825, ч. 29, № 3, стр. 295. В «Стих.», 1826, стр. 130, вошло в отдел «Подражания древним».

«В кругу семей, в пирах счастливых (стр. 121). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в виде сводки черновых набросков в статье С. М. Бонди «Неосуществленное послание Пушкина к Зеленой лампе» (Пушкин. Временник Пушкинской Комиссии, вып. I, 1936, стр. 47—50). Печатается по автографам (двум черновикам). Стихи об актрисе Семеновой «Всё так же осеняют своды» печатались как самостоятельный отрывок. О том, что эти стихи входят в данное послание, высказал предположение С. М. Бонди в указанной статье. Является отрывком послания к петербургским друзьям, членам общества «Зеленая лампа» и другим. В письме с юга в начале 20-х годов Пушкин сетовал, что друзья его забыли. Так, он писал брату: «Постарайся свидеться с Всеволожским. . . Скажи ему, что я люблю его, что он забыл меня, что я помню вечера его, любезность его. . . Лампу его. . . и т. д.» Судя по положению основного черновика в рукописи, наброски послания писаны еще весной 1821 года. Молчание друзей охладило Пушкина, и он не стал продолжать работу над посланием, но, как всегда это делал, изымал из черновика стихи для новых замыслов. В апреле 1821 года он написал послание Катенину («Кто мне пришлет ее портрет»), поместив в него с некоторыми поправками восемь стихов: «С досады, может быть неправой» и следующие, ранее входившие в послание. Вероятно, тогда же было написано послание Ф. Ф. Юрьеву, куда перенесен стих «Любимец ветреных Лаис», и перефразирована характеристика Юрьева. 26 сентября 1822 года Пушкин ответил члену «Зеленой лампы» Я. Н. Толстому на его деловое письмо, приписав: «Ты один из всех моих товарищей, минутных друзей минутной младости, вспомнил обо мне кстати и некстати. Два года и шесть месяцев не имею от них никакого известия, никто ни строчки, ни слова. . .» После этих слов Пушкин поместил обработанный отрывок из этого послания (см. стих. «Из письма Я. Н. Толстому», стр. 186). *Горишь ли ты, лампада наша*. — Пушкин спрашивает, происходят ли заседания общества «Зеленая лампа». Ему не было известно, что общество закрылось после его отъезда осенью 1820 года из опасения полицейских розысков. *Где ты, приют гостеприимный* — дом Н. В. Всеволожского, где со-

биралась «Зеленая лампа» и происходили веселые пирушки (см. примечание к посланию Всеволожскому, стр. 763). *Где в колпаке за круглый стол*. — Речь идет о дружеских, вольнодумных беседах (красный фригийский колпак со времени Французской революции был символом политической свободы). *Амфитрион веселый* — гостеприимный, радушный хозяин (Мольер изобразил легендарного греческого царя Амфитриона в своей комедии; там говорится: «Настоящий Амфитрион — это тот, у которого обедают»). *Счастливец, добрый, умный враль*. — Н. В. Всеволожский был богат и беззаботен, но в то же время имел серьезные интересы. Слова «враль», «врать» в шутку применялись к радикальным и революционным суждениям (с точки зрения власти всё это было «враньем»). *Недавний рекрут Гименея*. — Брат Никиты Всеволожского Александр женился в ноябре 1820 года. *Прелестный Адонис* — Юрьев (см. послания «Юрьеву»). *И ты, о гражданин кулис и след*. — Д. Н. Барков (1796—1852), офицер, переводчик пьес и страстный театрал. На собраниях «Зеленой лампы» он читал театральные обозрения и другие произведения о театре. Разделяя мнения Катенина, Барков был поклонником Колосовой, о которой идет речь в дальнейших стихах (стих. «Всё пленяет нас в Эсфири» и «Кто мне пришлет ее портрет»). *Вот храм парнасских трех цариц* — т. е. театр. В Петербургском Большом театре шли постановки трагедий, комедий и балета, покровительницами которых, по мифологии, считались музы Мельпомена, Талия и Терпсихора. *Ужель умолк волшебный глас и след*. — До Пушкина дошли слухи о том, что трагическая актриса Семенова покинула сцену. Действительно, она временно оставила сцену в январе 1820 года. *Младой Катенин воскресит* — поэт П. А. Катенин, знаток театра и театральный переводчик, в 20-х годах работал за классический театр. Семенова играла в пьесах, которые резко критиковал Катенин, осуждавший заодно и ее игру. Пушкин, зная, что Катенин был сторонником Колосовой, а не Семеновой, тем не менее говорит, что именно Семенова должна играть в пьесах классического репертуара и что ее игра заставит Катенина поверить в ее талант.

Юрьеву («Любимец ветреных Лаис») (стр. 124). Автограф не сохранился. Напечатано Ф. Ф. Юрьевым в виде отдельной брошюры в два полулиста, без разрешения цензуры и без указания места и года печатания (ныне сохранилось лишь два экземпляра этого издания). Адресовано Ф. Ф. Юрьеву (см. стих. «Здорово, Юрьев, именинник!», стр. 51, и примечание, стр. 762). На печатном экземпляре стихотворения, хранящемся в Пушкинском Доме, имеется надпись, сделанная Ф. Ф. Юрьевым: «А. Пушкин 1821 года». Эта дата подтверждается тем, что первый стих буквально совпадает со стихом из характеристики Юрьева в послании «В кругу семей, в пирах счастливых» (1821). *На легких играх Терпсихоры*. — Юрьев был любителем балета и молодых танцовщиц.

Катенину («Кто мне пришлет ее портрет») (стр. 126). Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 155, в разделе «Послания». Адресовано П. А. Катенину (1792—1853), литератору и театральному деятелю. Речь идет о портрете артистки Колосовой (см. стих. «Всё пленяет

нас в Эсфири», стр. 70, и «Из письма к Я. Н. Толстому», стр. 186). Колосова была ученицей (в драматическом искусстве) Катенина и конкурировала с Семеновой. *Я свистом гимны заглушил*. — Вероятно, имеется в виду эпиграмма «Всё пленяет нас в Эсфири». *Селимена* — главная женская роль в комедии Мольера «Мизантроп». В первоначальной редакции было «Мельпомена», замененное Пушкиным в 1825 году, при переработке стихотворения. Первоначально Колосова играла только в трагическом репертуаре; в роли Селимены она выступила с успехом в конце 1823 года, а затем вообще перешла на комедийные роли. *Моина* — главная женская роль в трагедии Озерова «Фингал».

К моей чернильнице (стр. 127). Датировано Пушкиным «Кишинев 11 апреля 1821». При жизни Пушкина не печаталось. Впервые опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 245. Стихотворение сохранилось не полностью (см. указание в тексте). *Я слышу нежны пени*. — Речь идет об упреках друзей, в частности Чаадаева (см. примечание к следующему стихотворению), что Пушкин забыл о них.

Чаадаеву («В стране, где я забыл тревоги прежних лет») (стр. 130). Датировано Пушкиным 6 апреля 1821 года. Напечатано в «Сыне отечества», 1821, № 35, стр. 82, с цензурными изъятиями. Обращено к Чаадаеву (см. стих. «Любви, надежды, тихой славы», стр. 20). В своем дневнике от 2 апреля 1821 года Пушкин писал: «Получил письмо от Чаадаева. — Друг мой, упреки твои жестоки и несправедливы, никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мне заменила счастье, одного тебя может любить холодная душа моя. Жалею, что не получил от меня писем: они его бы обрадовали. Мне надобно его видеть. Или философа, который в прежни лета и след — Толстого Ф. И. (см. эпиграмму «В жизни мрачной и презренной»). Оратор Лужников — Каченовский; Пушкин считал его автором статей в «Вестнике Европы» за подписью «Лужницкий старец». Шеплинг — барон, кавалергардский офицер, уже упомянутый Пушкиным в качестве навязчивого, надоедливого человека (см. «Послание к кн. Горчакову. Питомец мод, большого света друг», стр. 67, и примечание, стр. 765).

«Кто видел край, где роскошью природы» (стр. 133). При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 125, под заглавием «Желание». Стихотворение, возможно, является частью неосуществленного введения в крымскую поэму «Бахчисарайский фонтан». В стихотворении описаны впечатления от Крыма, главным образом от Гурзуфа.

«Раззевавшись от обедни» (стр. 135). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в неполном виде в «Русском архиве», 1881, кн. I, стр. 217, полностью — в «Русской старине», 1884, апрель, стр. 96. Черновой набросок сатирического стихотворения. Катакази К. А. — Кишиневский губернатор, грек. *Маврогений* Петераки — бессарабский помещик, грек. В *круглой соседке* предполагают Богдан, вдову молдаванского боярина. *Тадавашка* — Ф. Е. Крупенский, молдаванский боярин, влюбленный

в жену кишиневского чиновника Ив. Ив. Эйхфельда Марию Егоровну (гречанку, прозванную «еврейкой»). *Кишиневская Жанлис* — Тарсис Катакази, сестра губернатора, некрасивая пожилая особа, славившаяся в Кишиневе своей образованностью и прозванная именем французской писательницы Жанлис (1746—1830), автора многочисленных нравоучительных сочинений.

«Недавно бедный музульман» (стр. 137). При жизни Пушкина отрывок не печатался. Опубликовано в «Русской старине», 1884, апрель, стр. 94. Черновой перевод начала французской стихотворной сказки Сенесе «Каймак, или Потерянное доверие». Перевод очень вольный, местами далекий от подлинника. Действие перенесено из Бруссы в Гурзуф (Крым). Окончание сказки: Мехмет добывает каймак, но во время его сна змея съедает каймак и дает за него Мехмету золотую монету. Мехмет носит змею каймак, получая за него монеты. Отправившись в Мекку, он поручает сыну носить змею каймак. Но сын пытается убить змею и гибнет сам. Мехмет возвращается, но змея распространяет свой гнев и на него.

Вяземскому («Язвительный поэт, остряк замысловатый») (стр. 139). При жизни набросок не печатался. Опубликовано в «Русском архиве», 1881, кн. I, стр. 441. Представляет собой наиболее законченный отрывок из наброска послания к Вяземскому, где Пушкин сравнивает сатирическую манеру Вяземского со своей (см. «Из других редакций», стр. 736).

«Эллеферия, пред тобой» (стр. 140). При жизни Пушкина отрывок не печатался. Частично опубликован в «Русской старине», 1884, апрель, стр. 94. Полностью — в Соч. под ред. Морозова, т. I, 1903, стр. 631. *Эллеферия* — по-гречески свобода.

«Примите новую тетрадь» (стр. 141). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. VII, 1857, стр. 85, в виде двух отрывков: «Примите новую тетрадь» и «О вы, которые любили», с цензурными сокращениями, под заголовком «Приписки к Кавказскому пленнику». В виде двух стихотворений печаталось до последнего времени, хотя рукопись показывает, что это одно стихотворение, писанное в два приема. Первоначально Пушкин написал 11 стихов, а затем, во второй прием, исправил последние стихи написанного и продолжил стихотворение. Эти поправки почему-то не принимались во внимание. Из соображений цензурного порядка П. В. Анненков объяснял стихи как ответ на критики «Руслана и Людмилы». В действительности это, несомненно, посвящение «тайного» произведения. По времени написания и по содержанию в этих стихах характеристике («архивы ада»), таким произведением может быть только «Гавриилиада».

«Вот муза, резвая болтунья» (стр. 142). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Русской старине», 1884, апрель, стр. 97. Стихотворение адресовано, повидимому, кишиневскому приятелю Пушкина Алексею (см. послание «Алексееву» стр. 159) при передаче ему поэмы «Гавриилиада».

Дионея (стр. 143). Напечатано в «Новостях литературы», 1825, кн. XI, № 4, апрель, стр. 50, в ранней редакции. В «Стих.» 1826, стр. 128, вошло в переработанном виде, в отдел «Подражания древним».

«Если с нежной красотой» (стр. 144). При жизни Пушкина набросок не печатался. Опубликовано в книге С. М. Бонди «Новые страницы Пушкина». М., 1931, стр. 75.

* Денису Давыдову («Певец-гусар, ты пел биваки») (стр. 145). При жизни Пушкина набросок не печатался. Опубликовано в «Русском архиве», 1881, кн. 1, стр. 218. Кроме двух четверостиший, составляющих начало послания, набросок представляет собой несводимые наброски стихов, по большей части неполных. Здесь же имеются два стиха к посланию, написанные в другом стихотворном размере:

Я слушаю тебя и сердцем молодею.
Пиров и радостей блистательный певец.

Набросок к посланию Денису Давыдову, поэзию которого Пушкин очень ценил (см. стих. «Тебе, певцу, тебе, герою!» стр. 708). Поводом к посланию была встреча поэтов в Киеве в начале 1821 года.

Генералу Пушину («В дыму, в крови, сквозь тучи стрел») (стр. 146). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано впервые в «Вестнике Европы», 1874, январь, стр. 40. Обращено к П. С. Пушину (1785—1865), который служил в Кишиневе командиром бригады под начальством М. Ф. Орлова и был членом Союза благоденствия. В Кишиневе основал масонскую ложу «Овидий», в которой состоял с 4 мая 1821 года и Пушкин. Послание написано по поводу основания ложи, которую Пушкин рассматривал как политическую организацию. После декабрьских событий (в январе 1826) он писал Жуковскому, перечисляя факты, по которым он мог быть обвинен в процессе декабристов: «В Кишиневе я был дружен с майором Раевским, с генералом Пушным и Орловым. Я был масон в Кишиневской ложе, т. е. в той, за которую уничтожены в России все ложи». *Квируга* или *Кирога* (1784—1841) — испанский генерал, участник восстания в Кадиксе в 1820 году. *Ты молоток возьмешь во длань*. — Молоток был принадлежностью обрядов в собраниях масонов («вольных каменщиков»).

«Умолкну скоро я. Но если в день печали» (стр. 147). Датировано Пушкиным 23 августа 1821 года. Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 15, в отделе «Элегии».

«Мой друг, забыты мной следы минувших лет» (стр. 148). Датировано Пушкиным 24, в ночь на 25 августа 1821 года. Напечатано в «Новостях литературы», 1826, кн. XI, № 3, март, стр. 149; в «Стих.», 1826, стр. 8, в отделе «Элегии».

Гроб юноши (стр. 149). Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 16, в отделе «Элегии». Тема умирающего юноши была одной из наи-

более характерных для мечтательных элегий 20-х годов (ср. элегию Батюшкова «Последняя весна»). Пушкин придал ей своеобразие деталями русского деревенского пейзажа с изображением девушки, идущей босиком в лес по малину. Эти подробности заставляют отвергнуть привычное утверждение, что элегия посвящена памяти Корсакова, умершего во Флоренции осенью 1820 года. См. посвященные Корсакову стихи в стихотворении «19 октября» (1825 года). Утверждение это ведет начало от предположения П. В. Анненкова (в Соч. 1855), что смерть Корсакова могла внушить Пушкину самую тему смерти юноши.

На поле он («Чудесный жребий совершился») (стр. 151). Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 31, с большими цензурными пропусками (строфы 4—6: от стиха «Когда надеждой озаренный» до «Их цепи лаврами обвил», строфа 8-я: «И се в величии постыдном» и стих в строфе 10 «Померкни, солнце Австерлица»). В первоначальную редакцию (1821 года) не входили строфы 13—14 («Искуплены его страданья» и «Где, устремив на волны очи»). Они являются переработанными стихами из первоначальной редакции стихотворения «К морю» и написаны в 1824 году. В черновой рукописи эпиграф «*ingrata patria*». * Стихотворение вызвано известием о смерти Наполеона, последовавшей 5 мая 1821 года на о. Св. Елены, на Атлантическом океане («среди пустынных волн»). *Тильзит!.. при звуке сем обидном.* — Речь идет о мире, заключенном между Францией и Россией и ее союзницей Пруссией 8 июля 1807 года в Тильзите; мирный договор был невыгоден и унизителен для России. *Померкни, солнце Австерлица.* — Перед началом Бородинского сражения Наполеон, уверенный в победе, сказал, когда утром показалось солнце: «Солдаты, это солнце Аустерлица».

«Гречанка верная! не плачь, — он пал героем» (стр. 155). При жизни Пушкина набросок не печатался. Первые три стиха опубликованы в сборнике «Пушкин и его современники», вып. XII, 1909, стр. 21. Полностью — в Соч. АН, т. III, 1912, стр. 189. Набросок связан с событиями греческого восстания 1821 года. *Как Аристокитон, он миртом меч обвил.* — Речь идет об афинском юноше, прославившем себя в качестве борца против тирании (начало VI в. н. э.). В день праздника Панафиной (соревнования в честь богини Афины) Аристокитон и его брат Гармолий направили свои мечи (увитые миртами, как у победителей в состязаниях) на тиранов Гиппарха и Гиппия. Гиппарх был уничтожен, Аристокитон убит охраной тиранов.

Приметы («Старайся наблюдать различные приметы») (стр. 156). Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 132, в отделе «Подражания древним».

Кокетке (стр. 157). При жизни Пушкина не печаталось. Впервые опубликовано в Соч., т. VII, 1857, стр. 27. В одной из черновых рукописей озаглавлено «К Аглае». Вероятно, адресовано Аглае

* Неблагодарное отечество. (Латинск.) — *Ред.*

Антоновне Давыдовой — француженке, жене хозяина Каменки А. Л. Давыдова (брата декабриста). Она отличалась очень свободным поведением (см. стих. «Иной имел мою Аглаю», стр. 177). *Простодушная Аньеса* — главное действующее лицо комедии Мольера «Школа жен», тип наивной девушки. *Клеон* — обычное имя молодого человека в старых комедиях. Роль *наперсницы*, поверенной в сердечных делах героини, в комедиях совпадала с ролью служанки.

Алексееву («Мой милый, как несправедливы») (стр. 159). Напечатано в «Полярной звезде» на 1825 год, стр. 109. Варианты ранней редакции см. стр. 737. Послание адресовано Н. С. Алексею (1789—1850), приятелю Пушкина по Кишиневу. У Алексеева в Кишиневе был роман с М. Е. Эйхфельдт, и он боялся соперничества Пушкина. *Нельзя ль найти подруги нежной* и след. — цитаты из послания Баратынского «Коншину» («Пора покинуть, милый друг»).

Приютелю («Не притворяйся, милый друг») (стр. 161). Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 118, в отделе «Эпиграммы и надписи». Адресовано Н. С. Алексею. Речь идет, повидимому, о М. Эйхфельдт, в которую был влюблен Алексеев (см. примечание к предыдущему стихотворению).

Десятая заповедь (стр. 162). При жизни Пушкина не печаталось. Автограф не сохранился. Опубликовано по копии в «Библиографических записках», 1858, № 11, стлб. 342. Стихотворение представляет собой пародию на десятую заповедь Моисея (Библия): «Не пожелай жены ближнего твоего, не пожелай дому ближнего твоего, ни осла его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни всякого скота его».

* Эпиграмма («Клеветник без дарованья») (стр. 163). При жизни Пушкина эпиграмма не печаталась. Опубликовано в «Библиографических записках», 1858; № 1, стлб. 6. Направлена против Каченовского (см. стр. 758), о чем сказано Пушкиным в письмах к брату от 24 января 1822 и к Вяземскому 1823 года (март) при посылке самой эпиграммы. Поводом к написанию явилось *ежемесячное вранье* о писателях круга Пушкина и о нём самом. В мартовской книжке «Вестника Европы» 1821 года появилось письмо «Юноши Белого города» к «Лужницкому старцу», где говорилось, что «известная всем поэма «Руслан и Людмила», может быть, своею известностью не столько обязана собственным достоинствам, сколько критике, антикритике и анти-антикритикам». И «что сии шумные споры заставляют каждого прочесть ее». В следующем номере появилось письмо этого же автора против баллад Жуковского. В майском номере напечатано «Послание к Птелинскому-Ульминскому» С. Аксакова, являющееся пародией на «Послание к М. Т. Каченовскому» Вяземского, напечатанное в «Сыне отечества», 1821, № 2 (см. о характере пушкинских эпиграмм на Каченовского в «Других редакциях» стих. «Язвительный поэт, остряк замысловатый», стр. 736).

Эпиграмма («Лечись — иль быть тебе Панглосом») (стр. 164). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в

«Русском архиве», 1881, кн. I, стр. 219. *Панглос* — персонаж из романа Вольтера «Кандид», ученый оптимист, лишившийся по болезни носа.

На трагедию гр. Хвостова, изданную с портретом Колосовой (стр. 165). При жизни Пушкина напечатано не было. Автограф не сохранился. Опубликовано в письме П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 15 сентября 1824 года в «Остафьевском архиве князей Вяземских», т. III, 1899, стр. 83, где стихотворение названо «одесским гостинцем». *Трагедия Хвостова* — его перевод «Андромахи» Расина. Портрет Колосовой в роли Гермионы был приложен к изданию «Андромахи» 1821 года, и, вероятнее всего, стихотворение написано в том же году; в списке В. Ф. Вяземской, сделанном ею в Одессе в 1823—1824 годах, это стихотворение находится рядом со стихотворениями 1821 года «Катенину» («Кто мне пришлет ее портрет») и «Иной имел мою Аглаю». Вяземский сообщил это стихотворение Тургеневу, повидимому, на основании этого самого списка, который жена ему показала, вернувшись из Одессы в сентябре 1824 года.

Чиновник и поэт (стр. 166). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Звезде», 1930, № 7, стр. 216. В последних трех стихах речь идет о молдавском разбойнике, участнике греческого восстания Георгии Кирджали. После поражения гетеристов Кирджали скрывался, был пойман, посажен в тюрьму и выдан русскими властями туркам. Пушкин в повести «Кирджали» указывает время: «в 1821 году, в одно из последних чисел сентября». Эта дата и определяет время написания отрывка, хотя существуют показания, что Кирджали был пойман в 1823 году; но так как имя Кирджали стало в 20-х годах нарицательным для разбойников-повстанцев и речь могла идти о любом из них, нет оснований оспаривать дату Пушкина.

«В твою светлицу, друг мой нежный» (стр. 167). Черновой набросок, впервые опубликованный В. Е. Якушкиным в «Русской старине», 1884, кн. 4, стр. 99.

К Овидию (стр. 168). Датировано Пушкиным 26 декабря 1821 года. Напечатано в альманахе «Полярная звезда» на 1823 год (подпись: **). В первоначальной редакции вместо последних шести стихов были два следующие:

Но не унизил век изменой беззаконной
Ни гордой совести, ни лиры непреклонной.

Замена этих стихов, повидимому, вызвана цензурными условиями. Пушкин придавал стихотворению большое значение. Он писал брату в связи с появлением в печати послания: «Каковы стихи к Овидию — душа моя, и Руслан, и Пленник, и Noël, и всё дрянь в сравнении с ними». Стихотворение носит автобиографический характер (сопоставление ссылки Овидия с собственной участью, с подчеркиванием нежелания Пушкина обращаться к милости императора; см. об этом же стих. «В стране, где Юлией венчанный», стр. 112).

В основу послания Пушкин положил сведения о пребывании Овидия в изгнании, заимствованный из Книги его элегий «Tristia» — «Скорби» и «Посланий с берегов Понта». Пушкин сохранил в своих стихах исторически ошибочное предположение, что место ссылки Овидия было в пределах Бессарабии; это было необходимо для темы послания. Возможно, что в какой-то мере в послании имелась в виду и судьба поэта Баратынского, принужденного за юношескую провинность отбывать солдатчину в Финляндии. Как известно, Пушкин называл Баратынского «Овидием живым» (см. послание «Баратынскому из Бессарабии», стр. 175).

1822

Песнь о вещем Олеге (стр. 171). Датировано Пушкиным 1 марта 1822 года. Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1825 год, стр. 253. Сюжетом баллады послужил легендарный рассказ по так называемой «Львовской летописи». Пушкин писал Бестужеву в январе 1825 года: «Тебе, кажется, Олег не нравится; напрасно. Товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе есть черта трогательного простодушия, да и происшествие само по себе в своей простоте имеет много поэтического».

Баратынскому («Сия пустынная страна») (стр. 175). Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1826 год, стр. 29. Вошло в «Стих.», ч. I, 1829, стр. 166, в отдел стихотворений 1822 года. Адресовано поэту Баратынскому, который в это время отбывал солдатчину в Финляндии, что приравнялось к ссылке. Пушкин именует Баратынского «Овидием», как ссылного поэта-элегика.

Ему же («Я жду обещанной тетради») (стр. 176). Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1826 год, стр. 29, на одной странице с посланием «Баратынскому из Бессарабии». Адресовано Баратынскому, которого Пушкин именует «трубадуром» за его любовные элегии.

*Эпиграмма («Иной имел мою Аглаю») (стр. 177). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Библиографических записках», 1858, № 1, стлб. 6, в тексте письма П. А. Вяземскому от марта 1823 года. Эпиграмма на Давыдову Аглаю Антонову. Давыдова была предметом нескольких злых эпиграмм Пушкина как особа беззастенчивая и не заботившаяся о чести своего мужа (см. стих. «Кокетке», стр. 157).

* Эпиграмма («У Кларисы денег мало») (стр. 178). Датировано Пушкиным январем 1822 года. Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 101, в отделе «Эпиграммы и надписи».

Друзьям («Вчера был день разлуки шумной») (стр. 179). Датировано Пушкиным 15 февраля 1822. Напечатано в альманахе «Полярная звезда» на 1824 год, стр. 24. В рукописи имеет заглавие «Кеку, Полторацким и Горчакову». Посвящено пирушке, которую приятель Пушкина офицер генерального штаба М. А. Полторацкий

устроил по поводу отъезда из Кишинева своего товарища офицера В. Г. Кека. Пушкину поднесли вино в самом большом из складных походных стаканов.

Таврида (стр. 180). При жизни Пушкина не печаталось. Стихотворение осталось незаконченным и необработанным. Впервые напечатаны 53 стиха в Соч., т. IX, 1841, стр. 168, последние 9 стихов — в «Русской старине», 1884, апрель, стр. 332, остальные — в разных изданиях в качестве вариантов к разным стихотворениям. Первые 53 стиха Пушкин положил в основу своей элегии «Люблю ваш сумрак неизвестный», впрочем изменив основную мысль стихов. Стихи 75—85 Пушкин переработал в строфу 33-ю первой главы «Евгения Онегина». Полностью данная элегия напечатана впервые в «Ученых записках Ленинградского государственного университета», вып. XVI серии филологических наук, 1949, с комментарием и мотивировкой расшифровки автографа Пушкина. В прежних изданиях под названием «Таврида» печатались только стихи, переделанные в строфу «Евгения Онегина», причем предполагалось, что это название связано с неосуществленным замыслом романтической поэмы о Крыме. Написано около 16 апреля 1822 года. Стихотворению в автографе предшествует прозаический план: «Страсти мои утихают, тишина царит в душе моей, ненависть, раскаянье, всё исчезает — любовь одушевляет». Эпиграф взят из введения к «Фаусту» Гете. *Счастливый край, где блещут воды.* — Этот стих и пять следующих являются незаконченной переработкой, с изменением размера (четырёхстопный ямб, вместо пятистопного) стихотворения 1821 года «Кто видел край».

* **В. Ф. Раевскому** («Не тем горжусь я, мой певец») (стр. 183). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч. под ред. Морозова, т. I, 1887, стр. 264. Обращено к В. Ф. Раевскому, «первому декабристу» (1795—1872), арестованному 6 февраля 1822 года за политическую пропаганду среди войск и заключенному в Тираспольскую тюрьму. Из тюрьмы Раевский прислал послание «К друзьям», основная часть которого обращена к Пушкину. Там были стихи:

Оставь другим певцам любви!
Любовь ли петь, где брызжет кровь...

Пушкин предполагал начать свое ответное послание стихами:

Недаром ты ко мне воззвал
Из глубины глухой темницы.

На этих стихах оборвано начало. Не было написано и окончание послания, где Пушкин предполагал сказать о задачах поэта.

Гречанке («Ты рождена воспламенять») (стр. 184). Напечатано Пушкиным в альманахе «Полярная звезда» на 1823 год, стр. 107. Предполагают, что стихотворение адресовано гречанке Калипсо Полихрони. О ней Пушкин писал Вяземскому, что позна-

комит его «с гречанкою, которая целовалась с Байроном» (6 апреля 1823). *Певец Лейлы*. — В рукописи Пушкина примечание: «См. поэму лорда Байрона «Гяур» (а не «Джаур», как пишут некоторые)».

* Из письма к Я. Н. Толстому («Горишь ли ты, лампада наша») (стр. 185). Письмо датировано Пушкиным 26 сентября 1822 года. Опубликовано в Соч., т. I, 1855, стр. 187. Послание является отрывком из неосуществленного замысла (см. стих. «В кругу семей, в пирах счастливых», стр. 121, и примечание, стр. 773).

* В. Ф. Раевскому («Ты прав, мой друг, напрасно я незрел») (стр. 186). При жизни Пушкина не печаталось. Впервые напечатаны отрывки в Соч., т. I, 1855, стр. 88. Полностью — в «Литературной газете», 1938, № 8/715, 10 февраля. Послание, оставшееся в незавершенном виде, обращено к В. Ф. Раевскому (см. стих. «Не тем горжусь я, мой певец», стр. 183). Является ответом на его стихотворение «Певец в темнице».

Послание цензору («Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой») (стр. 188). При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в Соч., т. VII, 1857, стр. 30. Послание направлено против цензора Бирукова, деятельность которого Пушкин называл «самовластной расправой трусливого дурака». В черновой рукописи к стиху «Что нужно Лондону, то рано для Москвы» имеется вариант:

Потребности ума не всюду таковы:
Сегодня разреши свободу нам тиснения,
Что завтра выдет в свет: Баркова сочиненья.

Бируков — цензор в 1821—1826 годах. *Хвостов* и *Бунина* — поэты круга «Беседы», обычная мишень насмешек со стороны круга «арзамасцев». А. П. *Куницын* (1783—1841) — лицейский преподаватель. Книга его «Естественное право» была запрещена в 1821 году. *Ни слог певца пиров, столь чистый, благородный* — слог Баратынского. «Пиры» — одна из его ранних поэм. *Барков Иван* (1732—1768) — поэт, имя которого стало собирательным для всей непристойной поэзии. Стихи его широко распространялись в списках. *Шаликов П. И.* (1768—1852) — подвергавшийся общим насмешкам стихотворец, лишенный идей и приторно чувствительный. *Наказ* Екатерины II написан для «Комиссии для составления нового уложения» в 1766 году. Он состоял из различных суждений по законодательству и правосудию, в значительной части заимствованных; они были проникнуты духом передовых просветительских идей XVIII века. В действительности же Екатерина в своей политике вовсе не руководствовалась положениями своего «Наказа». Пушкин, вспоминая преследования, которым подвергалось просвещение при Екатерине в лице Радищева и Новикова, писал: «Перечитывая сей лицемерный Наказ, нельзя воздержаться от праведного негодования» (1822). О цензуре в «Наказе» говорилось: «Запрещают в самодержавных государствах сочинения очень язвительные... весьма беречься надобно изыскания о сем далече распространять, представ-

для себе ту опасность, что умы почувствуют притеснение и угнетение; а сие ничего иного не произведет, как невежество, опровергнет дарования разума человеческого и охоту писать отнимет». *Сатирик превосходный* — Фонвизин как автор «Недоросля». *Дней Александровых прекрасное начало* — первые, либеральные годы царствования Александра в противопоставлении реакционному курсу 20-х годов. *Миллот* — французский писатель, автор «Начатков всеобщей истории» (1773). В этом произведении учебного характера отрицательно освещались факты вмешательства церковных властей в гражданскую жизнь, что вызвало цензурные затруднения при издании русского перевода в 1820 году. «К тому ж жена и дети» — цитата из басни Крылова «Крестьянин и Смерть». *Хоть умного себе возьми секретаря* — повидимому, намек на мораль басни Крылова «Оракул».

Иностранке (стр. 192). Напечатано Пушкиным в «Стих.», 1826, стр. 115, в отделе «Эпиграммы и надписи». В черновой рукописи заглавие «Гр...», что расшифровывается комментаторами как «Гречанке». Стихотворение, возможно, связано с адресатом стихотворения «Гречанке» («Ты рождена воспламенять»).

«Наперсница волшебной старины» (стр. 193). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Московских ведомостях», 1854, № 118, стр. 493.

Ф. Н. Глинке («Когда среди оргий жизни шумной») (стр. 194). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Московских ведомостях», 1855, № 145, 3 декабря. Адресовано Ф. Н. Глинке (1786—1880), поэту и публицисту, члену Союза благоденствия. Через несколько месяцев после ссылки Пушкина Глинка поместил в «Сыне отечества» (сентябрь 1820) послание «К Пушкину» в связи с выходом в свет «Руслана и Людмилы»:

О Пушкин! Пушкин! кто тебя
Учил пленять в стихах чудесных?
Какой из жителей небесных
Тебя младенцем полюбил,

Судьбы и времени сего
Не бойся, молодой певец!
Следы исчезнут поколений,
Но жив талант, бессмертен гений!

* Д. Давыдову («Недавно я в часы свободы») (стр. 195). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано Жуковским в Соч., т. IX, 1841, стр. 128, с заглавием «Сетование» и с цензурными пропусками. Адресовано поэту Денису Давыдову по поводу выхода в свет его книги «Опыт теории партизанского движения». М., 1821. В книге имеется вступление Давыдова, обращенное к писателям: «Занимавшись словесностью на коне и в куренях солдатских, я чувствую, сколь необходимы для меня советы писателей...» Ответом на это, повидимому, являются стихи:

Кто дал Давыдову совет
Оставить лавр, оставить розы?
и след.

Узнал я резкие черты и след. — Слог «Опыта теории» отличается четкостью и отрывистостью. Например: «Вызов к бою, натиск, сеча их, всё нестройно, безобразно, но быстро, нагло, свирепо!» Или: «Булат, пустыни и быстрые кони суть союзники их против нововодителей!» и т. п. Особенно это сказалось в живом изображении в главке «Партизаны 1812 года», где Давыдов переходит к живописным характеристикам вроде следующей: «Фигнер рыскал между авангардом неприятеля и главною его армиею, простирая кровавые свои поиски до застав столицы» и т. п. Описание партизанского действия, его системы Давыдов неожиданно перебивает следующим замечанием: «Сие полное поэзии поприще требует романтического воображения, страсти к приключениям, и не довольствуется сухою, прозаическою храбростью. Это строфа Байрона!». *И Бурцовой души угрозы.* — Здесь назван приятель Давыдова гусар А. Бурцов (ум. 1813), известным как «величайший гуляка и самый отчаянный забулдыга из всех гусарских поручиков». *И вдруг растрепанную тень* и след. — Пушкин перефразирует стихи Давыдова в «Песне старого гусара»:

Дым гуляет
На закрученных висках
И усы перебегает.

Ни полслова... Дым столбом.
Ни полслова... Все мертвецки
Пьют и, преклонясь челом,
Засыпают молодецки.

И кивер-чудо набекрень. — У Давыдова в том же стихотворении:

Кивер зверски набекрень.

Адели (стр. 196). Напечатано в «Полярной звезде» на 1824 год, стр. 60. Стихотворение обращено к дочери А. Л. Давыдова, девочке двенадцати лет, которую Пушкин видел в Каменке.

Узник (стр. 197). Датировано Пушкиным 1822 годом. Напечатано в «Стих.», ч. III, 1832, стр. 185, в разделе «Стихотворения разных годов».

1823

Птичка (стр. 198). Напечатано в «Литературных листках», 1823, № 2, стр. 28, с примечанием издателя к последнему стиху: «Сие относится к тем благодетелям человечества, которые употребляют свои достатки на выкуп из тюрьмы невинных должников и проч. — Издат.» Автобиографический и политический смысл стихотворения заставил издателя прибегнуть из цензурных соображений к примечанию, затуманивающему смысл стихов.

«Кто, волны, вас остановил» (стр. 199). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Русской старине», 1884, июль, стр. 555.

«Завидую тебе, питомец моря смелый» (стр. 200). При жизни Пушкина отрывок не печатался. Опубликовано неполно, с заглавием «К М.», в Соч., т. I, 1855, стр. 353. Полностью — в сборнике «Пушкин и его современники», вып. XIII, 1910, стр. 169. Стихотворение связано с безнадежными настроениями ссыльного Пушкина, готового предпринять побег за пределы берегов *Европы обветшалой*. В *питомце моря* публикатор стихотворения Анненков предполагал лицейского товарища Пушкина моряка Матюшкина. Предположение вряд ли верное, потому что к юному Матюшкину неприменимо было выражение *в бурях поседелый*.

«Бывало, в сладком ослеплень» (стр. 201). При жизни Пушкина не печаталось. В качестве отдельных черновых строк варианта стихотворения «Демон» впервые опубликовано в «Русской старине», 1884, май, стр. 337. Как самостоятельный набросок стихотворения, предшествующего созданию стихотворения «Демон» и «Свободы сеятель пустынный», объединяющий две темы этих произведений, напечатан в сборнике «Пушкинский временник 1940», вып. VI, стр. 58—59. Рукопись представляет собой сложный черновик, в котором стихи 1—6 находятся отдельно от следующих. Логическое развитие темы заставляет предполагать в них фрагменты начала стихотворения. Набросок свидетельствует о замысле философской элегии, являющейся своеобразной исповедью Пушкина периода его душевных разочарований и утраты надежд на революционные сдвиги в Европе (см. также стих. «Ты прав, мой друг», стр. 187). Отказавшись от замысла, Пушкин создал два стихотворения: «Демон» и «Свободы сеятель пустынный».

Демон (стр. 203). Напечатано Пушкиным в альманахе «Мнемозина», 1824, ч. III, стр. 11—12 и ввиду ошибок перепечатано в «Северных цветах» на 1825 год, стр. 275. Стихотворение развивает тему, затронутую в неоконченной наброске «Бывало, в сладком ослеплень». Современники склонны были видеть в стихотворении «Демон» портрет А. Н. Раевского и характеристику отношений его с Пушкиным. Пушкин намерен был напечатать заметку, написанную им от третьего лица: «Иные даже указывали на лицо, которое Пушкин будто бы хотел изобразить в своем странном стихотворении. Кажется, они неправы, по крайней мере вижу я в «Демоне» цель иную, более нравственную. В лучшее время жизни сердце, еще не охлажденное опытом, доступно для прекрасного. Оно легковерно и нежно. Мало-помалу вечные противуречия сущности рождают в нем сомнения, чувство мучительное, но непродолжительное. Оно исчезает, уничтожив навсегда лучшие надежды и поэтические предрассудки души. Недаром великий Гете называет вечного врага человечества *духом отрицающим*. И Пушкин не хотел ли в своем демоне олицетворить сей дух *отрицания или сомнения*».

«Свободы сеятель пустынный» (стр. 204). При жизни Пушкина не печаталось; но было сообщено А. И. Тургеневу в письме

от 1 декабря 1823 года. Опубликовано в «Русском архиве», 1866, № 4. Стихотворение написано как часть темы неосуществленного замысла элегии «Бывало, в сладком ослепленье». В письме к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 года Пушкин, говоря о «либеральном бреде» в одной из строф стихотворения «На смерть Наполеона», прибавляет: «Я закаялся и написал на днях подражание басне умеренного демократа Иисуса Христа (Изыде сеять сеяты семена своя)». Далее приводится текст стихотворения «Свободы сеять пустынный». Эпиграф — из Евангелия от Матфея, гл. 13, ст. 3.

Ночь («Мой голос для тебя и ласковый и томный») (стр. 205). Датировано Пушкиным 26 октября 1823 года. Одесса. Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 131, в отделе «Подражания древним», с пометой в оглавлении «1823».

«Надеждой сладостной младенчески дыша» (стр. 207). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано (неполно) в Соч., т. I, 1855, стр. 326. Чтобы добиться цензурного разрешения, редактор П. В. Анненков напечатал эти стихи в качестве образца элегий Ленского. В черновой редакции элегии в стихе 8-м были варианты: «В страну, где нет оков», «В страну, где нет царей».

«Придет ужасный час... твои небесны очи» (стр. 207). Набросок элегии, при жизни Пушкина не печатавшийся. Опубликовано, так же как и отрывок «Надеждой сладостной младенчески дыша», в качестве элегий Ленского в «Евгении Онегине» в Соч., т. I, 1855, стр. 327.

«Простишь ли мне ревнивые мечты» (стр. 208). Датировано Пушкиным 11 ноября 1823 года. Напечатано в «Полярной звезде» на 1824 год без подписи, с заглавием «Элегия», но с грубыми ошибками. Пушкин послал стихотворение для перепечатки к издателю «Литературных листков» Булгарину, указывая (в письме от 1 февраля 1824 года), что стихи «были с ошибками напечатаны в «Полярной звезде», отчего в них и нет никакого смысла. Это в людях беда не большая, — но стихи не люди». В «Литературных листках», 1824, № 4, стр. 134, стихотворение было напечатано без трех стихов: 26—28. Стихотворение считается адресованным Амалии Ризнич (см. примечание к стих. «Для берегов отчизны дальней», стр. 856).

«Как наше сердце своенравно!» (стр. 210). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Русской старине», 1884, май, стр. 336.

Кн. М. А. Голицыной («Давно об ней воспоминанье») (стр. 211). Напечатано в альманахе «Карманная книжка для любителей русской старины и словесности» на 1830 год, ч. 1, № 1, стр. 30. Стихи обращены к М. А. Голицыной (1802—1870), внучке Суворова. Пушкин выражал благодарность Голицыной за то, что она пела романсы на его слова.

«Сегодня я поутру дома» (стр. 212). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1857, стр. 84, с заглавием «Записка к приятелю». Является запиской к неизвестному, повидимому к кому-то из приехавших петербургских приятелей (*тряхнем мы стариной*). *Тардиф* — француз-ресторатор, который до 1812 года содержал ресторан в Петербурге, а разорившись, уехал в Одессу, а затем в Кишинев. *Ком* — в античной мифологии бог пиров. *Коленкур* — герцог, французский дипломат, который был прислан в Россию в 1807 году в качестве посла и оставался на этом посту до 1811 года. Повидимому, речь идет о том, что Тардиф служил у него в эти годы поваром.

Ж а л о б а (стр. 213). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 151. Эпиграмма направлена против Д. П. Северина (1781—1865) — бывшего «арзамасца», влиятельного чиновника министерства иностранных дел, корчившего из себя аристократа.

* Из письма к Вигелю («Проклятый город Кишинев!») (стр. 214). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Русском архиве», 1881, кн. I, стр. 24. Является частью письма (октябрь—начало ноября 1823) к Ф. Ф. Вигелю (1786—1856) в ответ на его приглашение Пушкину приехать из Одессы в Кишинев. *Варфоломей Е. К.* — бессарабский помещик. В его доме по понедельникам собирался весь кишиневский «свет» и устраивались вечера и балы. *И член верховного совета* — Бессарабского верховного совета, членом которого были крупнейшие помещики и богачи Бессарабии, например Варфоломей.

Телега жизни (стр. 216). Напечатано в «Московском телеграфе», 1825, № 1, стр. 49. Было послано Вяземскому в письме из с. Михайловского от 29 ноября 1824 года со следующими словами: «Можно напечатать, пропустив русский титул».

* Записка В. П. Горчакову («Зима мне рыхлою стеною») (стр. 217). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Московских ведомостях», 1858, № 19, стр. 81, в составе «Воспоминания о Пушкине» В. П. Горчакова: «Алексеев проведаль, что в первый понедельник Варфоломей намерен дать бал на славу... На другой день утром мы свиделись с Пушкиным, потолковали об импровизированном вечере и обещанном Алексеевым бале; но состоится ли самый бал, мы несколько не были уверены. Встречаясь с Пушкиным всякий день и по несколько раз, мы в остальную часть этого дня почему-то не виделись, а на другой день я получил его записку следующего содержания». Далее следуют стихи, к последнему из них приписка: «И проч.» *Варфоломей* — см. выше примечание к стих. «Проклятый город Кишинев!».

* Л. Пушкину («Брат милый, отроком расстался ты со мной») (стр. 218). При жизни Пушкина отрывок не печатался. Опубликовано в Соч., т. I, 1885, стр. 234. Отрывок из неосуществленного послания к Льву Сергеевичу Пушкину, которому в 1823 году было

18 лет. В письме от 21 июля 1822 года Пушкин писал брату: «Скажи мне — вырос ли ты? Я оставил тебя ребенком, найду молодым человеком... что ты делаешь? в службе ли ты? пора, ей-богу пора. Ты меня в пример не бери — еслипустишь время, после будешь тужить».

«Внёмли, о Гелиос, серебряным луком звенящий и й» (стр. 219). При жизни Пушкина набросок не публиковался. Впервые напечатан в Соч., под ред. Морозова, т. I, 1903, стр. 339. Стихи являются переводом начала элегии А. Шенье «Слепец». Пушкин заменил рифмованный александрийский стих оригинала гекзаметром. *Гелиос... боже кларосский* — Аполлон, бог солнца, поэзии, искусств. *Слепец утомленный* — Гомер, пришедший на остров Сиру.

* М. Е. Эйхфельдт («Ни блеск ума, ни стройность платья») (стр. 220). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Москвитянине», 1850, № 2, кн. II, стр. 157 (В. П. Горчаков «Ведержки из дневника об А. С. Пушкине»). Отрывок из послания Марии Егоровне Эйхфельдт, жене кишиневского чиновника. По словам Горчакова, Эйхфельдт просила Пушкина написать ей «что-нибудь», и вместо мадригала было написано послание, которое «по некоторым выражениям чересчур сильной речи не могло быть не только напечатанным, но даже отдано той, к которой написано». Зоя — племянница М. Эйхфельдт.

«Вечерня отошла давно» (стр. 221). При жизни Пушкина отрывок не печатался. Опубликовано в Соч. под ред. Морозова, т. I, 1903, стр. 306.

«Туманский, Фебу и Фемиде» (стр. 223). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Русской старине», 1884, июнь, стр. 566. Является экспромтом на поездку поэта Туманского в Крым в сентябре 1823 года. В первой строке речь идет о том, что в служебной командировке, связанной с правовыми делами (*Фемиде* — богиня правосудия в античной мифологии), Туманский оставался поэтом (*Феб* — бог поэзии в античной мифологии). Возможно, что до Пушкина дошли стихотворения Туманского в духе Парни, написанные в Крыму, например элегия «Как звонкое журчание Салгира».

1824 (Ю Г)

«Недвижный страж дремал на царственном пороге» (стр. 224). При жизни Пушкина по цензурным причинам не печаталось. Опубликовано Герценом в альманахе «Полярная звезда» на 1859 год, кн. V, стр. 21. *Владыка севера* — Александр I. Здесь он изображен после возвращения в Россию с Веронского конгресса (февраль 1823), когда реакционная политика Священного союза во главе с Александром задушила революционное движение на юге Европы. В строфе 5-й Пушкин высказывает ту же мысль, что и в стихотворении «Свободы сеятель пустынный», — разочарование в революционных силах. Говоря о Бруте и Кесаре, Пушкин имеет в виду борьбу с деспотом (Брут убил Цезаря во имя республики).

Строфы 7—10 посвящены Наполеону (*Чудный муж*). В строфе 8-й Пушкин изображает Наполеона таким, каким он был на о. Св. Елены (*мучением покоя в морях казненного*).

«Всё кончено: меж нами связи нет» (стр. 227). При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано частично в Соч., т. I, 1855, стр. 347, полностью — в «Русском архиве», 1881, кн. I, № 1, стр. 232.

«Зачем ты послан был и кто тебя послал?» (стр. 228). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Русской старине», 1884, июль, стр. 3. Отрывок незавершенного замысла, повидимому посвященного исторической судьбе Наполеона.

Давыдову («Нельзя, мой толстый Аристип») (стр. 229). Напечатано в «Московском вестнике», 1829, ч. 1, стр. 107. Написано в связи с предложением А. Л. Давыдова (брата декабриста, ховяина Каменки) отправиться в увеселительную прогулку, предпринятую в апреле 1824 года генерал-губернатором Новороссии Воронцовым. Пушкин не был приглашен в эту поездку. *Аристип* — греческий философ IV в. до н. э., учивший, что счастье человека в разного рода наслаждениях. Этим именем Пушкин определяет характер Давыдова.

Кораблю (стр. 230). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Русском слове», 1911, 6 августа, № 181. Стихотворение, повидимому, связано с Е. К. Воронцовой (см. о ней примечание к стих. «Сожженное письмо», стр. 800), которая 14 июня 1824 года отправилась на яхте из Одессы в Гурзуф.

«О боги мирные полей, дубрав и гор» (стр. 231). Черновой неоконченный набросок. Опубликован в газете «Русское слово», 1916, 10 апреля, № 83.

* Эпиграмма («Полу-милорд, полу-купец») (стр. 232). При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано за границей в Стих., 1861, стр. 100. Эпиграмма на М. С. Воронцова (1782—1856), генерал-губернатора Новороссии, под началом которого служил Пушкин в Одессе. Воронцов воспитывался в Англии и был англоманом (*полу-милорд*). Будучи хозяином южных губерний, не гнушался коммерческими сделками, откупам и т. п. (*полу-купец*). Слыл образованнейшим человеком, знатоком экономических и политических наук, однако знал всё поверхностно, выставляя свои знания напоказ (*полу-мудрец, полу-невежда*). Жестокость и лицемерие Воронцова постоянно сказывались в его администрировании и личных отношениях, однако он любил поражать окружающих «великодушными» поступками (*полу-подлец*). Эпиграмма является точной, хотя и злой характеристикой, впоследствии определившей отношение историков к Воронцову.

* Эпиграмма («Певец Давид был ростом мал») (стр. 233). При жизни Пушкина эпиграмма не печаталась. Опубликовано в Соч. под ред. Ефремова, т. I, 1903, стр. 502. Черновой, недоработанный

набросок. В эпиграмме говорится о единоборстве Пушкина с Воронцовым. Воронцов хотя и добился удаления Пушкина из Одессы и ссылки его на север, но повредил себе доносам в общественном мнении (см. эпиграммы «Полу-милорд, полу-купец», стр. 232 и «Сказали раз царю», стр. 301). Последние две строки автографа написаны неразборчиво и читаются предположительно.

Прозерпина (стр. 234). Датировано Пушкиным 26 августа 1824 года. Первоначальная редакция первых 12 стихов относится к 1821 году. Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1825 год, стр. 293. Является вольным переводом 27-й картины из «Превращений Венеры» Парни.

«Приют любви, он вечно полн» (стр. 236). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Русской старине», 1884, июль, стр. 2. Набросок, в котором, повидимому, речь идет о гроте на берегу Черного моря в Одессе.

Стихотворения периода ссылки в Михайловское (1824—1826)

1824 (МИХАЙЛОВСКОЕ)

«Ненастный день потух; ненастной ночи мгла» (стр. 239). Напечатано Пушкиным в «Стих.», 1826, стр. 25, в отделе «Элегии»; в «Стих.», ч. I, 1829 — в отделе 1823 года. Однако этой дате противоречит содержание стихотворения: северный пейзаж Михайловского противопоставлен южному одесскому пейзажу. Повидимому, написано осенью 1824 года.

К морю (стр. 240). Напечатано в альманахе «Мнемозина», 1824, ч. 4, стр. 102, с примечанием к стиху 42-му «Байрон», и с пропуском, по цензурным соображениям, второй половины стиха 51-го (после слов «Мир опустел») и стихов 52—55, замененных строкою точек, с примечанием: «В сем месте автор поставил три с половиной строки точек. Издателям сие стихотворение доставлено князем П. А. Вяземским в подлиннике, и здесь отпечатано точно в том виде, в каком оно вышло из-под пера самого Пушкина. Некоторые списки оно, ходящие по городу, искажены нелепыми прибавлениями». *Заветным умыслом томим* — Пушкин говорит о своем замысле бежать из Одессы. *Другой властитель наших дум* — Байрон, умерший 19 апреля 1824 года.

Разговор книгопродавца с поэтом (стр. 243). Датировано Пушкиным 26 сентября 1824 года. Напечатано при первом издании первой главы «Евгения Онегина» («Евгений Онегин». СПб., 1825, стр. IX—XXII), в качестве вступления к роману, но в последних прижизненных изданиях романа (1833 и 1837) не перепечатывалось и вошло в качестве самостоятельного стихотворения в «Стих.» ч. IV, 1835, стр. 89.

* Из письма к Вульффу («Здравствуй Вульф, приятель мой!») (стр. 249). Датировано Пушкиным 20 сентября 1824 года. При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано по копии в Соч., т. VII, 1857, стр. 91. Является частью письма к А. Н. Вульффу, автограф которого не сохранился. *А. Н. Вульф* (1805—1881) — сын соседки Пушкина по с. Михайловскому. С 1822 года учился в Дерптском университете вместе с поэтом Языковым. Пушкин писал ему (в письме, частью которого являлось стихотворное послание): «В самом деле, милый, жду тебя с отверстыми объятиями и с откупоренными бутылками. Уговори Языкова, да отдай ему мое письмо» (см. примечание к следующему стихотворению). *Лайон* — английское произношение слова «лев», здесь применено к Льву Пушкину, брату поэта, хотя по-английски имя Лев передается «Leo».

К Языкову («Издревле сладостный союз») (стр. 250). Датировано Пушкиным 20 сентября 1824 года. Напечатано с пензурными сокращениями и изъятиями в «Литературной газете», 1830, 17 марта, № 16 (слово «самовластье» заменили словом «непогода», послание обрывается на словах: «Я жду тебя»). Стихотворение является частью утраченного письма к Языкову от 20 сентября 1824 года, о котором упоминает Пушкин в письме к Вульффу (см. примечание к предыдущему стихотворению). *Давно без крова я ношусь*. — Пушкин был сослан на юг в начале мая 1820 года, путешествовал с Раевским до сентября, служил в Кишиневе и 3 июля 1823 года переехал из Кишинева в Одессу, откуда был выслан на север (в имение матери село Михайловское) 30 июля 1824 года. *Петра питомец* — Ганнибал Абрам Петрович, прадед Пушкина со стороны матери. Ему были пожалованы Елизаветой имения «Михайловской губы», часть которых и составляло село Михайловское, место ссылки Пушкина.

Графу Олизару (стр. 252). Черновой набросок послания, при жизни Пушкина не публиковавшийся. Опубликовано в отрывках в «Русской старине», 1884, июль, стр. 11; полностью — в Соч. под ред. Морозова, т. I, 1887, стр. 334. Адресовано графу Олизару (1798—1864), польскому общественному деятелю и поэту. Несмотря на то что Олизар жил в России (на Украине и в Крыму), он оставался польским патриотом, чуждым русским интересам. Олизар был влюблен в младшую дочь генерала Раевского Марию Николаевну, но получил отказ, который Раевский объяснил религиозными и национальными причинами. *Кремля позор и... плен*. — Речь идет о 1610—1611 годах, когда Москва находилась во власти польских интервентов. *Младенцев Праги избивали*. — Имеется в виду подавление польского восстания, которым предводительствовал Тадеуш Костюшко. 4 ноября 1794 года Суворов взял штурмом предместное укрепление Варшавы — Прагу.

Коварность (стр. 254). Датировано Пушкиным 18 октября 1824 года, с. Михайловское. Напечатано в «Московском вестнике», 1828, ч. 8, № 4, стр. 136. На основании мемуарных сведений в 1872 году было высказано предположение, что стихотворение написано под впечатлением измены одного из друзей, А. Н. Раевского, которого именовали «демоном» Пушкина. Предполагают, что преда-

тельство Раевского, знавшего о чувствах Пушкина к жене Воронцова, ускорило удаление Пушкина из Одессы.

* Из письма к Плетневу («Ты издал дядю моего») (стр. 255). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Русской старине», 1884, июль, стр. 12. Является стихотворной частью письма к П. А. Плетневу конца октября 1824 года. Письмо к П. А. Плетневу (1792—1865), другу Пушкина, поэту, критику, вызвано желанием Пушкина поручить ему издание «Евгения Онегина». В 1822 году он наблюдал за изданием стихотворений Василия Львовича Пушкина. В письме, частью которого является стихотворение, Пушкин пишет: «Беспечно и радостно полагаюсь на тебя в отношении моего «Онегина»! Созови мой Ареопак, ты, Жуковский, Гнедич и Дельвиг — от вас ожидаю суда и с покорностью приму его решение». *Творец опасного соседа*. — Лучшим сочинением В. Л. Пушкина считалась его шутивная поэма «Опасный сосед». *Хотя покойная Беседа*. — В. Л. Пушкин был одним из самых ярких противников писателей, объединенных в обществе «Беседа». «Беседисты», нападавшие на Карамзина и Жуковского, обходили молчанием В. Л. Пушкина, считая его ничтожным поэтом.

«Как жениться задумал царский арап» (стр. 256). При жизни Пушкина набросок не печатался. Опубликовано в «Русской старине», 1884, июль, стр. 16. Черновик сопровождается пробами народного размера, избранного Пушкиным для этого замысла. Основанием для замысла служило предание об Абраме Ганнибале, которым позднее Пушкин воспользовался для повести «Арап Петра Великого».

«О дева-роза, я в оковах» (стр. 257). Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 89, с заглавием «Подражание турецкой песне. 1820». С этой же датой, но с заглавием только в оглавлении — в «Стих.», ч. I, 1829, стр. 92; положение черного автографа в тетради опровергает проставленную Пушкиным дату. Стихотворение написано в Михайловском осенью 1824 года. Дату «1820» следует понимать как указание на то, что стихи связаны с впечатлениями от посещения Крыма в 1820 году. Не подтверждается и указание на «подражание». Мотив соловья, влюбленного в розу, является общим местом восточной поэзии. Повидимому, Пушкин стремился скрыть автобиографическое значение стихотворения.

«Т — прав, когда так верно вас» (стр. 258). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. I, 1855, стр. 337. Высказывалось предположение, что в стихотворении идет речь о поэте В. И. Туманском (1800—1860), служившем с 1823 года в канцелярии Воронцова. Но среди известных нам стихотворений Туманского нет такого, где бы имелись упомянутые Пушкиным сравнения красавицы с радугой, розой и ключом. Возможно, что речь идет о каком-нибудь не дошедшем до нас альбомном стихотворении.

«Мне жаль великия жены» (стр. 259). Необработанный, с трудом читаемый набросок. Опубликовано частично Герценом

в «Колоколе», 1858, л. 23 и 24, 15 сентября. В России — с пропусками в Соч под ред. Морозова, т. I, 1887, стр. 336. Композиция стихотворения, последовательность извлекаемых из черновика отдельных стихов — предположительны. В заграничных неподцензурных изданиях печаталось извлечение в виде законченного стихотворения, но со значительными разночтениями в разных изданиях. Вот, например, текст, напечатанный в сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия», изданном в Лондоне в 1861 году с предисловием Н. Огарева:

ЕКАТЕРИНА II

Насильно Зубову мила,
Старушка умная жила
Приятно, но немножко блудно,
Вольтеру лучший друг была,
Писала прозой, флоты жгла
И умерла, садясь на судно.
С тех пор лежит в России мгла,
Россия бедная держава,
С Екатериной умерла
Екатерининская слава.

Мы не располагаем данными о происхождении этой композиции. В стихотворении отразилось отрицательное отношение Пушкина к Екатерине. За два года до написания этого наброска Пушкин так говорил о Екатерине в своих исторических заметках (август 1822): «Если царствовать значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, то в сем отношении Екатерина заслуживает удивления потомства. Ее великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбие сей хитрой женщины утверждало ее владычество... Современные иностранные писатели осыпали Екатерину чрезмерными похвалами; очень естественно; они знали ее только по переписке с Вольтером и по рассказам тех именно, коим она позволяла путешествовать. Фарса наших депутатов, столь непристойно разыгранная, имела в Европе свое действие: Наказ ее читали везде и на всех языках. Довольно было, чтобы поставить ее наряду с Титами и Троянами, но перечитывая сей лицемерный Наказ, нельзя воздержаться от праведного негодования». *Мы Прагой ей одолжены* — т. е. Варшавой с ее предместным укреплением Прагой. Пушкин имеет в виду раздел Польши в 1795 году. Следствием этого раздела явилось и то, что в 1815 году Варшава с ее крепостью Прага отошли к России. *И посрамлением луны* — т. е. Турции, на знаменах которой был знак полумесяца (магометанская эмблема). Имеются в виду победы России над Турцией, присоединение Крыма (*Тавриды*) и другие приобретения, закрепленные договором 1791 года. *Делинь* — дипломат, приезжавший в Россию в 80-х годах XVIII века. Был знаменит своим тонким остроумием и умением вести серьезные переговоры в духе светской беседы. Эту тонкость Делиня Екатерина очень ценила, что не мешало ей любить и самые грубые, скабрзные шутки в духе поэта-порнографа Ив. Баркова (ум. 1768).

Виноград (стр. 260). Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 71. В «Стих.», ч. I, 1829, стр. 91, находится среди стихотворений 1820 года. Так же как и стихотворение «О дева-роза, я в оковах», связано с крымскими впечатлениями, чем и объясняется дата «1820». Стихотворение написано осенью 1824 в Михайловском.

Фонтану Бахчисарайского дворца (стр. 261). Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 57. В «Стих.», ч. I, 1829, стр. 89, находится среди стихотворений 1820 года. Так же как и стихотворения «Виноград» и «О дева-роза, я в оковах», связано с Крымом. Написано осенью 1824 года в Михайловском.

«Пока супруг тебя, красавицу младую» (стр. 262). При жизни Пушкина набросок напечатан не был. Опубликован в «Русской старине», 1884, июль, стр. 16. Набросок написан на одном листе со стихотворением «Фонтану Бахчисарайского дворца» и, так же как это стихотворение, повидимому, связан с крымскими впечатлениями 1820 года.

«Ночной зефир» (стр. 263). Датировано Пушкиным 13 ноября 1824 года. Напечатано в альманахе «Литературный музеум» на 1827 год, стр. 320. В этой же книжке даны и ноты музыки Верстовского к стихотворению.

* Эпиграмма («Охотник до журнальной драки») (стр. 264). Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 100, в отделе «Эпиграммы и надписи». Направлена против Каченовского (см. примечание к эпиграмме «Бессмертною рукой раздавленный Зонил», стр. 758).

«Лихой товарищ наших дедов» (стр. 265). Эпиграмма при жизни Пушкина не печаталась. Опубликована в «Русской старине», 1884, май, стр. 343.

«Презрев и голос укоризны» (стр. 266). При жизни Пушкина набросок не печатался. Опубликован в «Русской старине», 1884, июль, стр. 14—15. Набросок связан с замыслом бегства из Михайловского за границу, обсуждавшимся с братом.

Младенцу («Дитя, не смею над тобой») (стр. 267). При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в «Русской старине», 1884, июль, стр. 9.

* Из письма к Родзянке («Прости, украинский мудрец») (стр. 268). Датировано Пушкиным 8 декабря 1824 года. При жизни Пушкина не печаталось. Составляет часть письма к Родзянке. Опубликовано неточно и неполно в «Библиотеке для чтения», 1859, т. IV, март, стр. 115 (А. П. Керн «Воспоминания о Пушкине»). Полностью — в «Русском обозрении», 1897, февраль, стр. 525. А. Г. Родзянко (1793—1846) — поэт. С 1821 года Родзянко жил помещиком в своем полтавском имении. *Наместник Феба и Приапа* — так Пушкин именует Родзянко за его лирические произведения и за скабрзные, порнографические стихи (в античной мифологии Феб — покровитель поэзии, Приап — бог, олицетворяющий сладострастие).

Послание к Л. Пушкину («Что же? будет ли вино?») (стр. 269). Напечатано Пушкиным в виде отрывка как примечание к XLV строфе четвертой главы «Евгения Онегина» в отдельном издании 1833 года, стр. 270, примечание 26. Полностью черновик опубликован в «Русской старине», 1884, июль, стр. 18—19. Повидимому, является частью письма к брату из Михайловского. *Лайон* — Лев Пушкин (см. стих. «Из письма к Вульффу», стр. 249), *Сен-Пере* и *Аи* — марки шампанского.

«Ты вянешь и молчишь: печаль тебя сдает» (стр. 270). Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 21, в отделе «Элегии», с пометой «Подражание Ан. Шенье». Вольный перевод стихотворения Шенье «Девушка, твое сердце хочет с нами молчать».

Чаадаеву («К чему холодные сомненья») (стр. 271). Напечатано в «Северной пчеле», 1825, 27 января, № 12, стр. 4, с пометой «1820. Морской берег Тавриды». Перепечатано в составе «Отрывка из письма А. С. Пушкина к Д.» в альманахе «Северные цветы» на 1826 год, стр. 104, в отделе прозы. Помету о времени и месте написания в «Стих.», 1826 и «Стих.», ч. I, 1829 Пушкин поместил в оглавлении. Под датой «1820» стихотворение печаталось, повидимому, по причине связи его с крымскими впечатлениями (подобно стихотворению «Виноград» и др., тоже появившимся с датой «1820», но писанным в 1824 году в Михайловском). Послание написано там же, осенью или зимой 1824 года, что подтверждается не только положением черногого автографа среди других, но и тем, что в стихотворении говорится о сомнениях, высказанных в «Путешествии по Тавриде» Муравьева-Апостола (вышло в 1823 году), которое Пушкин прочел лишь осенью 1824 года. Адресовано Чаадаеву в знак особой дружбы, классический пример которой дан в стихотворении. Стихи *Чаадаев, помнишь ли былое* и след. относятся к политическому единомыслию, связывавшему Пушкина с Чаадаевым, и к посланию 1818 года «Любви, надежды, тихой славы». «*Развалины иныя*» — «обломки самовластья», о которых писал Пушкин в послании 1818 года. В «Отрывке из письма к Д.» Пушкин писал: «Георгиевский монастырь и его крутая лестница к морю оставили во мне сильное впечатление. Тут же видел я и баснословные развалины храма Дианы. Видно, мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических: по крайней мере, тут посетили меня рифмы. Я думал стихами. Вот они: «К чему холодные сомненья...» *Холодные сомненья* — мысли И. М. Муравьева-Апостола о том, что храм Дианы находился не у мыса Айя меж Балаклавой и Георгиевским монастырем (мнение, высказанное академиком Палласом в конце XVIII века), а в Партените. *Вражда свирепой Эвмениды*. — Богини-мстительницы Эвмениды (фурии) преследовали Ореста за убийство Клитемнестры, его матери. Это преследование прекратилось после того, как Орест с Ифигенией, унося с собой статую Дианы, бежал из Тавриды. *Провозвестница Тавриды* — Ифигения, бежавшая в Грецию. Именно она оповестила греков о существовании Таврического полуострова (Крыма). *Святое дружбы торжество*. — Орест и Пилад соревновались в том, чтобы отдать жизнь за друга. Дружба их вошла в поговорку.

Аквилон (стр. 272). Напечатано в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду», 1837, 2 января, № 1, стр. 4. Стихотворение основано на сюжете басни «Дуб и тростник», но с иным, индиксательным значением, возможно политическим, но остающимся загадкой. Сохранился белой автограф 1830 года с датой «1824». Стихотворение было отдано в печать только через 13 лет после написания. За это время Пушкин издал несколько собраний своих стихотворений, и надо полагать, что у него были какие-то особые опасения, мешавшие ему напечатать стихотворение, вполне законченное.

«Пускай увенчанный любовью красоты» (стр. 273). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч. АН, т. III, 1912, стр. 216.

Второе послание цензору («На скользком поприще Тимковского наследник!») (стр. 274). Послание распространялось в списках. При жизни Пушкина не печаталось. Отдельные стихи цитировались в статье Б. Федорова 1844 года. Впервые большая часть стихотворения с произвольным заглавием «Второе послание моему Аристарху» — в Соч., т. VII, 1857, стр. 39. В этом издании по цензурным причинам нет стихов 20, 31, 39—56. Полностью — в Изд. Геннади, т. I, 1869. Послание вызвано тем, что на должность министра народного просвещения, в ведении которого была цензура, был назначен А. С. Шишков вместо Голицына. Шишков в 1822 году подавал записку против цензурных придинок («Он с нами сетовал»), и теперь Пушкин возлагал надежду на перемены в цензурных порядках. Однако Шишков установил еще худший режим произвола цензуры изданием так называемого «чугунного» устава в 1826 году. *Тимковский И. О.* — петербургский цензор с 1804 по 1821 год. *Божественный, небесный* — слова, применение которых к женской красоте цензор Красовский считал святотатственным. *Хоть знаю, что прочел ты жалобу мою.* — Речь идет о «Послании к цензору» 1822 года. *Он славен славою двенадцатого года.* — Шишков во время Отечественной войны писал манифесты. *Лавр единый.* — Речь идет о Державине. Шишков был близок Державину; руководимая им «Беседа» собиралась в доме Державина. *Святой отец.* — А. Н. Голицын был в 1824 году смещен с поста министра народного просвещения. Прославился своим ханжеством и мракобесием. *Гали* — Али, племянник и последователь Магомета, основатель религиозной секты шиитов. Пушкин транскрибирует старинное французское правописание его имени (Hali). *Омар* — калиф (VII в.), который якобы сжег знаменитую библиотеку в Александрии. Об отношении Голицына к Бантышу см. примечание к стих. «Вот Хвостовой покровитель», стр. 766. *Карала чистых муз, спасая Бантыша* — В. Н. Бантыш-Каменский, чиновник, прославившийся грязными пороками, свойствами и его «покровителю» Голицыну. М. Л. *Магницкий* (1778—1855) — один из ближайших единомышленников Голицына. *И даже бедный мой Кавелин-дурачок.* — Д. А. Кавелин в молодости дружил с Жуковским, который ему покровительствовал, как человеку тихому и скромному, любителю литературы. Он был даже принят в члены «Арзамаса». В 1819—1823 годах Кавелин, ректор Петербургского университета, один из ближайших единомышленников Голи-

цына, показал себя злостным мракобесом, преследовавшим передовую профессуру, в том числе А. И. Галича, которого он заставил публично отречься от философских заблуждений.

* Эпиграмма («Тимковский царствовал — и все твердили вслух») (стр. 277). При жизни Пушкина не печаталось. Автографа не сохранилось. Опубликовано по копии в Стих., 1861, стр. 117. Эпиграмма на цензоров: *Тимковского*, «царствовавшего» с 1804 по 1821 год, сменившего его *Бирукова* — цензора до 1826 года и *Красовского*, который был цензором одновременно с Бируковым. Строгость Тимковского показала литераторам не такой сокрушительной, как требования Бирукова, которые Пушкин характеризовал как «самовольную расправу трусливого дурака», и Красовского, который всюду искал признаков безбожия и поношения властей.

С перегородкою коморки (стр. 278). При жизни Пушкина набросок не печатался. В виде факсимиле набросок опубликован в книге П. Н. Полевого «История русской словесности с древнейших времен до наших дней», т. III, СПб., 1900, стр. 137.

Лизе страшно полюбить (стр. 279). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. VII, 1857, стр. 100.

Подражания Корану (стр. 280). Напечатаны Пушкиным в «Стих.», 1826, стр. 175—192, как особый отдел книги. Написаны в ноябре 1824 года. «Подражания» следует рассматривать как оригинальные стихи Пушкина, иногда наполненные автобиографическим содержанием и только стилизованные в духе Корана. Пушкин пользовался русским переводом Корана М. Веревкина изд. 1790 года. Посвящение П. А. Осиповой объясняется тем, что подражания Корану писались преимущественно в ее имени Тригорском, где Пушкин проводил дни после ссоры с отцом, вызванной тем, что Сергей Львович принял на себя поручение следить за поведением сына.

I. «Клянусь четой и нечетой» (стр. 280). Переложение главы (суры) XCIII «Солнце восходящее». В тексте Корана совершенно отсутствует указание на *гонение* и на *власть языка*. Введенные Пушкиным черты автобиографичны. Тема первого подражания позднее развита в «Пророке». Формулы клятв пополнены из других глав, например из главы «Заря». *Чета и нечета* — следует понимать как «сочетаемое и несочетаемое» (соединение и разделение).

II. «О жены чистые пророка» (стр. 280). В основу подражания положены два отрывка из главы XXXIII «Артели или участки людей ратных». К этому же месту Корана относится черновой набросок:

Пророк мой вам того не скажет,
Он вежлив, скромен...

Но Пушкин отказался от переложения этих слов в стихи и перенес их в примечание ко второму подражанию.

III. «Смутясь, нахмурился пророк» (стр. 281). Переложение главы XXX «Слепой».

IV. «С тобою древле, о всеильный» (стр. 282). Подражание отрывку из главы II «Крава». В оригинале это место изложено как поучение Авраама «неверному царю», возомнившему себя равным богу. Ср. ту же тему в стихотворении «Недвижный страж дремал на царственном пороге».

V. «Земля недвижна; неба своды» (стр. 282). Подражание отрывкам из разных мест Корана: глава XXI «Пророк», XXIV «Сияние», XXXI «Создатель» и V «Брашно».

VI. «Не даром вы приснились мне» (стр. 283). Вольный и сокращенный пересказ главы XLVIII «Победа». При этом переложению придан такой характер, чтобы его можно было понять как изображение будущей победы единомышленников поэта. После стиха «Не шли, не веря дивным снам» в рукописи приписано четверостишие, не появившееся в печати:

Они твердили: пусть виденья
Толкует хитрый Магомет,
Они ума его творенья,
Его ль нам слушать — он поэт!

VII. «Восстань, боязливый» (стр. 283). Подражание началу главы LXXIII «Робкий».

VIII. «Торгуя совестью пред бледной нищетою» (стр. 284). Подражание отрывку из главы II «Крава», непосредственно следующему за тем, которым Пушкин воспользовался для IV подражания.

IX. «И путник усталый на бога роптал» (стр. 284). Совершенно свободное развитие нескольких слов из главы II «Крава».

1826

Андрей Шенье (стр. 286). Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 29, в отделе «Элегии», с пропуском стихов 21—64 и 150 по цензурным причинам. Впервые без пропусков — в Стих., 1861, стр. 81. Запрещенные цензурой стихи от «Приветствую тебя, мое светило» до «И буря мрачная минет» распространялись в 20-х годах в списках с заглавием «На 14 декабря». Стихи дошли до правительства, и в связи с этим было арестовано несколько человек, а Пушкин подвергся в начале 1827 года допросу военно-судебной комиссии. Пушкин показал: «Сии стихи... были написаны гораздо прежде последних мятежей и помещены в Элегии Андрей Шенье, напечатанной с пропусками в собрании моих стихотворений... Они явно относятся к Французской революции, коей А. Шенье погиб жертвою... сии стихи никак без явной бессмыслицы не могут относиться к 14 декабря». Тем не менее в элегии присутствуют автобиографические аналогии. Пушкин писал Вяземскому, чтобы он судил ее «как езуит, по намерению». «Намерение» создало особое освещение образа А. Шенье как жертвы тирании. Здесь проводилась аналогия с жестоким произволом Александра I и судьбой Пушкина-изгнанника. Подобное сравнение не противоречило тогдашним представлениям Пушкина о Французской революции. Приветствуя свержение монархии и начало революции, Пушкин, как и многие его современ-

ники, считал якобинскую диктатуру и Робеспьера «палачами самодержавными», губителями свободы. А. Шенье воспевался как истинный деятель революции и борец за свободу (Шенье был противником якобинцев и выступал в защиту короля. Арестованный по обвинению в монархическом заговоре, Шенье был казнен 25 июня 1794 года, за два дня до 9 термидора — падения Робеспьера).

Три первые строфы элегии составляют посвящение Раевскому (Николаю Николаевичу-младшему) (об этом в письме Пушкина к П. А. Плетневу от 19 июня 1825 года). Эпиграф взят из «Юной пленницы» А. Шенье. В своем показании военно-судебной комиссии Пушкин написал о запрещенных цензурой стихах, смысл которых казался неясным:

«Замечу, что в сем отрывке поэт говорит...

...Я славил твой небесный гром,
Когда он разметал позорную твердьню

Взятие Бастилии, воспетое Андреем Шенье...

Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу
И самовластия бестрепетный ответ...

Присяга du Jeu de paume * и ответ Мирабо: *allez dire à votre maître etc. ***

И пламенный трибун и проч. — Он же Мирабо...

Уже в бессмертный Пантеон
Святых изгнанников входили славны тени...

Перенесение тел Вольтера и Руссо в Пантеон. Мы свергнули царей — в 1793...

Убийцу с палачами
Избрали мы в цари...

Робеспьер и Конвент».

При этом Пушкин допустил неточность: прах Руссо был перенесен в Пантеон после казни Шенье, 11 октября 1794 года. *Дева змеи* — Шарлотта Корде, убившая Марата. *Святой старик* — Мальверб, защитник Людовика XVI на его процессе (см. 4-е примечание Пушкина). *День только, день один*. — Пушкин, доверяясь утверждению первого биографа Шенье Латуша, считал, что Шенье был казнен 8 термидора, накануне переворота (см. 5-е примечание).

Сожженное письмо (стр. 293). Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 24, в отделе «Элегии». Стихотворение связывают с Елизаветой Ксавьерьевной Воронцовой (1792—1880), с которой Пушкин встретился в Одессе. Пушкин был ею серьезно и долго увлечен.

* В манеже для игры в мяч. (Франц.) — *Ред.*

** Идите, скажите своему господину и т. д. (Франц.) — *Ред.*

К Воронцовой, повидимому, относятся стихотворения Пушкина: «Храни меня, мой талисман», «Желание славы», «Всё в жертву памяти твоей», «Ангел», «Всё кончено, меж нами связи нет», «Талисман» и наброски «Приют любви, он вечно полн», «В пещере тайной в день гоненья», «Кораблю» и седьмая строфа «К морю». Монограммой Воронцовой (Е. В.) Пушкин помечил несколько своих произведений, в том числе стихи «Как счастлив я, когда могу покинуть», относящиеся к замыслу «Русалки», и стихотворение «В последний раз твой образ милый».

«Храни меня, мой талисман» (стр. 294). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч. АН, т. IV, 1916, стр. 261. Предполагают, на основании мемуарных данных, что речь идет о кольце с надписью по-еврейски, подаренном Пушкину Е. К. Воронцовой (см. примечание к предыдущему стихотворению).

Желание славы (стр. 295). Напечатано Пушкиным в «Совенвателе просвещения и благотворения», 1826, № 6, стр. 299. Предполагают, что это стихотворение, как и «Сожженное письмо», связано с Е. К. Воронцовой.

«Всё в жертву памяти твоей» (стр. 296). При жизни Пушкина не печаталось. Впервые неполно — в Соч., т. I, 1855, стр. 346; полностью — в книге Шляпкина «Из неизданных бумаг Пушкина», СПб., 1903, стр. 3. В рукописи пометы Пушкина: «1825. Тригорское 22» и «Триг. 23 1825». Высказывалось предположение, что стихотворение связано с Е. К. Воронцовой (см. «Сожженное письмо»).

«Лишь розы увядают» (стр. 297). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Русской старине», 1884, июль, стр. 30. Является черновым наброском, рядом с которым набросок на французском языке, повторяющий ту же тему.

«Если жизнь тебя обманет» (стр. 298). Напечатано в «Московском телеграфе», 1825, ч. 5, № 18, стр. 37, с заглавием «Стихи в альбом».

«Твое соседство нам опасно» (стр. 299). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Русской старине», 1884, июль, стр. 25. Адресат неизвестен. «Опасный сосед» — шуточная поэма В. Л. Пушкина, где главный герой Буянов — забияка и картежник.

* Эпиграмма («Наш друг Фита, Кутейкин в эполетах») (стр. 300). При жизни Пушкина эпиграмма не печаталась. С некоторыми искажениями опубликована в «Русском архиве», 1874, кн. I, стлб. 141, в составе письма к Вяземскому от 25 января 1825 года. Эпиграмма имеет в виду поэта Ф. Н. Глинку. Посылая эпиграмму, Пушкин просил Вяземского не выдавать его и не показывать никому: «Фита бо друг сердца моего, муж благ, незлобив, удалялся от всякой скверны». В этом же письме Пушкин говорит о чтении альманаха «Северные цветы» на 1825 год. Поводом к эпиграмме,

очевидно, послужили два стихотворения Глинки, напечатанные в альманахе: «Псалом (Подражание)» и «Желание бога. Из пс. 41». Стихотворения эти являются своеобразным переложением двух псалмов царя Давида с обычным для Глинки привнесением в эти псалмы гражданственной патетики. Пушкин именует Глинку Фитой, так как имя Федор писалось через фиту, предпоследнюю букву старого алфавита. За пристрастие к выпренным образам и языку Библии Пушкин именует офицера Глинку *Кутейкин в эполетах* (Кутейкин — дьячок, персонаж из «Недоросля»). *Бормочет нам растянутый псалом.* — Стихотворения Глинки длиннее, чем их образцы, псалмы Давида. *Поэт Фита, не становись Фертом.* — Здесь игра слов: фита (ф) и ферт (ф) — названия букв старого русского алфавита, одинаково произносившихся. «Становиться фертом» — подбоченья, задорно, важничая. Пушкин намекает на важный, значительный тон стихотворений Глинки, повидимому считая для такого тона недостаточными поэтические качества псалмов Глинки. *Ты Ижица в поэтах.* — Ижица — последняя буква в старом алфавите.

* Эпиграмма («Сказали раз царю, что наконец») (стр. 301). Эпиграмма при жизни Пушкина не публиковалась, но имела распространение в списках. Полностью опубликована в Стих., 1861, стр. 21. Направлена против Воронцова (см. «Полу-милорд, полу-купец»). Эпизод, который имел в виду Пушкин, случился в Тульчине во время военного смотра 1823 года. За обедом в лагере генерала Рудзевича присутствовал Александр I. Он сообщил генералам только что полученное известие об аресте Риэго, вождя испанской революции 1820 года. «Все отвечали молчанием и потупили глаза, один только (т. е. Воронцов — Б. Т.) воскликнул: «Какая радостная новость, ваше величество!» Эта выходка так была неуместна и так не согласовалась с прежней его репутацией, что ответом этим он много потерял в общем мнении», — пишет в своих «Записках» декабрист Басаргин. *Риэго был пред Фердинандом грешен.* — Восстание, поднятое Риэго, заставило испанского короля Фердинанда VII принять конституцию.

П р и я т е л я м («Враги мои, покамест я ни слова») (стр. 302). Напечатано в «Московском телеграфе», 1825, ч. 1, № 3, стр. 215, под заглавием «Журнальным приятелям». В «Северной пчеле», 1825, 30 апреля, № 52, появилась заметка: «А. С. Пушкин просил издателей «Северной пчелы» известить публику, что стихи его сочинений, напечатанные в № 3 «Московского телеграфа» на стр. 215 под заглавием «К журнальным приятелям», должны читаться просто «К приятелям». В ответ на это извещение в «Московском телеграфе», № 9. 23 мая, стр. 153, было напечатано «Объявление господам издателям Северной пчелы»: «На замечание, что в названии эпиграммы, напечатанной в «Телеграфе», прилагательное *Журнальным* лишнее, объявляю, что это прибавлено не мною: так было в списке, ко мне доставленном. Изд. Москв. Тел.» Список был доставлен Вяземским, которому и принадлежит заглавие «Журнальным приятелям». Повидимому, Вяземский считал необходимым скрыть, что Пушкин адресовал эпиграмму не журналистам, а кому-то из своего круга, приятелям, распространявшим о нем дурные слухи,

порיצавшим его поступки и некоторые произведения. Сам Вяземский в той же 1-й части «Московского телеграфа» 1825 года поместил стихотворение «К приятелю», вероятно имеющее в виду Пушкина и его эпиграмму. Вяземский пишет:

Пусть бестолковый свет толкует,
Нам только праздных не унять;
Счастлив, кому дано судьбой о них не знать,

Терпимость — мудрости порука и сестра.
Оставим мы взыскательность пустую;
Я на один порок могущий негодую,
Я на него храню гнев сердца и пера.

Внимание Пушкина к заглавию эпиграммы показывает, как сильно он был задет «приятельской» клеветой; см. написанные в это же время строфы четвертой главы «Евгения Онегина»: «Враги его, друзья его (что, может быть, одно и то же)» и след.

* Наброски к замыслу о Фаусте (стр. 303). Наброски неосуществленного сатирического произведения о Фаусте в аду. При жизни Пушкина не публиковались.

I. «Скажи, какие заклинанья» (стр. 303). Опубликовано впервые в Соч., т. I, 1855, стр. 348.

II. «Вот Коцит, вот Ахерон» (стр. 303). Опубликовано впервые в «Русском слове», 1916, 10 апреля, № 83.

III. «— Так вот детей земных изгнанье?» (стр. 304). Опубликовано впервые в «Вестнике Европы», 1874, январь, стр. 25—26.

«Я был свидетелем золотой твоей весны» (стр. 306). Незаконченный набросок, был опубликован в «Русской старине», 1884, июль, стр. 29.

Совет («Поверь: когда слепней и комаров») (стр. 307). Эпиграмма напечатана в альманахе «Уrania. Карманная книжка на 1826 год», стр. 205. Возможно, что «Совет» обращен к Вяземскому, так как именно он постоянно выступал с полемическими статьями в ответ на нападки журналистов.

«Напрасно ахнула Европа» (стр. 308). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в альманахе «Полярная звезда» на 1859 год, кн. V, стр. 26. Альманах «Полярная звезда» на 1825 год, уже отпечатанный, погиб во время наводнения 7 ноября 1824 года. Его отпечатали вновь, и он вышел 21 марта 1825 года.

Ода его сият. Гр. Дм. Ив. Хвостову (стр. 309). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. VII, 1857, стр. 103. Является пародией на архаические стихи поэта Хвостова и поэтов, увлекавшихся стилем од.

«Жив, жив курилка!» (стр. 312). При жизни Пушкина эпиграмма не печаталась. Опубликовано в «Современнике», 1857, июль, стр. 78. Направлена против Каченовского и вызвана появле-

нием в «Вестнике Европы» заметки под названием «Мысли и замечания» с выпадами против Пушкина и в частности против «Кавказского пленника». Заметка подписана «Юст. Веридиков» (возможно, псевдоним М. Дмитриева). Пушкин пишет брату (14 марта 1825 года): «Каченовский восстал на меня. Напиши мне, благопристойен ли тон его критик — если нет, пришлю эпиграмму». В первой половине мая этого же года Пушкин посылает эпиграмму с заглавием «Жив, жив Курилка!» в письме к брату и пишет по этому поводу: «Вот тебе требуемая эпиграмма на Каченовского, перешли ее Вяземскому». Пушкин, как и многие, приписывал Каченовскому, редактору «Вестника Европы», бранные статьи, появлявшиеся в журнале анонимно или за разными псевдонимами.

Козлову (стр. 313). Датировано Пушкиным 15 мая 1825 года. Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 156, в отделе «Послания», с цензурным искажением стиха 9-го, с заглавием «Козлову. По получении от него Чернеца». В «Стих.», ч. I, 1829, стр. 23, подзаголовок перенесен в оглавление. Козлов И. И. (1779—1840) ослеп в 1821 году и тогда только стал поэтом. Пушкин получил в апреле 1825 года экземпляр поэмы Козлова «Чернец, Киевская повесть» с собственноручною надписью автора. Пушкин писал брату: «Подпись слепого поэта тронула меня несказанно. Повесть его — прелесть... Послание, может быть, лучше поэмы, — по крайней мере, ужасное место, где поэт описывает свое затмение, останется вечным образцом мучительной поэзии. Хочется отвечать ему стихами» (май 1825). Пушкин имел в виду послание к Жуковскому, предпосланное Козловым поэме. В письме, которое Козлов послал Пушкину в ответ на послание, было сказано: «Первая половина 7-го стиха («О милый брат») оправдывается не тем маленьким дарованием, какое, может быть, у меня есть, но моим преклонением перед вашим талантом и искреннею привязанностью, какую я к вам питаю».

Ex ungue leonem (стр. 314). Эпиграмма была опубликована в «Московском телеграфе», 1825, ч. 4, № 13, стр. 43. Это ответ на анонимную (А. Е. Измайлова) заметку в «Благонамеренном», 1825, ч. 30, стр. 173. Заметка являлась отзывом на стихотворение Пушкина «Прятелям». Измайлов писал: «Из самого начала сего ужасного осмыслишища открывается, что для сочинителя приятель и враг — синонимы... Страшно, очень страшно! Более же всего напугало меня то, что у господина сочинителя есть когти!»

П. А. Осиповой («Быть может, уж недолго мне») (стр. 314). Датировано Пушкиным 25 июня 1825 года. Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1829 год, стр. 193. Обращено к П. А. Осиповой (1781—1859), помещице, соседке Пушкина по Михайловскому.

* К Родзянке («Ты обещал о романтизме») (стр. 315) При жизни Пушкина не печаталось. Автографа не сохранилось. Опубликовано в «Современнике», 1859, февраль, стр. 505. К заглавию имеется примечание: «Стихотворение это писано к А. Г. Р. * и избрано с автографа, который с 1856 года, по смерти А. Г. Р., перешел в собственность брата его М. Г. Р.» В списке стихотворений,

составленном Пушкиным в 1827 году, стихотворение названо «К Родз.» Послание является ответом А. Г. Родзянко (см. стр. 795). на его письмо из Лубен от 10 мая 1825 года с приписками его приятельницы А. П. Керн. Родзянко жалуется на Керн, что она «вздумала мириться с Ермолаем Федоровичем (мужем), снова пришло остывшее давно желание иметь законных детей, и я пропал». Родзянко спохватывается, что «пора говорить о литературе с тобою — нашим корифеем». К этому приписка Керн: «Ей-богу, он ничего не хочет и не намерен вам сказать». *Лирион* — французский поэт (1689—1773), известный своими нескромными стихами.

К *** («Я помню чудное мгновенье») (стр. 318). Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1827 год, стр. 341. С обозначением «К Керн А. П.» и «Керн» вошло в списки стихотворений, составленные Пушкиным. Стихотворение адресовано Анне Петровне Керн (1800—1879), которую Пушкин видел еще в 1819 году в доме Олениных. Летом 1825 года Керн гостила у своей тетки П. А. Осиповой в Тригорском и посещала Пушкина в Михайловском. В день отъезда Керн, 19 июля 1825 года, Пушкин вручил ей это стихотворение.

«Блестит луна, недвижно море спит» (стр. 319). Отрывок из неизвестного замысла, датированный Пушкиным 22 июля 1825 года. При жизни Пушкина напечатан не был. Опубликован в Соч., т. VII, 1857, стр. 86.

«Заступники кнута и плети» (стр. 320). Черновой едва читаемый набросок с неполными стихами. При жизни Пушкина не публиковался. Опубликован в «Русском слове», 1911, 6 августа, № 181, стр. 3. Публикатор наброска П. Е. Шеголев пишет: «Эти стихи важны как свидетельство о существовании особого творческого замысла, нам не известного. Цельного стихотворения не получилось, но и отдельные стихи замечательны по необычайной силе выражения и глубине сатирической иронии». Однако Шеголев протестует против чтения последнего, неполного стиха, предложенного В Брюсовым: «Влетит царю мой первый кнут». «Категорически можно утверждать, что... слова «царю» в рукописи нет». Действительно, в последнем стихе все слова, кроме «мой первый кнут» совершенно неразборчивы и являются лишь предполагаемыми или желательными для редакторов. Предположительное чтение, даже принятое в последних изданиях:

Я (?) дам (?) царю (?) мой первый кнут

не только является произвольным, но и составляет явную бессмыслицу по отношению к теме стихотворения. Набросок связан с той «попойкой», которую проявили друзья поэта Вяземский, Жуковский и Плетнев, узнавшие о попытке Пушкина бежать из Михайловского и помешавшие осуществлению этого замысла. Набросок мог быть написан в припадке раздражения от наставительного письма князя Вяземского («Знаменитые князья»), где он предлагает Пушкину покориться силе «обстоятельств» и заявляет, что будет хуже, если Пушкин будет «домогаться о лучшем». Можно предполагать, что

в стихотворении Пушкин иронически благодарит друзей за будущую расправу над ним царской полиции, которую он может ожидать, если останется в ее власти.

* Эпиграмма («Словесность русская больна») (стр. 321). Эпиграмма при жизни Пушкина не печаталась. Опубликовано в «Юбилейном сборнике Литературного фонда». СПб., 1910, стр. 378 (в статье Морозова «Неизвестная эпиграмма Пушкина»).

«На небесах печальная луна» (стр. 321). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Русском слове», 1911, 6 августа, № 181, «Новые стихотворения Пушкина».

* Из письма к Вяземскому («Сатирик и поэт любовный») (стр. 323). При жизни Пушкина не печаталось. Составляет часть письма к Вяземскому от 16—24 сентября 1825 года. В составе письма опубликовано в «Русском архиве», 1874, № 2, стлб. 425. В письме Пушкин просит «похлопотать» за него перед дялей Василием Львовичем, который был обижен на Пушкина за «Элегию на смерть Анны Львовны». Здесь же приводится вариант 5-го стиха «Василий Львович тонкий, острый», который мы и принимаем в данном издании, вместо стиха «Писатель нежный, тонкий, острый», первоначально написанного Пушкиным. *Аристип* — здесь в нарицательном значении по имени греческого философа, учившего, что счастье заключается в удовольствии. *Асмодей* — прозвище Вяземского в обществе «Арзамас». *Ты не племянник Анны Львовны* — см. «Элегию на смерть Анны Львовны».

Вакхическая песня (стр. 324). Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 79, в отделе «Разные стихотворения».

Н. Н. («Примите «Невский Альманах») (стр. 325). Напечатано в «Невском альманахе» на 1826 год, стр. 59, с заглавием «Н. Н. при посылке ей «Невского альманаха». Это заглавие Пушкин перенес в оглавление в «Стих.», ч. II, 1829. Адресат неизвестен. В первоначальной редакции имена были обозначены иначе:

Вы тут найдете Полевого,
Василья Пушкина, ...кова
К... дальный ваш родня,
и т. д.

Зашифровка имен вызывала недоразумения. Катенин под буквой «К» усмотрел свое имя и выражал свое недовольство по этому поводу в письме к Пушкину. Имена в редакции «Стих.», ч. I, 1829 принято раскрывать так: Полевого, Великопольского, Хвостова. В третьем стихе «К ***» читается: Княжевич.

Сафо (стр. 326). Напечатано в «Стих.», 1826, стр. 126, в отделе «Подражания древним». Речь идет о легендарной любви древнегреческой поэтессы к юноше Фаону.

«Цветы последние милей» (стр. 327). Датировано Пушкиным 16 октября 1825 года. При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Современнике», 1838, № 1, т. IX, стр. 137, под заглавием «Последние цветы». В альбоме П. А. Осиповой список стихотворения с заглавием «Стихи, писанные по случаю в позднюю осень присланных цветов к П. от П. О.» (т. е. к Пушкину от П. Осиповой).

19 октября («Роняет лес багряный свой убор») (стр. 328). Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1827 год, стр. 342. К заглавию в сноске имеется примечание, сделанное, вероятно, Дельвигом: «19 октября 1811 года было открытие императорского Царскосельского лицея». В альманахе отсутствуют стихи 129—136 по цензурным требованиям. В стихах 70, 73, 86 фамилии и в стихе 103 имя заменены звездочками по требованию Бенкендорфа. В рукописи имеется несколько строф, отброшенных или замененных Пушкиным (см. «Из других редакций»). *Он не пришел, кудрявый наш певец* и след. — Н. А. Корсаков (1800—1820), начинавший дипломатическую карьеру, музыкант, умер во Флоренции, где служил в русской миссии. *Чужих небес любовник беспечный* — Ф. Ф. Матюшкин (1799—1872); моряк. С 1817 по 1819 год плавал к берегам Камчатки; с 1820 по 1824 год принимал участие в экспедиции для описания берегов Ледовитого океана: в августе 1825 года отправился в кругосветное плавание. *На долгую разлуку* — цитата из прощальной песни Дельвига, сочиненной по случаю окончания Лицея:

Судьба на вечную разлуку,
Быть может, съединила нас.

О Пущин мой, ты первый посетил — И. И. Пущин (см. стр. 812) был в Михайловском у Пушкина 11 января 1825 года. *Ты, Горчаков, счастливец с первых дней.* — А. М. Горчаков виделся с Пушкиным в сентябре 1825 года, когда проездом он останавливался у своего родственника в селе Лямоново, недалеко от Михайловского. *Вещун пермесских дев* — Дельвиг, которого Пушкин всегда считал тончайшим знатоком поэзии. Дельвиг приехал к Пушкину в апреле 1825 года. К нему относятся строфы 11—12; 13-я и 14-я строфы адресованы В. К. Кюхельбекеру, который все послелицейские годы скитался по разным местам: был в Париже, откуда его выслали, на Кавказе и т. д. (поэтому Пушкин именует его братом «по судьбам»). *Кому ж из нас под старость день Лицея.* — Всех лицейстов пережил Горчаков.

* Из письма к Вяземскому («В глуши, измучась жизнью постной») (стр. 333). При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в «Русском архиве», 1874, № 2, стлб. 421, в составе письма к Вяземскому (около 7 ноября 1825). Пушкин отвечал на письмо Вяземского от 16—18 октября. Вяземский начал свое письмо стихами:

Ты сам Хвостова подражатель,
Красот его любостыжатель,
Вот мой, его, твой, наш навоз! . .

Отца зубастых голубей. — В басне «Два голубя» Д. И. Хвостова имеются стихи:

Кой-как разгрыз зубами узелки.

«Брови царь нахмурия» (стр. 334). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Русском архиве», 1874, № 2, стлб. 450. Приведено в письме к Дельвигу в октябре-ноябре 1825 года. Посылая стихи, Пушкин прибавляет: «Вот тебе, душа моя, приращение к куплетам Эристова». Эристов Д. А. (1797—1858) — лиценст, написавший фривольные куплеты, среди которых называют куплеты «За трапезой царской».

Соловей и кукушка (стр. 335). Эпиграмма напечатана в альманахе «Уrania. Карманная книжка на 1826 год», стр. 265. Эпиграмма Пушкина связана с полемикой вокруг элегии с резкими нападками на этот род поэзии со стороны Кюхельбекера (статья «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» и «Разговор с Ф. В. Булгариним»). Баратынский, который, так же как и Пушкин, отдал дань унылой элегии, писал Пушкину в январе 1826 года: «Как ты отделал элегиков в своей эпиграмме! Тут и мне достается, да и поделом; я прежде тебя спохватился и в одной ненапечатанной пьесе говорю, что стало приторно «Вытье жеманное поэтов наших лет».

Дружба (стр. 336). Напечатано в альманахе «Уrania. Карманная книжка на 1826 год», стр. 268.

Движение (стр. 337). Напечатано в альманахе «Уrania. Карманная книжка на 1826 год», стр. 155. На тему о движении у Пушкина есть заметка на французском языке, составляющая как бы план данного стихотворения: «Восхищались циником, который стал ходить перед тем, кто отрицал движение, Солнце ежедневно совершает то же, что и Диоген, но никого не убеждает». *Мудрец брадатый* — греческий философ Зенон (V в. до н. э.), учивший, что движение «есть только название, данное целому ряду одинаковых положений, из которых каждое, отдельно взятое, есть покой». *Другой молчал* — Диоген, греческий философ школы киников (V в. до н. э.). *Однако ж прав упрямый Галилей* — итальянский астроном (1564—1649), который был предан церковному суду за то, что защищал открытие Коперника о вращении земли вокруг солнца. Он был вынужден подписать отречение от ереси, однако, подписав его, воскликнул: «А всё-таки земля вертится!»

«Нет ни в чем вам благодати» (стр. 338). Напечатано в альманахе «Уrania. Карманная книжка на 1826 год», стр. 109, с заглавием «Мадригал», проставленным Пушкиным также и в письме к Вяземскому от ноября 1825 года, где находится среди эпиграмм, посланных при этом письме. В «Стих.», ч. II, 1829, стр. 169, без заглавия. Стихотворение датируется, вероятнее всего, 1825 годом, так как в указанном письме находится среди эпиграмм этого года. Адресат неизвестен.

Сцена из Фауста (стр. 339). Напечатано в «Московском вестнике», 1828, ч. 9, № 9, стр. 3, с заглавием «Новая сцена между Фаустом и Мефистофелем», без стихов 110—111, которые были изъяты по требованию Николая I. Стихотворение оригинальное, написанное в духе и как бы в развитие темы «Фауста» Гете.

Зимний вечер (стр. 343). Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1830 год, стр. 34. Стихотворение связано с зимними вечерами в Михайловском, о которых Пушкин писал: «Вечером слушаю сказки моей няни... она единственная моя подруга — и с нею только мне не скучно» (письмо около 9 декабря 1824 года — Шварцу).

«В крови горит огонь желанья» (стр. 345). Стихотворение вчерне написано в 1821 году и доработано Пушкиным в 1825 году. Напечатано в «Московском вестнике», 1829, ч. I, стр. 44, вместе со стихотворением «Вертоград моей сестры», под общим заглавием «Подражания». В списках стихотворений, предназначенных к изданию, обозначено: «Подр. вост. стих.» В «Стих.», ч. II, 1829, стр. 56, среди стихотворений 1825 года. Стихотворение является подражанием первым стихам главы I книги любовных песен царя Соломона «Песнь песней»; переложение писано одновременно с поэмой «Гавриилиада», в которой имеются словесные совпадения (хотя в переложении нет элемента пародии). Ср., например, «И на груди красавицы почию» («Гавриилиада», стих 129).

«Вертоград моей сестры» (стр. 346). Напечатано в «Московском вестнике», 1829, ч. I, стр. 44, после стихотворения «В крови горит огонь желанья», под общим заглавием «Подражания». Возможно, что вчерне оно написано тогда же, когда и «В крови горит огонь желанья». В «Стих.», ч. II, 1829, стр. 57, помещено среди стихотворений 1825 года. Является подражанием стихам 12—16 главы IV книги любовных песен царя Соломона «Песнь песней». См. стихи 44—47 поэмы «Гавриилиада», с которыми совпадает фразеологически, хотя данное стихотворение не является пародией.

Буря («Ты видел деву на скале») (стр. 347). Напечатано в «Московском вестнике», 1827, ч. I, № 2, стр. 91. В «Стих.», ч. II, 1829, стр. 69, среди стихотворений 1825 года. Повидимому, написано в Михайловском под впечатлением воспоминаний о Черном море. О том, как Пушкин наблюдал бурю, писала княгиня Вяземская из Одессы: «Я вчера оставалась около часа на берегу моря с Пушкиным под проливным дождем, чтобы видеть, как трепало бурей корабль... Как-то с гр. Воронцовой и Пушкиным мы дождались «девятого вала» и были облиты так, что пришлось переменить платье».

Прозаик и поэт (стр. 348). Напечатано в «Московском вестнике», 1827, ч. I, № 4, стр. 252. В «Стих.», ч. II, 1829, стр. 24, среди стихотворений 1825 года.

* Из Вольтера («Короче дни, а ночи доле») (стр. 349). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Русском слове»,

1916, 10 апреля, № 83. Наброски перевода из сказки Вольтера «Что нравится женщинам». Кроме этих двух, имеются еще следующие наброски:

И дабы впредь не смел чудесить,
Поймавши истинно повесить
И живота весьма лишить

и начало стиха:

В то время деньги...

Что жил во время Дагоберта — поговорка: очень давно, в скачочные времена.

«Хотя стишки на именины» (стр. 350). При жизни Пушкина не печаталось. Автографа не сохранилось. Впервые — по копии А. Н. Вульфа в Соч., т. VII, 1857, стр. 89. Адресовано А. Н. Вульф (1799—1857), старшей дочери Осиповой, соседки Пушкина по Михайловскому. Стихотворение построено на том, что имя «Анна» по-еврейски значит «благодать».

«Под каким созвездием» (стр. 351). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Русском слове», 1916, 10 апреля, № 83.

«Что с тобой, скажи мне, братец?» (стр. 352). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в книге «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина». СПб., 1903, стр. 66.

С португальского (стр. 353). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. I, 1855, стр. 349, полностью — в Соч. АН, т. 4, 1916, стр. 211. Стихотворение является вольным переводом стихотворения «Воспоминания» Антонио Гонзага (1749—1808), португальского поэта так называемой «аркадской школы». «Воспоминания» — стихотворение из любовного цикла, посвященного Мариили (Сейшаш). Пушкин несколько изменил начало стихотворения (о том, как под утро поэт ищет свою любимую, завидуя пастихам) и сократил центральную его часть, сделав ее менее сентиментальной.

Начало I песни «Девственницы» (стр. 355). При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в «Русской старине», 1884, июль, стр. 37, по автографу с данным заглавием. Довольно близкий перевод начальных стихов «Орлеанской девственницы» Вольтера. *К услышанью Иоанниных чудес* и след. — речь идет о Жанне Дарк (1412—1431), национальной героине Франции, которая способствовала освобождению королевства (*спасла французские лилеи*, т. е. герб королей Франции) от англичан. *О ты, певица сей чудотворной девы* — французский поэт Шаплен (1595—1674), автор огромной исторической поэмы о Жанне Дарк. Поэма эта была мишенью острот Буало, а затем Вольтера, который начал свою поэму с обращения к своему предшественнику.

«От многогочия отрехшись добровольно» (стр. 356). При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в «Известиях ЦИК», 1934, 6 июня, № 131/5379. Стихотворение записано на полях так называемой тетради Всеволожского (рукопись стихотворений, приготовленных к печати в 1819 году и оставленных Всеволожскому). Эта рукопись была у Пушкина в 1825 году, и, вероятно, тогда в нее внесено данное стихотворение. Однако не исключается возможность включения в эту рукопись и более раннего стихотворения. Повидимому, представляет собой альбомную запись.

Элегия на смерть Анны Львовны (стр. 357). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Русском архиве», 1874, № 1, стлб. 152—153, в составе письма к Вяземскому. В письме к Вяземскому от 20 апреля 1825 года Пушкин послал шуточную «элегию», подписавшись под ней: «Я да Дельвиг». Участие Дельвига в этой шутке, вероятно, заключалось лишь в том, что он присутствовал при сочинении и поощрял его (Дельвиг в это время гостил у Пушкина), так как любил подобные шутливые импровизации. В письме к Вяземскому в конце сентября 1825 года Пушкин просил похлопотать за него перед Василием Львовичем, который рассердился на Пушкина за «элегию». «Ради бога докажи Василью Львовичу, что элегия на смерть *Ан. Льв.* не мое произведение, а какогонибудь другого беззаконника». Дальше, повидимому подсказывая имя «беззаконника», Пушкин прибавляет, что «конечно, Дельвиг более виноват, нежели я». *Анна Львовна* — Пушкина, тетка Пушкина, умершая 14 октября 1824 года. *Лизавета Львовна* — Солнцева, сестра Анны Львовны. *Матвей Михайлович* — Солнцев, муж Елизаветы Львовны. *Ольга Сергеевна* и *Лев Сергеевич* — сестра и брат Пушкина. *Василий Львович* — Пушкин, который напечатал в «Полярной звезде» на 1825 год стихотворение «К ней»: «Где ты, мой друг, моя родная», посвященное памяти Анны Львовны. *Красовский* — цензор, сын священника.

«В пещере тайной, в день гоненья» (стр. 358). При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано впервые в Соч., т. I, 1855, стр. 348. Является черновым наброском замысла, аналогичного по теме стихотворению «Храни меня, мой талисман». *Слова святые начертала* — слова молитвы, вырезанные на камне кольца-печатки (см. примечание к стих. «Храни меня, мой талисман», стр. 801).

«Люблю ваш сумрак неизвестный» (стр. 359). Напечатано в «Московском телеграфе», 1826, ч. 7, № 1, отд. II, стр. 5, с заглавием «Элегия». В «Стих.», ч. I, 1829, стр. 168, среди стихотворений 1822 года. К этому времени относится черновик, доработанный в 1825 году. Дата «1822» поставлена Пушкиным потому, что стихотворение является отрывком большого замысла того времени (см. стих. «Таврида», стр. 180). При обработке Пушкин придал теме данного отрывка смысл, характерный для настроений и взглядов Пушкина в 1825 году.

Песни о Стеньке Разине (стр. 360). При жизни Пушкина не печатались, предполагались к напечатанию в «Северных цветах». Автографа не сохранилось. При письме от 20 июля 1827 года Пушкин представил песни о Степане Разине на цензуру Николая. В письме от 22 августа 1827 года Бенкендорф извещал поэта: «Песни о Стеньке Разине, при всем поэтическом своем достоинстве, по содержанию своему неприличны к напечатанию. Сверх того, церковь прокликает Разина, равно как и Пугачева». Опубликованы песни по копии, сделанной Погодиным, в газете «Русь», 1881, 17 февраля, № 13, стр. 18. Еще в ноябре 1824 года Пушкин писал брату: «Ах! боже мой, чуть не забыл, вот тебе задача: историческое, сухое известие о Стеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории». Повидимому, к этому же времени относятся сохранившиеся записи Пушкина двух песен о Стеньке Разине и его сыне. Песни эти были записаны со слов няни Арины Родионовны, однако ни одним из записанных текстов Пушкин не воспользовался для своих песен, избрав другие сюжеты из обширного цикла народных сказаний о Разине. Известие о персидской княжне Пушкин заимствовал из записок очевидца, голландского путешественника Яна Стрейса, выдержки из которых были опубликованы А. Корниловичем в журнале «Северный архив», 1824 апрель, № 7.

* И. И. Пушкину («Мой первый друг, мой друг бесценный») (стр. 363). Датировано Пушкиным 13 декабря 1826 года. При жизни Пушкина напечатано не было. Черновая редакция стихотворения (см. стр. 740) относится к началу 1825 года. Переработка стихотворения для послания Пушкину сделана в 1826 году. Автографа не сохранилось. Текст послания был опубликован в «Современнике», 1841, май, т. XXII, стр. 173. Первая строфа стихотворения, взятая Пушкиным из черновой редакции, связана с приездом Пушкина в Михайловское 11 января 1825 года, вторая обращена к Пушкину, приговоренному к каторжным работам по делу декабристов. О получении послания Пушкин в своих «Записках» сообщал: «1828 года 5 января привезли меня из Шлиссельбурга в Читку, где я соединился наконец с товарищами моего изгнания и заточения, прежде меня прибывшими в тамошний острог... Пушкин первый встретил меня в Сибири задушевым словом. В самый день моего приезда в Читку призывает меня к частоколу А. Г. Муравьева... и отдает листок бумаги, на котором неизвестною рукою написано было: «Мой первый друг, мой друг бесценный» и пр. Отраднo отозвался во мне голос Пушкина. Преисполненный глубокой, живительной благодарности, я не мог обнять его, как он меня обнимал, когда я посетил его в изгнании... Наскоро, через частокол, Александра Григорьевна проговорила мне, что получила этот листок от одного своего знакомого перед самым отъездом из Петербурга, хранила его до свидания со мною и рада, что могла наконец исполнить порученное поэтом. По приезде в Тобольск, в 1839 г., я послал эти стихи к Плетневу, таким образом были они напечатаны; а в 1842 г. брат мой Михаил отыскал в Пскове самый подлинник Пушкина, который теперь хранится у меня в числе заветных моих сокровищ». *Мой пер-*

вый друг. — Так Пушкин именует Пушина, потому что он был первым, с кем он подружился незадолго до поступления в Лицей в 1811 году. В своих «Записках» Пушкин описывал путешествие по снежным сугробам и въезд в Михайловское «при громе колокольчика». «Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и засели в снегу нерасчищенного двора».

* К Вяземскому («Так море, древний душегубец») (стр. 364). Датировано Пушкиным 14 августа 1826 года. При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в составе письма к Вяземскому в «Русском архиве», 1874, кн. I, № 2, стлб. 431. В письме к А. И. Тургеневу от 16 января 1837 года сказано: «Вот вам мои стихи к В.» Стихотворение является ответом на стихотворение Вяземского «Море», посланное Пушкину 31 июля 1826 года из Ревеля (Таллин) со следующими строками, славящими морские волны:

В вас нет следов житейских бурь,
Следов безумства и гордыни,
И вашей девственной святыни
Не опозорена лазурь,
Кровь братьев не дымится в ней!

Стихи Пушкина вызваны слухами о том, что Н. И. Тургенев, обвиненный по делу декабристов, арестован в Лондоне и привезен на корабле в Петербург. Слух этот оказался неверным. Пушкин в письме, при посылке стихотворения, спрашивал Вяземского: «Правда ли что Николая Тургенева привезли на корабле в Петербург? Вот каково море наше хвалено!»

К Баратынскому («Стих каждый в повести твоей») (стр. 365). Напечатано в «Московском вестнике», 1829, ч. I, стр. 108, с заглавием «К...», с пометой «1825». В беловом автографе Пушкина заглавие: «Баратынскому». В «Стих.», ч. I, 1829, стр. 170, среди стихотворений «Разных годов». Стихотворение написано в начале 1826 года. Адресовано к Е. А. Баратынскому в связи с выходом в свет поэмы «Эда» (*Чухоночка*) и резкими отзывами о ней Булгарина (*твой зоил*) в «Северной пчеле», 1826, 16 февраля, № 20.

* Из письма к Великопольскому («С тобой мне вновь считаться довелось») (стр. 366). Датировано Пушкиным 3 июня 1826 года. При жизни Пушкина напечатано не было. Является началом записки к Великопольскому, в составе которой опубликовано в «Русском архиве», 1884, № 2, стр. 468. С И. Е. Великопольским (1797—1868) Пушкин познакомился в Пскове. После стихов следует: «Сделайте одолжение, пятьсот рублей, которые вы мне должны, возвратите не мне, но Гаврилу Петровичу Назимову, чем очень обяжете преданного Вам душевно Александра Пушкина». Обиженный напоминанием и стихами, Великопольский отвечал Пушкину «Посланием в ответ на полученную записку в стихах» в очень раздраженном тоне не только по отношению к Пушкину-игроку, но и по отношению к Пушкину-поэту. Не удовлетворившись

этим, он написал эпиграмму на Пушкина «Арист — негодный человек», которая вполне выразила злобное отношение Великопольского к поэту. Повидимому, Пушкин знал эту эпиграмму и в 1828 году расчелся с Великопольским «Посланием к сочинителю сатиры на игроков». *Певец любви то резвои, то унылой* — Великопольский был поэтом-дилетантом и писал элегии.

К Зине («Вот, Зина, вам совет: играйте») (стр. 367). Датировано Пушкиным 1 июля 1826 года. При жизни Пушкина напечатано не было. Автограф не сохранился. Опубликовано в Соч., т. VII, 1857, стр. 92, с заглавием «В альбом», по копии А. Н. Вульфа. В копии имеется помета «К Евпр. Ник. Вульф». В списке стихотворений, предназначенных Пушкиным для издания, — с заглавием «К Зине» с датой 1 июля 1826. Адресовано Евпраксии Николаевне Вульф (1809—1883), младшей дочери тригорской помещицы Осиповой (см. стихи, обращенные к ней, в «Евгении Онегине», гл. V, строфа XXXII «Зизи, кристалл души моей», т. I, стр. 492).

Из Ариостова *Orlando furioso* (стр. 368). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. I, 1855, приложение VI, стр. 465. Отрывок из поэмы Ариосто «Неистовый Роланд», 22-я песня, октавы 100—112. Переложение Пушкина является очень свободным. Так, Пушкин не передал стихотворной формы оригинала (октавы), заменив ее четырехстопным ямбом вольной рифмовки и сократив некоторые места.

«Под небом голубым страны своей родной» (стр. 372). Датировано Пушкиным 29 июля 1826 года. Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1828 год, стр. 51, с заглавием «Элегия». В список стихотворений, составленный Пушкиным в 1828 году, вошло с заглавием «На смерть Р.» В «Стих.», ч. II, 1829, стр. 33, без заглавия, среди стихотворений 1825 года. В рукописи дата: «29 июля 1826». Под текстом рукописи запись: «Усл. о см. 25 Усл. о с. Р. П. М. К. Б. 24», что понимается так: «Услышал о смерти Ризнич 25 июля 1826 года. Услышал о смерти Рыльева, Пестеля, Муравьева, Каховского, Бестужева 24 июля 1826 года». Итальянка Амалия Ризнич — жена одесского негодичанта. В нее Пушкин был влюблен в конце 1823 — в начале 1824 года. В мае 1824 года Ризнич уехала во Флоренцию, где и умерла через год. Поэт Туманский написал на ее смерть в июле 1825 года стихотворение «На кончину Р.», посвященное Пушкину (напечатано в «Северной лире» на 1827 год). В стихотворении есть следующие строки, аналогичные пушкинским:

... Где страстные рыдания?
Взгляни: к другим уж не влекут желанья,
Уж новый огонь волнует души их,
И для тебя сей голос струн чужих —
Единственный завет воспоминанья.

Вероятно, стихотворение Туманского было передано Пушкину вместе с известием о смерти Ризнич.

«Едва уста красноречивы» (стр. 373). При жизни Пушкина набросок не печатался. Сохранился белой автограф с четкой расстановкой стихов в двух строфах и одним стихом третьей строфы (в последних изданиях ошибочно переставлены строфы). Набросок опубликован в «Русской старине», 1884, июнь, стр. 535. Можно предполагать, что стихотворение посвящено бокалу, из которого пил поэт «радости и хмеля» Н. М. Языков, гостивший летом 1826 года в Тригорском.

К Языкову («Языков, кто тебе внушил») (стр. 374). Датировано Пушкиным 28 августа 1826 года. Напечатано в «Московском вестнике», 1827, № 9, стр. 4—5. Является ответом на послание поэта Языкова «О ты, чья дружба мне дороже». Как сей напиток благо-рошный и след. — соответствует стихам послания Языкова:

Когда могущественный ром,
С плодами сладостной Мессины,
С немного сахара, с вином,
Переработанный огнем,
Лился в стаканы-исполины.

Речь идет о жженке, которую мастерски приготавливали в Тригорском.

«Будь подобен полной чаше» (стр. 375). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано И. А. Шляпкиным в его книге «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина». СПб., 1903, стр. 6. По своему построению (куплеты с повторяющимся припевом) стихотворение, повидимому, предназначалось в качестве заключительных куплетов к какому-нибудь водевилю.

Признание (стр. 376). При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в «Библиотеке для чтения», 1837, т. XXII, май, отд. I, стр. 5—6, с заглавием «Признание. К Александре Ивановне О-й. 1821» (дата ошибочная, повидимому описка или опечатка, вместо 1824). Автографа не сохранилось. Обращено к Александре Ивановне Осиповой (в замужестве Деклешевой), падчерице хозяйки Тригорского; Пушкин встречался с ней в 1824—1826 годах.

Пророк (стр. 378). Напечатано в «Московском вестнике», 1828, № 3, стр. 269. Для данного стихотворения, выдержанного в стиле библейского сюжета, Пушкин воспользовался мотивами VI главы книги пророка Исайи с применением их к теме пророческого назначения поэта. Эта тема связана с ролью Пушкина как глашатая декабристского движения. Имеется свидетельство Погодина о том, что Пушкин написал цикл (четыре) политических стихотворений на тему «Пророка», а затем их уничтожил. В памяти Погодина сохранились лишь заключительные строки одного из них (причем сообщенный текст вызывает сомнения, а последняя строка расшифровывается по догадке).

Восстань, восстань, пророк России,
В позорны ризы облекись,
Иди и с вервием на выи
К у<бийце> г<нусному> явись.

Цикл этот, по словам Погодина, Пушкин привез в Москву из Михайловского. Он написан, повидимому, после 24 июля, когда Пушкин узнал о казни декабристов.

*Стихотворения последнего периода
(август 1826 — 1837)*

1826 (МОСКВА — ПЕТЕРБУРГ)

К. А. Тимашевой (стр. 381). Датировано Пушкиным 20 октября 1826 года. Напечатано в альманахе «Радуга. Литературный и музыкальный альманах на 1830 год», стр. 78, с заглавием «К. А. Т-вой». Полностью имя Тимашевой раскрыто в Изд. Геннади, т. I, 1859, стр. 364, по копии альбомной записи Пушкина. Написано в альбом Е. А. Тимашевой (1788—1881), светской красавицы, поэтессы, со стихами которой Пушкин, повидимому, познакомился в рукописи или в чтении самой Тимашевой, так как напечатаны были некоторые из ее стихотворений лишь в 30-х годах. Пушкин посещал Тимашеву в Москве в 1826—1827 годах. Тимашевой посвятили свои стихотворения многие поэты: Баратынский — «Вам всё дано с щедротою пристрастной», Языков — «Молодая ученица», Ростопчина — «Белая дама» и др. *Где ваши томные мечтанья* — стихи Тимашевой проникнуты меланхолией, разочарованностью. Языков называл мир ее поэзии миром «восторгов дивных, тихих, тайных, заунывных». Баратынский писал:

Что ж грусть поет блестящая певица?
Что ж томны взоры красоты?
Печаль, печаль — души ее царица.

Я пил отраву в вашем взоре и след. — Поэтесса Ростопчина в стихотворении «Белая дама» писала о Тимашевой:

На томную лазурь очей уныло-ясных
Ресницы черные покров бросали свой;
Во взорах пламенных, примаంచиво-опасных
Изображался ум с чувствительной душой.

Соперницы запретной розы. — «Запретная роза» — стихотворение Вяземского 1826 года:

Прелестный цвет, душистый, ненаглядный,
Московских роз царица и краса!

Ты про себя тайшь дары свои:
Румянец свой, и мед, и запах сладкий

И с завистью пчела любви, украдкой,
Глядит на цвет, запретный для любви.
Тебя, цветок, коварством бескорыстным
Похитил шмель, пчеле и розе враг;
Он оскорбил лобзаньем ненавистным,
Он погубил весну надежд и благ...

В стихах этих аллегорически изображена судьба молодой женщины, не знающей любви. Они адресованы (по сведениям современников) Елизавете Петровне Лобановой-Ростовской, о которой Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Ты знаешь или не знаешь, что обер-прокурор Лобанов женат на Киндяковой, но что она, говорят, незамужем» (9 апреля 1825). Сравнивая с ней Тимашеву, жившую врозь со своим мужем, Пушкин имел в виду ее печальную судьбу. В письме к Вяземскому Пушкин писал: «Что наши? Что Запретная Роза? Что Тимашева? Как жаль, что я не успел с нею завести благодушную интригу! Но и это не ушло» (9 ноября 1826).

* Няне («Подруга дней моих суровых») (стр. 382). При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в Соч., т. I, 1855, стр. 5. Является наброском неосуществленного послания к няне Арине Родионовне, которая неотлучно находилась при Пушкине во время его пребывания в Михайловском. Арина Родионовна после отъезда Пушкина посылала ему письма: «Вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только когда засну, то забуду вас... Приезжай, мой ангел, к нам в Михайловское, всех лошадей на дорогу выставлю... я вас буду ожидать и молить бога, чтоб он дал нам свидеться». Судя по положению наброска в черновой тетради Пушкина, он писан осенью 1826 года.

* Из письма к Соболевскому («У Гальяни или Кольони») (стр. 383). При жизни Пушкина не печаталось. Составляет часть письма к Соболевскому, 9 ноября 1826 года, опубликованного впервые в «Современнике», 1857, № 5, отд. V, стр. 73. Письмо С. А. Соболевскому (1803—1870), приятелю Пушкина и товарищу Л. С. Пушкина, служившему в Московском архиве, было написано вскоре по приезде Пушкина в Михайловское под свежим впечатлением путешествия из Москвы. Пушкин пишет: «Посылаю тебе мой itinéraire * от Москвы до Новгорода. Это будет для тебя инструкция. Во-первых, запасись вином, ибо порядочного нигде не найдешь. Потом...» Дальше следуют стихи, к которым сделана приписка: «На голос «Жил да был петух индейский» (песенка, сочиненная Соболевским и Баратынским). Стихи завершены припиской: «На каждой станции советуешь из коляски выбрасывать пустую бутылку; таким образом ты будешь иметь от скуки какое-нибудь занятие». Гальяни — итальянец, содержатель ресторана в Твери. *Пожарский* — содержатель «славного трактира» в Торжке, упомянутый Пушкиным в

* Т. е. мои путевые записки. Здесь, вероятно, шуточный намек на популярную в те годы книгу Шатобриана «Itinéraire de Paris à Jérusalem» («Путевые записки от Парижа до Иерусалима»). — *Ред.*

статье «Путешествие из Москвы в Петербург». Трактир был знаменит котлетами из курицы и телятины. *Шабли* — белое сухое вино.

«Как счастлива я, когда могу покинуть» (стр. 385). Датировано Пушкиным «23 ноября», повидимому 1826 года. При жизни Пушкина отрывок не печатался. Опубликовано в «Русском слове», 1916, 10 апреля, № 83, стр. 2. Автограф имеет следующую помету Пушкина: «23 пов. С. Козаково. Е. В». Эта помета указывает на место написания (почтовая станция по дороге из Москвы в Михайловское). Буквы являются инициалами Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой. Набросок связывают с замыслом драмы «Русалка», с монологом князя (см. «Русалку»).

Ответ Ф. Т.*** («Нет, не черкешенка она») (стр. 386). Напечатано в «Стих.», ч. II, 1829, стр. 78, в отделе стихотворений 1826 года. Адресат неизвестен, можно предполагать, что это Ф. Толстой (американец), с которым Пушкин помирился в 1826 году и постоянно встречался в московских салонах. Речь идет об одной из московских красавиц — С. Ф. Пушкиной (1806—1862).

«В еврейской хижине лампада» (стр. 387). При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в Соч., т. VII, 1857, стр. 45. Набросок к неосуществленному замыслу поэмы об Агасфере. Франтишек Малевский в своем дневнике (см. «Литературное наследство», т. 58, М., 1952, стр. 263—267) рассказывает о вечере у Ксенофонта Полевого 19 февраля 1827 года, где Пушкин говорил о своем *juif eggant**: «В хижине еврея умирает дитя. Среди плача человек говорит матери: «Не плачь. Не смерть, а жизнь ужасна. Я скитающийся жид. Я видел Иисуса, несущего крест, и издевался». При нем умирает двадцатилетний старец. Это на него произвело большее впечатление, чем падение Римской империи».

К***. («Ты богоматерь, нет сомненья») (стр. 388). При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано Герценом в «Полярной звезде» на 1859 год, кн. V, стр. 23, с заглавием «К Х...» Адресат неизвестен.

Зимняя дорога (стр. 389). Напечатано в «Московском вестнике», 1828, ч. 7, № 4, стр. 405. Отнесено к 1826 году в «Стих.», ч. II, 1829, стр. 75.

Стансы («В надежде славы и добра») (стр. 391). Датировано Пушкиным 22 декабря 1826 года. Напечатано в «Московском вестнике», 1828, № 1, стр. 3—4, без подписи. Пушкин рассматривал стихотворение как программу прогрессивной политики, которую он пытался внушить Николаю I. В последнем стихе выражалась надежда на прощенье декабристов. Однако в близких Пушкину кругах «Стансы» были поняты как измена прежним убеждениям и

* Вечный жид. (Франц.) — *Ред.*

форма лесты. Такое понимание заставило Пушкина написать стихотворение «Друзьям» («Нет я не льстец, когда царю»). *И был от буйного стрельца Пред ним отличен Долгорукий.* — Пушкин имеет в виду то, что кн. Я. Ф. Долгорукий часто позволял себе в сенате спорить с Петром и однажды разорвал при нем его указ. Убедившись в его доводах, Петр простил его. Здесь Пушкин намекает на то, что и Николаю I необходимо прислушиваться к мнению людей, подобных Долгорукому. Известно, что «новым Долгоруким» Пушкин называл Н. С. Мордвинова (см. стих. «Мордвинову», стр. 394).

1827

«Во глубине сибирских руд» (стр. 392). При жизни Пушкина не печаталось. Автографа не сохранилось. Распространялось в списках. Опубликовано Герценом в альманахе «Полярная звезда» на 1856 год, стр. 13; в России — в «Русском архиве», 1874, № 9, стлб. 703. Списки дают разнообразные заглавия посланию: «В Сибирь», «К страдальцам 1826 года», «При посылке Цыган и 2-й песни Онегина ссыльным», «Послание в Петровский завод». Послание было отправлено в Сибирь в начале 1827 года. Пушкин находился в Москве, когда там проездом были жены декабристов, решившиеся разделить участь своих мужей. В своих «Записках» М. Н. Волконская пишет, что Пушкин хотел ей поручить «свое «Послание к узникам» для передачи сосланным», но так как она уехала в ту же ночь (на 26 декабря 1826 года), он отдал его жене Никиты Муравьева Александре Григорьевне.

На послание Пушкина отвечал Александр Одоевский:

Струн вещей пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.
Но будь спокоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.
Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.
Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы,
И с нею грянем на царей. —
И радостно вздохнут народы.

Арион (стр. 393). Датировано Пушкиным 16 июля 1827 года. Напечатано в «Литературной газете», 1830, т. II, № 43, стр. 52, без подписи. В стихотворении Пушкин основывался на мифе о певце Арионе, чудесно спасшемся от неминуемой гибели в морской пучине. Однако Пушкин далеко отступил от мифа, по которому спутники Ариона не погибли. Судьба Ариона служила лишь аллегорией, скрывающей политический смысл стихотворения, рисующего судьбу декабристов и певца их идей — самого Пушкина.

* Мордвину (в «Под хладом старости угрюмо угасал») (стр. 394). При жизни Пушкина напечатано не было. По положению автографа среди других произведений датируется приблизительно июлем 1827 года. Заглавия не имеет. Впервые опубликовано с раскрытием адресата в Соч., т. I, 1855, стр. 355. Стихотворение адресовано Мордвину Николаю Семеновичу (1754—1845), государственному деятелю четырех царствований. В своем послании Пушкин исходит из характеристики Мордвина, данной в оде В. Петрова (1796), где говорится о стремлении Мордвина к «общественному благу» и предсказывается, что Мордвин будет «оплот отечества». Вряд ли это послание вызвано каким-либо ближайшим поводом в деятельности Мордвина, но имеет несомненную связь с высказываниями Пушкина в «Стансах» (1826) и «Друзьям» (1828). В Мордвине Пушкин видел «нового Долгорукого», прямодушного и просвещенного советника царя. Идеал такого государственного мужа выдвигал он в «Стансах» перед Николаем, напоминая о роли Долгорукого при Петре. *В советах недвижим у места своего.* — Мордвин с 1810 года был членом Государственного совета, где высказывал в течение ряда лет свои знаменитые «Мнения» по вопросам права и экономики. Именно эти «Мнения» составили популярность Мордвина в прогрессивных кругах и послужили причиной того, что декабристы выдвинули кандидатуру Мордвина в предполагаемое временное правительство, хотя даже правые декабристы не были согласны со взглядом Мордвина на крепостное право, так как он был против реформы, считая благоразумным медленное и постепенное уничтожение крепостных отношений. Неизменность взглядов Мордвина сказались в первые дни нового царствования. Еще в октябре 1824 года Мордвин подал развернутое и обоснованное мнение об отмене смертной казни государственными преступникам. Обсуждение этого мнения продолжалось и в 1825 году, когда (13 января) Мордвин предъявил Государственному совету дополнительные статьи к мнению 1824 года. После ареста участников декабрьского восстания Мордвин изложил свое мнение в особой записке, которую 22 декабря 1825 года подал Николаю I. Под смертным приговором декабристам Мордвин не подписался. *Один, на рамена подъявши мощный труд.* — С 1821 года Мордвин был председателем департамента гражданских и духовных дел и занимался вопросами финансов. В марте 1826 года он подал записку «об исправлении финансов», где говорил о необходимости пробуждения экономических сил страны, об усилении добычи золота и других руд в Сибири (*дань сибирских руд*). За счет этого Мордвин предлагал увеличить средства Министерства народного просвещения, «имея при этом в виду именно просвещение массы». В этой же записке Мордвина высказывается мнение о непосильных налогах и необходимости уменьшить их для неимущих (*вдовицы бедный лепт*). Выражение «вдовицы бедный лепт» (правильнее — лепта) взято из евангельского рассказа о вдове, пожертвовавшей две лепты (самые мелкие монеты). Форма «лепт», видимо, вызвана воспоминанием о стихе Жуковского:

Последний бедный лепт за лик твой отдает

«Императору Александру», 1814.

Ср. «Евгений Онегин», гл. IV, строфа 45.

Поэт («Пока не требует поэта») (стр. 395). Датировано Пушкиным 15 августа 1827 года. Напечатано в «Московском вестнике», 1827, ч. 6, № 23, стр. 255.

Соловей и роза («В безмолвии садов, весной, во мгле ночей») (стр. 396). Напечатано в «Литературном музее» на 1827 год, стр. 311. Тема «соловей, влюбленный в розу» обычна в восточной (персидской) поэзии.

Эпиграмма (Из антологин) («Лук звенит, стрела трепещет») (стр. 397). Напечатана в «Московском вестнике», 1827, ч. 2, № 6, стр. 124. Направлена против литератора и посредственного поэта А. Н. Муравьева (1805—1874). Сам Муравьев объясняет эпиграмму тем, что, будучи на вечеру у кн. Волконской, он нечаянно сломал руку у гипсовой статуи Аполлона и написал на пьедестале:

О Аполлон! Поклонник твой
Хотел померяться с тобой,
Но оступился и упал.
Ты горделивца наказал;
Хотя пожертвовал рукой,
Зато остался он с ногой.

Случай этот вызвал не менее резкую эпиграмму Баратынского «Убог умом, но не убог задором». Стихи Пушкина дошли до Муравьева, который написал ответную эпиграмму:

Как не злиться Митрофану?
Аполлон обидел нас:
Посадил он обезьяну
В первом месте на Парнас.

«Есть роза дивная: она» (стр. 398). Датировано в копии 1 апреля 1827 года. При жизни Пушкина не печаталось. Впервые опубликовано в «Библиографических записках», 1859, № 6, стлб. 185. В автографе носит заглавие «Сонет».

* Е. Н. Ушаковой («Когда, бывало, в старину») (стр. 399). Датировано Пушкиным 3 апреля 1827 года. При жизни Пушкина не печаталось. Автограф не сохранился. По копии опубликовано в «Библиографических записках», 1859, № 6, стлб. 184, с заглавием «Е. Н. Ушаковой». Стихотворение было записано в альбом Екatherine Николаевне Ушаковой (1809—1872); альбом этот был уничтожен мужем Ушаковой Наумовым. В копии, сделанной рукой Ушаковой, имеется пометка: «Стихи, сочиненные на слова «Аминь, аминь, рассыпья» А. Пушкина в моем альбоме».

Княгине З. А. Волконской («Среди рассеянной Москвы») (стр. 400). Датировано Пушкиным 6 мая 1827 года. Напечатано в «Московском вестнике», 1827, ч. 3, № 10, стр. 113. Обращено к З. А. Волконской (1792—1862), в салоне которой бывали выдающиеся писатели, музыканты и художники. *И над задумчивым челом, двойным увенчанным венком.* — Волконская была певицей и поэтес-

сой. *Каталани Анжелика* — знаменитая итальянская певица (1779—1849). Нашокин рассказывал Пушкину, что Каталани, в 20-х годах приезжавшая в Москву, слушала пение цыганки Стеши.

* В альбом Павлу Вяземскому («*Душа моя Павел*») (стр. 401). При жизни Пушкина не печаталось. Автографа не сохранилось. Опубликовано в «Русском архиве», 1867, № 2, стлб. 317, по сообщению Павла Петровича Вяземского, сына поэта (1820—1888). По его рассказу, стихи были записаны в его детский альбом зимой 1826—1827 года в Москве.

* Ек. Н. Ушаковой («*В отдалении от вас*») (стр. 402). Датировано Пушкиным 16 мая 1827 года. При жизни Пушкина не печатано не было. Автограф не сохранился. Опубликовано в «Библиографических записках», 1859, № 6, стлб. 184, с заглавием «Экспромт (К ней же)», с пометой: «Оба стихотворения списаны с автографа Пушкина из альбома Ек. Н. Ушаковой». Стихотворение написано перед отъездом Пушкина из Москвы (где жили сестры Ушаковы) в Петербург, куда он отправлялся впервые после ссылки на юг (19 мая).

Три ключа («*В степи мирской, печальной и безбрежной*») (стр. 403). При жизни Пушкина не печаталось. Автограф ныне неизвестен, но факсимиле с него (по альбому С. Н. Карамзиной, дочери историографа) было напечатано в журнале «Русский библиофил», 1916, октябрь, стр. 68. В этом автографе не было ни названия, ни даты. Опубликован текст с названием «Три ключа» и датой 18 июня 1827 года в «Отечественных записках», 1841, № 1, отд. III, стр. 1.

Ангел (стр. 404). Напечатано в «Северных цветах» на 1828 год, стр. 59.

«Какая ночь! Мороз трескучий» (стр. 405). При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в «Современнике», т. II, 1838, № 3, стр. 194, под заглавием «Опричник. Отрывок». В автографе стихи не имеют названия. В стихотворении говорится о казнях царствования Ивана IV, периода опричнины (1565—1572). Вероятнее всего, Пушкин имел в виду массовые казни 1570 года, подробно описанные в «Истории» Карамзина, т. IX. *Кромешник* — то же, что опричник.

«Весна, весна, пора любви» (стр. 407). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано (частично) в «Русской старине», 1893, январь, стр. 222. Является наброском стихотворения, впоследствии переработанного в онегинскую строфу (гл. VII, строфу II). Последние два стиха напоминают собственное замечание Пушкина по поводу стихотворения Батюшкова «Пленный»: «Лев Васильевич Давыдов в плену у французов говорил одной женщине: «*Rendez-moi mes frimas*». *

* Верните мне мои морозы. (Франц.) — Ред.

* Кипренскому («Любимец моды легкокрылой») (стр. 408). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Русской старине», 1884, май, стр. 352. С наименованием «Кипренскому» внесено Пушкиным в список стихотворений, предназначенных для издания стихотворений 1829 года. Обращено к О. А. Кипренскому (1783—1836), в 20-х годах уже прославленному художнику. После возвращения из Италии, с 1823 года, Кипренский вошел в моду (*любимец моды*) как портретист. Ему стремились заказывать портреты все знаменитости, сановники и богачи. Портрет Пушкина (с пледом через плечо) писан в 1827 году и, гравированный Уткиным, напечатан в альманахах 1828 и 1829 годов. *Хоть не британец, не француз.* — Пушкин отмечает, что Кипренский стал европейской знаменитостью, повидимому сопоставляя его с знаменитыми портретистами того времени: английским художником Доу и французским портретистом Энгром. *Так Риму, Дрездену, Парижу.* — Кипренский предполагал включить портрет Пушкина в число тех произведений, которые хотел взять с собой за границу для устройства выставки.

Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной (стр. 409). Датировано Пушкиным 31 июня 1827 года. При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в «Русской старине», 1884, июнь, стр. 536. Стихотворение адресовано дочери историографа Карамзина Екатерине Николаевне (1809—1867) и записано в ее альбом 24 ноября 1827 года. *Акафист* — церковное слово, употребленное здесь иронически: хвалебное песнопение в честь какого-нибудь святого.

«Близ мест, где царствует Венеция златая» (стр. 410). Датировано Пушкиным 17 сентября 1827 года. Напечатано в «Невском альманахе» на 1828 год, с заглавием «Перевод неизданных стихов Андрея Шенье». То же самое в качестве подзаголовка дано в оглавлении «Стих.», ч. II, 1829. В списке стихотворений, предназначенных для этого издания, составленном Пушкиным, именуется: «Гондольер». Является переводом стихотворения А. Шенье, опубликованного в 1827 году в сборнике *Annales romantiques*. * *При свете Веспера* — вечерней звезды, Венеры. *Ринальд, Годфред, Эрминия* — герои «Освобожденного Иерусалима» Тассо. Еще в XVIII веке венецианские гондольеры пели октавы Тассо в народной переложке.

Послание Дельвигу («Прими сей череп, Дельвиг: он») (стр. 411). Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1828 год, стр. 100, с заглавием «Череп». С тем же заглавием напечатан Пушкиным в «Стих.», ч. II, 1829, стр. 81, среди стихотворений 1827 года (в оглавлении: «Череп. Послание к Д***»). В рукописи, предназначенной для собрания стихотворений 1836 года, Пушкин переименовал название на «Послание Дельвигу» (повидимому, в связи с включением стихотворения в отдел «Послания»). 31 июня 1827 года Пушкин писал Дельвигу: «Если кончу послание к тебе о черепе твоего деда, то мы его тиснем». Поводом к посланию

* Романтическая летопись. (Франц.) — *Ред.*

явился подаренный дерптским студентом Вульфом череп, который будто бы принадлежал одному из «высокородных предков» Дельвига. *Кистер* — смотритель лютеранской церкви. *Будущий* — попутчик, которого вписывали в «подорожную» (документ для проезда в почтовом экипаже) без указания имени, с тем что приобретающий подорожную подыщет его позднее. *Певцу Корсара подражай*. — Байрон написал стихотворение «Надпись на кубке из черепа» и посвятил той же теме строфы V—VII второй песни «Чайльд-Гарольда». Или, как *Гамлет-Баратынский*. — Здесь имеется в виду и стихотворение Баратынского «Череп» и то, что философские размышления его напоминали сцену с черепом в «Гамлете» Шекспира (д. V, явл. 1).

«Всем красны боярские конюшни» (стр. 416). При жизни Пушкина отрывок не печатался. Опубликовано в «Русской старине», 1884, июнь, стр. 540. Сюжет этого стихотворения Пушкин сообщил поэту-крестьянину Слепушкину, и тот написал стихотворение «Конь и домовый» аналогичного содержания.

«Блажен в златом кругу вельмож» (стр. 418). При жизни Пушкина отрывок не печатался. Опубликовано в «Русской старине», 1884, июнь, стр. 542. Повидимому, является черновым наброском замысла, впоследствии осуществленного в стихотворении «Поэт и толпа».

«В роше карийской, любезной ловцам, таится пещера» (стр. 419). При жизни Пушкина отрывок не печатался. Опубликовано в Соч. под ред. Морозова, т. II, 1887, стр. 28. Отрывок незавершенного замысла в духе античной поэзии. Замысел стихотворения был связан с мифом о спящем в Карийской пещере Эндимионе, любовнике богини Дианы. Это один из первых опытов Пушкина в применении гекзаметра. Повидимому, Пушкин хотел написать произведение в духе классических поэтов. В данном случае образцом явился Овидий, у которого в «Метаморфозах» имеется несколько аналогичных описаний пещер. Ближе всего к стихам Пушкина описание в третьей песне, в рассказе об Актеоне и Диане: «Была долина, густо поросшая соснами и островерхими кипарисами, по названию Гаргафия, любезная вооруженной Диане. В конце долины есть пещера, в лесной чаще; не искусство создало ее, а природа изобретательностью состязалась с искусством, возведя естественный свод из свежей пемзы и легкого туфа. Справа звенит ключ прозрачной и тонкой струей; широкая расселина окаймлена зеленью». Пушкин перенес действие в Карию, видимо по месту событий мифа об Эндимионе. Поэтому можно сближать данный отрывок с замыслом поэмы об Актеоне (см. наброски и планы поэм).

19 октября 1827 («Бог помочь вам, друзья мои») (стр. 420). Напечатано без ведома Пушкина в «Славянине», 1830, ч. 15, № 13, стр. 51, с произвольным заглавием «Товарищам молодости». С заглавием «19 октября, 1827» напечатано Пушкиным в «Стих.», ч. III, 1832, стр. 193. Стихотворение было прочитано или сказано экспромтом на лицейской годовщине 19 октября 1827 года

и скоро распространилось среди лицеев в копиях (автограф не сохранился). Последний стих обращен к сосланным на каторгу товарищам-декабристам (Пушкин, Кюхельбекер).

Т а л и с м а н («Там, где море вечно плещет») (стр. 421). Датировано Пушкиным 6 ноября 1827 года. Напечатано в альманахе «Альбом северных муз» на 1828 год, стр. 127 (см. стих. «Храни меня, мой талисман» и «Сожженное письмо»).

«О ты, который сочетал» (стр. 423). При жизни Пушкина набросок не печатался. Опубликован в «Русской старине», 1884, июнь, стр. 353. Высказывалось предположение, что стихи обращены к поэту Вяземскому; более убедительными кажутся аргументы в пользу поэта Баратынского.

Русскому Геснеру (стр. 424). Напечатано в альманахе «Опыт русской анфологии», 1828, стр. 181. Автографа не сохранилось. Копия в секретном архиве III Отделения, среди донесений агентов от ноября 1827 года; в ней рукой Бенкендорфа помечено: «На Федорова». С названием «Идиллику» — в списках стихотворений, предназначенных Пушкиным для издания. Считалось, что в эпиграмме речь идет о В. Панаеве (1792—1859), поэте-идиллике, именованном «русским Геснером». Сведения III отделения, ставшие известными в 1918 году, опровергают этот комментарий. Стихотворение адресовано Б. М. Федорову (1798—1875), мелкому журналисту, автору детских идиллических стихотворений, которого Пушкин именовал «переписчиком стихов г-на Панаева» (Пушкин «Опровержение на критики»). *Шустер-клуб* — мещанский немецкий клуб в Петербурге. *Красный кабачок* — загородное увеселительное заведение по Петергофской дороге.

«Я знаю край: там на берега» (стр. 425). При жизни Пушкина отрывок не печатался. Опубликован в журнале «Столица и усадьба», 1 апреля 1916, № 55, стр. 12 (см. стих. «Кто знает край», стр. 431).

1828

Д р у з ь я м («Нет, я не льстец, когда царю») (стр. 426). При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в Соч., т. VII, 1857, стр. 37. В феврале 1828 года Пушкин послал стихотворение на цензуру Николая I, и тот наложил резолюцию: «Cela peut sougir, mais pas être imprimé.* Бенкендорф на этом основании написал Пушкину 5 марта 1828 года: «Что касается до стихотворения вашего под заглавием «Друзьям», то его величество совершенно доволен им, но не желает, чтобы оно было напечатано». Стихотворение является ответом тем, которые считали, что Пушкин изменил своим убеждениям и льстил царю в «Стансах» («В надежде славы и добра»). Это мнение высказывали не только враги поэта, но и некото-

* Это может ходить по рукам, но не быть напечатанным. (Франц.) — *Ред.*

рые его друзья. В трех последних четверостишиях стихотворения «Друзьям» Пушкин дает политическую программу, которая заключалась в ограничении самодержавной власти, защите народных прав и просвещения, требовании права свободного выражения мыслей. Политическая цель Пушкина была понята самодержцем, чем и объяснялось нежелание его видеть стихотворение в печати.

* Эпитафия младенцу («В сияньи, в радостном покое») (стр. 428). При жизни Пушкина не печаталось. Автографа не сохранилось. Опубликовано в Соч., т. VII, 1857, стр. 98, с заглавием «Эпитафия младенцу». Об этой эпитафии пишет М. Н. Волконская: «В Чите я получила известие о смерти моего бедного Николая, моего первенца, оставленного в Петербурге. Пушкин прислал мне эпитафию, написанную на него». Николай, сын декабриста Волконского, родился в январе 1826 года и при отъезде М. Волконской в Сибирь был оставлен в Петербурге, где умер в феврале 1828 года. Волконская узнала об этом только в начале 1829 года. Она писала отцу (Н. Н. Раевскому): «Я читала и перечитывала, дорогой папа, эпитафию на моего дорогого ангела, написанную для меня. Она прекрасна, сжата, но полна мыслей, за которыми слышится так много. Как же я должна быть благодарна автору». Эпитафия была высечена на могильном памятнике Николая Волконского, погребенного на кладбище Александро-Невской лавры.

Послание к Великопольскому («Так элегическую лиру») (стр. 429). Напечатано в «Северной пчеле», 1828, 10 марта, № 30, стр. 2, без подписи. Автограф не сохранился. В сатире Великопольского «К Эрасту» (вышедшей в свет в 1828 году) изображался Арист, который в одну ночь проиграл всё свое состояние, погубил честь и лишился рассудка. Великопольский был известен как любитель крупной карточной игры. Играя в штосс, он проиграл Пушкину крупную сумму (см. стих. «Из письма к Великопольскому», стр. 365). По свидетельству дочери Великопольского, ее отец написал «Сатиру на игроков» на самого себя именно после проигрыша Пушкину. Повидимому, автобиографический характер сатиры и побудил Пушкина написать «Послание», что, в свою очередь, вызвало ответ Великопольского (см. стих. «Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций»).

«Кто знает край, где небо блещет» (стр. 431). При жизни Пушкина отрывок не печатался. Опубликовано в «Современнике», т. IX, 1838, кн. I, стр. 143, с цензурным исключением последних 6 стихов, которые появились в печати лишь в 1916 году, в журнале «Столица и усадьба», № 55. Набросок стихотворения составляет лишь часть неосуществленного замысла. Набросок «Я знаю край, там на брега» связан с тем же замыслом, одновременно осуществлявшимся. К этому же замыслу примыкает отрывок «Когда порой воспоминанье», куда перенесены и некоторые стихи данного наброска («Где пел Торквато величавый» и след.). *Людила* или, в другой редакции, Мария — реальная русская женщина, которую Пушкин сравнивает с идеалом женственности и красоты в искусстве Италии. П. В. Анненков в 50-х годах, со слов С. А. Собо-

левского, сообщил, что в этом стихотворении воспета Мария Александровна Мусина-Пушкина (1801—1853), «жившая долго в Италии, красавица собою, которая, возвратившись сюда, капризничала и раз спросила себе клюквы в большом собрании». Эпиграф к теме северного пейзажа — возглас торговца клюквы; к теме юга — цитата из «Вильгельма Мейстера» Гете. *Где и теперь во мгле ночной.* — Речь идет о том, что венецианские гондольеры поют октавы Тассо. *Сыны Авзонии* — итальянцы (древнее наименование). *Флорентинская Киприда* — знаменитая античная статуя, известная под названием Венеры Медицейской. *Форнарина* — жена и натурщица Рафаэля.

В. С. Филимонову (стр. 433). При жизни Пушкина напечатано не было. Автографа не сохранилось. Впервые опубликовано (повидимому, самим Филимоновым) в альманахе «Невский альбом», 1840, I, стр. 1—2. Послание является ответом на присылку поэмы «Дурацкий колпак», вышедшей в свет в марте 1828 года, которую автор снабдил следующей надписью:

К А. С. ПУШКИНУ

Вы в мире славою гремите,
Поэт! в лавровом вы венке.
Певцу безвестному простите:
Я к вам являюсь в колпаке.

СПб. Марта 22, 1828

И в откровенном разговоре. — Шутливая поэма Филимонова состоит из 6 коротеньких главков, в которых даны картинки быта, перемежаемые скептическими размышлениями и замечаниями. Стихи написаны в духе первой главы «Евгения Онегина», в качестве шутливого подражания манере Пушкина. Так, герой поэмы (сам автор) своей биографией (сделанной очень бегло) также напоминает Онегина, но иная социальная судьба делает это сходство шутливо пародийным.

«Увы! Язык любви болтливый» (стр. 434). Датируется Пушкиным 9 мая 1828. При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. I, 1855, стр. 337, в качестве отрывка из альбома Онегина. На автографе помета Пушкина: «9 мая 1828. Море Ол. Дау» (т. е. Оленина. Дау). Набросок, повидимому, сделан в тех же обстоятельствах, что и стихотворение «To Dawe esq» — на корабле, идущем в Кронштадт. Связано с А. А. Олениной.

To Dawe Esq («Зачем твой дивный карандаш») (стр. 435). Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1829 год, стр. 59. Автографа не сохранилось. В «Стих.», ч. II, 1829, стр. 140, Пушкин заменил в 5-м стихе «О-й черты» (как было в альманахе) — «*** черты». Стихотворение обращено к знаменитому английскому художнику-портретисту Джорджу Доу («Господину Доу»). Нарисованный Доу портрет Пушкина остался неизвестным. По свидетельству Анненкова, биографа Пушкина, стихотворение имело помету «9 мая 1828 года. Море». Пушкин якобы встретился с Доу на пароходе, по пути в Кронштадт, и результатом этой встречи явилось стихотво-

рение Пушкина, равно как и карандашный портрет поэта, здесь же набросанный художником. *Рисуй Олениной черты*. — Речь идет об А. А. Олениной (1808—1888), дочери президента Академии художеств, девушке, за которой Пушкин ухаживал в 1828—1829 годах и к которой сватался.

Воспоминание («Когда для смертного умолкнет шумный день») (стр. 436). Датировано Пушкиным 19 мая 1825 года. Напечатано в «Северных цветах» на 1829 год, стр. 10. Значится в рукописи с названием «Бессонница». В список стихотворений 1829 года внесено с наименованием «Бдение». В черновой рукописи редакция более распространенная (см. «Из ранних редакций», стр. 740).

Ты и вы («Пустое *вы* сердечным *ты*») (стр. 437). Датировано Пушкиным 23 мая 1828 года. Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1829 год, стр. 11. Стихотворение обращено к А. А. Олениной (см. стих. «Зачем твой дивный карандаш», стр. 435). О поводе к стихотворению говорит запись Олениной: «Анна Алексеевна Оленина ошиблась, говоря Пушкину ты, и на другое воскресенье он привез эти стихи».

«Дар напрасный, дар случайный» (стр. 438). Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1830 год, стр. 98, с заглавием «26 мая 1828». В списке стихотворений, намеченных к изданию, составленном в 1828 году, Пушкин именуется стихотворение «На день рожденья», 26 мая — день рождения Пушкина. Стихотворение вызвало стихотворное нравоучительное возражение митрополита Филарета, которому Пушкин ответил стихами «В часы забав иль праздной скуки».

И. В. Слѣнину (стр. 439). Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1829 год, стр. 131, с заглавием «К И. В. С.» В «Стих.», ч. II, 1829, стр. 125, — с заглавием «И. В. С ***». Записано в альбом И. В. Слѣнина (1789—1836), издателя и книгопродавца. *Аспазий наших благородных* — светских дам, по имени Аспазии, жены Перикла (V в. до н. э.).

«Еще дуют холодные ветры» (стр. 440). При жизни Пушкина набросок не печатался. Опубликован в Соч., т. I, 1855, стр. 345. Является черновым наброском неизвестного замысла.

«Кобылица молодая» (стр. 441). Датировано Пушкиным 6 июня 1828 года. Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1829 год, стр. 71, с заглавием «Подражание Анакреону». В «Стих.», ч. II, 1829, стр. 121, заглавие это перенесено в качестве подзаголовка в оглавление. Стихотворение является вольным подражанием приписываемой Анакреону (древнегреческий лирик VI—V в. до н. э.) оды «К фракийской кобылице».

Ее глаза (стр. 442). Напечатано без ведома Пушкина в альманахе «Северная звезда», 1829, стр. 161, с заглавием «К приятелю, сравнившему глаза одной девицы с южными звездами». С заглавием «Ее глаза (В ответ на стихи князя В-го)» — в «Отечественных записках», 1841, т. XIV, № 2, отд. III. В «Северной звезде» имя Олениной было заменено именем «Элодии». В списке, находящемся

в альбоме Олениной, 2-й стих читается: «Твоя Россети егоза». Стихотворение посвящено Олениной и является ответом на стихотворение Вяземского «Черные очи», где воспеваются глаза А. О. Россет-Смирновой.

«Не пой, красавица, при мне» (стр. 443). Датировано Пушкиным 12 июня 1828 года. Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1829 год, стр. 148. О происхождении романса композитор М. И. Глинка писал, что А. С. Грибоедов сообщил ему «тему грузинской песни, на которую вскоре потом А. С. Пушкин написал романс: «Не пой, волшебница, при мне» (вариант первоначальной редакции стихотворения). Глинка написал романс на слова Пушкина, воспользовавшись грузинской мелодией.

К Языкову («К тебе сбирался я давно») (стр. 444). Датировано Пушкиным 14 июня 1828 года. Послание напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1829 год, стр. 185. Является стихотворным письмом к Языкову. К этим стихам сделана лишь приписка: «Стихов, ради бога стихов! Душа просит. Простите, желал бы сказать до свидания». В немецкий град, тобой воспетый — Дерпт (Юрьев, ныне Тарту), в то время город сильно онемеченный. *Тобой воспетый Киселев* — Н. Д. (1802—1869), товарищ Языкова по Дерптскому университету и приятель Пушкина (см. примечание к следующему стихотворению). Языков воспел Киселева в стихотворениях «В стране, где я забыл мирские наслажденья», «Скажи, как жить мне без тебя» и «Отчет о любви».

* Н. Д. Киселеву («Ищи в чужом краю здоровья и свободы») (стр. 445). Датировано Пушкиным 14 июня 1828 года. При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Русском архиве», 1847, № 6, стлб. 1579, по автографу в записной книжке Н. Д. Киселева (см. примечание к предыдущему стихотворению). Написано при отъезде Киселева (14 июня) в Карлсбад.

Портрет («С своей пылающей душой») (стр. 446). Датировано Пушкиным 23 июля 1828 года. Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1829 год, стр. 191. Характеристика А. Ф. Закревской (1799—1879), которую Пушкин в «Евгении Онегине» именуется «Клеопатрою Невы». Графиня Закревская была знаменита своим темпераментом и полным пренебрежением к светским условиям. Ее изобразил Пушкин под именем Зинаиды Вольской в набросках «Гости съезжались на дачу», «Мы проводили вечер». Она — прототип героини поэмы Баратынского «Бал», ей посвятил Баратынский стихотворение «Как много ты в немного дней».

На персник (стр. 447). Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1829 год, стр. 132. Обращено к А. Ф. Закревской (см. примечание к предыдущему стихотворению «Портрет»).

Кирджали («В степях зеленых Буджака») (стр. 448). При жизни Пушкина набросок не печатался. Опубликовано в «Русской старине», 1884, июль, стр. 42. Необработанный набросок неосуществленного замысла стихотворения или поэмы о Георгии Кирджали,

молдавском разбойнике, участнике греческого восстания 1821 года, арестованном в Кишиневе и выданном туркам. В 1834 году Пушкин вернулся к теме о Кирджали и написал одноименную повесть.

«А в ненастные дни» (стр. 449). Напечатано в качестве эпиграфа к первой главе повести «Пиковая дама» в «Библиотеке для чтения», 1834, т. II (кн. 3), отд. I, стр. 109, с измененным в сравнении с рукописью стихом. В письме к Вяземскому от 1 сентября 1828 года Пушкин сообщает: «Пока Киселев и Полторацкие были здесь, я продолжал образ жизни, воспетый мною таким образом» (приведен текст стихотворения). Стихи написаны в размере и стиле агитационной песни Рылеева и Бестужева «Ах, где те острова, где растет трин-трава». В качестве заключительного куплета этой песни были напечатаны Герценом в сборнике «Полярная звезда» на 1859 год.

Предчувствие (стр. 450). Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1829 год, стр. 132. Стихотворение отчасти связано с неприятностями, которые были у Пушкина в мае 1828 года. С конца мая в связи с делом о стихотворении «Андрей Шеньев» был учрежден над Пушкиным секретный надзор. С июня началось дело о принадлежности ему поэмы «Гавриилиада». Пушкин писал Вяземскому 1 сентября 1828 года: «Ты зовешь меня в Пензу, а того и гляди, что я поеду далее, прямо, прямо на восток. Мне навязалась на шею преглупая шутка. До правительства дошла наконец Гавриилиада; приписывают ее мне; донесли на меня». *Ангел кроткий, безмятежный* — повидимому, Оленина.

Утопленник (стр. 451). Напечатано в «Московском вестнике», 1829, ч. I, стр. 80, с подзаголовком «Простонародная песня». В оглавлении «Стих.», ч. II, 1829, подзаголовок «Простонародная сказка». Обратившись к сюжету народной сказки, Пушкин придал ей литературную форму того типа баллад, которые писал П. Катенин (см., например, его балладу «Убийца» 1815 года).

«Рифма, звучная подруга» (стр. 454). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. I, 1855, стр. 204. На эту же тему в 1830 году было написано стихотворение «Рифма» гекзаметрами, в составе цикла «Подражания древним». Но еще в 1828 году, повидимому неудовлетворенный данным стихотворением, Пушкин начал осуществлять ту же тему в гекзаметрах, чему свидетельством служит сохранившаяся черновая запись неполного стиха: «Грустен бродил Аполлон с Олимпа».

* Эпиграмма («Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи») (стр. 456). При жизни Пушкина не печаталось. Автограф неизвестен. Сохранилось среди эпиграмм Пушкина, переписанных его братом Л. С. Пушкиным. Опубликовано в книге П. Е. Щеголева «Из жизни и творчества Пушкина», Л., 1931, стр. 333. Эпиграмма на Федорова (1794—1875), мелкого литератора и журналиста, начинавшего свою деятельность в «Благонамеренном». Федоров служил секретарем у А. И. Тургенева и через него был знаком с кругом писателей, близких Пушкину.

«Ворон к ворону летит» (стр. 457). Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1829 год, стр. 31, с заглавием «Два ворона». Баллада является вольным переложением шотландской баллады Вальтера Скотта.

«Город пышный, город бедный» (стр. 458). Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1829 год, стр. 134, с заглавием «Город пышный». Характеристика Петербурга. Последние строки относятся к А. Олениной.

* 19 октября 1828 («Усердно помолившись богу») (стр. 459). Датировано Пушкиным 19 октября 1828 года. При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в «Отечественных записках», 1861, т. 239, ноябрь, № 11, отд. II, стр. 36. Стихи вписаны в шуточный протокол празднования лицейской годовщины 1828 года. После празднования годовщины, в ночь, Пушкин выехал из Петербурга в Калинин Тверской губ. (имение Вульфа).

«Уродился я, бедный недоносок» (стр. 460). При жизни Пушкина отрывок не печатался. Опубликовано в сборнике «Атеней. Историко-литературный временник», кн. III, Л., 1926, стр. 41. Является, повидимому, началом песни, задуманной Пушкиным в духе и в стиле русских народных.

«В прохладе сладостной фонтанов» (стр. 461). При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в «Русском слове», 1911, 6 августа, № 181. Является черновым наброском стихотворения, которое, повидимому, обращено к Мицкевичу. «Крымские сонеты» Мицкевича, появившиеся в конце 1826 года и переведенные Вяземским (прозой), создали Мицкевичу славу певца Крыма (см. в «Путешествии Онегина» стихи «Там пел Мицкевич вдохновенный» и след.). *Где мужи грозны и косматы.* — Речь идет о литовцах (см. стих. «Сто лет минуло, как тевтон»).

«Сто лет минуло, как тевтон» (стр. 462). Напечатано в «Московском вестнике», 1829, ч. I, стр. 181, с заглавием «Отрывок из поэмы Мицкевича «Конрад Валенрод». В «Стих.», ч. II, 1829, стр. 111, Пушкин сохранил то же заглавие, но поместил его в оглавлении. Является переводом первых 39 стихов вступления к поэме Мицкевича «Конрад Валенрод», вышедшей в начале 1828 года. Пушкин перевел с подлинника довольно точно, изменив лишь размер стихов (вместо тринадцатисложного стиха — четырехстопный ямба). *Шумели рощи вековые, Духов пристанища святые.* — Вступление к поэме описывает Неманскую переправу, которая разделяла два мира: языческий мир Литвы и христианский мир тевтонов. *Хотел всю область Палемона* — т. е. Литву, дворянство которой считало своим родоначальником легендарного римлянина Палемона. *С медвежьей кожей на плечах* — образ древних литовцев.

Клеопатра (стр. 464). В первоначальной редакции стихотворение написано в октябре 1824 года в Михайловском. Переработано в октябре 1828 года в Калининках. При жизни Пушкина не печаталось. Впервые напечатано в качестве импровизации итальянца в тексте повести «Египетские ночи» в «Современнике», 1837,

том VIII, стр. 21—24. Стихотворение, написанное в 1824 году, принадлежало к жанру так называемых исторических элегий (ср. «Умирающий Тасс» Батюшкова). В основу стихотворения положено историческое известие из книги «О знаменитых мужах города Рима», приписываемой латинскому историку IV века Сексту Аврелию Виктору. Об этом свидетельствует надпись на черновом автографе «Aurelius Victor». Известие это кратко: «Она была так распутна, что часто продавала себя, так прекрасна, что многие смертью покупали ее ночь». В 1828 году Пушкин переделал текст стихотворения. В этой редакции был выдержан однообразный размер (четырёхстопный ямб), в то время как в редакции 1824 года стихотворение было написано вольным ямбом. Одновременно Пушкин подверг стихи стилистической правке и, уже переписав на белом, наметил композиционную перестановку, а именно — объединение двух речей Клеопатры в одну. В 1835 году Пушкин приступил к новой обработке сюжета для неоконченной повести «Мы проводили вечер на даче». В этой повести пересказывается и частично цитируется поэма о Клеопатре, написанная на сюжет Аврелия Виктора поэтом, знакомым героя повести. Обработка 1835 года, отчасти прозаическая, отчасти стихотворная, значительно обширнее редакции 1824 и 1828 годов. Она отличается обилием археологических деталей, отсутствующих в ранних редакциях, и усилением темы пресыщения, характерного для упадочной культуры Египта при царствовании Клеопатры. Здесь печатается текст 1828 года, с учетом поправок Пушкина. Редакция 1824 года и наброски 1835 года печатаются в отделе «Из других редакций» (см. стр. 741). В предшествующих изданиях почти везде эти стихи воспроизводятся так, как они даны в «Современнике», где допущены две существенные ошибки. Так как Пушкин точно не указал, куда следует перенести вторую клятву Клеопатры (от стиха «Клянусь, о мать наслаждений» до стиха «Глава счастливых отпадет»), первоначально следовавшую за стихом «И ложе смерти их зовет», то редактор произвольно отнес ее в конец текста 1828 года. Кроме того, к этому тексту произвольно присоединялся отрывок из набросков 1835 года (от стиха «И вот уже сокрылся день» кончая стихом «Блещет ложе золотое»), которому придан смысл вступления в описание самих ночей Клеопатры. Эти переделки редактора объясняются неправильной предпосылкой, будто стихотворение 1828 года не окончено. На самом деле мы имеем дело с совершенно законченным произведением, не допускающим никакого «продолжения». Истинный смысл присоединенных стихов выясняется лишь в совокупности всех набросков 1835 года.

Анчар (стр. 467). Датировано Пушкиным 9 ноября 1828 года. Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1832 год с заглавием «Анчар, древо яда». Стихотворение в одном из автографов имеет помету: «9 ноября 1828 Малинники» и эпиграф:

It is a poison — tree, that pierced to the inmost
Weeps only tears of poison.

Coleridge. *

* Это ядовитое дерево, и если его пронзить до сердцевины, оно плачет ядовитыми слезами. *Кольридж*. (Англ.) — *Ред.*

Эпиграф взят из трагедии Кольриджа «Раскаяние», д. I, явл. I. В альманахе, вместо слова «князь», в последней строфе напечатано слово «царь»; по этому поводу Бенкендорф требовал от Пушкина объяснения иносказаний в стихотворении «Анчар». В своем письме Пушкин писал о предубеждении цензуры, которая склонна «находить везде тайные применения», и о том, что «обвинения в применениях и подражаниях не имеют ни границ, ни оправданий, если под словом *дерево* будут разуметь конституцию, а под словом *стрела* самодержавие». В действительности философское обобщение, заключенное в образах этого стихотворения, содержит гораздо более широкое изображение власти человека над человеком вообще и не имеет в виду только русское самодержавие, частный случай такой власти. Поэтому и не скрывается такого намека в слове «царь», тем более что как в двух автографах, так и в окончательном тексте (в «Стих.», ч. III, 1832) стоит слово «князь», что более соответствует образу мелкого тирана на островах Малайского архипелага, где растет дерево анчар, о ядовитости которого распространены были сильно преувеличенные известия в рассказах путешественников.

Ответ Катенину («Напрасно пламенный поэт») (стр. 469). Датировано Пушкиным 10 ноября 1828 года. Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1829 год, стр. 120. Стихотворение является ответом на стихотворную повесть «Старая быль» и «Послание А. С. Пушкину». П. Катенин писал 27 марта 1828 года Пушкину: «И повесть и приписка (т. е. послание) — деланы во-первых для тебя, и да будет над ними твоя воля, то есть ты можешь напечатать их когда и где угодно». «Старая быль» повествует о состязании двух певцов при дворе князя Владимира. Грек, под которым Катенин подразумевает Пушкина, поет витиеватую песнь, восхваляющую милость царей. Русский певец, под которым Катенин разумел самого себя, отказывается от состязания, но награда присуждена обоим. Русский получает кубок. Он уединяется с самыми близкими друзьями и с ними пьет из кубка «Храброго память честную». Здесь, повидимому, опять намек на Пушкина. В послании Катенин объясняет, что кубок независимого русского поэта достался в конце концов Пушкину, но предупреждает, что кубок заморожен и что пить из него может только подлинный поэт. Сам Катенин сообщал своему другу Бахтину: «Князь Н. Голицын, мой закадычный друг, восхищающийся «Старой былью», а в особенности песнею грека, полагает, что моя посылка Пушкину есть *une grande malice*. * .. Может то же казаться и Пушкину; конечно не моя вина, знает кошка, чье сало съела, но хуже всего то, что я могу себе нажить нового врага, сильного и непримиримого, а из чего? из моего же благого желания сделать ему удовольствие и честь: выходит, что я попал кадиллом в рыло». Лукавая посылка Катенина свидетельствовала о непонимании нового направления поэзии Пушкина. Такое непонимание было характерно для многих из его друзей (см. стих «Стансы» и «Нет, я не льстец», стр. 391 и 426). Пушкин направил «Старую быль» в альманах «Северные цветы», где она была напе-

* Большое лукавство. (Франц.) — *Ред.*

чатана со следующим примечанием Пушкина: «П. А. Катенин дал мне право располагать этим прекрасным стихотворением. Я уверен, что вам (т. е. издателям — Б. Т.) будет приятно украсить им ваши «Северные цветы». Послание, сопровождавшее «Старую быль», Пушкин не счел нужным отдать в печать. *Не пью, любезный мой сосед* — стих из стихотворения Державина «Философы пьяный и трезвый». *Лавр Корнеля или Тасса*. — Катенин перевел трагедию Корнеля «Сид» (ср. «Евгений Онегин» гл. I, строфа XVIII) и отрывки из поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим».

Ответ А. И. Готовцовой («И недоверчиво и жадно») (стр. 470). Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1829 год, стр. 182. Писано (как явствует из переписки Пушкина с Дельвигом) во второй половине ноября 1828 года. Готовцева А. И., костромская девица, писавшая стихи и печатавшая их с 1826 года. Она написала послание Пушкину, которое ему переслал Вяземский и просил напечатать в «Северных цветах» и «скомпоновать мадригалец в ответ». В своем послании Готовцева восхваляла Пушкина как певца природы, любви и женщин, а в конце в чем-то его упрекала от имени женщин, прерывая стихи строками точек:

Одно... Но где же совершенство?
В луне и солнце пятна есть!

.

Несправедлив твой приговор,
Но порицать тебя не смеем:
Мы гению простить умеем —
Молчанье выразит укор.

Посылая Дельвигу свой ответ, Пушкин писал (26 ноября 1828): «В чем она меня и впрям упрекает? в неучтивостях ли противу прекрасного полу? или в похабностях, или в беспорядочном поведении?». Повидимому, «укор» относился к характеристике женщин в отрывке «Из Евгения Онегина», напечатанном в «Московском вестнике», 1827, ч. 5, № 20 (строфы из четвертой главы, не вошедшие в окончательный текст). Возможно также, что Готовцева была обижена за женщин, читая «Отрывки из писем, мыслей и замечаний», напечатанные в «Северных цветах» на 1828 год, где Пушкин говорил о женщинах, что «природа едва ли не отказала им в чувстве изящного».

Цветок («Цветок засохший, безуханный») (стр. 471). Напечатано в «Галатее», 1829, ч. 1, № 2, стр. 88.

«Брадатый староста Авдей» (стр. 472). Черновой, необработанный набросок. Опубликован в «Русской старине», 1884, № 6, стр. 53. Отрывок представляет собой начало стихотворного анекдота, в котором ученый скворец должен был играть центральную комическую роль в духе сказки Княжнина «Попугай» (или Грессе «Вервер»).

«За Netty сердцем я летаю» (стр. 473). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано впервые в Соч., т. VII, 1857, стр. 92. Шуточное четверостишие, обращенное к А. И. Вульф (см. стр. 810). R и O — вероятно, Россет и Оленина, N и W — Нетти Вульф.

«Как быстро в поле, вокруг открытом» (стр. 474). При жизни Пушкина отрывки не печатались. Без четырех последних стихов опубликовано в «Москвитяине», 1841, ч. 1, № 1, стр. 74, с примечанием Погодина: «Эти стихи удержались в моей памяти из одного стихотворения, которое Пушкин читал мне наизусть в Петербурге в 1828 году и которое он хотел назвать, кажется, «Осеннее чувство». Четыре стиха наброска, сделанного, повидимому, к этому же стихотворению, опубликованы в «Русской старине», 1884, декабрь, стр. 570.

«Каков я прежде был, таков и ныне я» (стр. 475). Напечатано в «Стих.», ч. III, 1832, стр. 196, с пометой «1828», с заглавием в оглавлении «Отрывок из Андрея Шенье». Однако такого стихотворения у А. Шенье нет. Из элегии А. Шенье взят только эпиграф, довольно точно повторенный в первом стихе.

Поэт и толпа (стр. 476). Напечатано под заглавием «Чернь» в «Московском вестнике», 1829, ч. 1, стр. 200. Название «Поэт и толпа» дано на основании рукописи 1836 года, при подготовке не осуществленного Пушкиным издания. В стихотворении было бы ошибочно видеть проповедь так называемого «искусства для искусства». Оно посвящено теме свободы творчества и является ответом на настойчивые требования критики «преподавать уроки нравственности». Эпиграф — восклицание жреца из шестой песни «Энеиды» Вергилия.

1829

Кавказ (стр. 478). Напечатано в «Литературной газете», 1831, № 1, стр. 4. Окончательная обработка помечена Пушкиным 20 сентября 1830 года. Первое из стихотворений цикла, помещенного Пушкиным в начале «Стих.», ч. III, 1832 года. Следующие за ним по порядку: II — «Обвал», III — «Монастырь на Казбеке», IV — «Делибаш», V — «На холмах Грузии лежит ночная мгла», VI — «Не пленяйся бранной славой», VII — «Дон», VIII — «Олегов щит». Все стихотворения создавались в 1829 году, но окончательной обработкой их Пушкин занимался осенью 1830 года в селе Болдино. В «Путешествии в Арзрум» Пушкин пишет: «Кавказ нас принял в свое святилище. Мы услышали глухой шум и увидели Терек, разливающийся по разным направлениям... Стесненный Терек с ревом бросает свои мутные волны через утесы, преграждающие ему путь». Черновая рукопись стихотворения, в настоящее время утраченная, по свидетельству видевших ее, содержала еще одну, незаконченную строфу:

Так буйную вольность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят...

Обвал (стр. 479). Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1831 год, стр. 95. Написано в 1829 году. Окончательная обработка стихотворения помечена Пушкиным 29 и 30 октября 1830 года. Второе из стихотворений кавказского цикла. В «Путешествии в Арзрум» Пушкин дал описание места, где в 1827 году был горный обвал: «Огромная глыба, свалясь, засыпала ущелие на целую версту и запрудила Терек. Часовые, стоявшие ниже, слышали ужасный грохот и увидели, что река быстро мелела и в четверть часа совсем утихла и истощилась. Терек прорылся сквозь обвал не прежде как через два часа. То-то был он ужасен!». О строфическом построении данного стихотворения см. примечание к стихотворению «Эхо», стр. 858.

Монастырь на Казбеке (стр. 481). Напечатано в «Северных цветах» на 1831 год, стр. 47. Стихотворение написано осенью 1829 года. На рукописи дата окончательной обработки стихотворения: «20 сентября 1830 года». Третье стихотворение кавказского цикла (см. примечание к стих. «Кавказ», стр. 835). В «Путешествии в Арзрум» Пушкин писал: «Утром, проезжая мимо Казбека, увидел я чудное зрелище. Белые оборванные тучи перетягивались через вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавал в воздухе, несомый облаками». Речь идет о древней церкви Цминда-Самеба.

Делибаш (стр. 482). Напечатано в «Северных цветах» на 1832 год, стр. 58. В рукописи имеется помета: «Саганлу». Датировано Пушкиным 7 сентября 1830 года. Четвертое стихотворение кавказского цикла (см. примечание к стих. «Кавказ», стр. 835). В «Путешествии в Арзрум» Пушкин описывает перестрелку на высотах Саганлу, которую он наблюдал 13 июня 1829 года: «Мы благополучно прошли опасное ущелье и стали на высотах Саганлу. Проехав ущелье, вдруг увидели мы на склонении противоположной горы до 200 казаков, выстроенных в лаву, и над ними около 500 турков. . . Турки наезжали с большою дерзостью, прицеливались шагах в 20 и, выстрелив, скакали назад. Подкрепление подоспело, турки, заметив его, тотчас исчезли, оставя на горе голый труп казака, обезглавленный и обрубленный». *Вьется красный делибаш* (турецкое *дели-баш* — отчаянная голова). — Турки носили красные доломаны.

«На холмах Грузии лежит ночная мгла» (стр. 483). Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1831 год, стр. 56, с заглавием «Отрывок». В белой рукописи заглавие: «Кавказ». Пятое стихотворение из кавказского цикла (см. примечание к стих. «Кавказ», стр. 835). Написано во время путешествия в Арзрум в 1829 году. При окончательной обработке (см. раннюю редакцию на стр. 745) Пушкин заменил пейзаж горного Кавказа Грузией, которую видел впервые. Стихотворение долгое время считалось обращенным к невесте поэта Н. Н. Гончаровой, но после работ П. Щеголева, выдвинувшего версию о том, что предметом длительной «утаенной» любви Пушкина была М. Н. Раевская-Волконская, стали относить стихотворение к ней. Между тем мы имеем ее отзыв о данном стихотворении, который, кажется, опровергает эту версию.

В 1830 году В. Ф. Вяземская, пересылавшая в Сибирь М. Н. Волконской литературные новинки, послала ей и это, еще неизданное стихотворение. М. Н. Волконская на это ответила 19 октября: «Благодарю вас за стихотворение нашего великого поэта; признаюсь, я злоупотребила вашим доверием и сообщила его здесь. В двух первых стихах поэт пробует голос; звуки, извлекаемые им, весьма гармоничны, нет сомнения, но в них нет ни связи, ни соответствия с дальнейшими мыслями. столь достойными нашего великого поэта, и судя по тому, что вы мне сообщаете о той, кто вдохновляет его, эти мысли и свежи и привлекательны. Но конец — прошу у вас, милая Вера, прощения за вашего приемного сына — это конец старого французского мадригала, это любовная болтовня, которая так приятна нам потому, что доказывает нам, насколько поэт увлечен своей невестой, а это для нас залог ожидающего его счастливого будущего. Поручаю вам передать ему наши самые искренние, самые подлинные поздравления» (подлинник по-французски). Не получая ответа, М. Н. Волконская написала Зинаиде Волконской 20 марта 1831 года: «Вера Вяземская перестала мне писать с тех пор, как я назвала стихи ее приемного сына, обращенные к его невесте, любовным пустословием или же мадригалом: что не любить оно не может» (письмо по-французски, цитата по-русски).

«И з Га ф и з а» («Не пленяйся бранной славой») (стр. 484). Датировано Пушкиным 5 июля 1829 года. Напечатано в альманахе «Царское село», 1830, стр. 233, с пометой «5 июля 1829. Лагерь при Евфрате». Шестое стихотворение кавказского цикла (см. примечание к стих. «Кавказ», стр. 835). В рукописи имеет название «Шеер I. Фаргат-Беку». Фаргат-бек, повилимому, служил в конном мусульманском полку (шеер — войско) русской армии. Стихотворение является оригинальным, хотя и написано в духе персидского поэта XIV века Гафиза.

Д о н (стр. 485). Напечатано в Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду», 1831, № 83, стр. 655. Сельмое стихотворение кавказского цикла (см. примечание к стих. «Кавказ», стр. 835). Арпачай — пограничная река, разделявшая Россию и Турцию. Речь идет о возвращении русских войск после турецкой кампании 1829 года.

О л е г о в ш и т (стр. 486). Напечатано в «Северных цветах» на 1830 год, стр. 53. Восьмое (последнее) стихотворение кавказского цикла (см. примечание к стих. «Кавказ», стр. 835). Стихотворение написано по поводу Адрианопольского мира 2 сентября 1829 года, закончившего русско-турецкую войну, когда русская армия подошла к самому Константинополю. *Воинственный валяг* — киевский князь Олег, который в 907 году совершил поход на Византию и, как повествует летопись, «повесил щит свой на вратах в знак победы и ушел от Царьграда».

К а л м ы ч к е (стр. 487). Датировано Пушкиным 22 мая 1829 года. Напечатано в «Литературной газете», 1830, т. II, № 38, 5 июня, стр. 11, с пометой «22 мая 1829. Кап-кой» (старое наименование Владикавказа, ныне Дзауджикау). Примыкает к кавказскому

циклу (см. примечание к стих. «Кавказ», стр. 835). Наваяно встречей с калмыками по пути в Арзрум. В «Путешествии в Арзрум» Пушкин пишет: «На днях посетил я калмыцкую кибитку... Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, куря табак» и т. д. *Ты не лепечешь по-французски* и след. — Здесь дана характеристика светской девицы, может быть, с некоторыми чертами А. Олениной, которая отличалась образованностью, знала английский язык и вела умные беседы. У нее был небольшой голос, и она пела на домашних приемах. *Сен-Мар* — французский исторический роман А. де Виньи, модный в конце 20-х годов.

«Благословен твой подвиг новый» (стр. 488). Датируется Пушкиным 25 и 27 мая 1829 года. При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Русской старине», 1884, октябрь, стр. 371. Черновой набросок стихотворения с пометой «Душет, 27 мая». Примыкает к кавказскому циклу (см. примечание к стих. «Кавказ», стр. 835). Обращено, повидимому, к Фазиль-Хану — Шейде, персидскому поэту русской ориентации, направлявшемуся в Петербург. В «Путешествии в Арзрум» Пушкин описывает встречу с поэтом недалеко от селения Казбек: «Я, с помощью переводчика, начал было высокопарное восточное приветствие; но как же мне стало совестно, когда Фазиль-Хан отвечал на мою неуместную загейливость простою умной учтивостью порядочного человека. Он надеялся увидеть меня в Петербурге; он жалел, что знакомство наше будет непродолжительно и проч.»

«Был и я среди донцов» (стр. 489). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. I, 1855, стр. 222. Является отрывком неизвестного замысла, связанного с путешествием Пушкина на Кавказ и встречей на пути с донскими казаками, участвовавшими в войне с Турцией 1829 года. Примыкает к кавказскому циклу (см. примечание к стих. «Кавказ», стр. 835).

«Меж горных стен несется Терек» (стр. 490). При жизни Пушкина не публиковалось. Опубликовано в Соч., т. II, 1930, стр. 181. Набросок примыкает к кавказскому циклу (см. примечание к стих. «Кавказ», стр. 835). Тематически связано со стихотворением «Обвал». Возможно, что является первоначальным наброском к этой теме. К наброскам о горных ущельях Кавказа относятся и четыре стиха:

И вот ущелье мрачных скал
Пред нами шире становится,
Но тише Терек злой стремится,
Луч солнца ярче засиял.

Описание узкого Дарьяльского ущелья дано в «Путешествии в Арзрум»: «Здесь так узко, так узко... что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тесноту. Клочок неба как лента синее над вашей головою». Этому описанию соответствует набросок:

Страшно и скучно
Здесь новоселье,

Путь и ночлег.
Тесно и душно,
В диком ущелье —
Тучи да снег.
Небо чуть видно,
Как из тюрьмы,
Солнцу обидно
.

«О пять увенчаны мы славой» (стр. 491). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано с названием «План стихотворения в честь Греции» в Соч., т. 7, 1857, стр. 87. Примыкает к кавказскому циклу, завершающему его стихотворению «Олегов щит». Необработанный набросок единого стихотворения (в некоторых изданиях печатается в виде двух набросков: «Опять увенчаны мы славой» и «Восстань, о Греция, восстань»). По ошибочной догадке редакторы переставляли отдельные строфы, придавая им не тот смысл, какой они имеют. Посвящено Адрианопольскому миру, заключенному 2 сентября 1829 года. По этому договору Россия приобрела острова в устье Дуная и ряд городов на Черноморском побережье Кавказа. Греция получала независимость. *Эдырне* — турецкое название Адрианополя. *Восстань, о Греция*. — Слово «восстань» здесь означает «подымись», «воспрянь». Весь стих — цитата из революционного гимна Ригаса. *Олимп и Пинд и Фермопилы*. — Пушкин перечисляет те места, где велась освободительная война греков с турками, но не имеет в виду территорий, отошедших к Греции. По договору 1829 года Олимп и Пинд оставались на территории Турции. *Тиртей* — греческий поэт VII в. до н. э., автор патриотических военных элегий. *Рига* — Ригас Константин (1757—1798), греческий патриот, автор гимнов, воспевающих свободу Греции. Один из наиболее популярных его гимнов переведен Байроном, а на русский язык — Н. Гнедичем (в 1821 году). *Под сенью ветхой их вершин* — Афинский Акрополь.

Е. л. Н. Ушаковой («Вы избалованы природой») (стр. 492). Напечатано в «Галатее», 1829, ч. I, № 5, стр. 265, с заглавием «В альбом (Е. Н. У*** вой)». В «Стих.», ч. II, 1829, стр. 143, с заглавием «Е. Н. У*** вой» и с подзаголовком «В альбом» — в оглавлении. Стихотворение является переработкой черновой редакции (см. стр. 746) 1828 года. Повидимому, первоначально было адресовано Олениной. *Ушакова* Елизавета Николаевна (1810—1872) — младшая сестра Екатерины Николаевны Ушаковой, которой посвящены стих. «Когда, бывало, в старину» (стр. 399) и «В отдалении от вас» (стр. 402). *Пресненское поле*. — Дом Ушаковых находился на Пресне, в то время еще не застроенной.

* Е. П. Полторацкой («Когда помилует нас бог») (стр. 493). При жизни Пушкина не печаталось. Автограф не сохранился. Опубликовано в «Библиотеке для чтения», 1859, № 3, стр. 127, в составе «Воспоминаний о Пушкине» А. П. Керн. Стихи обращены к Елизавете Петровне Полторацкой, младшей сестре А. П. Керн. А. П. Керн писала: «Он (Пушкин — Б. Т.) раз пришел ко мне и, за-

став меня за письмом к меньшей сестре моей в Малороссию, написал в нем: «Когда помилует нас бог» и т. д.»

«Подъезжая под Ижоры» (стр. 494). Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1830 год, с заглавием «К ***» и с пометой «1828. Ижоры». Повидимому, связано с поездкой из Москвы в Петербург в январе 1829 года и адресовано Е. В. Вельяшевой, двоюродной сестре А. Н. Вульфа. В письме к нему от 26 октября 1829 года Пушкин писал: «Павел Иванович (дядя А. Н. Вульфа. — Б. Т.) стихотворствует с отличным успехом. На днях исправил он наши общие стихи следующим образом. . .» Далее приводятся первые 4 стиха данного стихотворения. *Ижоры* — последняя станция перед Петербургом на Московском почтовом тракте. *Вашей Эвственной красой*. — В письме к А. И. Вульфу Пушкин именует Вельяшеву «Гретхен», которая «хорошеет и час от часу делается невиннее». *И влюблюсь до ноября*. — Пушкин видел Вельяшеву в Малинниках Тверской губ. в ноябре 1828 года.

Приметы («Я ехал к вам: живые сны») (стр. 495). Напечатано в альманахе «Подснежник», 1829, стр. 139. Темой стихотворения является народная примета о месяце с левой стороны, что якобы предвещает беду (см. в «Евгении Онегине», гл. V, строфы V—VI). А. П. Керн в своих воспоминаниях пишет о Пушкине: «Он приехал ко мне вечером и, усевшись на маленькой скамеечке. . . написал на какой-то записке: «Я ехал к вам» и т. д. Писавши эти стихи и напевая их своим звучным голосом, он при стихе:

И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло.

заметил смеясь: — Разумеется с левой, потому что ехал обратно». По свидетельству Керн, Пушкин «в это время очень ухаживал за одною особой, к которой были написаны стихи «Город пышный, город бедный» и др.» Керн имела в виду А. Оленину.

Литературное известие (стр. 496). Напечатано в альманахе «Подснежник», 1829, стр. 188. Эпиграмма, вероятно, написана по поводу объявления, появившегося в 1828 году в № 18 журнала «Вестник Европы», которое Пушкин подробно характеризовал и цитировал в статье «Отрывок из литературных летописей». Каченовский сообщал, что «в продолжение многих лет быв редактором «Вестника Европы», он хочет и в 1829 году потрудиться еще в качестве издателя, т. е. взять на свою ответственность как составление, так и печатание сего журнала». В эпиграмме высмеивается старомодный журнал Каченовского, являющийся как бы из царства мертвых (*Элизий*). *Н. Н. Поповский* (1730—1760) — профессор философии и красноречия в Московском университете, первый редактор «Московских ведомостей». *Елагин И. П.* (1725—1794) — писатель и переводчик, отличавшийся архаическим полурусским, полуславянским слогом. *Н. Г. Курганов* (1725—1796) — издал в 1769 году «Письмовник» («Науку российского языка с семью присовокуплениями»), состоявший из множества анекдотов, нравоучительных рассуждений и т. д.

Эпиграмма («Журналами обиженный жестоко») (стр. 497). Напечатано в «Московском телеграфе», 1829, № 7, стр. 257. Эпиграмма написана по поводу доноса Каченовского на цензора С. Н. Глинку, который пропустил статью Полевого «Новости и перемены в русской литературе и журналистике на 1829 год» в «Московском телеграфе», 1828, ч. 23, № 20. Каченовский расценивал эту статью как нападение личного характера. Он объявил в «Вестнике Европы», что предпринял меры «к сохранению своей личности от игривого произвола Бенигны и всех прочих» (Бенигна — псевдоним Полевого). История эта подробно рассказана в статье Пушкина «Отрывок из литературных летописей», которая была напечатана в альманахе «Северные цветы» на 1830 год.

* **Эпиграмма**. («Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций») (стр. 498). При жизни Пушкина напечатано не было. Впервые опубликовано в Соч., т. VII, 1857, стр. 100. Эпиграмма, повидимому, явилась ответом на стихотворение Великопольского, написанное по поводу «Послания сочинителю «Сатиры на игроков» (см. примечание, стр. 826). Это стихотворение Великопольского с злобными выпадами против Пушкина-поэта автору не удалось напечатать в 1828 году. Пушкин писал ему в конце марта этого года: «Булгарин показал мне очень милые ваши стансы ко мне в ответ на мою шутку. Он сказал мне, что цензура не пропускает их, как личность, без моего согласия. К сожалению, я не мог согласиться».

Глава Онегина вторая
Съезжала скромно на тузе

и ваше примечание — конечно, личность и неприличность. . . Я не проигрывал 2-й главы, а ее экземплярами заплатил свой долг». Вероятно, уже в 1829 году до Пушкина дошли сведения о том, что Великопольский хочет напечатать свое ответное послание, и это побудило его запастись эпиграммой, которую он не напечатал потому, что и стихотворение Великопольского не появилось в печати. *Беверлей-Гораций*. — Беверлей — игрок, главное лицо драмы Сорена «Беверлей». Имя Горация Пушкин присоединил здесь, имея в виду, что Великопольский, подобно Горацию, писал сатиры.

Эпиграмма («Там, где древний Кочерговский») (стр. 499). Напечатана в «Московском телеграфе», 1829, № 8, апрель, стр. 408. Эпиграмма направлена против Каченовского (*Кочерговский*), который только что объявил об обновлении своего журнала. Пушкин отождествляет Каченовского с Тредиаковским, как двух староверов в литературе. *Над Ролленем опочил*. — Тредиаковский переводил многотомный труд французского историка Шарля Роллена. *Дурень, к солнцу став спиною*. — Каченовский ввел особую орфографию в слова, заимствованные из греческого языка. Вместо «и» ставилось «i» или «ижица» (V). Это «нововведение» вызывало насмешки, особенно в связи с тем, что Каченовский обещал обновить журнал — и еще больше его архаизировал (*к солнцу став спиною*). Пушкин сделал к стихотворению примечание, предлагая, вместо «Вестник», читать «Веник» (в порядке якобы исправления опечатки),

«Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?» (стр. 500). Напечатано в альманахе «Царское село» на 1830 год, стр. 4, под заглавием «Загадка», с подзаголовком «При посылке бронзового сфинкса». В «Стих.», ч. III, 1832, стр. 41, «Загадка» в оглавлении. Стихотворение является ответом на пересылку вышедших в апреле 1829 года «Стихотворений барона Дельвига». Пушкин, в это время ехавший на Кавказ, из Москвы послал Дельвигу бронзового сфинкса и стихи. Они содержат характеристику поэзии Дельвига, которую Пушкин высоко ценил за чувство «классической стройности». В 1827 году Пушкин писал: «Идиллии Дельвига удивительны. Какую должно иметь силу воображения, дабы из России так переселиться в Грецию, из 19 столетия в золотой век, и необыкновенное чутье изящного, дабы так угадать греческую поэзию сквозь латинские подражания или немецкие переводы».

«Жил на свете рыцарь бедный» (стр. 501). При жизни Пушкина не печаталось. Под названием «Легенда» было послано Дельвигу для альманаха «Северные цветы», но не появилось там по цензурным причинам (см. «Из других редакций», стр. 746). В качестве песни Франца вошло в позднейшей редакции в «Сцены из рыцарских времен» (1835), которые опубликованы в журнале «Современник», 1837, т. V, стр. 220.

«Критон, роскошный гражданин» (стр. 503). Датировано Пушкиным 16 июля 1829 года. При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. I, 1855, стр. 222. Набросок неосуществленного замысла.

* На картинке к «Евгению Онегину» в «Невском Альманахе» (стр. 504). При жизни Пушкина напечатано не было. Автограф не сохранился. Опубликовано по списку в «Поллярной звезде» на 1859 год, стр. 28. Надписи к иллюстрациям к «Евгению Онегину», помещенным в «Невском Альманахе» на 1829 год (6 гравюр по рисункам А. Нотбека). М. И. Пушин, который был вместе с Пушкиным на кавказских минеральных водах осенью 1829 года, записал: «Пушкин написал стихи на винетках из «Евгения Онегина» в бывшем у меня «Невском Альманахе». Альманах этот не сохранился, но сохранились в памяти некоторые стихи, карандашом им тогда написанные». О второй надписи Пушин сообщал, что она состояла из двенадцати стихов, но первых четырех он не запомнил.

«Как сатирой безымянной» (стр. 505). Напечатано в «Московском телеграфе», 1829, ч. 29, № 18, стр. 194, с заглавием «Эпиграмма». Является ответом на статью в «Вестнике Европы», 1829, № 9, Н. Надеждина о «Полтаве» (подпись: «С Патриарших прудов»), в которой говорилось о Пушкине: «Он ударился в язвительные стишонки и ругательства». Речь шла об эпиграммах Пушкина на Каченовского «Литературное известие», «Журналами обиженный жестоко» и «Там, где древний Кочерговский». Хотя Пушкин и знал, что статья принадлежит Надеждину, он сознательно приписывал ее Каченовскому, перелагая на него всю ответственность, как

на редактора журнала и вдохновителя всех нападенй на него. *Сатирой безымянной*. — В указанных эпиграммах Пушкин не упоминал имени Каченовского, заменяя его именами «Кочерговский», «зонл Пахом», «Парнасский старовер» или ставя (в печати) вместо имени звездочки («Литературное известие»).

«Зорю бьют... из рук моих» (стр. 506). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. I, 1853, стр. 223. Недоработанный отрывок неизвестного замысла.

«Счастливы ты в прелестных дурах» (стр. 507). Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1830 год, с заглавием «К ***». Стихотворение написано во время пребывания Пушкина на кавказских минеральных водах. Адресат неизвестен. Высказывалось предположение, что эпиграмма имеет в виду офицера Р. И. Дорохов. Дорохов был человеком неудачливым в службе (был разжалован из офицеров в рядовые) и неуживчивым, что мало соответствует образу благополучного службиста, каким изображен адресат эпиграммы. *Сен-При* (1803—1828) — любитель-карикатурист. *Нелединский-Мелецкий* Ю. А. (1752—1829) — поэт сентиментального направления.

Сапожник (стр. 508). Напечатано в «Современнике», 1836, т. III, стр. 205. В рукописи эпиграф: «Но видно по всему, что он семинарист. Дмитриев» (из сцены «Трисотин и Валиус, переведенной из «Ученых женщин» Мольера; у Дмитриева: «Но видно по стихам...»). Направлено против Н. Надеждина и его статьи о «Полтаве». Надеждин кончил духовную академию, и Пушкин в своих эпиграммах и полемических статьях называл его семинаристом. Содержание эпиграммы соответствует эпиграф Надеждина к статье о «Полтаве» «Берите труд не свыше сил своих» из Горация в переводе Мерзлякова. Заключительные стихи связаны с претензиями некоторых журналистов, в том числе и Надеждина, на знание светского тона. По поводу его статей 1829 года о «Графе Нулине» и о «Полтаве» Пушкин писал в 1830 году: «Они (журналисты — Б. Т.) вечно пишут приторные статейки, где стараются подделаться под светский тон так же удачно, как горничные и камердинеры пересказывают разговоры своих господ» («Опровержение на критики»). В основу эпиграммы положен рассказ Плиния Старшего (знаменитого римского писателя I в. н. э.) об Апеллесе (греческом живописце IV в. до н. э.) в книге «Естественная история».

Дорожные жалобы (стр. 509). Датировано Пушкиным в «Стих.», ч. III, 1832, 1829 годом. Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1832 год, стр. 47. Связано с размышлениями о бродячей жизни, непрерывных поездках Пушкина, которыми заполнена его жизнь начиная с 1820 года.

«Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю» (стр. 511). Датировано Пушкиным 2 ноября 1829 года. Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1830 год, стр. 66. В оглавлении, вместо заглавия: «2 ноября». Стихотворение написано в селе Пав-

ловском Старицкого уезда, Тверской губ., в имении П. И. Вульфа (дяди приятеля Пушкина) близ Малинников.

Зимнее утро (стр. 513). Датировано Пушкиным 3 ноября 1829 года. Напечатано в альманахе «Царское село» на 1830 год, стр. 1. Связано с пребыванием в имении П. И. Вульфа (см. примечание к предыдущему стихотворению).

Эпиграмма («Седой Свистов! ты царствовал со славой») (стр. 515). Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1830 год, стр. 97, за подписью «Арз», т. е. «Арзамасец». На свой счет принял эпиграмму М. А. Бестужев-Рюмин, напечатавший в «Северном Меркурии» за подписью «Ар. З.» (т. е. Аристарх Заветный — псевдоним Бестужева-Рюмина) ответную эпиграмму, где говорится:

В нескладных ты своих стихах
Меня зовешь вторым Свистовым.

Свистов — эпиграмматическое прозвание Д. И. Хвостова. Возможно, что Пушкин имел в виду Н. Надеждина, являвшегося (вместе с Каченовским) главным объектом его эпиграмм 1829 года. На страницах «Вестника Европы» Н. Надеждин выступил в 1828 году как поэт и продолжал печатать свои стихи наряду с полемическими и иными статьями. Стихи Н. Надеждина необычайно архаичны и тяжеловесны, например следующий перевод из Ламартина:

Иди ж, иди вослед надежды,
Доколе день сияет твой!
Мои присно-отверсты вежды —
И не воздремлют над тобой!..

Вся тварь благоговейно лобжет
Мой дивный перст: твой дух не хочет
Одн почтить судьбы мои!..
Но гнев мой, благостно водимый,
Растопит хлад твой, сын строптивый,
В пучине пламенной любви!..

Подобные стихи напоминали старомодные оды Д. И. Хвостова. Кроме того, Пушкину могло быть известно, что Д. И. Хвостов когда-то покровительствовал юному Надеждину и получил от него благодарственное послание.

Эпиграмма («Мальчишка Фебу гимн поднес») (стр. 516). Напечатано Пушкиным в альманахе «Северные цветы» на 1830 год, стр. 50. Эпиграмма на критика Н. Надеждина. В первой части пересказывается переводная эпиграмма В. Л. Пушкина «Какой-то стихотвор». Эту эпиграмму с применением к самому Пушкину упомянул Надеждин в статье о «Полтаве». *За сим принес семинарист. — Надеждин учился в духовной семинарии. Тетрадь лакейских диссертаций.* — Повидимому, речь идет об ученых статьях Н. Надеждина в «Вестнике Европы» (в числе которых были и отрывки из

его диссертации). В качестве учёного он писал весьма замысловато, уснащая текст латинскими и греческими цитатами. О «лакейском» стиле Надеждина Пушкин упоминал неоднократно, например в иронической характеристике: «Никодим Невеждин — молодой человек из честного сословия слуг, оказавший недавно отличные успехи в словесности и обещающий быть законодателем вкуса, несмотря на лакейский тон своих статей» (ср. эпиграмму «Надеясь на мое презрень», стр. 536).

«Я вас любил: любовь еще, быть может» (стр. 517). Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1830 год, стр. 104.

Воспоминания в Царском селе («Воспоминаниями смущенный») (стр. 518). Датировано Пушкиным 14 декабря 1829 года. При жизни Пушкина напечатано не было. Частично опубликовано в «Московских ведомостях», 1854, 30 сентября, № 117, стр. 1465. Полностью отрывок опубликован в газете «Речь», 1911, 13 июня, № 159. Необработанное стихотворение в форме «Воспоминаний в Царском селе» 1814 года. Написано под впечатлением первого после ссылки посещения Царского села. *Еще исполнены великою женою — Екатериной II. Перун Кагульских берегов — победитель при реке Кагул гр. П. А. Румянцев. Битва при Кагуле 1770 года решила исход первой турецкой войны. Вот, вот могучий вождь полунощного флага.* — Гр. Алексей Орлов уничтожил турецкую эскадру при Чесме (1770). *Вот верный брат его, герой Архипелага — Ф. Г. Орлов. Вот наваринский Ганнибал — И. А. Ганнибал, двоюродный дед Пушкина по матери, был героем наваринского морского боя. Вблизи Монмартра.* — Речь идет о вступлении русских войск в марте 1814 года в Париж.

«Поедем, я готов; куда бы вы, друзья» (стр. 520). Датировано Пушкиным 23 декабря 1829 года. Напечатано в «Московском вестнике», 1830, ч. 3, № 11, стр. 191, с заглавием «Элегический отрывок», сохраненным в оглавлении «Стих.», ч. III, 1832. Стихотворение связано с предполагаемым отъездом за границу. В письме от 7 января 1830 года Пушкин просит Бенкендорфа дать ему разрешение на поездку за границу: «Я бы хотел совершить путешествие во Францию или Италию. В случае же если оно не будет мне разрешено, я бы просил соизволения посетить Китай с отправляющимся туда посольством». Ответ Пушкину был отрицательный. В конце стихотворения, повидимому, речь идет о Н. Н. Гончаровой, к которой он тогда сватался, но получил уклончивый ответ.

«Еще одной высокой, важной песни» (стр. 521). При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в «Русской старине», 1884, ноябрь, стр. 351. Необработанный черновик перевода начала «Гимна к пенатам» английского поэта Р. Саути.

Собрание насекомых (стр. 523). Напечатано в альманахе «Подснежник» на 1830 год, стр. 18, с звездочками, вместо фамилий, в тексте. Эпиграмма имеет в виду вообще мелких журнали-

стов. Звездочки, заменяющие имена, расшифровываются различно. Можно было подставить много имен на каждое место, означенное звездочками. Загадочность входила в намерения Пушкина. Наиболее распространенная расшифровка принадлежит М. П. Погодину:

Вот Глинка — божья коровка,
Вот Каченовский — злой паук,
Вот и Свинын — российский жук,
Вот Олин — черная мурашка,
Вот Раич — мелкая букашка.

В других списках два последние стиха относили к Рюмину (Бестужеву-Рюмину) и «Борьке» (так называли журналиста Федорова). В печати выступали обиженные Олин, Бестужев-Рюмин. В «Вестнике Европы» появилась пародия, в которой, вместо звездочек, подставлены были названия произведений Пушкина. В «Московском телеграфе» появилась пародия за подписью «Обезьянин», которая метила в сотрудников «Литературной газеты». На это Пушкин заметил в своей статье «Опровержение на критики»: «Поэту вздумалось описать любопытное собрание *букашек*. Сам ты букашка, закричали бойкие журналы, и стихи-то твои букашки и друзья-то твои букашки. Сам съешь». Пушкин перепечатал стихотворение в «Литературной газете», 1830, 30 июля, № 43, сопроводив его следующим ироническим примечанием: «Сие стихотворение, напечатанное в альманахе «Подснежник» нынешнего года, обратило на себя общее внимание. Все журналы отозвались о нем, и большею частью неблагоприятно. Оно удостоилось двух пародий, помещенных в «Вестнике Европы» и в «Московском телеграфе». Пародия «Вестника» отличается легким остроумием; пародия «Телеграфа» — полнотою смысла и строгою грамматической и логической точностью. Здесь мы помещаем сие важное стихотворение, исправленное сочинителем. В непродолжительном времени выйдет оно особою книгой, с предисловием, примечаниями и биографическими объяснениями. с присовокуплением всех критик, коим оно подало повод, и с опровержением оных. Издание сие украшено будет искусно литохромированным изображением насекомых. Цена с пересылкою 25 руб.»

«Когда твои младые лета» (стр. 524). Напечатано в «Литературной газете», 1830, 1 марта, № 13, стр. 101, с заглавием «К***». Адресат неизвестен. Отнесение стихотворения к А. Ф. Закревской (см. стих. «Портрет», стр. 446) вряд ли имеет основание. Ей было 30 лет и ее уже не «младые лета» (особенно по понятиям того времени) *молва* в 1829 году *позорила* не больше, чем в 1820-м или 1825-м. По другой версии, Пушкин имел в виду А. П. Керн, но и здесь нельзя назвать никакого биографического факта, относящегося к 1829 году, который мог бы оправдать такое адресование.

К бюсту завоевателя (стр. 525). При жизни Пушкина не печаталось. Окончательная обработка стихотворения помечена Пушкиным 21 сентября 1830 года, временем, когда в Болдине завершал он наброски предыдущих лет. Судя по заметке на ту же

тому, могло быть написано в 1828 году. Опубликовано в Соч., т. I, 1855, стр. 222. Повидимому, относится к бюсту Александра I, сделанному датским скульптором Бертелем Торвальдсеном (1770—1840). В заметках Пушкина речь идет, видимо, о том же бюсте. «Торвальдсен, делая бюст известного человека, удивился странному разделению лица, впрочем прекрасного, — верх нахмуренный, грозный, низ же выражающий всегдашнюю улыбку. Это нравилось Торвальдсену. *Questa è una brutta figura*» * (1828. Заметки и афоризмы).

«Брожу ли я вдоль улиц шумных» (стр. 526). Датировано Пушкиным 26 декабря 1829 года с пометой «С. П. Б. 3 часа 5 м.» Напечатано в «Литературной газете», 1830, 6 января, № 2, стр. 10, с заглавием «Станцы».

1830

Сонет («Суровый Дант не презирал сонета») (стр. 528). Напечатано в «Московском вестнике», 1830, № 8, стр. 315. Эпиграф к стихотворению взят из сонета английского поэта Вордсворта. Пушкин в 1830 году очень интересовался применением сонета в европейской поэзии. Данный сонет ближе, чем два другие того же года («Мадонна» и «Поэту»), к итальянскому, петрарковскому образцу.

Поэту («Поэт! не дорожи любовью народной») (стр. 529). Датировано Пушкиным 7 июля 1830 года. Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1830 год, стр. 3. Один из трех сонетов, написанных в 1830 году. Стихотворение отчасти было вызвано нападками на Пушкина на страницах журналов, где до того времени печатались восторженные отзывы. Тема взаимоотношений поэта и толпы неоднократно появлялась в произведениях Пушкина (см. стих. «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824), стр. 243, «Поэт и толпа» (1828), стр. 476, и др.).

Мадонна (стр. 530). Датировано Пушкиным 8 июля 1830 года. Напечатано в альманахе «Сиротка. Литературный альманах на 1831 год», стр. 19—20, с заглавием «Мадонна (Сонет)». Подзаголовок Пушкин сохранил в «Стих.», ч. III, 1832. Посвящено невесте Пушкина Н. Н. Гончаровой. *Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.* — Пушкин имел в виду изображение Мадонны на картине, приписывавшейся Рафаэлю. Эта картина продавалась в Петербурге в лавке Сленина. Пушкин писал невесте, жалея, что у него нет ее портрета: «Я утешаю себя, проводя целые часы перед белокурой Мадонной, похожей на вас как две капли воды, которую я купил бы, если бы она не стоила 40.000 рублей».

* Циклоп («Язык и ум теряя разом») (стр. 531). Датировано Пушкиным 1 января 1830 года. Напечатано в брошюре «*Vers chantés et récités*», 1830, стр. 14, с заглавием «Суслоре». Стихотворение написано для костюмированного бала в Аничковом дворце 4 января

* Вот дикое лицо. (Итал.) — *Ред.*

1830 года, устроенного по поводу заключения Адрианопольского мира. Участники должны были изображать мифологические существа: женщины — богов, мужчины — богинь. Е. Ф. Тизенгаузен просила Пушкина написать стихотворение, соответствующее ее костюму Циклопа. Посылая эти стихи, Пушкин писал Тизенгаузен: «Само собой разумеется, графиня, что вы будете настоящим циклопом. Примите этот плоский комплимент как доказательство моей полной покорности вашим приказаниям. Будь у меня сто голов и сто сердец, они все были бы к вашим услугам».

«Что в имени тебе моем?» (стр. 532). Датировано Пушкиным 5 января 1830 года. Напечатано в «Литературной газете», 1830, 6 апреля, т. I, № 20, стр. 158, с заглавием «В альбом», сохраненном в оглавлении «Стих.», ч. III, 1832. В списке стихотворений, составленном Пушкиным в 1831 году, стихотворение именуется «Соб-ой», с датой «1830». Адресовано Каролине Собаньской (урожд. гр. Ржевусской, 1794—1885), сестре жены Бальзака. Пушкин встречался с Собаньской в Одессе в 1821 и 1823 годах и в Петербурге в 1830 году и, по ее словам, был в нее влюблен.

Ответ («Я вас узнал, о мой оракул!») (стр. 533). Напечатано в «Литературной газете», 1830, 11 января, № 3, стр. 21, за подписью «Крс.» Является ответом на какое-то анонимное шуточное письмо, в авторе которого Пушкин узнал Ек. Н. Ушакову (см. стих. «Когда, бывало, в старину», стр. 399, и «В отдалении от Вас», стр. 402). Рисунки Пушкина, сохранившиеся в альбоме Ушаковой, свидетельствуют о разнообразных шутках и прозвищах, которые были в ходу у сестер Ушаковых. Подпись «Крс.» — повидимому, сокращение какого-то шуточного прозвища Пушкина. *Ни муз, ни Пресни, ни харит.* — Ушаковы жили в Москве на Средней Пресне, на Замороновой улице. Пушкин намекает здесь на стихи, музыку и рисование, которые были в чести у Ушаковых.

«В часы забав иль праздной скуки» (стр. 534). Датировано Пушкиным 19 января 1830 года. Напечатано в «Литературной газете», 1830, 25 февраля, № 12, с пометой «19 января 1830, СПб.» Ответ на стихи митрополита Филарета, в которых он осуждал стихотворение Пушкина «Дар напрасный, дар случайный».

* Эпиграмма («Не то беда, что ты поляк») (стр. 535). Эпиграмма ходила в рукописи. Напечатана была Булгариным в «Сыне отечества», 1830, № 17, с заменой имени: вместо «Видок Фиглярин» — «Фаддей Булгарин», при следующей заметке: «В Москве ходит по рукам и пришла сюда для раздачи любопытствующим эпиграмма одного известного поэта. Желая угодить нашим противникам и читателям и сберечь сие драгоценное произведение от искажений при переписке, печатаем оное». Дельвиг по этому поводу писал Пушкину: «Он напечатал твою эпиграмму на Видока Фиглярина с своим именем не по глупости, как читатели думают, а дабы тебя замарать. Он представил ее правительству как пасквиль и просил в удовлетворение свое позволение ее напечатать. Ему позволили, как мне объявил цензор, похваля его благородный поступок, разу-

меется не зная, что эпиграмма писана не с его именем и что он поставил оное только из боязни, чтобы читатели сами не нашли ее эпиграммой на него. Не желая, чтобы тебя считали пасквильянтом, человеком, делающим противозаконное, я подал в высшую цензуру просьбу, чтобы позволили это стихотворение напечатать без ошибок». Дельвиг послал в цензуру подлинный текст эпиграммы со следующим сопровождением: «Сия эпиграмма напечатана в 17 № С.О. и С.А. при следующих словах: «Желая угодить нашим противникам и читателям и сберечь сие драгоценное произведение от искажения при переписке, печатаем оное». К сожалению, доброе намерение их не исполнилось. До нас дошла эпиграмма известного поэта нашего уже искаженная до пасквиля. Вместо Видока Фиглярина, имени выдуманного, поставлены имя и фамилия г-на Булгарина, чего, как читатели наши видят, нет в настоящем списке и быть не может. Эпиграммы пишутся не на лицо, а на слабости, странности и пороки людские. Это зеркало истины, в котором Мидас может увидеть свои ослиные уши потому только, что он их имеет в самом деле». *Видок* (1775—1857) — французский авантюрист, человек с уголовным прошлым, некоторое время возглавлявший сыскную полицию. В 1828 году он издал свои «Воспоминания», составленные по его заметкам двумя литераторами. Пушкин в «Литературной газете» под видом рецензии на мемуары Видока дал уничтожающую и разоблачающую характеристику Булгарина. После этой заметки имя Видока стало применяться к Булгарину.

* Э п и г р а м м а («Надеюсь на мое презренье») (стр. 536). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Русской старине», 1884, ноябрь, стр. 358. *Седой зоил меня ругал*. — Говорится об анонимной статье, писанной Н. Надеждиным, по поводу «Полтавы». Статья эта кончалась словами: «Утешаюсь, по крайней мере, тою мыслию, что ежели певцу «Полтавы» вздумается швырнуть в меня эпиграммой, то это будет для меня *незаслуженное* удовольствие!». *Я эпиграммой отвечал* — «Как сатирой безымянной», эпиграммой, напечатанной в «Московском телеграфе» в октябре 1829 года. *Журнальный шут* — Н. Надеждин. За его подписью появилась в «Вестнике Европы» Каченовского бранная статья о седьмой главе «Евгения Онегина». Вероятно, эпиграмма «Надеюсь на мое презренье» и является ответом на эту статью, напечатанную в апреле 1830 года, а потому и самая эпиграмма должна датироваться этим временем. Повидимому, Пушкин вскоре узнал, что статьи о «Графе Нулине» и «Полтаве» писал не Каченовский («седой зоил»), а тот же Надеждин, и потому этой эпиграммы не напечатал.

«Шумит кустарник... На утес» (стр. 537). При жизни Пушкина набросок не публиковался. Опубликовано в «Русской старине» 1884, май, стр. 351 (с начальным стихом «*Глядит на светлые луга*»). Представляет собой необработанный набросок неизвестного замысла.

К в е л ь м о ж е (стр. 538). Напечатано в «Литературной газете», 1830, 26 мая, № 30, стр. 240—241, под названием «Послание к К. Н. Б. Ю***». Датировано Пушкиным 23 апреля 1830 года.

Адресовано к вельможе екатерининского времени князю Н. Б. Юсупову (1751—1831) и является ответом на приглашение приехать в его подмосковное имение Архангельское, где Пушкин бывал и раньше. Воспользовавшись тем, что Юсупов, начавший свою служебную карьеру в качестве дипломата, много путешествовал по Европе, Пушкин в своем послании изобразил Европу до и после Французской революции. *Посланник молодой увенчанной жены*. — В царствование Екатерины II Юсупов был посланником в Сардинии, Неаполе и Венеции. *Циник поседелый* — Вольтер, с 1759 года поселившийся в своем имении Ферней, на границе Швейцарии. *Армида молодая* — французская королева Мария Антуанетта, казненная в 1793 году. Ее любимым местопребыванием был парк, примыкающий к Малому Трианону в Версале. Дидро (*Диберот*) и энциклопедисты, так же как и Вольтер, упомянуты как идеологические предшественники Революции. *Двойственный собор* — английский государственный строй с двумя палатами: представительной нижней палатой и аристократической палатой лордов. *Ужас* — буквальный перевод политического термина «террор». Речь идет о годах якобинской диктатуры. *Громы новой славы* — царствование Наполеона. *Доньяне странствует с кладбища на кладбище*. — Вольтер был сперва похоронен на кладбище монастыря Сельер, откуда в 1791 году был перенесен в Пантеон. При реставрации Бурбонов громилы-монархисты вывезли тело Вольтера из Пантеона. После появления в печати послания Пушкина в «Московском телеграфе» появился пасквильный очерк Н. Полевого «Утро в кабинете знатного барина», где в карикатурном виде, но достаточно прозрачно изображен Юсупов, которому его секретарь передает послание, якобы написанное в льстивой форме. Обвинение Пушкина в заискивании перед вельможами с этого времени не раз применялось как полемический прием в дальнейших журнальных нападениях на Пушкина.

Новоселье (стр. 541). Напечатано в альманахе «Сиротка. Литературный альманах на 1831 год» М., 1831, стр. 39. Вероятно, адресовано М. П. Погодину, профессору Московского университета, историку, критику, редактору «Московского вестника», с которым Пушкин с 1826 года поддерживал дружеские отношения. 26 апреля 1830 года Пушкин был у Погодина, видимо не застал его и оставил записку: «Пушкин приходил поздравить вас с новосельем».

«Когда в объятия мои» (стр. 542). При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в Соч., т. VII, 1857, стр. 43. Адресовано к Наталии Николаевне Гончаровой (1812—1863), помолвленной с Пушкиным 6 мая 1830 года (женится Пушкин 18 февраля 1831 года).

«Полюбуйтесь же вы, дети» (стр. 543). При жизни Пушкина опубликовано не было. Автограф не сохранился. Опубликовано по записи Лонгинова в «Библиографических записках», 1858, № 16, стлб. 495 (М. Н. Лонгинов «Анекдот о Пушкине»). По расказу Лонгинова, С. Голицын (*длинный Фирс*), играя в карты с человеком, уже задолжавшим ему, на его вопрос: «На какие деньги

играешь, на эти или на те?» (разумая под «теми» свой долг), отвечал: «Это всё равно: и на эти и на те и на те, те, те». *Черноокая Россети* — А. О. Россет (см. стих. «Ее глаза» и «В тревоге пестрой и бесплодной»).

Б е с ы (стр. 544). Датировано Пушкиным 7 сентября 1830 года. Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1832 год, стр. 169.

Э л е г и я («Безумных лет угасшее веселье») (стр. 546). Датировано Пушкиным 8 сентября 1830 года. Напечатано в «Библиотеке для чтения», 1834, т. VI, отд. I, стр. 16.

Ответ анониму («О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье») (стр. 547). Датировано 26 сентября 1830 года. Болдино. Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1831 год, стр. 28. Является ответом на анонимное послание И. А. Гулянова (1789—1841), ученого-египтолога, члена Российской академии. В послании говорилось о музах, встревоженных слухами о женитьбе поэта (в связи с тем, что многие считали женитьбу губительной для творчества Пушкина):

Уймите дух ваш сокрушенный,
О музы! друг ваш вожделенный
Небесным пламенем горит.
Источник новых откровений
Залогом будет вдохновений —
И снова гений воспарит.

Царскосельская статуя (стр. 548). Датировано Пушкиным 1 октября 1830 года. Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1832 год, стр. 41, на первом месте среди «Анфологических эпиграмм» Пушкина. Кроме этого стихотворения, сюда вошли «Отрок», «Рифма», «Труд». В «Стих.», ч. III, 1832, Пушкин поместил эти стихотворения без общего заглавия, но в том же порядке, вставив перед стихотворением «Труд» гекзаметры «На перевод «Илиады». Стихотворение посвящено статуе в Царскосельском парке (ныне г. Пушкин), изображающей девушку над разбитым кувшином, из черепка которого непрерывно льется вода. Статуя сделана скульптором Соколовым на сюжет басни Лафонтена «Молочница и кувшин».

О т р о к (стр. 549). Является вторым стихотворением в цикле «Анфологические эпиграммы» (см. примечание к предыдущему стихотворению). В этом стихотворении характеризуется судьба Ломоносова.

Р и ф м а («Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пеня») (стр. 550). Является третьим стихотворением в цикле «Анфологические эпиграммы» (см. выше примечание к стих. «Царскосельская статуя»). Тема данного стихотворения с небольшими отличиями была разработана Пушкиным в 1828 году в последних строфах стихотворения «Рифма, звучная подруга».

Труд (стр. 551). Являлось четвертым стихотворением среди напечатанных в «Северных цветах» «Анфологических элиграмм» (см. примечание к стих. «Царскосельская статуя», стр. 851). Вероятно, тема стихотворения возникла в связи с окончанием «Евгения Онегина» (осенью 1830 года в Болдине).

На перевод «Илиады» («Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи») (стр. 552). Датировано Пушкиным 8 ноября 1830 года. Напечатано в альманахе «Альциона» на 1832 год, стр. 79. В сборнике «Стих.», ч. III, 1832, Пушкин поместил эти элегические дистихи среди четырех других. Стихотворение посвящено переводу «Илиады», выход которой Пушкин приветствовал восторженной заметкой в «Литературной газете». Для Пушкина перевод «Илиады» был в числе самых значительных русских произведений, которые «наша словесность может выставить перед Европою» («Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений»).

«Глухой глухого звал к суду судьи глухого» (стр. 553). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. I, 1855, стр. 250. Приведено Пушкиным в его статье «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений». Пушкин пишет: «У одного из наших известных писателей спрашивали, зачем не возражал он никогда на критики. Критики не понимают меня, отвечал он, а я не понимаю моих критиков. Если будем судиться перед публикою, вероятно и она нас не поймет. Это напоминает старинную эпигramму». После этого следует данное стихотворение, являющееся полным подражанием французской эпиграмме Пелисона (1624—1693) «Трое глухих».

Прощание («В последний раз твой образ милый») (стр. 554). Датировано Пушкиным 5 октября 1830 года. Напечатано при нотах к романсу Есаулова, вышедшему без выходных данных в 1830—1831 годах (сохранился единственный экземпляр этих нот в Пушкинском Доме). В списке стихотворений, составленном Пушкиным в 1831 году для издания, — под обозначением «К Е. W». Буквы написаны в виде монограммы, как Пушкин обозначал имя Елизаветы Ксавьеровны Воронцовой (см. примечание к стих. «Сожженное письмо», стр. 800).

Паж, или пятнадцатый год (стр. 555). Датировано Пушкиным 7 октября 1830 года с пометой «Болдино». При жизни напечатано не было. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 136 (без 4-й и 5-й строф, опубликованных Герценом в «Полярной звезде» на 1859 год, стр. 14). Эпиграф имеет в виду Черубино — пажа из комедии Бомарше «Свадьба Фигаро». В конце стихотворения, вместо «севильскую», первоначально было написано «варшавскую». По предположению Н. О. Лернера, в стихотворении говорится о брате А. О. Россет (Смирновой) — пятнадцатилетнем паже Иосифе (1812—1854). Он был по-детски влюблен в польку — графиню Витгенштейн, урожд. Радзивилл. В сентябре 1830 года был выпущен из Пажеского корпуса в гвардейский уланский полк и находился в Стрельне.

«Румяный критик мой, насмешник толсто-пузырь» (стр. 557). Датировано Пушкиным 1 и 10 октября 1830 года. При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 166, с заглавием «Каприз» (стихи 1—22). Стихи 23—28 напечатаны как самостоятельное произведение в Соч., т. VII, 1857. Стихотворение обращено к воображаемому брюзгливому критику.

К переводу «Илиады» («Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера») (стр. 558). Эпиграмма при жизни Пушкина не печаталась и в автографе тщательно вымарана самим Пушкиным. Опубликовано в газете «Речь», 1910, 25 января, № 24. Об отношении Пушкина к переводу Гнедича, см. примечание к стих. «На перевод Илиады», стр. 852.

«Я здесь, Инезилья» (стр. 559). Датировано Пушкиным 10 октября 1830 года. Напечатано при нотах романа Глинки в 1834 году. Стихотворение отчасти навеяно чтением английского поэта Барри Корнуолла (см. стих. «Пью за здоровье Мери», стр. 576), его стихотворения «Серенада», первый стих которого — «Я здесь, Инезилья». В остальном стихи Пушкина оригинальны.

«Два чувства дивно близки нам» (стр. 560). Набросок при жизни Пушкина не публиковался. Опубликовано в Соч., т. I, 1855, стр. 346.

«Когда порой воспоминашь» (стр. 561). При жизни Пушкина не печаталось. Представляет собой черновой набросок. Опубликовано в виде транскрипции в Соч. АН, т. IV, 1916, стр. 399. Стихи *Не в светлый край, где небо блещет* и *Повторены пловца октавы* взяты с небольшими изменениями из отрывка 1828 года «Кто знает край, где небо блещет». Набросок носит характер воспоминаний и примыкает к стихотворениям Болдинской осени, обращенным к прошлому, в связи с тревожными мыслями о настоящем и будущем. Описание северного острова очень точно воспроизводит пейзаж Соловецкого острова, куда Александр I собирался сослать Пушкина. Берега этого острова пустынные, покрыты тундрой. Летом на Соловецкие острова прибывали поморы и во всё время лова жили в землянках и шалашах на берегу Белого моря.

Эпиграмма («Не то беда, Авдей Флюгарин») (стр. 563). Напечатано в альманахе «Денница, альманах на 1831 год», стр. 137. Эпиграмма на Ф. Булгарина, дополняющая другую — «Не то беда, что ты поляк». *Беда, что скучен твой роман.* — Речь идет о романе «Дмитрий Самозванец».

Заклинание (стр. 564). Датировано Пушкиным 17 октября 1830 года. При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано Жуковским в Соч., т. IX, 1841, стр. 164.

Стамбул гяуры нынче славят (стр. 565). Датировано Пушкиным 17 октября 1830 года (дата отделки стихотворения). Напечатано в «Современнике», 1836, т. I, стр. 76, в составе

«Путешествия в Арзрум», без стихов 30—45 (от слов «Алла велик»). В тексте «Путешествия» стихотворению предшествуют слова: «Нововведения, затеваемые султаном, не проникли еще в Арзрум. Войско носит еще свой живописный, восточный наряд. Между Арзрумом и Константинополем существует соперничество, как между Казанью и Москвою. Вот начало сатирической поэмы, сочиненной янычаром Амином-Оглу». В действительности последние слова Пушкина — литературная мистификация: стихи не являются переводом, они вполне оригинальны. Отброшенные в «Путешествия» последние стихи опубликованы в Соч., т. IX, 1841, стр. 212. Стихи 40—43 перенесены Пушкиным из отрывка 1827 года «Какая ночь! Мороз трескучий». Печатается по беловому автографу, но стихи 1—29 — в окончательной редакции «Современника». В беловом автографе стихи 13—14 читаются:

Там веры чистый луч потух:
Там жены по базару ходят.

Стихи 23—24:

Постимся мы: струею трезвой
Одни фонтаны нас поят:
Толпой неистой и резвой
Джигиты наши в бой летят.
Мы к женам как орлы ревнивы,
Харемы наши молчаливы,
Непроницаемы стоят.

После этого стиха зачеркнуто:

В нас ум владеет плотью дикой,
И покорен Корану ум,
И потому пророк великий
Хранит как око свой Арзрум.

Кроме того, в черновике имеются зачеркнутые стихи:

Меж нами скрылся янычар,
Как между братьев любимых.
Что рек Алла: спасай гонимых,
Приход их — дому божий дар.

Реформы султана Махмуда II не встречали сочувствия среди правоверных магометан. В стихах «Алла велик!» и след. говорится о подавлении янычаров, некогда составлявших военный оплот Турции, но опасных устройством дворцовых переворотов. Воспользовавшись очередным восстанием (1826), Махмуд II уничтожил войско янычаров и жестоко расправился с ними и даже с их семьями.

* Дельвигу («Мы рождены, мой брат названный») (стр. 567). При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в «Русском архиве», 1881, т. III, № 2, стр. 471. Является черновым неза-

конченным наброском послания к Дельвигу. Вызвано тем, что Дельвиг в последний год своей жизни, как и Пушкин, подвергался грубым нападкам критики (см. стих. «Поэту»). Стихотворение печаталось в произвольном порядке и с неверным прочтением отдельных стихов.

«Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» (стр. 598). Датировано Пушкиным октябрём 1830 года. При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано Жуковским в посмертном издании Соч., т. IX, 1841, стр. 163.

Герой (стр. 569). Напечатано в «Телескопе», 1831, № 1, стр. 46, без подписи и с пометой «29 сентября 1830». Эта помета не является датой стихотворения, и ее смысл разъяснен в приводимом здесь письме Погодина. Пушкин писал в начале ноября М. П. Погодину из Болдина: «Посылаю вам из моего Пафмоса Апокалипсическую песнь. Напечатайте где хотите, хоть в «Ведомостях», но прошу вас и требую именем нашей дружбы не объявлять *никому* моего имени. Если московская цензура не пропустит ее, то перешлите Дельвигу, но также без моего имени и не моей рукой переписанную». При посмертной перепечатке стихотворения Пушкина в «Современнике», т. V, 1838, № 1, Погодин сделал приписку, в которой сообщал, что «хранил до сих пор тайну» и что «число, выставленное Пушкиным под стихотворением, после многозначительного *утешся*, 29 сентября 1830, есть день прибытия государя императора в Москву во время холеры». Эпиграф стихотворения взят из Евангелия (слова Понтия Пилата на допросе Христа). Стихотворение посвящено Наполеону, который в глазах Пушкина заслужил имя героя только одним поступком: посещением чумного госпиталя в Яффе во время похода в Египет. Поставив под стихотворением дату, связанную с прибытием Николая I в холерную Москву, Пушкин отмечает личную смелость Николая, но настаивает на необходимости сочетания смелости и великодушия, без которого герой остается только тираном. *Историк строгий* — Пушкин ссылается на «Мемуары», которые появились в 1829—1830 годах и автором которых значился Бурьен. В действительности они были составлены журналистом Вильмаре. В этих мемуарах утверждалось, что Наполеон в Яффе не прикасался к чумным.

«В начале жизни школу помню я» (стр. 572). При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 172, как первое из «Подражаний Данте» (вторым стихотворением были отрывки «И дале мы пошли — и страх обнял меня»). В автографах заглавия нет. Стихотворение является отрывком неосуществленного замысла, содержание которого нам неизвестно. Пушкин начал писать это произведение октавами, строфой Ариосто, поэт позднего итальянского Возрождения, а затем заменил октавы терцинами, строфой, которой написана «Божественная комедия» Данте. Так как выбор строф у Пушкина всегда неразделим с самим замыслом, то это значило, что свои стихи Пушкин связывал не с поздним Возрождением, а с самым началом его, с эпохой Данте. Темой отрывка является столкновение церковной схоластики и аскетизма с тем жадным интересом к античному искусству,

которые характеризуют гуманизм раннего Возрождения. *Двух бесов изображенья*. — В истолковании католиков средневековья боги античной мифологии были бесами. Далее описываются статуи Аполлона (*Дельфийский идол*) и Венеры (*женообразной*, изваянной в образе женщины). Подобным описанием знаменитейших античных статуй Пушкин изображает психологием представителя раннего Возрождения, еще не освободившегося от религиозных представлений средневековья. «Я» данного стихотворения нельзя переносить на Пушкина и усматривать в стихотворении простое описание сада, виденного в детстве, будь это сад Юсупова в Москве или Царское-сельский парк, как утверждают некоторые толкователи. Стихотворение не автобиографично, а написано на исторический сюжет.

«Для берегов отчизны дальней» (стр. 574). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в альманахе «Утренняя заря на 1841 год», стр. 389—390. Сохранился автограф с датой «27 ноября 1830, Болдино». В списке стихотворений, составленном в 1831 году, Пушкин датировал эти стихи 1828 годом. Автограф представляет собой законченный беловой текст с позднейшими поправками. Эти поправки не везде доведены до конца и не везде согласованы. Первые два стиха читались:

Для берегов чужбины дальней
Ты покидала край родной.

Два последние стиха были:

Но сладкий поцелуй свиданья...
Его я жду; он за тобой...

Исправлено:

А с ним и поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...

При этом допущена ошибка («с ним»). Здесь она исправлена. Считают, что стихи посвящены памяти одесской знакомой Пушкина Амалии Ризнич (ср. стих. «Под небом голубым страны своей родной», 1826). Эта догадка согласуется с окончательным чтением первых стихов (Ризнич была итальянка и умерла на родине, куда уехала из Одессы), но противоречит первоначальному тексту, где говорится о русской, уехавшей в Италию.

Отрывок («Не розу пафосскую») (стр. 575). При жизни Пушкина не печатался. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 144.

Из *Baggy Cornwall* («Пью за здравие Мери») (стр. 576). Напечатано в альманахе «Денница, альманах на 1831 год», стр. 90, с заглавием «Песня». В «Стих.», ч. III, 1832, стр. 60, заглавие снято и перенесено в качестве подзаголовка к первой строке стихотворения в оглавлении. Копия стихотворения, предназначавшегося для предполагаемого издания 1836 года, снабжена заглавием, вписан-

ным Пушкиным: «Из *Barry Cornwall*». Является вольным подражанием песне английского поэта Барри Корнуолла (1787—1874). Первая строка из этого стихотворения взята в качестве эпиграфа.

«Пред испанкой благородной» (стр. 577). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 161, с заглавием «Романс» (в автографе заглавия нет).

В рукописи имеется недоработанное продолжение стихотворения:

Одного люблю, конечно,
Отвечает им она
. но тайну вечно
Я хранить от вас должна.

Моя родословная (стр. 578). Датировано Пушкиным 16 октября и 3 декабря 1830 года. При жизни Пушкина не печаталось. Впервые с пропусками опубликовано в «Отечественных записках», 1846, апрель, № 4, отд. VI, стр. 118. В черновом тексте стихотворение имело эпиграф: *Je suis vilain, très vilain, je suis vilain. vilain, vilain. Béanger.** Поводом к написанию стихотворения, как писал сам Пушкин, была «сатирическая статья Булгарина в «Северной пчеле», в которой говорилось о некоем литераторе, претендующем на благородное происхождение, в то время как он лишь мещанин во дворянстве». «К этому было прибавлено, — писал Пушкин, — что мать его — мулатка, отец которой, бедный негритенок, был куплен матросом за бутылку рома. Хотя Петр Великий вовсе не похож на пьяного матроса, это достаточно ясно указывало на меня, ибо среди русских литераторов один я имею в числе своих предков негра... Я счел своим долгом ответить анонимному сатирику, что я сделал в стихах и при том очень круто» (письмо Бенкендорфу от 24 ноября 1831 года). Помимо личного повода, стихотворение вызвано было и историческими интересами Пушкина, вниманием к судьбам и роли русского дворянина (см. поэму «Езерский», т. I, стр. 547 и 618).

В незаконченной повести «Гости съезжались на дачу» (1829—1830) Пушкин писал: «Наша благородная чернь, к которой и я принадлежу, считает своими родоначальниками Рюрика и Мономаха... Но настоящая аристократия наша с трудом может назвать и своего деда.. Денщики, певчие, хохлы — вот их родоначальники. *He торговал мой дед блинами.* — Имеется в виду А. Д. Меншиков, ближайший сотрудник Петра I. *He ваксил царских сапогов.* — Граф И. П. Кутайсов был камердинером Павла I. *He пел с придворными дьячками.* — Имеется в виду А. Г. Разумовский, который был придворным певчим, прежде чем стал любовником Елизаветы. *В князья не прыгал из хохлов.* — А. А. Безбородко, сын малороссийского генерального писаря, был возвышен Екатериной II, которая присвоила ему сперва графское достоинство, а затем и титул светлейшего князя. *Беглым солдатом* Пушкин именует деда графа П. А. Клейнмихеля. *С Петром мой пращур не поладил.* — Федор

* Я простолюдин, совсем простолюдин, простолюдин, простолюдин. *Беранже.* (Франц.) — *Ред.*

Пушкин был казнен в 1697 году за участие в заговоре Циклера. *Мой дед, когда мятеж поднялся.* — Лев Александрович Пушкин был посажен в крепость после переворота 1762 года. *Postscriptum.* — Эту тему Пушкин хотел изложить в эпиграмме, но набросал только отрывок:

Говоришь: за бочку рома;
Не завидное добро.
Ты дороже, сидя дома,
Продаешь свое перо.

Он? он в Мещанской дворянин — Мещанская улица в Петербурге, где были публичные дома. В стихах намек на жену Булгарина, которая до свадьбы была тесно связана с такого рода домами.

Цыганы («Над лесистыми берегами») (стр. 581). Напечатано в альманахе «Денница, альманах на 1831 год», стр. 106, с подзаголовком «с английского». Этот подзаголовок имеется в «Стих.», ч. III, 1832, в оглавлении. Оригинал в английской поэзии не найден. *Узнаю твои костры* — Пушкин вспоминает бессарабских цыган (см. поэму «Цыганы», т. I, стр. 237).

Мёдок (стр. 582). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Русской старине», 1884, август, стр. 320. Написано в 1830 году, судя по положению в тетради, что подтверждается тем, что до сентября этого года Пушкин не писал пятистопным ямбом без постоянной цезуры, о чем сам и сообщал в поэме «Домик в Коломне». Черновой набросок перевода начала поэмы английского поэта Саути «Мёдок» (1805). Поэма повествует об уэльском принце, который открыл Мексику еще в XII веке. *Уаллы* — Уэльс, графство в Великобритании.

1881

Эхо (стр. 583). Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1832 год, стр. 50. В данном стихотворении (вполне оригинальном) Пушкин применил своеобразную строфу, ранее употребленную им в стихотворении «Обвал». Строфа эта — английского происхождения.

«Перед гробницею святой» (стр. 584). Напечатано (без двух последних стрóf) в «Современнике», 1836, т. IV, стр. 297—298, в тексте «Объяснения» Пушкина по поводу напечатанного в «Современнике» стихотворения «Полководец». В этом объяснении Пушкин пишет о Кутузове: «Слава Кутузова неразрывно соединена со славою России... Его титул: спаситель России... Кутузов один облечен был народной доверенностью, которую так чудно он оправдал!». Окончание опубликовано в Соч., т. VII, 1857, стр. 44. Стихотворение было написано под впечатлением трудных обстоятельств русско-польской войны, вызвавших у Пушкина аналогию с событиями Отечественной войны. В сентябре 1831 года Пушкин послал это стихотворение дочери Кутузова (Хитрово), сопроводив его следующими словами: «Эти стихи были написаны в минуту, когда по-

зволительно было пасть духом» (написаны, повидимому, в июне 1831 года). *Перед гробницею святой* — гробница Кутузова в Казанском соборе в Петербурге.

Клеветникам России (стр. 586). Датировано Пушкиным 2 августа 1831 года. Напечатано впервые в брошюре «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина». СПб., 1831, стр. 7. В автографе был эпиграф: *Vox et praeterea nihil*. * Поводом к стихотворению послужили речи во французской палате депутатов (Лафайета, Могена и др.), призывавшие к вооруженному вмешательству в русско-польские военные действия. В письме к Вяземскому от 1 июня Пушкин писал по этому поводу: «Того и гляди, навяжется на нас Европа». *Для вас безмолвны Кремль и Прага* — т. е. для вас безразлична история отношений России и Польши. Имеются в виду события польской интервенции 1610—1611 годов, когда польские войска были в Москве и горел Кремль. Древнее варшавское предместное укрепление Прага связано с событиями 1794 года, когда Варшава была взята Суворовым. *Мы не признали наглой воли* — не покорились Наполеону. О нем идет речь и в следующих стихах данной строфы.

Бородинская годовщина (стр. 588). Датировано Пушкиным 5 сентября 1831 года. Напечатано в брошюре «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина». СПб., 1831, стр. 11. Стихотворение написано после получения известия о взятии Варшавы 26 августа. Этот день совпадал с годовщиной Бородинского сражения 1812 года. В стихотворении сопоставляются события 1812 и 1831 годов. В строфе 2-й речь идет о плане интервенции, предлагавшейся депутатами французской палаты. Намекается на поражение Наполеона в 1812 году. В строфе 3-й — намек на поддержку Наполеона со стороны Польши. В строфе 4-й речь идет о том, что Россия не пожелала отомстить Польше за разорение и сожжение Москвы в 1611 и 1812 годах. В строфе 5-й говорится о тех же депутатах французской палаты, которых Пушкин назвал «клеветниками» России. *Большой расслабленный колосс* — повидимому, цитата из речей французских политических деятелей. В строфе 6-й Пушкин отмечает, что основным политическим вопросом является установление границ между Польшей и Россией. Границы, на которые претендовали польские патриоты, были даже не те, которые предусматривались третьим разделом Польши 1795 года (Литва и Волынь), а те, которые устанавливались еще до Андрусовского мира 1667 года. По этому разделу к Польше отходили Литва и даже Киев. В строфе 7-й речь идет о холере и бунтах 1830—1831 годов, потрясавших Россию. В строфе 8-й говорится об И. Ф. Паскевиче (1782—1856), руководившем русско-польской войной и взявшем Варшаву. При штурме варшавского предместного укрепления (Праги) Паскевич был контужен. *Кто покорила вершины Тавра* и след. — Имеется в виду русско-турецкая кампания 1829 года, которую руководил Паскевич. *Венок сплела тройная брань*. — Паскевич был победителем в русско-персидской войне

* Голос и больше ничего. (Латинск.) — *Ред.*

1827—1828 года, в русско-турецкой кампании 1829 года и спас положение в войне русско-польской, взяв Варшаву. В строфе 9-й Пушкин вспоминает, как Варшава была взята Суворовым 24 октября 1794 года. *Весть триумфа твоего*. — Донесение Паскевича о взятии Варшавы было доставлено в Петербург внуком Суворова.

* Из записки к А. О. Россет («От вас узнал я плен Варшавы») (стр. 591). При жизни Пушкина не печаталось. Впервые — в «Воспоминаниях» А. О. Смирновой в «Русском архиве», 1871, № 11, стлб. 1882. Смирнова пишет, что Пушкин прислал ей экземпляр «известных стихов на Польшу» (т. е. брошюру «На взятие Варшавы» с его стихотворениями «Бородинская годовщина» и «Клеветникам России»), на котором написал три стиха, поставив после первого стиха строку точек и сделав приписку (по-французски): «Вы получите второй стих, как только я подберу его для вас».

* Из письма к Вяземскому («Любезный Вяземский, поэт и камергер») (стр. 592). При жизни Пушкина не печаталось. Является частью письма к Вяземскому от 12 августа 1831 года. Опубликовано в «Старине и новизне», кн. XII, стр. 327. В первой строке Пушкин повторяет стихотворное обращение В. Л. Пушкина к сенатору Приклонскому:

Любезный родственник, поэт и камергер.

Знак своего придворного звания, ключ, камергеры носили сзади, при парадном мундире.

* 19 октября 1831 («Чем чаще празднует Лицей») (стр. 593). Датировано Пушкиным 19 октября 1831 года. При жизни Пушкина не печаталось. Впервые опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 157. Написано для лицейской годовщины 19 октября (см. «Из других редакций»). *Шесть мест упраздненных стоят* — к этому времени умерло шесть лицейстов первого выпуска: Н. Г. Ржевский (ум. 1817), Н. А. Корсаков (ум. 1820), К. Д. Костенский (ум. 1830), П. Ф. Саврасов (ум. 1830), С. С. Есаков (ум. 1831) и поэт А. А. Дельвиг (ум. 1831). О смерти С. Ф. Брельо (ум. в Греции в 20-х годах) Пушкин не знал.

1832

«И дале мы пошли, и страх обнял меня» (стр. 595). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 175, в качестве второго «Подражания Данту» (первое «В начале жизни школу помню я»). Ироническое подражание эпизодам «Ада» из «Божественной комедии» Данте, представляющее собой сценки: I. «И дале мы пошли» и II. «Тогда я демонов увидел черный рой».

Мальчику (стр. 597). Датировано Пушкиным 18 февраля 1832 года. При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 148. Эпиграф — начальные слова XXVII стихотворения Катулла, переводом которого и являются данные стихи.

«В тревоге пёстрой и бесплодной» (стр. 598). Датировано Пушкиным 18 марта 1832 года. При жизни Пушкина не печаталось. Заглавия не имеет. Опубликовано в «Отечественных записках», 1840, т. XII, № 10, отд. III, стр. 229. Является эпиграфом к предполагаемым запискам А. О. Россет-Смирновой и написано от ее лица. В своих позднейших «Записках» Смирнова пишет: «Александр Сергеевич... в день рождения моего принес мне альбом и сказал: «Вы так хорошо рассказываете, что должны писать свои записки». На первом листе подаренной тетради Пушкин написал: «Исторические записки А. О. С.***», а под заглавием, в виде эпиграфа, данное стихотворение. Тетрадь не была применена по назначению, и Смирнова превратила ее в альбом для записи чужих посвященных ей стихотворений (Лермонтова и др.).

В альбом А. Д. Абамелек («Когда-то (помню с умилением)») (стр. 599). Датировано Пушкиным 9 апреля 1832 года. При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Отечественных записках», 1840, т. VIII, № 1, отд. III, стр. 1, под заглавием «А. Б...ской» (Абамелек впоследствии вышла замуж за Баратынского, брата поэта). Автограф — в альбоме Абамелек. Заглавия не имеет. Посвящено княжне Анне Давыдовне Абамелек (1816—1889). Абамелек в 1832 году была назначена фрейлиной и блистала в светском обществе как одна из первых красавиц. Она была поэтессой-переводчицей.

* Гнедичу («С Гомером долго ты беседовал один») (стр. 600). При жизни Пушкина не печаталось. Стихи 9—16 опубликованы в Соч., т. IX, 1841, стр. 159; стихи 17—24 — в Соч., т. I, 1855, стр. 181. Полностью — в сборнике «Пушкин». М., 1924, стр. 190, 192, 194, 196. Неоконченное послание Н. И. Гнедичу является ответом на его стихотворение «А. С. Пушкину по прочтении сказки его о царе Салтане и проч.» (1831). Темой послания является многообразие интересов Гнедича, при том, что главной целью его жизни был труд над переводом Гомера. *С Гомером долго ты беседовал один.* — Возможно, что этой строкой Пушкин хотел напомнить Гнедичу о послании Рыльева, где был стих: «С Гомером отвечай всегда беседой новой». *Скрываться в тень долины малой.* — Речь идет о мелких родах поэзии, образцы которой находятся в творчестве Гнедича. *На пышных играх Мельпомены* — намек на театральную деятельность Гнедича и в частности на его занятия с знаменитой трагической актрисой Семеновой. *То скалы старца Оссиана.* — Гнедич переводил и писал стихотворения в духе Оссиана. *Вослед Бовыль Ерусалана.* — Гнедич восхищался народными сказками, писал о необходимости их изучения и приветствовал сказки Пушкина.

Красавица (стр. 601). Напечатано в «Библиотеке для чтения», 1834, т. III (кн. 5), отд. I, стр. 238, с данным заглавием и подзаголовком. Записано (без заглавия) в альбом графине Е. М. Заватовской (1807—1874), считавшейся первой красавицей и воспетой многими поэтами.

К *** («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу») (стр. 602). При жизни Пушкина не печаталось. Автографа не сохранилось.

Опубликовано в «Альманахе на 1838 год», изданном В. Владиславлевым. СПб., 1838, стр. 348. Адресовано, повидимому, графине Н. Л. Сологуб (указание ее внука). Она «слыла в числе первых петербургских красавиц» и в то время была еще совсем юной (род. в конце 10-х годов, ум. в 1903).

* В альбом («Гонимый рока самовластьем») (стр. 603). Датировано в копии 27 сентября 1832 года. При жизни Пушкина не печаталось. Автографа не сохранилось. Опубликовано с заглавием «В альбом» в «Современнике», 1857, т. XII, март, стр. 196. Адресат неизвестен.

В альбом («Долго сих листов заветных») (стр. 604). При жизни Пушкина не печаталось. Автографа не сохранилось. Опубликовано в «Отечественных записках», 1839, т. I, № 1, отд. III, стр. 2, с датой «1832», с заглавием «В альбом». Адресат неизвестен. В 80-х годах редактором сочинений Пушкина предположено, что адресатом является М. Л. Яковлев (1798—1845), лицейский товарищ Пушкина, музыкант и поэт.

1833

Подражания древним (стр. 605). Датированы Пушкиным 1 января 1833 года (в беловой автографе). В утраченном автографе и первой публикации имеется помета «1832», повидимому обозначающая, что начало работы над циклом относится к 1832 году. Напечатаны в «Библиотеке для чтения», 1834, т. V (кн. 8), отд. I, стр. 20. Под номером «1» — стихотворение «Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают». Под номером «2» — стихотворение «Славная флейта, Феон, здесь лежит». С небольшими поправками, под тем же общим заглавием напечатано в «Стих.», ч. IV, 1835, стр. 101—103. Стихотворения являются переводами из сборника «Пир мудрецов», составленного греческим ученым Афением (II—III в. до н. э.). Автор первого стихотворения — Ксенофан (IV—V в. до н. э.), из малоазиатского города Колофона. Второе стихотворение приписано Афением греческому поэту Гедилу (III в. до н. э.). Пушкин переводил с французского перевода Лефевра.

«Бог веселый винограда» (стр. 606). При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано Жуковским в Соч., т. IX, 1841, стр. 146. Помечено в рукописи «1 янв.» Является переводом стихотворения греческого поэта Эвбула (IV в. до н. э.). Взято из сборника Афenea (см. примечание к «Подражанию древним»).

«Юноша скромно пируй, и шумную Вакхову в лагу» (стр. 607). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано Жуковским в Соч., т. IX, 1841, стр. 147. Стихотворение датировано 2 января без указания года. Относится, вероятно, к 1833 году. Возможно, что стихотворение предназначалось для цикла «Подражания древним». Данное стихотворение, повидимому, оригинально, хотя и написано на тему, близкую стихотворению Иона Хиосского (см. следующее стихотворение).

Вино (стр. 608). При жизни Пушкина не печаталось. Впервые — в Соч., т. III, 1855, стр. 24. По неизвестным причинам не напечатано в качестве одного из стихотворений цикла «Подражания древним». Является переводом стихотворения греческого поэта Иона с острова Хиос (V в. до н. э.); это стихотворение вошло в сборник Афеней (см. примечание к «Подражанию древним», стр. 862). Перевод сделан тогда же, когда и другие переводы из сборника, т. е. в конце декабря 1832 — первой половине 1833 года.

Гусар (стр. 609). Датировано Пушкиным 16 апреля 1833 года. Напечатано в «Библиотеке для чтения», 1834, т. I (кн. I), отд. I, стр. 13. Баллада Пушкина написана на сюжет народной сказки (вероятно, слышанной им на Украине).

«Французских рифмачей суровый судия» (стр. 613). При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в Соч., т. I, 1855, стр. 348. Начальные стихи неосуществленной сатиры на современных литераторов. *В своем отечестве престал ты быть пророком.* — Французские романтики ниспровергли вековой авторитет Буало-Депрео (1636—1711), автора поэмы «Искусство поэзии», где устанавливается принцип «здорового разума» и идеальной красоты, приближающей поэзию к античным образцам. *Ты слишком превознес достоинства сонета* — намек на стих из «Искусства поэзии» «Беспорочный сонет один стоит длинной поэмы». *С хваленым Жуковым табачный торг завести* — т. е. пуститься в коммерческие дела. Жуков был в то время одним из крупнейших коммерсантов, ему принадлежали табачные фабрики. *Подписку собирать — на будущие враки.* — Здесь Пушкин имеет в виду Н. Полевого, который объявил подписку на «Историю русского народа», еще не написанную и, несмотря на обещания автора, так и не доведенную до конца.

«В поле чистом серебрится» (стр. 615). При жизни Пушкина отрывок не печатался. Опубликовано в «Русской старине», 1884, сентябрь, стр. 644.

«Сват Иван, как пить мы станем» (стр. 616). При жизни Пушкина набросок не печатался. Опубликовано Анненковым в его «Материалах для биографии А. С. Пушкина» — Соч., т. I, 1855, стр. 155.

«Чу, пушки грянули! крылатых кораблей» (стр. 618). При жизни Пушкина отрывок не печатался. Опубликовано в «Вестнике литературы», 1922, № 2—3, стр. 6. Начало описания спуска корабля. По теме связан с началом поэмы «Медный всадник» (находится на том же листе, где черновые строки вступления к поэме).

Будрыс и его сыновья (стр. 619). Датировано Пушкиным 28 октября 1833 года. Напечатано в «Библиотеке для чтения», 1834, т. II (кн. 3), отд. I, стр. 96, с заглавием «Будрыс и его сыновья. Литовская баллада». В оглавлении прибавлено: «Из М—а». Является переводом баллады Мицкевича «Три Будрыса». *Крыжак* — рыцарь тевтонского ордена, крестоносец.

Воевода (стр. 621). Датировано Пушкиным 28 октября 1833 года. Напечатано в «Библиотеке для чтения», 1834, т. II (кн. 3), отд. I, стр. 98, с заглавием «Воевода. Польская баллада». В оглавлении прибавлено: «Из М—а». Является вольным подражанием балладе Мицкевича «Дозор».

«**Когда б не смутное влеченье**» (стр. 624). При жизни Пушкина не печаталось. В одной из рукописей помета: «1833, дорога, сентябрь». Опубликовано в «Современнике», 1857, т. XI, январь, отд. I, стр. 5.

«**Ночь тиха; в небесном поле**» (стр. 625). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано впервые в «Современнике», 1857, № 7, отд. V, стр. 11. Сохранившийся автограф недавно обнаружен. Отнесен к 1833 году по сходству почерка с рукописями этого года. Было высказано предположение, что это начало стихотворения о Марино Фальери, венецианском доже XIV века. Предположение это вероятно: старый Марино Фальери во многочисленных литературных обработках его истории всегда изображается с молодой женой (догарессой). *Бучентавр* (или бучинторо) — парадный сорокавесельный корабль, служивший для ежегодного символического обряда венчания Венеции (в лице дожа) с морем. Нос корабля был украшен фантастической фигурой человеко-быка, откуда и название корабля.

«**Колокольчики звенят**» (стр. 626). При жизни Пушкина отрывок не печатался. Опубликовано в Соч., т. I, 1855, стр. 345.

«**Не дай мне бог сойти с ума**» (стр. 627). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 129.

Осень («Октябрь уж наступил — уж роща отряхает») (стр. 629). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 207. В беловом автографе стихотворение датировано «1833, Болдино». Является отрывком большого замысла (см. варианты на стр. 749). В списках стихотворений Пушкин датировал «Осень» 1830 годом. Однако эта дата относится, вероятно, к первой редакции, до нас не дошедшей. Эпиграф взят из стихотворения Державина «Евгению. Жизнь Званская».

1833 — 1834

Песни западных славян (стр. 633). В «Библиотеке для чтения», 1835, февраль, т. VIII (кн. 14), отд. I, стр. 158, появилось стихотворение «Конь», занявшее потом шестнадцатое место в цикле «Песен». Остальные пятнадцать были напечатаны там же в мартовском номере, т. IX (кн. 15), отд. I, стр. 5—32. Весь цикл, с предисловием и примечаниями, вошел в «Стих.», ч. IV, 1835, стр. 105—189. «Песни западных славян» создавались, повидимому, в 1833—1834 годах. Возможно, что работал над ними Пушкин и раньше (с 1828 года). Предисловие к ним было написано в начале 1835 года. «Песни» созданы на основе сербских народных легенд.

Пушкин «западными» славянами именовал всех зарубежных славян. Из шестнадцати «Песен» одиннадцать являются стихотворными переложениями текстов, собранных в книге Проспера Мериме «Гузла, или Избранные иллирийские стихотворения, собранные в Далмации, Боснии, Кроации и Герцоговине» (1827). Книга Мериме оказалась мистификацией; изданные им песни (в прозаическом изложении) писались, однако, на основании знакомства с некоторыми из подлинных хорватских песен. Две песни Пушкина, «Соловей» и «Сестра и братья», являются переводами из сборника сербских песен Вука Караджича. Три песни, «Песня о Георгии Черном» (см. стих. «Гроза луны, свободы воин»), «Воевода Милош» и «Яныш королевич», сочинены самим Пушкиным. Несомненную связь с циклом имеют также два стихотворения, не вошедшие в него и не напечатанные при жизни Пушкина: хорватская песня «Что белеется на горе зеленой?» и отрывок «Менко Вуич грамоту пишет».

«Что белеется на горе зеленой?» (стр. 668). При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в Соч., т. I, 1855, стр. 380. Хорватская («иллирийская») песня была записана итальянским путешественником Джованни Фортисом в его «Путешествии по Далмации» (1774). Это был единственный источник, которым пришлось воспользоваться и собирателю сербского эпоса Вуку Караджичу. Эту песню переводили Мериме, Ш. Нодье, Гете и А. Х. Востоков (1827). Пушкин перевел только начало песни. Возможно, что именно ее Пушкин считал семнадцатой песней (первоначальная редакция «Сказки о рыбаке и рыбке» числилась у Пушкина восемнадцатой песней, см. т. II, стр. 571).

«Менко Вуич грамоту пишет» (стр. 669). При жизни Пушкина отрывок напечатан не был. Опубликовано в Соч., т. II, 1930, стр. 201. Черновой набросок произведения, повидимому предназначенного для цикла «Песни западных славян».

1834

«Я возмужал среди печальных бурь» (стр. 670). При жизни Пушкина черновой отрывок не печатался. Опубликовано в «Русской старине», 1884, декабрь, стр. 523.

«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит» (стр. 671). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Русском архиве», 1886, кн. III, № 9, стр. 126. Недоработанный отрывок. В рукописи имеется план продолжения:

«Юность не имеет нужды в *at home* *, зрелый возраст ужасается своего уединения. Блажен, кто находит подругу, — тогда удались он *домой*.

О скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические — семья, любовь etc — религия, смерть».

Написано, вероятно, в июне 1834 года, когда Пушкин пытался выйти в отставку и поселиться в деревне.

* В своем доме. (Англ.) — *Ред.*

«Он между нами жил» (стр. 672). Датировано Пушкиным 10 августа 1834 года. При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 171, с заглавием «М» (Мицкевичу). Стихотворение написано по поводу выхода в свет сборника стихов Мицкевича, в котором были политические сатиры, направленные против России. *Он между нами жил.* — Мицкевич прожил в России с 1824 по 1829 год. Всё это время он был связан с передовым, близким Пушкину кругом литераторов: до 1825 года с Рылевым и Бестужевым, потом с Вяземским, Баратынским и другими. Пушкин познакомился с Мицкевичем в 1826 году. *Он говорил о временах грядущих.* — Мицкевич обладал талантом импровизатора и в кругу друзей произносил поэтические импровизации. Импровизация о будущем единстве народов он произнес в Петербурге, в гостях у Пушкина в гостинице Демут (1828). *Ушел на запад.* — Мицкевич уехал в 1829 году за границу, где вскоре резко переменял свое отношение к России, что отразилось в цикле «Петербург», в который вошло сатирическое стихотворение «Друзьям русским».

«Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя» (стр. 673). При жизни Пушкина отрывок не печатался. Опубликовано в Соч., т. I, 1855, стр. 354. Написано под впечатлением картины Карла Брюллова «Последний день Помпеи», которая висела в Зимнем дворце с начала августа 1834 года до весны 1835 года, когда передана была в Академию художеств для общего обозрения. Пушкин видел картину или сразу же по водворении ее в Зимнем дворце, или уже после 18 октября, так как с 27 августа его не было в Петербурге. Содержание картины Брюллова Пушкин передал и несколькими словами прозы: «Шаталась поколебленная Помпея, кумиры падали, народ бежал по улице чудно освещенной Волканом» (черновик статьи «Фракийские элгии»). Центральные фигуры картины Пушкин нарисовал на листке, где находится набросок стихотворения.

«Стою печален на кладбище» (стр. 674). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. I, 1855, стр. 344.

1835

Пир Петра Первого (стр. 675). Датировано Пушкиным 1835 годом. Напечатано в «Современнике», 1836, т. I, стр. 1—3, без подписи. Стихотворение основано на словах Ломоносова о милосердии Петра: «Простив он многих знатных особ за тяжкие преступления, объявил свою сердечную радость принятием их к столу своему и пушечной пальбою». Пушкин имел целью еще раз (см. стих. «Стансы», стр. 391) указать царю на необходимость прощения или облегчения участи декабристов.

(Из Анакреона) («Узнают коней ретивых») (стр. 677). Датировано Пушкиным 6 января 1835 года. При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 149. Является переводом V оды греческого лирика Анакреона (VI—V вв. до н. э.).

Ода LVI («Поредели, побелели») (стр. 678). Датировано 6 января 1835 года. При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. I, 1855, стр. 399. Введено Пушкиным в состав наброска «Повести из римской жизни» с изменением 4 последних стихов:

Страшен хлад подземна свода,
Вход в него для всех открыт,
Из него же нет исхода...
Всяк сойдет — и там забыт.

Ода LVII («Что же сухо в чаше дно?») (стр. 679). Датировано Пушкиным 6 января 1835 года. При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 145. Сокращенный перевод оды Анакреона (ср. примечания к двум предшествующим стихотворениям).

«Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила» (стр. 680). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 143.

Полководец (стр. 681). Датировано Пушкиным 7 апреля 1835 года. Напечатано в «Современнике», 1836, т. III, стр. 192, без подписи. В рукописи, вместо стиха «Там устарелый вождь» и следующих двух (кончая словом «Вотще!..»), читается:

Там, устарелый вождь! как ратник молодой,
Искал ты умереть средь сечи боевой!
Вотще! Преемник твой стяжал успех, сокрытый
В главе твоей. — А ты, непризнанный, забытый
Виножник торжества, почил — и в смертный час
С презреньем, может быть, воспоминал о нас!

Стихотворение посвящено характеристике и судьбе полководца Барклая де Толли (1761—1818), который руководил операциями войны 1812 года в период отступления до 17 августа, а затем был сменен Кутузовым. Стихотворение вызвало «Критическую заметку» Л. Голенищева-Кутузова, изданную отдельной брошюрой. Ответом на нее было «Объяснение» Пушкина, помещенное в «Современнике». Пушкин писал:

«Стихотворение... навлекло на меня обвинение, в котором долго полагаю оправдаться. Это стихотворение включает в себе несколько грустных размышлений о заслуженном полководце, который в великий 1812 год прошел первую половину поприща и взял на свою долю все невзгоды отступления... Мог ли Барклай де Толли совершить им начатое поприще? Мог ли он остановиться и предложить сражение у курганов Бородина? Мог ли он после ужасной битвы, где равен был неравный спор, отдать Москву Наполеону и стать в бездействии на равнинах Тарутинских? Нет! (Не говорю уже о превосходстве военного гения.) Один Кутузов мог предложить Бородинское сражение, один Кутузов мог отдать Москву неприятелю, один Кутузов мог оставаться в этом мудром деятельном

бездействии, усыпляя Наполеона на пожарище Москвы и выжидая роковой минуты: ибо Кутузов один облечен был в народную доверенность, которую так чудно оправдал!

Неужели должны мы быть неблагодарны к заслугам Барклая де Толли, потому что Кутузов велик? Ужели, после двадцатипятилетнего безмолвия, поэзии не позволено произнести его имени с участием и умилением?»

У русского царя в чертогах есть палата и след. — Речь идет о галерее героев Отечественной войны в Зимнем дворце (ныне Гос. Эрмитаж). Портреты писаны английским портретистом Доу. *Бросался ты в огонь, ища желанной смерти.* — Барклай проявил необычайную храбрость в Бородинском сражении, появляясь в самых опасных местах. Он писал Александру: «26 августа не сбылось мое пламеннейшее желание: провидение пощадилло жизнь, которая меня тяготит».

Туча (стр. 683). Датировано Пушкиным 13 апреля 1835 года. Напечатано в «Московском наблюдателе», 1835, ч. 2, май, кн. II, стр. 175.

Из А. Шенье («Покров, упитанный язвительною кровью») (стр. 684). Датировано Пушкиным 20 апреля 1835 года. Напечатано в «Современнике», 1836, т. I, стр. 131, без подписи. Черновой набросок первых 6 стихов относится к 1825 году, остальное переведено в 1835 году. Перевод стихотворения А. Шенье «*C'est, mont epprobé*»*, посвященного мифу о смерти Геркулеса. Кентавр, мстящий Геркулесу за свою гибель, перед смертью дает Деянире рубашку, которая будто бы удержит ее супруга Геркулеса от измен. Геркулес надевает рубашку, и яд, которым она пропитана, начинает жечь его кожу, в то время как рубашка прирастает к телу. Страшная боль заставляет Геркулеса искать смерти. Он складывает на горе Эте костер и сгорает на нем. После смерти боги возносят его на небо.

* Родрик («На Испанию родную») (стр. 685). При жизни Пушкина отрывок не печатался. Опубликован в Соч., т. IX, 1841, стр. 177. Начало стихотворного замысла о готском короле Родриге (или Родерике) представляет собой отрывок, вполне обработанный и цельный. Сохранился еще набросок из того же замысла: «Чудный сон мне бог послал» (см. варианты на стр. 749 и примечание к ним, стр. 881). Ни основной отрывок, ни набросок заглавия не имеют. В рукописном наброске «Чудный сон мне бог послал» под текстом имеется помета Пушкина: «Родриг», указывающая, к какому произведению или теме относится данный отрывок. На основании этой пометы оба отрывка могут идти под условным наименованием «Родрик» (в тексте Пушкин заменял правописание «Родриг» на «Родрик»). Стихотворный замысел «Родрика» основан на испанских хрониках, легендах и испанских романсах, повествующих о мести графа Юлиана королю Родрику, соблазнившему его дочь Флоринду (Каву), о битве при Гвадалете (711 год), когда готское войско Род-

* Эта, облагороженная гора. (Франц.) — Ред.

рика было разбито его врагом графом Юлианом в союзе с маврами, о смерти Родрика, а по другой версии — о его бегстве, отшельничестве, видении и победе над Юлианом. Пушкин, повидимому, пользовался сводкой этих легендарных преданий, заключенной в поэме Саути: «Родрик, последний из готов». Однако сжатое повествование Пушкина, писанное размером испанских «романсеро» (хорей), имеет лишь отдаленное сходство с огромной поэмой Саути (более семи тысяч стихов), писанной рифмованным пятистопным ямбом.

* Эпиграмма («В Академии наук») (стр. 689). При жизни Пушкина эпиграмма не печаталась. Автографа не сохранилось. Эпиграмма ходила в списках. Опубликовано в сборнике «Потаенная литература XIX столетия». Лондон, 1861, стр. 86. Эпиграмма направлена против вице-президента Академии наук М. А. Дондукова-Корсакова, не имевшего никаких заслуг в науке и назначенного на свой пост благодаря близким порочным отношениям с министром просвещения С. С. Уваровым, врагом Пушкина (см. стих. «На выздоровление Лукулла»). Кроме приведенной в тексте смягченной редакции эпиграммы, распространена была и другая, более откровенная редакция, отличающаяся последним стихом: «Оттого, что ж... есть».

«Кто из богов мне возвратил» (стр. 690). При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в «Сыне отечества», 1840, т. II, кн. II, апрель, стр. 250. Является вольным переводом оды Горация «К Помпею Вару» (кн. II, ода VII). Стихотворение предназначалось для повести из римской жизни о смерти Петрония.

Странник (стр. 691). Датировано Пушкиным 26 июня (или июля) 1835 года. При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 183, с заглавием «Отрывок». В списке стихотворений, составленном Пушкиным в 1836 году, находится под обозначением «Из Випуап'а». Стихотворение не производит впечатления отрывка и названо так Жуковским, повидимому, по той причине, что является вольным переложением отрывка (начала первой главы) книги Джона Беньяна «Путешествие пилигрима» (1678).

«В мои осенние досуги» (стр. 694). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. I, 1855, стр. 343. Является отрывком из послания друзьям, советовавшим Пушкину продолжать «Евгения Онегина» (законченного в 1830 году). В числе этих друзей был и Жуковский, но главным образом убеждал Пушкина Плетнев, редактор, опекавший издание «Евгения Онегина». Пушкин несколько раз начинал ответное послание по этому поводу. Все варианты этого послания остались, однако, в черновиках. Первое из этих посланий онегинской строфой было, повидимому, в 1833 году обращено к Плетневу:

Ты хочешь, мой наперсник строгий,
Боев парнасских судия,

Чтоб тревогой
.
На прежний лад настроя,
Давно забытого героя,
Когда-то бывшего в чести,
Опять на сцену привести.
Ты говоришь
Онегин жив, и будет он
Еще не скоро схоронен.
О нем вестей ты много знаешь,
Из Петербурга и Москвы
Возьмут оброк его главы.

В 1835 году Пушкин начал другое послание Плетневу октавами:

Ты мне советуешь, Плетнев любезный,
Оставшийся роман наш продолжать
И строгий век, расчета век железный,
Рассказами пустыми угощать.
Ты думаешь, что с целию полезной
Тревогу славы можно сочетать,
И за стишки советуешь собрату
Брать с публики умеренную плату.

Ты говоришь: пока Онегин жив,
Дотоль роман не кончен — нет причины
Его прервать... к тому же план счастлив.

В том же голу Пушкин начал послание, обращенное уже не к Плетневу, а ко всем друзьям, советовавшим продолжать «Онегина», — александрийскими стихами:

Вы за «Онегина» советуете, други,
Приняться мне опять в осенние досуги.
Вы говорите мне: он жив и не женат.
Итак, еще роман не кончен — это клад:
Вставляй в просторную, вместительную раму
Картины новые — открой нам диораму;
Привалит публика, платя тебе за вход
(Что даст еще тебе и славу и доход).
Пожалуй — я бы рад —

Так некогда поэт

.

«...Вновь я посетил» (стр. 695). Датировано Пушкиным 26 сентября 1835 года. При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Современнике», 1837, т. V, стр. 320. В черновых рукописях имеются отрывки, не вошедшие в беловую редакцию (см. стр. 751). Стихотворение связано с поездкой Пушкина в Михайловское, где он прожил сентябрь и половину октября 1835 года. *Уже старушки нет* — Арина Родионовна, няня Пушкина, умерла в Петербурге в июле 1828 года.

«Я думал, сердце позабыло» (стр. 697). При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в Соч., т. I, 1855, стр. 212. Стихотворение обращено к неизвестной и написано, повидимому, в 1831 году, а затем в 1835 году переработано.

«О бедность! затвердил я наконец» (стр. 698). При жизни Пушкина отрывок не печатался. Опубликовано в «Русском архиве», 1882, кн. I, стр. 226. Является черновым отрывком перевода монолога Федерико из драмы Барри Корнуола «Сокол».

На выздоровление Лукулла (стр. 699). Напечатано в «Московском наблюдателе», 1835, ч. 4, сентябрь, кн. II, стр. 191. Стихотворение является сатирой на С. С. Уварова, министра народного просвещения и президента Академии наук. В 1835 году заболел богач Шереметев, наследником которого был Уваров, женатый на двоюродной сестре Шереметева. Уваров поспешил принять меры к охране имущества, надеясь вскоре им завладеть. Однако Шереметев выздоровел. О нравственном облике Уварова Пушкин писал в своем дневнике: «Это большой негодяй и шарлатан. Разврат его известен. Низость до того доходит, что он у детей Канкрин был на посылках... Он крал казенные дрова и до сих пор на нем есть счеты (у него 11 000 душ), казенных слесарей употреблял в собственную работу». Стихотворение привлекло всеобщее внимание и было всеми расшифровано. Царь через Бенкендорфа сделал внушение Пушкину. Пушкин писал Бенкендорфу (или его заместителю А. Н. Мордвинову) в свое оправдание: «Невозможно написать сатирическую оду без того, чтобы злоязычие тотчас не нашло в ней намек... В образе низкого скупца, пройдохи, ворующего казенные дрова, подающего жене фальшивые счета, подхалима, ставшего нянькой в домах знатных вельмож и т. д. публики, говорят, узнала вельможу, человека богатого, человека, удостоенного важной должности... Мне неважно, права ли публика или неправа. Что для меня важно, это доказать, что никогда и ничем я не намекал решительно никому на то, что моя ода направлена против кого бы то ни было». Уваров мстил Пушкину и, повидимому, принимал участие в интригах, предшествовавших дуэли и смерти Пушкина.

«Когда владыка ассирийский» (стр. 701). Датировано Пушкиным 9 ноября 1835 года. При жизни Пушкина отрывок не печатался. Опубликовано в Соч., т. I, 1855, стр. 388. Отрывок является переложением библейского сюжета (Библия, «Книга Юдифи», гл. IV).

«На это скажут' мне с улыбкою неверной» (стр. 703). При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в Соч., т. I, 1855, стр. 193.

Подражание арабскому («Отрок милый, отрок нежный») (стр. 704). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано Жуковским в Соч., т. IX, 1841, стр. 154.

«Воротился ночью мельник» (стр. 705). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Современнике», 1837,

т. V, стр. 220 (в составе так называемых «Сцен из рыцарских времен»). Песенка написана Пушкиным для «Сцен из рыцарских времен». Ее поет Франц в сцене, именуемой «Замок Ротенфельда», во время ужина рыцарей, после песни «Жил на свете рыцарь бедный» (см. стр. 501), показавшейся рыцарям слишком заунывной. Песенка является переводом второго куплета шотландской песни «Наш муженек вернулся домой».

«Не видала ль, девица» (стр. 706). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. II, 1930, стр. 211. Вольное подражание сербской песне из сборника Вука Караджича. Вот текст этой небольшой песни в буквальном переводе: «*Конь сердит на хозяина: Ой, девушка, моя душа, не видала ли моего коня? Не смотрела, не видала, а вчера топот его слышала; седлом он бьет о двор, копытом о мрамор. Конь на тебя сердит, что ты любишь двух девушек, Аливеру и Тодору. Аливера сына родила, а Тодора слезы роняет*».

1836

Художнику («Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую») (стр. 707). Датировано Пушкиным 25 марта 1836 года. При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 131. В стихотворении говорится о посещении мастерской скульптора Б. И. Орловского (1793—1837), автора памятников Кутузову и Барклаю де Толли, позднее (в 1837) поставленных у Казанского собора в Петербурге. *Вот исподлобья глядит, дуя в цевницу, сатир.* — Возможно, что речь идет о «Фавне со свирелью», который ныне находится в Эрмитаже. *Грустен гуляю: со мной доброго Дельвига нет.* — С творчеством поэта Дельвига (ум. 1831) Пушкин связывал свои представления об античном искусстве, и в частности о классическом стиле в скульптуре (см. стих. «Кто на снегах возрастил»).

Д. В. Давыдову («Тебе певцу, тебе герою!») (стр. 708) Датировано Пушкиным 18 января 1836 года. При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Современнике», 1837, т. V, стр. 313. Обращено к поэту Денису Давыдову. Написано при посылке вышедшей из печати «Истории Пугачевского бунта». Первая строка является переводом стихотворного обращения к Давыдову французского поэта Антуана Арно (1766—1834): «*A vous, poète, à vous, guerrier*»*.

«Отцы пустынноики и жены непорочны» (стр. 709). Датировано Пушкиным 22 июля 1836 года. При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Современнике», 1837, т. V, стр. 319, под заглавием «Молитва» (заглавие, вероятно, принадлежит Жуковскому). В автографе стихотворение помечено номером «II» (см. примечание к следующему стихотворению). Стихотворение является переложением великопостной молитвы Ефрема Сирина.

* Вам, поэт, вам, воин. (Франц.). — Ред.

(Подражание итальянскому) (стр. 710). Датировано Пушкиным 22 июня 1836 года. При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 150. Стихотворение в рукописи помечено номером «III» и, повидимому, должно было войти в какой-то цикл или отдел вместе со стихотворениями «Из Пиндемонти», «Отцы пустынноики», «Мирская власть». Все они помечены номерами (римскими цифрами). Является вольным переводом «Сонета об Иуде» итальянского поэта Франческо Джанни (1760—1822), по французскому переводу Антони Дешана.

Мирская власть (стр. 711). Датировано Пушкиным 5 июля 1836 года. При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано по писарской копии Герценом в сборнике «Полярная звезда» на 1856 год. кн. II, стр. 21. В автографе, недавно обнаруженном, стихотворение помечено номером «IV» и, повидимому, должно было войти в общий цикл с другими стихотворениями, имеющими подобные же пометы (см. примечание к предыдущему стихотворению). Обстоятельства, вызвавшие стихотворение, неизвестны. Высказывалось два предположения: первое — речь идет о страже, поставленной в Казанском соборе у плащаницы на Страстной неделе; второе — речь идет об охране картины К. Брюллова, изображающей распятие. Первое плохо согласуется с текстом («гуляющие господа» и т. д.) и датой 5 июля, второе не подтверждается датой.

(Из Пиндемонти) (стр. 712). Датировано Пушкиным 5 июля 1836 года. При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. I, 1855, стр. 423. Было подготовлено Пушкиным к печати. В автографе проставлен номер «VI», повидимому свидетельствующий о месте этого стихотворения в цикле (см. выше примечание к стих. «Подражание итальянскому»). Стихотворение оригинальное, ссылка на Пиндемонти является мистификацией из цензурных соображений. В рукописи имеется и другой подзаголовок: «Из Alfred Musset» *. Стих «Зависеть от царя, зависеть от народа» в рукописи был изменен: «Зависеть от властей, зависеть от народа». Эта переделка противоречит смыслу стихотворения, в котором нет противопоставления властей народу. Сопоставлены две системы управления — самодержавная (в России) и парламентская (в Западной Европе). Эта поправка вызвана цензурными соображениями.

«Напрасно я бегу к сионским высотам» (стр. 713). Набросок при жизни Пушкина не публиковался. Опубликовано в Соч., т. VII, 1857, стр. 98. В рукописи за вторым стихом первоначально следовало:

Так, ревом яростным пустыню оглашая,
По ребрам бья хвостом и гриву потряся...

«Когда за городом, задумчив, я брожу» (стр. 714). Датировано Пушкиным 14 августа 1836 года, с пометой «Каменный

* Из Альфреда Мюссе. (Франц.) — Ред.

остров». При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в Соч., т. I, 1855, стр. 422.

* 19 октября 1836 («Была пора: наш праздник молодой») (стр. 715). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в «Современнике», 1837, т. V, стр. 316, с заглавием (Жуковского) «Лицейская годовщина». Неоконченное стихотворение к годовщине Лицея 19 октября 1836 года. Пушкин читал его на вечере в незавершенном виде. Стихотворение обрывается на теме воцарения Николая I и характеристике событий начала его царствования. Написано тем же стихотворным размером и той же строфой, что и «19 октября 1825 года».

1. На статую играющего в свайку (стр. 717). Напечатано со стихотворением «На статую играющего в бабки» в «Художественной газете», 1836, декабрь, № 940, стр. 141, в составе статьи Н. В. Кукольника «С.-Петербургская выставка в императорской Академии художеств», после слов: «Эти изваяния имеют и литературное достоинство! А. С. Пушкин почтил их приветными античными четверостишиями, которыми, с обязательного согласия автора, мы имеем удовольствие украсить наше издание. Эти четверостишия равно принадлежат как отечественной литературе, так и отечественным художествам». Написано на статую работы скульптора А. В. Логановского (1812—1855). Впоследствии она была поставлена в Царском селе перед Александровским дворцом, так же как и статую Н. С. Пименова.

2. На статую играющего в бабки (стр. 717). Автограф не сохранился. Напечатано вместе со стихотворением «На статую играющего в свайку». Написано на скульптуру Н. С. Пименова (1812—1864).

«Альфонс садится на коня» (стр. 718). При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 205. Начало незавершенного замысла. Связано с эпизодом романа Яна Потоцкого «Десять дней жизни Альфонса Ван-Вордена» (1814). В избранном Пушкиным эпизоде этого романа Потоцкого рассказывается о том, как Альфонс ван-Ворден, капитан валлонской гвардии короля Филиппа V, спешит по делу в Мадрид. Трактирщик в придорожной венте пытается убедить его, что путь через Сиерра-Моррену опасен. Альфонс заявляет, что «священные законы дворянской чести» предписывают ему спешить в Мадрид кратчайшим путем. Он отправляется и у самого входа в «ущелье тесное и глухое» видит двух повешенных. «Ветер раскачивал отвратительные трупы, которые производили необыкновенные движения, а тем временем страшные вороны терзали их, стараясь вырвать из них кусок мяса». В романе Потоцкого повешенные оказываются братьями-разбойниками, которые были неосновательно осуждены и после смерти мстили за это «с дозволения неба» путешественникам и окрестным жителям. Альфонс оказывается жертвой этих мстителей, но затем его храбрость преодолевает их демонские козни. По свидетельству Вяземского, Пушкин ценил роман за вымысел в духе

арабских сказок, а также за правдоподобие в описании нравов и быта Испании.

«От меня вечор Леила» (стр. 720). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. IX, 1841, стр. 155. Подражание арабской песенке, помещенной во французском переводе в книге Агуба «Из восточной и французской поэзии».

«Забыв и рошу и свободу» (стр. 721). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в Соч., т. I, 1855, стр. 347.

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (стр. 722). Датировано Пушкиным 21 августа 1836 года, с пометой «Каменный остров». При жизни Пушкина напечатано не было. Опубликовано в переделке Жуковского в Соч., т. IX, 1841, стр. 121. Эпиграф взят из XXX оды кн. III Горация. Стихотворение написано на тему той же оды, но является совершенно оригинальным. *Александрийский столп* — колонна на площади Зимнего дворца в Петербурге, поставленная в память Александра I в ноябре 1834 года. Здесь имеется в виду сомнительность славы Александра I. *Что в мой жестокий век восславил я свободу* и след. — Характерно, что Пушкин объединяет свою вольнолюбивую поэзию александровского времени с теми произведениями, целью которых было заступничество за декабристов. Первоначально эта строфа была написана иначе:

И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел,
Что вслед Радищеву восславил я свободу
И милосердие воспел.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ГОДЫ

* На Александра I («Воспитанный под барабаном») (стр. 723). При жизни Пушкина не публиковалось. Автограф неизвестен. Опубликовано в «Русском вестнике», 1869, т. 44, № 11, стр. 71, с заменой слова «царь» тремя звездочками. Является сатирической характеристикой Александра I. Написано, вероятно, в начале 20-х годов.

«Там на берегу, где дремлет лес священный» (стр. 724). При жизни Пушкина не печаталось. Автограф утрачен. Опубликовано в Соч., т. I, 1855, стр. 346. Отрывок, в котором говорится об оливковой роше («священный лес») на берегу моря в Гурзуфе, близ дома, где Пушкин жил осенью 1820 года. Скорее всего отрывок относится ко времени написания «Тавриды» и «Бахчисарайского фонтана», т. е. к 1821 — 1824 годам.

«О муза пламенной сатиры!» (стр. 725). При жизни Пушкина не печаталось. Автограф неизвестен. Опубликовано по копии Герцена в альманахе «Полярная звезда» на 1856 год, кн. II,

стр. 24. Сохранилось несколько списков, из них самый ранний датирован 1 августа 1825 года. Сообщая эти стихи Лонгинову (около 1855), С. Соболевский писал: «Эти стихи мы припомнили с Эристовым» и затем прибавлял: «Пушкин хотел издать особую книжку эпиграмм и приготовил для оной сообщаемое ныне предисловие». Ювеналов бич — злая, хлесткая и откровенная сатира, подобная сатире римского поэта Ювенала (1-я половина II в. н. э.).

«Не знаю где, но не у нас» (стр. 726). Напечатано в альманахе «Северные цветы» на 1828 год, стр. 220, в составе статьи Пушкина «Отрывки из писем, мысли и замечания». Стихи включены в следующую заметку: «Тонкость не доказывает еще ума. Глупцы и даже сумасшедшие удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость редко соединяется с гением, обыкновенно простодушным, и с великим характером, всегда откровенным». Стихотворение, как и предшествующие ему слова, повидимому, относится к М. С. Воронцову (см. стих. «Полу-милорд, полу-купец»).

Золото и булат (стр. 727). Напечатано в «Московском вестнике», 1827, № 2, стр. 92. Вольное переложение анонимной французской эпиграммы конца XVIII века.

«Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем» (стр. 728). При жизни Пушкина напечатано не было. Автографа не сохранилось. Опубликовано в «Библиографических записках», 1858, № 7, стлб. 203, где напечатано с датой «1830». На некоторых из многочисленных копий имеется помета: «19 января, СПб.», повидимому взятая из автографа Пушкина. В копии, полученной в 1850 году от Ланского (т. е. от Н. Н. Пушкиной-Ланской), дата: «1831». В некоторых списках стихотворение имеет заглавие: «К жене».

«О нет, мне жизнь не надоела» (стр. 729). При жизни Пушкина не печаталось. Опубликовано в газете «Новое время», 1887, 29 января, № 3922.

«Одни стихи ему читала» (стр. 730). При жизни Пушкина не печаталось. Стихотворение было записано на двух соседних листах рабочей тетради. Один из листов был вырван и попал в число автографов, отобранных В. Жуковским (с первыми четырьмя стихами). Этим объясняется, почему это стихотворение печаталось до сих пор как два самостоятельных. Первые четыре стиха были опубликованы в книге «Неизданный Пушкин», Петроград, 1922, стр. 128; второе четверостишие в «Русской старине», 1884, июль, стр. 52. Принадлежность вырванного листа тетради и, следовательно, единство текста стихотворения установлено Т. Г. Цявловской. Стихи представляют собой вольное переложение эпизода из романа Ж. Жанена «Исповедь» (1830), из гл. IV, где говорится о том, как герой — Анатолий — безуспешно ищет себе невесту: «Находила мать, говорившие своим дочерям: «Прочти же, дочка, элегию, которую ты сочинила вчера вечером при лунном свете; мы одни, и наш гость будет снисходителен. И вот, не заставляя себя

упрашивать, юная муза читала стихи. Голова ее склонилась; грудь тихо вздымалась; из уст изливалась гармония; самая истинная страсть дышала в ее стихах: «Когда же придет тот, к кому суждена любовь моего сердца? Каков он будет, мать моя? Где он? Я бы опустила взоры» и прочее про любовь. Но Анатолий не понимал». Стихотворение датируется не ранее 1830—1831 гг.

Из других редакций

Жуковскому («Когда, к мечтательному миру») (стр. 733). *Свиток гения* — «История Государства Российского» Карамзина. По поводу этого места Вяземский писал Жуковскому из Варшавы 25 апреля 1818 года, по получении послания Пушкина: «Стихи чертенка-племянника чудесно хороши. *В дыму столетий!* Это выражение — город. Я всё отдал бы за него, движимое и недвижимое».

Алексееву («Мой милый, как несправедливы») (стр. 737). *Еврейка* — М. Е. Эйхфельдт (см. стих., к ней обращенное: «Ни блеск ума, ни стройность платья»).

19 октября (1825) («Роняет лес багряный свой убор») (стр. 737). Отброшенные стихи первоначальной редакции, сохранившейся в рукописи. Эпиграф взят из Горация (XXXVII ода I книги). *Чтоб тридцать мест нас ожидали снова!* — На первый курс в Лицей поступило 30 человек. *Отличие предписывало нам.* — Учеников в Лицее рассказывали по успехам. В. Д. Вольховский (1798—1841) — первый ученик в Лицее, впоследствии член Союза благоденствия. Спартацем его именовали за строгий режим, который он установил для себя в Лицее. Еще в лицейских куплетах о Вольховском пели:

Покровительством Минервы
Пусть Вольховский будет первый.

Брольо Сильверий (1779—1825 (?)) учился хуже всех в Лицее. Пушкин еще не знал о гибели Брольо в борьбе за освобождение Греции. К. К. Данзас (1801—1870) — один из слабых учеников. *И загремит веселый наш пеан* — лицейский «гимн», сочиненный Илличевским: «Лето знойно, дочь природы». *Наш казак* — И. В. Малиновский (1796—1873), сын первого директора Лицея, прозванный «казакон». *Мы вспомнили б, как Вакху приносили* — история с «гогелем-могелем»: Пушкин, Пущин и Малиновский в Лицее в 1814 году раздобыли бутылку рому, приготовили «гогель-могель» и устроили пирушку с товарищами. Об этом узнало лицейское начальство и виновных наказали тем, что две недели они обязаны были стоять на коленях во время вечерней и утренней молитвы. *Как мы впервые все трое полюбили* — Пущин, Пушкин и Малиновский влюбились в сестру их товарища Е. П. Бакунину (1795—1869). *Ты, освятив тобой избранный сан* — см. раннюю редакцию стихотворения «Мой первый друг, мой друг бесценный».

И наш словарь — словарь политических и философских понятий в цитатах из разных писателей, составлявшийся в Лицее по замыслу Кюхельбекера. *И критики лицейских мудрецов* — «Лицейский мудрец», рукописный журнал лицеистов первого выпуска. *А. П. Куницын* — любимый профессор Лицея, читавший курс политических и нравственных наук. В 1821 году этот курс, как вредный, был запрещен правительством.

И. И. Пущину («Мой первый друг, мой друг бесценный») (стр. 740). *Ты победил предрассужденья*. — По окончании Лицея Пущин сперва служил в гвардейской артиллерии, но затем, в 1819 году, по убеждению вышел в отставку и, отказавшись от светской карьеры гвардейского офицера, поступил в надворные судьи в Москве с целью служения делу справедливости и правосудия.

Воспоминание («Когда для смертного умолкнет шумный день») (стр. 740). Эти двадцать стихов не были напечатаны Пушкиным и не окончательно им обработаны. *Две тени милые*. — С уверенностью можно назвать только одно имя — Амалии Ризнич (см. стих. «Под небом голубым страны своей родной»).

Наперсник (стр. 741). Эти стихи переписаны набело отдельно от первой части стихотворения и в печать не попали.

Клеопатра (стр. 741). Редакция 1824 года. Писано в октябре 1824 года. Впервые опубликовано (не полностью, в виде вариантов к тексту 1828 года) в «Русской старине», 1884, май, стр. 344—345. *Арголида* — восточная часть Пелопоннеса с главным городом Коринфом, известным своей роскошью и распущенностью нравов. Редакция 1835 года представляет собой неоконченную обработку сюжета «Клеопатры» для повести «Мы проводили вечер на даче». Данному тексту в повести предшествует разговор, вызванный спором о том, кого считать первой женщиной в свете. Герой повести, Алексей Иванович, говорит:

«— Надобно знать, что в числе латинских историков есть некто Аврелий Виктор, о котором, вероятно, вы никогда не слыживали.

— *Augelius Victor?* * — прервал Вершнеф, который учился некогда у езуитов. — Аврелий Виктор, писатель IV столетия. Сочинения его приписываются Корнелию Непоту и даже Светонию; он написал книгу «*De viris illustribus*» ** — о знаменитых мужах города Рима, знаю... Точно так, — продолжал Алексей Иванович, — книжонка его довольно ничтожна, но в ней находится то сказание о Клеопатре, которое так меня поразило. И — что замечательно — в этом месте сухой и скучный Аврелий Виктор силою выражения равняется Тациту: *Haec tantae libidinis fuit, ut saepe prostiterit; tantae pulchritudinis, ut multi noctem illius morte emerint...* ***

* Аврелий Виктор. (Латинск.) — *Ред.*

** О знаменитых мужах. (Латинск.) — *Ред.*

*** Она была такого сладострастия, что часто продавала себя; такой красоты, что многие покупали ее ночью ценой смерти. (Латинск.) — *Ред.*

— Прекрасно! — воскликнул Вершнев. — Это напоминает мне Саллюстия, помните? *Tantaе...**

— Что же это, господа? — сказала хозяйка, — уж вы изволите разговаривать по-латыни! Как это для нас весело! Скажите, что значит ваша латинская фраза?

— Дело в том, что Клеопатра торговала своею красотою, и что многие купили ее ночи ценою своей жизни...

— Какой ужас! — сказали дамы, — что же вы тут нашли удивительного?

— Как что? Кажется мне, Клеопатра была не пошлая кокетка и ценила себя не дешево. Я предлагал ** сделать из этого поэму, он было и начал, да бросил.

— И хорошо сделал.

— Что ж из этого хотел он извлечь? Какая тут главная идея, не помните ли?

— Он начинает описанием пиршества в садах царицы египетской».

Далее следует прозаическое изложение, переходящее в стихи и обрывающееся на стихе «Ценою жизни ночь мою?» На этой обработке, обильной живописными подробностями, сказалось, кроме известия Аврелия Виктора, повествование Плутарха, особенно описание встречи Клеопатры и Антония (пересказанное в трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра»). К стихотворной части относятся черновые наброски:

После стиха «Покров и пурпурный хитон»:

То звероловицей Дианой,
Как идол стройный и румяный,
В садах является она,
И с ног и с плеч обнажена.

После стиха «То по волнам седого Нила»:

Под сенью рдяного ветрила
Она в триреме золотой
Плывет Кипридою; порой
Она, томясь тоскою, бродит
В своих садах, она заходит
В покои тайные дворца,
Где ключ угрюмого скопца
Хранит невольников прекрасных
И юношей стыдливо страстных...

И кто еще, о боги, мог
Переступить ее порог,
Войти в волшебные палаты,
И таинства ее ночей
Уразуметь в душе своей.

Кроме того, на отдельном листке написаны стихи: «И вот уже сокрылся день». Эти стихи являются, повидимому, переложением

* Такой... (Латинск.) — Ред.

в стихи темы первых абзацев прозаического изложения, описывающих приготовления к пиру. В черновой редакции этому месту соответствует следующий текст: «На берегу четверугольного озера, выложенного мемфисским мрамором, Клеопатра угощает своих друзей. Порфирные львы с орлиными головами изливают воду из клефов позолоченных. Гости на ложах из слоновой кости. Гремит сладострастная музыка. Сирийский финиам курится в кадилъницах. Широкие опяхала навевают прохладу». Все эти наброски, писанные на отдельных листах, не в той тетради, где сама повесть, возможно предназначались и для «Египетских ночей», повести, которую Пушкин начал писать после того, как оставил неоконченной повесть «Мы проводили вечер на даче». Во всяком случае, импровизация итальянца должна была быть на ту же тему и в тех же сюжетных пределах. После того как была вынута тема «Cleopatra i suoi amanti», * Чарский так ее поясняет: «Я имел в виду показание Аврелия Виктора, который пишет, будто бы Клеопатра назначила смерть ценою любви и что нашлись обожатели, которых такое условие не испугало и не отвратило».

«На холмах Грузии лежит ночная мгла» (стр. 745). Первая редакция стихотворения помечена 15 мая 1829 года, и, следовательно, писана в Пятигорске. Переделав стихотворение, Пушкин приурочил его к долине Арагвы, где он был 25 и 26 мая. Первоначально, написав две строфы, Пушкин собирался продолжать стихотворение разработкой темы воспоминания и начал эту тему строфой:

Прошли за днями дни, сокрылось много лет,
Где вы, бесценные созданья,
Иные далеко, иных уж в мире нет,
Со мной одни воспоминанья.

Но написав эту строфу, Пушкин здесь же отказался от дальнейшего развития темы воспоминания, зачеркнул эти 4 стиха и продолжал стихотворение строфой «Я твой попрежнему, тебя люблю я вновь». В этой зачеркнутой строфе стих «Иные далеко, иных уж в мире нет» — перефразировка эпитафии к «Бахчисарайскому фонтану» из Саади. В применении к декабристам тот же эпитафия в другой формулировке в заключительной строфе «Евгения Онегина».

Ел. Н. Ушаковой («Вы избалованы природой») (стр. 746). Первая редакция стихотворения, относящаяся к 1828 году и, видимо, обращенная к А. А. Олениной.

«Жил на свете рыцарь бедный» (стр. 746). Первоначальная редакция стихотворения, вошедшего в «Сцены из рыцарских времен» (1835) в качестве песни Франца. Печатается по белой рукописи, которую Пушкин послал в ноябре или декабре 1829 года Дельвигу для напечатания в альманахе «Северные цветы».

* Клеопатра и ее любовники. (Итал.) — *Ред.*

При этом Пушкин хотел напечатать эти стихи под псевдонимом «А. Заборский». Однако стихотворение не появилось в печати. Причиной, вероятно, были цензурные затруднения.

* 19 октября 1831 («Чем чаще празднует Лицей») (стр. 748). В строфе «Давно ль, друзья?» говорится о смерти Александра I, о пожаре Москвы 1812 года, о взятии Парижа в 1814 году, о смерти Наполеона на острове Св. Елены в 1821 году, о признании независимости Греции в 1829 году, об июльской революции 1830 года во Франции и о взятии Варшавы в 1831 году.

О с е н ь (стр. 749). После строфы «Стальные рыцари...» намечено начало строфы:

И тут беру перо. Друзья мои поэты
(Не вам я говорю *** и ***)
И не тебе ***, живая жертва Леты,
И даже не тебе, певец ———)

Нет достаточных данных, чтобы расшифровать обозначенное звездочками и черточками. Однако не лишено вероятия предположение, что стихи эти следует читать так:

Не вам я говорю, Языков и Плетнев,
И не тебе, Вильгельм, живая жертва Леты,
И даже не тебе, певец молодых пиров.

Вильгельм — Кюхельбекер, находившийся в Сибири. *Певец пиров* — Баратынский.

* Р о д р и г («На Испанию родную») (стр. 749). Опубликовано в «Русском архиве», 1881, кн. I, стр. 452. Этот набросок является вариантом к незаконченному стихотворению «На Испанию родную», как он и печатался до последнего времени; лишь в последних изданиях без достаточных оснований печатается в качестве отдельного стихотворения. Однако помета на полях (не название) «Родриг» указывает, к какому произведению относил его Пушкин. В наброске разработана тема стихов 12—16 третьей части основного текста, где краткая речь старца сводится к пророчеству победы над врагами, что и побуждает короля немедленно отправиться в путь.

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ПУШКИНА

І. ИЗДАНИЯ 1817—1837

(При жизни Пушкина)

Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1826 (издание вышло в свет 30 декабря 1825).

Содержит: Элегии (17). Разные стихотворения (24). Эпиграммы и надписи (21). Подражания древним (12). Послания (16). Подражания Корану (9).

Сокращенно: «Стих.», 1826.

Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1829—1835.

Первая часть. СПб., 1829 (1815—1824). — Вторая часть. СПб., 1829 (1825—1829 и разных годов). — Третья часть. СПб., 1832 (1829—1831 и разных годов). — Четвертая часть. СПб., 1835 (Гусар. Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях. Бурдыс и его сыновья. Воевода. Красавица. Сказка о золотом петушке. Сказка о рыбаке и рыбке. Разговор книгопродавца с поэтом. Подражания древним. Элегия («Безумных лет угасшее веселье»). Песни западных славян).

«Стих.», ч. 1, 1829 и т. д.

Поэмы и повести Александра Пушкина. СПб., 1835.

Часть первая. СПб., 1835 (Руслан и Людмила. Кавказский пленник. Бахчисарайский фонтан). — Часть вторая. СПб., 1835 (Братья разбойники. Цыганы. Граф Нулин. Полтава. Домик в Коломне. Анджело).

Другие стихотворные произведения при жизни Пушкина не были включены в сборники. Из них (кроме тех, которые впоследствии вошли в сборники) отдельно изданы:

Евгений Онегин. Роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Глава I. СПб., 1825; второе издание — СПб., 1829.

То же. Глава II. М., 1826; второе издание — СПб., 1830.

То же. Глава III. СПб., 1827.

То же. Главы IV и V. СПб., 1828.

То же. Глава VII. СПб., 1830.

То же. Глава VIII. СПб., 1832.

Евгений Онегин. Роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. СПб., 1833.

Евгений Онегин. Роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Издание третье. СПб., 1837.

Борис Годунов. СПб., 1831 (имя автора под посвящением Карамзину).

Издание вышло в конце декабря 1830 года.

II. ИЗДАНИЯ 1838—1882

По 1887 год сочинения Пушкина были собственностью семьи Пушкина. После первого издания семья продавала эти права П. В. Анненкову, книгопродавцу Исакову (1859—1881) и Ф. И. Анскому (1882). За это время вышли в свет:

Сочинения Александра Пушкина. СПб., 1838—1841.

8 томов вышло в 1838 и 3 тома — в 1841 году. Так называемое «Посмертное издание». Первые 8 томов (I и II — поэмы, III и IV — стихотворения, V — VIII — проза) содержат произведения, изданные Пушкиным, тт. IX, X и XI — не изданные (из них в приложениях к т. IX — лицейские стихотворения). Расположение лирики не хронологическое, а по рубрикам. Три последних тома содержат около 200 неизвестных до того произведений Пушкина. Это основная посмертная публикация новых текстов Пушкина и первое издание типа полных собраний сочинений (хотя и далеко не полное по составу). Издание без всяких примечаний. Тексты далеко не безупречны по точности и исправности, некоторые сознательно изменены (по цензурным и иным соображениям). Ближайшее участие в издании принимал В. А. Жуковский.
Соч., т. 1, 1838 и т. д.

Сочинения Пушкина. Издание П. В. Анненкова. СПб., 1855—1857.

6 томов вышло в 1855 и VII — в 1857 году. Том I представляет собой самостоятельный труд П. В. Анненкова «Материалы для биографии А. С. Пушкина» (в составе этих «Материалов» П. В. Анненков напечатал впервые свыше 100 черновых отрывков и неопубликованных произведений). Том VII — дополнительный (около 40 неопубликованных произведений и отрывков, не вошедших в предыдущие тома). Это первое научное издание сочинений Пушкина, с обширными биографическими материалами и краткими примечаниями ко всем произведениям. Расположение лирики (т. II и т. III) хронологическое. Тексты хотя и

исправнее, чем в посмертном издании, но еще заметна зависимость от него.

Соч., т. I, 1855 и т. д.

После издания П. В. Анненкова вышло три издания Исакова. Из них два первых редактировал Г. Н. Геннади, третье — П. А. Ефремов.

Сочинения А. С. Пушкина. Под редакцией Г. Н. Геннади. СПб., 1859.

Полное собрание сочинений А. С. Пушкина. Издание второе. Под редакцией Г. Н. Геннади, СПб., 1869—1871.

4 тома вышло в 1869 и два последних — в 1871 году.

Изд. Геннади, 1859

Изд. Геннади, т. I, 1869 и т. д.

Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Берлин, 1861.

В это собрание входят преимущественно стихотворения, запрещенные русской цензурой. Составитель — Н. В. Гербель (под псевдонимом «Русский»). Собрание является дополнением к первому изданию Геннади.

Стих., 1861.

Сочинения А. С. Пушкина. Издание третье, исправленное и дополненное. Под редакцией П. А. Ефремова. СПб., 1878—1881.

Вышли: т. VI — в 1878, 4 первых — в 1880 и V — в 1881 году.

Затем П. А. Ефремов в исправленном и дополненном виде повторил это собрание в 1882 году в издании Ф. И. Анского, в 7 томах.

Сочинение А. С. Пушкина. Издание восьмое, исправленное и дополненное. Под редакцией П. А. Ефремова. М., 1882.

Здесь впервые были собраны письма Пушкина.

Оба издания Ефремова отличаются от предыдущих тем, что все стихотворные произведения, в том числе поэмы, «Евгений Онегин» и драматические произведения, даны в одной хронологической последовательности (в 3 первых томах). Тип издания, созданный А. П. Ефремовым, определил в основных чертах тип почти всех дореволюционных изданий.

Соч. под ред. Ефремова, т. I, 1880 и т. д.

Соч. под ред. Ефремова, 1882.

III. ИЗДАНИЯ 1887—1917

По истечении 50 лет со дня смерти Пушкина прекратилось исключительное право семьи на сочинения Пушкина. С того времени сочинения Пушкина стали выходить в многочисленных и разнообразных изданиях. Впервые появились массовые издания в виде маленьких книжечек или в виде однотомных собраний (преимущественно воспроизводивших текст издания 1882 года).

Наиболее значительными в эти годы изданиями являются:

Сочинения А. С. Пушкина. Издание общества для пособия нуждаю-

щимся литераторам и ученым. Под редакцией и с объяснительными примечаниями П. О. Морозова. СПб., 1887 (7 томов).

Это так называемое издание Литературного фонда. В основном оно повторяет издание 1882 года П. А. Ефремова, с некоторыми отличиями: лирические стихотворения отделены от крупных стихотворных произведений. Внесены в текст изменения и дополнения на основании обращения к рукописям Пушкина (переданным в 1881 году семьей Пушкина в Румянцевский музей). Долгое время это издание пользовалось репутацией лучшего. Однако как по текстологическим приемам (предпочтение рукописных редакций печатным, стремление пополнить окончательный текст черновыми чтениями, отброшенными Пушкиным, и пр.), так и по обследованному материалу это издание не может считаться совершенным даже для своего времени. Во многих отношениях оно уступает даже изданию П. В. Анненкова. *Соч. под ред. Морозова, 1887.*

Сочинения А. С. Пушкина с объяснениями их и сводом отзывов критики. Издание Льва Поливанова для семьи и школы. СПб., 1887—1888.

В 5 томах (4 тома в 1887, V — в 1888 году). Издание повторено в 1894 году. Это издание принадлежит к типу избранных, причем при отборе Поливанов руководился педагогическими соображениями. Оно ценно примечаниями, в которых, кроме необходимых справок, даны обширные выдержки из статей Белинского и других критиков.

Сочинения А. С. Пушкина. Редакция П. А. Ефремова. Издание А. С. Суворина. СПб., 1903—1905.

В 8 томах (7 томов — в 1903, VIII — в 1905 году). Последнее издание, вышедшее под редакцией Ефремова. Примечания все выделены в последний том.

Соч. под ред. Ефремова, т. 1, 1903 и т. д.

Сочинения и письма А. С. Пушкина под редакцией П. О. Морозова. Товарищество «Просвещение», СПб., 1903—1906.

В 8 томах. Последний том — письма — под редакцией В. В. Калаша, с его краткими примечаниями. Наиболее полное из изданий своего времени. Значительно улучшено в сравнении с изданием Литературного фонда.

Соч. под ред. Морозова, т. 1, 1903 и т. д.

Библиотека великих писателей под редакцией С. А. Венгерова. Пушкин. СПб. — Пг., 1907—1915.

В 6 томах: I — в 1907, II — в 1908, III — в 1909, IV — в 1910, V — в 1911 и VI — в 1915 году. Издание задумано как энциклопедия по изучению Пушкина. В первых томах все произведения сопровождалось обширными пояснительными статьями. В дальнейших томах комментариев сильно сокращен, а проза осталась вовсе без комментария. Варианты отсутствуют. Тем не менее издание не потеряло окончательно своего значения, т. к. содержит большое количество разнообразных статей и примечаний,

хотя и очень различных по качеству. В издании принимали участие все видные русские литературоведы тех лет. Издание не вполне закончено: предполагался VII том, где должны были быть напечатаны, между прочим, варианты к произведениям Пушкина и примечания к произведениям, не комментированным в вышедших томах.

Соч. под ред. Венгерова, т. I, 1907 и т. д.

Сочинения Пушкина. Издание императорской Академии наук. СПб., 1899—1916

Издание не окончено. Вышло 4 первых тома и, кроме того, т. IX — Критическая проза, с примечаниями Н. К. Козмина (Л., 1929), и т. XI — История Пугачевского бунта, с примечаниями Н. Н. Фирсова (Пг., 1914).

I. Стихотворения 1812—1817. Редактор Л. Н. Майков. Два издания: СПб., 1899 и СПб., 1900. — II. Стихотворения 1818—1820. Редактор В. Е. Якушкин. СПб., 1905. — III. Стихотворения 1821—1824. Редакторы В. Е. Якушкин и П. О. Морозов. СПб., 1912. — IV. Стихотворения 1825—1827. Редактор П. О. Морозов. Пг., 1916.

Издание с обширными примечаниями. Со сменой редакторов несколько менялся план издания, и тома неравноценны по качеству. Текстологические приемы издания сильно устарели.

Соч. АН, т. I, 1899, и т. д.

IV. ИЗДАНИЯ ПОСЛЕ 1917

За годы после 1917 тексты произведений Пушкина подвергались тщательному изучению, что помогло устранить в них наслонившиеся ошибки и искажения. Успеху пересмотра текстов способствовало обогащение государственных архивных хранилищ новыми поступлениями автографов Пушкина и авторитетных списков, не подвергавшихся изучению прежде или недоступных прежним исследователям. Кроме того изменилась самая методология исследования источников и установления окончательных, критически проверенных текстов. Содействовала пересмотру и проверка текстов и коллективная организация работы редакторов в основных изданиях советского времени. В виду многочисленности изданий сочинений Пушкина этого периода здесь названы только основные издания типа полных или приближающиеся к полным.

А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в шести томах под общей редакцией Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева, П. Е. Щеголева. Приложение к журналу «Красная нива» на 1930 год.

Фактическим руководителем издания был П. Е. Щеголев. В качестве редакторов отдельных разделов и произведений принимала участие большая группа исследователей, большая часть которых является участниками и других больших изданий Пушкина (М. А. Цявловский, С. М. Бонди, Ю. Г. Оксман, Б. В. Томашевский и др.).

Первые 4 тома вышли в свет в 1930 году, последние 2 — в 1931. Даны вступительные статьи — А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, Н. С. Ашукина, Д. Д. Благого, М. Н. Покровского и И. В. Сергиевского. Последний, т. VI — «Путеводитель по Пушкину». Редакция Б. В. Томашевского, М. А. Цявловского, Д. П. Якубовича. «Путеводитель» содержит хронологическую канву биографии А. С. Пушкина, составленную М. А. Цявловским, и разъяснение в алфавитном порядке вышедших из употребления слов, заметки о лицах, упоминаемых в сочинениях Пушкина, и о его произведениях.
Соч., 1930.

На основе этого издания Государственным издательством художественной литературы было выпущено несколько изданий сочинений Пушкина в 6 томах, но без «Путеводителя», а затем и без вступительных статей. Все эти издания содержат только текст с избранными вариантами, без писем Пушкина, без примечаний. В отличие от других изданий, в четвертом издании 1936 года к т. VI приложен глоссарий, составленный В. В. Виноградовым; в этом глоссарии даны объяснения слов, исчезнувших из современного языка, редко употребляемых и изменивших свое значение. Издание 1949 года отличается по типу от предыдущих (общая редакция Д. Д. Благого и С. М. Петрова). Здесь тексты сопровождаются краткими примечаниями, к т. VI приложен словарь (в большей части являющийся сокращенным собранием выписок из «Путеводителя»).

К столетию со дня гибели. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений под общей редакцией Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского.

Издание вышло в двух вариантах. Первый вариант: в 9 томах малого формата, без писем (первые 6 томов — в 1935, VIII — в 1936, IX — в 1937 и VII — в 1938 году; этот том в издании Гослитиздата). Второй вариант: в 6 томах большого формата, из которых 5 томов вышло в 1936, а VI, содержащий письма Пушкина, — в 1938 году в издании Гослитиздата.

Участники издания (кроме его главных редакторов) — М. К. Азадовский, С. М. Бонди, Г. О. Винокур, Н. В. Измайлов, Л. Б. Модзалевский, Ю. Н. Тынянов, Д. П. Якубович. Все произведения сопровождаются краткими примечаниями, в которых приведены и основные варианты.

Пушкин. Полное Собрание сочинений. Издание Академии наук СССР, Л., 1937—1949.

Так называемое большое академическое издание. Первоначально это издание было задумано как издание с обширным комментарием исследовательского характера. Но по этому плану выпущен только один том, VII (драматургия), в 1935 году. Затем план изменился, и издание стало выходить без комментария; оно содержит только текст, варианты и библиографические примечания. В настоящее время вышло 16 томов. Стихотворные произведения входят в первые 7 томов.

I. Лицейские стихотворения. Редакторы М. А. Цявловский и

Т. Г. Зенгер, Л., 1937. — II (два полутома). Стихотворения 1817 — 1825. Общий редактор М. А. Цявловский, участники: Д. Д. Благой, С. М. Бонди, Т. Г. Зенгер, Н. В. Измайлов, И. Н. Медведева, Л., 1947. — III (два полутома). Стихотворения 1826—1836. Сказки. Общий редактор тома М. А. Цявловский, участники: С. М. Бонди, Т. Г. Зенгер, Н. В. Измайлов, А. Л. Слонимский, Л., 1948. — IV. Поэмы 1817—1824. Общий редактор С. М. Бонди, участники: Г. О. Винокур, Н. К. Гудзий, Н. В. Измайлов, Б. В. Томашевский, Л., 1937. — V. Поэмы 1825—1833. Общий редактор С. М. Бонди, участники: Н. В. Измайлов, Б. М. Эйхенбаум, Д. П. Якубович, Л., 1948. — VI. Евгений Онегин. Редактор Б. В. Томашевский, Л., 1937. — VII. Драматические произведения. Общий редактор Д. П. Якубович, участники: М. П. Алексеев, С. М. Бонди, Г. О. Винокур, А. Л. Слонимский, Б. В. Томашевский, Н. В. Яковлев, Л., 1937 (повторение издания 1935 года без примечаний). — VIII. Романы и повести. Общий редактор Б. В. Томашевский, участники: С. М. Бонди, В. В. Виноградов, Л. Л. Домгер, Н. В. Измайлов, И. Н. Медведева, Л. Б. Модзалевский, Ю. Н. Тынянов, Д. П. Якубович, Л., 1938. — IX (два полутома). История Пугачева. Редактор В. Л. Комарович, Л., 1938. — X. История Петра. Записки Моро де Бразе. Заметки о Камчатке. Общий редактор М. А. Цявловский, участники: П. С. Попов, А. И. Заозерский, Б. И. Коплан, Л., 1938. — XI. Критика и публицистика 1819—1834. Общая редакция В. В. Гиппиус, Б. В. Томашевский, Б. М. Эйхенбаум, участники: С. М. Бонди, В. В. Виноградов, А. И. Заозерский, Н. В. Измайлов, Б. И. Коплан, Б. С. Мейлах и др. Л., 1949. — XII. Критика. Автобиография. Общая редакция В. В. Гиппиус, Б. В. Томашевский, Б. М. Эйхенбаум, участники: С. М. Бонди, Г. А. Бялый, Н. Г. Богословский, Н. К. Гудзий, Т. Г. Зенгер, Н. В. Измайлов, В. Л. Комарович, Л., 1949. — XIII—XVI. Переписка Пушкина. Редакторы Д. Д. Благой, Н. В. Измайлов, Л., 1937—1949.

Это основное издание, подводящее итоги текстологическим работам нашего времени. Оно дает исчерпывающий свод всех вариантов по всем известным нам первоисточникам. Его недостаток — отсутствие комментария и хотя бы краткой мотивировки дат. В отдельных текстах допущены ошибки или спорные решения. Кроме того, некоторое количество новых данных появилось после выхода в свет соответствующих томов. Исправления и дополнения будут даны в XVII томе. По плану издания должны быть изданы еще 2 тома (рисунки Пушкина и материалы его архива).

Соч. АН, т. I, 1937 и т. д.

А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах. Издание Академии наук СССР. Первый тираж — в 1949, второй — в 1950 (первые 6 томов) и в 1951 году (остальные). Общая редакция Б. В. Томашевского, участники: Б. С. Мейлах, Л. Б. Модзалевский, И. М. Семенко.

Это издание является сокращенным вариантом большого академического издания. Тексты, за очень редкими исключениями,

воспроизводят тексты большого издания, варианты представляют собой выборку из большого издания, где они приведены с исчерпывающей полнотой. Даны краткие примечания (по объему приближающиеся к примечаниям издания Academia). Отличается малое, десяти томное издание от большого академического некоторым упрощением орфографии (большим приближением к современной) и отсутствием усложняющих чтение транскрипционных условных знаков.

Соч. в 10 т., 1949.

Соч. в 10 т., т. I, 1950 и т. д.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПУШКИНА

	Том	Стр.
А. Б.*** (К) («Что можем наскоро стихами мол- вить ей»)	3	77
Абамелек (В Альбом А. Д.) («Когда-то»)	3	599
«А в ненастные дни»	3	449
Адели	3	196
Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной	3	409
Аквилон	3	272
Актеон (планы и набросок начала поэмы)	1	583
Александра I (На) («Воспитанный под барабаном»)	3	723
Александрю («Утихла брань племен; в пределах отда- ленных»)	2	410
Алексееву («Мой милый, как несправедливы»)	3	159
«Альфонс садится на коня»	3	718
Амур и Гименей	2	484
Ангел	3	404
Анджело	1	355
Андрей Шенье («Меж тем как изумленный мир»)	3	286
Анчар	3	467
Аракчеева (На) («Всей России притеснитель»)	3	79
Арион	3	393
Ариосто (Из) («Пред рыцарем блестит водами»)	3	368
«Арист! и ты в толпе служителей Парнаса!» (К другу стихотворцу)	2	302
«Арист нам обещал трагедию такую» (Эпиграмма)	2	322
Арно (Уединение)	3	55
Афеня (Из) («Славная флейта, Феон, здесь лежит»)	3	605
«Ах! боже мой, какую» (На гр. А. К. Разумовского)	2	529
Б аболовский дворец (На)	2	530
* Бакуниной («Напрасно воспевать мне ваши именины»)	2	413
Баллада («Что ты, девица, грустна»)	3	69
Баратынскому («О ты, который сочетал»)	3	423
Баратынскому (К) («Стих каждый в повести твоей»)	3	365

Баратынскому (Ему же) («Я жду обещанной тетради») . . .	3	176
Баратынскому из Бессарабии («Сия пустынная страна») . . .	3	175
Бар. М. А. Дельвиг (К) («Вам восемь лет, а мне семна- дцать било») . . .	2	417
Батюшкову («В пещерах Геликона») . . .	2	380
Батюшкову (К) («Философ резвый и пиит») . . .	2	346
Бахчисарайский фонтан . . .	1	213
«Беги, сокройся от очей» (Вольность. Ода) . . .	3	16
Безверие . . .	2	495
«Безумных лет угасшее веселье» (Элегия) . . .	3	546
Беседке (Надпись к) . . .	2	527
«Бессмертной рукой раздавленный зонл» (На Каченов- ского) . . .	3	28
Бесы . . .	3	544
Битва у Зеницы-Великой . . .	3	641
«Благословен твой подвиг новый» (Фазиль-Хану) . . .	3	488
«Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени» (К Жуков- скому) . . .	2	441
«Благословляю новоселье» (Новоселье) . . .	3	541
«Блажен в златом кругу вельмож» . . .	3	418
«Блажен, кто в отдаленной сени» (Уединение) . . .	3	55
«Блажен, кто в шуме городском» (Из письма к П. А. Вя- земскому) . . .	2	470
«Блажен, кто с юных лет увидел пред собою» (К Дель- вигу) . . .	2	553
Блаженство . . .	2	330
«Блестит луна, недвижно море спит» . . .	3	319
«Блеща средь полей широких» (Дон) . . .	3	485
«Близ мест, где царствует Венеция златая» . . .	3	410
Бова (отрывок из поэмы) . . .	2	338
* Бова (план и наброски начала поэмы) . . .	1	584
«Бова на престоле отца своего» (Бова, планы поэмы) . . .	1	584
«Бова спасен Чернавкою» (Бова, планы поэмы) . . .	1	585
«Богами вам еще даны» (Друзьям) . . .	2	451
«Бог веселый винограда» . . .	3	606
«Бог весть, за что философы, пииты» (Твой и мой) . . .	2	533
«Бог помочь вам, друзья мои» (19 октября 1827) . . .	3	420
«Больны вы, дядюшка? Нет мочи» . . .	2	525
Бонапарт и черногорцы . . .	3	650
Бонжур «Муж волокита» (Из комедии) . . .	2	212
Борис Годунов . . .	2	7
Бородинская годовщина . . .	3	588
«Брадатый староста Авдей» . . .	3	472
«Брат милый, отроком расстался ты со мной» (Л. Пуш- кину) . . .	3	218
Братья разбойники . . .	1	205
«Брови царь нахмуря» . . .	3	334
«Брожу ли я вдоль улиц шумных» . . .	3	526
Будрыс и его сыновья . . .	3	619
«Будь подобен полной чаше» . . .	3	375
Булгарина (На) («Не то беда, Авдей Флюгарин») . . .	3	563
Булгарина (На) («Не то беда, что ты поляк») . . .	3	535

Буря («Ты видел деву на скале»)	3	347
«Буря мглою небо кроет» (Зимний вечер)	3	343
«Бывало, в сладком ослепленье»	3	201
«Бывало, прежних лет герой» (На Рыбушкина)	2	351
«Была пора: наш праздник молодой»	3	715
«Был и я среди донцов»	3	489
«Был на свете рыцарь бедный» (Легенда)	3	746
«Быть может, уж недолго мне» (П. А. Осиповой)	3	314
Вадим («Свод неба мраком обложился»)	1	197
* Вадим («Я ждал тебя, Рогдай; скажи, какую весть»)	2	209
«В Академии наук» (На Дондукова-Корсакова)	3	689
Вакхическая песня	3	324
* В альбом («Гонимый рока самовластьем»)	3	603
В альбом («Долго сих листов заветных»)	3	604
В альбом («Когда погаснут дни мечтанья»)	2	600
В альбом («Пройдет любовь, умрут желанья»)	2	505
* В альбом А. Д. Абамелек («Когда-то (помню с уми- леньем)»)	3	599
В альбом Илличевскому («Мой друг! неславный я поэт»)	2	506
В альбом Павлу Вяземскому («Душа моя Павел»)	3	401
В альбом Пушкину («Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок»)	2	510
* В альбом Сосницкой («Вы съединить могли с холод- ностью сердечной»)	3	78
В альбом Ел. Н. Ушаковой («Вы избалованы природой»)	3	492
«Вам восемь лет, а мне семнадцать било» (К бар. М. А. Дельвиг)	2	417
«Вам музы, милые старушки» (В. С. Филимонову при получении поэмы его «Дурацкий колпак»)	3	433
«Вам объяснять правления начала» (Из драмы Шекспира «Мера за меру»)	2	213
«Ваш дед портной, ваш дядя повар» (Жалоба)	3	213
«В безмолвни садов, весной, во мгле ночей» (Соловей и роза)	3	396
«В глуши, измучась жизнью постной» (Из письма к Вяземскому)	3	333
«Вдали ты зришь утес уединенный» (Эвлега)	2	310
«В дверях эдема ангел нежный» (Ангел)	3	404
«В Дориде нравятся и локоны золотые» (Дорида)	3	43
«В дыму, в крови, сквозь тучи стрел» (Генералу Пушкину)	3	146
«В еврейской хижине лампада»	3	387
«В его „Истории“ изящность, простота»	3	33
«Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя»	3	673
«Великий день Бородина» (Бородинская годовщина)	3	588
Великопольскому (Из письма к) («С тобой мне вновь считаться довелось»)	3	366
Великопольского (На) («Поэт-игрок, о Беверлей-Гора- ций»)	3	498
Великопольскому (Послание к) («Так элегическую лиру»)	3	429
Вельможе (К) («От северных оков освобождая мир»)	3	538
«Вертоград моей сестры»	3	346

Веселый пир	3	56
«Весна, весна, пора любви»	3	407
«Вечерняя отошла давно»	3	221
«Вечерняя заря в пучине догорала» (Наполеон на Эльбе)	2	382
«В жизни мрачной и презренной» (Эпиграмма на Ф. И. Толстого)	3	104
«Взгляни на милую, когда свое чело» (Красавица перед зеркалом)	3	107
«Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок» (В альбом Пушину)	2	510
Вигелю (Из письма к) («Проклятый город Кишинев!»)	3	214
Видение короля	3	637
Вино (Ион Хиосский)	3	608
Виноград	3	260
«В крови горит огонь желанья»	3	345
«В кругу семей, в пирах счастливых»	3	121
«Вкруг я Стурдзы хожу»	3	40
«Владимир, разделив на уделы Россию» (Мстислав, планы поэмы)	1	586
«Властитель слабый и лукавый» (Десятая глава «Евгения Онегина»)	1	575
Влах в Венеции	3	644
«В лесах, во мраке ночи праздной» (Соловей и кукушка)	3	335
«В лесах Гаргафии счастливой» (Актеон, набросок начала поэмы)	1	584
«В младенчестве моем она меня любила» (Муза)	3	106
«В мои осенние досуги»	3	694
«В молчаньи пред тобой сижу» (Экспромпт на Огареву)	2	474
«В надежде славы и добра» (Стансы)	3	391
«В начале жизни мною правил» (Женщины. Отрывок из «Евгения Онегина»)	1	639
«В начале жизни школу помню я»	3	572
«В неволе скучной увядает» (Наслажденье)	2	459
«Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий»	3	219
«В нем пунша и войны кипит всегдашний жар» (К портрету Каверина)	2	511
«В нем радости мои; когда померкну я» (К письму)	2	512
«Внимает он привычным ухом» (История стихотворца)	3	74
«..Вновь я посетил»	3	695
«Внук Тредьяковского Клит» (Несчастье Клита)	2	301
«Во глубине сибирских руд»	3	392
Вода и вино	2	376
Воевода	3	621
Воевода Милош	3	653
«Возможно ль? вместо роз, Амуром насажденных» (Краса- вице, которая нюхала табак)	2	320
Возрождение	3	66
Война («Война!.. подъяты наконец»)	3	109
Волконской (княгине З. А.) («Среди рассеянной Москвы»)	3	400
Волконскому (Эпитафия младенцу. Кн. Н. С.) («В сияньи, в радостном покое»)	3	428
Вольность (ода)	3	16

Вольтера (Из) (Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало)	2	333
Вольтера (Из) («Короче дни, а ночи доле»)	3	349
Вольтера (Из) (Начало I песни «Девственницы»)	3	355
Вольтера (Из) (Стансы)	2	499
«Ворон к ворону летит»	3	457
Воронцова (На) («Певец Давид был ростом мал»)	3	233
Воронцова (На) («Полу-милорд, полу-купец»)	3	232
Воронцова (На) («Сказали раз царю, что наконец»)	3	301
«Воротился ночью мельник»	3	705
«Воспитанный под барабаном» (На Александра I)	3	723
Воспоминание («Когда для смертного умолкнет шумный день»)	3	436
Воспоминание (К Пущину) («Помнишь ли, мой брат по чаше»)	2	398
Воспоминания в Царском селе («Воспоминаньями смущенный»)	3	518
Воспоминания в Царском селе («Навис покров угрюмой ночи»)	2	356
«Воспомянем упоенный» (Элегия)	3	38
«Воспоминаньями смущенный» (Воспоминания в Царском селе)	3	518
«Восстань, боязливый» (VII Подражание Корану)	3	283
«Восстань, восстань, пророк России»	3	816
«Вот Виля — он любовью дышит»	2	528
«В отдалении от вас» (Ек. Н. Ушаковой)	3	402
«Вот здесь лежит больной студент» (Надпись на стене больницы)	2	509
«Вот зеркало мое — прими его, Киприда!» (Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало)	2	333
«Вот, Зина, вам совет: играйте» (К Зине)	3	367
«— Вот Коцит, вот Ахерон»	3	303
«Вот муза, резвая болтунья»	3	142
«Вот, перешед чрез мост Кокушкин» (На картинки к «Евгению Онегину» в «Невском Альманахе»)	3	504
«Вот Хвостовой покровитель» (На кн. А. Н. Голицына)	3	80
«В печальной праздности я лиру забывал» (К ней)	3	12
«В пещерах Геликона» (Батюшкову)	2	380
«В пещере, на острых камнях» (Гайдук Хризич)	3	645
«В пещере тайной, в день гоненья»	3	358
«В поле чистом серебрится»	3	615
«В последний раз, в сени уединенья» (Разлука)	2	515
«В последний раз твой образ милый» (Прощание)	3	554
«В прохладе сладостной фонтанов»	3	461
«В пустыне чахлой и скупой» (Анчар)	3	467
«Враги мои, покамест я ни слова» (Приятелям)	3	302
«В раю, за грустным Ахероном» (Тень Фонвизина)	2	422
«В роще карийской, любезной ловцам, таится пещера»	3	419
«В роще сумрачной, тенистой» (Блаженство)	2	330
«Всё в жертву памяти твоей»	3	296
Всеволожскому («Прости, счастливый сын пиров»)	3	57
«Всё в ней гармония, всё диво» (Красавица)	3	601
«Всё в таинственном молчаньи» (Гроб Анакреона)	2	431

«Всеи России притеснитель» (На Аракчеева)	3	79
«Всё кончено: меж нами связи нет»	3	227
«Всё миновалось!» (Измены)	2	377
«Всем красны боярские конюшни»	3	416
«Всё мое», — сказало злато» (Золото и булат)	3	727
«Всё пленяет нас в Эсфири» (На Колосову)	3	71
«Всё так же ль осеняют своды» (См. «В кругу семей, в пирах счастливых»)	3	123
«Всё тихо — на Кавказ идет ночная мгла»	3	745
В Сибирь («Во глубине сибирских руд»)	3	392
«В сияньи, в радостном покое» (Эпитафия младенцу. Кн. Н. С. Волконскому)	3	428
«В славнои в Муромскои земле»	2	570
«В степи мирскои, печальнои и безбрежнои» (Три ключа)	3	403
«В степях зеленых Буджака» (Кирджали)	3	448
«В стране, где Юлией венчаннй» (Из письма к Гнедичу)	3	112
«В стране, где я забыл тревоги прежних лет» (Чаадаеву)	3	130
«Встречаюсь я с осьмнадцатои весной» (Князю А. М. Гор- чакову)	2	503
«В твою светлицу, друг мой нежнй»	3	167
«В те дни, когда мне были новы» (Демон)	3	203
2 ноября («Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю»)	3	511
Второе послание цензору («На скользком поприще Тимковскогo наследник!»)	3	274
«В тревоге пестрои и бесплоднои»	3	598
Вульф Анне Н. («Хотя стшнки на именины»)	3	350
Вульф Е. Н. (К) («Вот, Зина, вам совет: играйте!»)	3	367
Вульфy (Из письма к) («Здравствуй, Вульф, приятель мой!»)	3	249
Вурдалак	3	654
«В часы забав иль празднои скуки»	3	534
«Вчера был день разлуки шумнои» (Друзьям)	3	179
«Вчера за чашей пуншевою» (Слеза)	2	415
«Вчера мне Маша приказала» (К Маше)	2	479
«В чужбине свято наблюдаю» (Птичка)	3	198
«Вы за „Онегина“ советуете, други»	3	870
Выздоровление	3	25
«Вы избалованы природой» (Ел. Н. Ушаковой)	3	492
«Высоко над семьею гор» (Монастырь на Казбеке)	3	481
«Вы съединить могли с холодностью сердечной» (В альбом Сосницкой)	3	78
«В Элизии Василий Тредьяковский» (Литературное изве- стие)	3	496
Вяземскогo (К портрету) («Судьба свои дары явить желала в нем»)	3	98
Вяземскому (Из письма к П. А.) («Блажен, кто в шуме городском»)	2	470
Вяземскому (Из письма к) («В глуши, измучась жизнью постной»)	3	333
Вяземскому (Из письма к) («Любезнй Вяземский, поэт и камергер»)	3	592

Вяземскому (Из письма к) («Сатирик и поэт любовный»)	3	323
Вяземскому Павлу (В альбом) («Душа моя Павел»)	3	401
Вяземскому (К) («Так море, древний душегубец»)	3	364
* Вяземскому («Язвительный поэт, остряк замысловатый»)	3	139
«Вянет, вянет лето красно» (К Наташе)	2	375

Гавриилиада	1	179
Гайдук Хризич	3	645
Галичу (К) («Пуская угрюмый рифмотвор»)	2	387
Галичу (Послание к) («Где ты, ленивец мой?»)	2	400
Галуб (см. Тазит)	1	321
Гафиза (Из) («Не пленяйся бранной славой»)	3	484
«Где наша роза» (Роза)	2	409
«Где ты, ленивец мой?» (Послание к Галичу)	2	400
Генералу Пушкину («В дыму, в крови, сквозь тучи стрел»)	3	146
Герой	3	569
«Глаза скосив на ус кудрявый» (Усы, Философическая ода)	2	468
Глинке Ф. Н. («Когда средь оргий жизни шумной»)	3	194
Глинку, Ф. Н. (На) («Наш друг <i>Фита</i> , Кутейкин в эпо- летах»)	3	300
«Глубокой ночи на полях» (Наездники)	2	456
«Глухой глухого звал к суду судьи глухого»	3	553
«Гляжу, как безумный, на черную шаль» (Черная шаль)	3	99
Гнедичу (Из письма к) («В стране, где Юлией вен- чанный»)	3	112
* Гнедичу («С Гомером долго ты беседовал один»)	3	600
Голицына (На кн. А. Н.) («Вот Хвостовой покровитель»)	3	80
Голицыной Е. И. («Краев чужих неопытный любитель»)	3	11
Голицыной, кн. Е. И. (Посылая ей оду «Вольность»)	3	19
Голицыной, кн. М. А. («Давно об ней воспоминанье»)	3	211
Гонзага (Из) («Там звезда зари взошла»)	3	353
«Гонимый рока самовластьем» (В альбом)	3	603
«Горишь ли ты, лампада наша» (Из письма к Я. Н. Толстому)	3	185
Городок	2	364
«Город пышный, город бедный»	3	458
Горчакову В. П. (Записка) («Зима мне рыхлою стеною»)	3	217
Горчакову (Князю А. М.) («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной»)	2	503
Горчакову (Послание к) («Питомец мод, большого света друг»)	3	67
Горчакову А. М. («Пускай, не знаясь с Аполлоном»)	2	326
«Гостомыслову могилу грозную вижу»	2	567
Готовцовой (Ответ) («И недоверчиво и жадно»)	3	470
Графа А. К. Разумовского (На) («Ах! боже мой, какую»)	2	529
Граф Нулин	1	261
Графу Олизару («Певец! издревле меж собою»)	3	252
«Гречанка верная! не плачь, — он пал героем»	3	155

Гречанке («Ты рождена вспламенять»)	3	184
Гроб Анакреона	2	431
Гроб юноши	3	149
«Гроза луны, свободы воин» (Дочери Карагеоргия)	3	97
«Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую» (Художнику)	3	707
Гусар	3	609
«Давайте пить и веселиться» (Добрый совет)	3	81
«Давно об ней воспоминанье» (Кн. М. А. Голицыной)	3	211
Давыдову, А. А. (На) («Иной имел мою Аглаю»)	3	177
Давыдову, В. Л. («Меж тем как генерал Орлов»)	3	118
Давыдову, В. Л. («Нельзя, мой толстый Аристип»)	3	229
Давыдову (Д.) («Недавно я в часы свободы»)	3	195
Давыдову (Денису) («Певец-гусар, ты пел биваки»)	3	145
Давыдову (Д. В.) («Тебе певцу, тебе герою!»)	3	708
«Дар напрасный, дар случайный»	3	438
«да, слава в прихотях вольна» (Герой)	3	569
«Два арнаута хотят убить Александра Ипсиланти» (Поэма о гетеристах, план)	1	583
«Два дубочка выросли рядом» (Сестра и братья)	3	655
26 мая 1828 («Дар напрасный, дар случайный»)	3	438
«Два чувства дивно близки нам»	3	560
Движение («Движенья нет, сказал мудрец брадатый»)	3	337
Дева	3	120
19 октября (1825) («Роняет лес багряный свой убор»)	3	328
19 октября 1827 («Бог помочь вам, друзья мои»)	3	420
19 октября 1828 («Усердно помолившись богу»)	3	459
* 19 октября 1831 («Чем чаще празднует Лицей»)	3	593
* 19 октября 1836 («Была пора: наш праздник молодой»)	3	715
Делибаш	3	482
Делии (К) («О Делия драгая!»)	2	516
Делия («Ты ль передо мною»)	2	517
Дельвиг М. А. («Вчера мне Маша приказала»)	2	479
Дельвиг (К бар. М. А.) («Вам восемь лет, а мне сем- надцать бил»)	2	417
Дельвигу (К) («Блажен, кто с юных лет увидел пред собою»)	2	553
Дельвигу («Друг Дельвиг, мой парнасский брат»)	3	111
Дельвигу («Любовью, дружеством и ленью»)	2	498
* дельвигу («Мы рождены, мой брат названный»)	3	567
Дельвигу (Послание) («Прими сей череп, Дельвиг: он»)	3	411
Дельвигу (К) («Послушай, муз невинных»)	2	407
Дельвига (К портрету) («Се самый Дельвиг, тот, что нам всегда твердил»)	3	85
Дельвига (На) (Загадка) («Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?»)	3	500
Демон	3	203
Денису Давыдову («Недавно я в часы свободы»)	3	195
* Денису Давыдову («Певец-гусар, ты пел биваки»)	3	145
Денису Давыдову («Тебе певцу, тебе герою!»)	3	708

Деревня	3	36
Десятая глава «Евгения Онегина» («Властитель слабый и лукавый»)	1	575
Десятая заповедь («Добра чужого не желать»)	3	162
Дионея	3	143
«Дитя, не смею над тобой» (Младенцу)	3	267
«Дитя харит и вдохновенья» (К живописцу)	2	439
«Для берегов отчизны дальней»	3	574
«Добра чужого не желать» (Десятая заповедь)	3	162
Добрый совет	3	81
Добрый человек	3	84
«Довольно битвы мчался гром» (Принцу Оранскому)	2	472
«Долго ль мне гулять на свете» (Дорожные жалобы)	3	509
«Долго сих листов заветных» (В альбом)	3	604
Домик в Коломне	1	331
Домовому	3	50
Дон	3	485
Дондукова-Корсакова (На) («В Академии наук»)	3	689
Дорида («В Дориде нравятся и локоны златые»)	3	43
Дориде («Я верю: я любим; для сердца нужно верить»)	3	72
Дорожные жалобы	3	509
Доу («Зачем твой дивный карандаш»)	3	435
Дочери Карагеоргия	3	97
«Дробясь о мрачные скалы» (Обвал)	3	479
«Друг Дельвиг, мой парнасский брат» (Дельвигу)	3	111
Другу стихотворцу (К)	2	302
Дружба	3	336
«Друзья, досужный час настал» (Пирующие студенты)	2	334
Друзьям («Богами вам еще даны»)	2	451
Друзьям («Вчера был день разлуки шумной»).	3	179
Друзьям («К чему, веселые друзья»)	2	548
Друзьям (Мое завещание)	2	392
Друзьям («Нет, я не льстец, когда царю»)	3	426
Друзьям («Среди беседы вашей шумной»)	2	547
«Духовной жаждою томим» (Пророк)	3	378
«Душа моя Павел» (В альбом Павлу Вяземскому)	3	401
Дяде, назвавшему сочинителя братом	2	478
Е вгений Онегин	1	397
«Его стихов пленительная сладость» (К портрету Жуковского)	3	27
«Едва уста красноречивы»	3	373
Ее глаза	3	442
* Езерский	1	345
Ех unguae leonem	3	314
«Если жизнь тебя обманет»	3	298
«Если с нежной красотой»	3	144
«Есть в России город Луга»	3	8
«Есть роза дивная: она»	3	398
«Еще дуют холодные ветры»	3	440
«Еще одной высокой, важной песни»	3	521

Ж алоба	3	213
Желание («Медлительно влекутся дни мои»)	2	455
Желание славы	3	295
«Женись, — «На ком?» — «На Вере Чацкой»	1	669
Жених (Простонародная сказка)	2	217
Женщины (Отрывок из Евгения Онегина)	1	639
«Жив, жив Курилка!»	3	312
Живописцу (К) («Дитя харит и вдохновенья»)	2	439
«Жил на свете рыцарь бедный»	3	501
«Житье тому, любезный друг» (Щербинину)	3	48
Жуковского (К портрету)	3	27
Жуковскому (Записка к) («Раевский, <i>молодец</i> прежний»)	3	64
Жуковскому (Записка к) («Штабс-капитану, Гете, Грею»)	3	83
Жуковскому (К) («Благослови, поэт! . . В тиши парнасской сени»)	2	441
Жуковскому на издание книжек его «Для немногих» («Когда, к мечтательному миру»)	3	26
Жуковского (К портрету) («Его стихов пленительная сладость»)	3	27
«Журналами обиженный жестоко» (Эпиграмма)	3	497
З абудь, любезный мой Каверин» (К Каверину)	2	492
«Забыв и рошу и свободу»	3	721
«Завидую тебе, питомец моря смелый»	3	200
Загадка («Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы»)	3	500
Заздравный кубок	2	480
Заклинение	3	564
За Netty сердцем я летаю	3	473
* Записка В. П. Горчакову («Зима мне рыхлою стеною»)	3	217
* Записка к Жуковскому («Раевский, <i>молодец</i> прежний»)	3	64
Записка к Жуковскому («Штабс-капитану, Гете, Грею»)	3	83
«Заступники кнута и плети»	3	320
«Завтра с свечкой грошевою»	2	467
«Зачем безвременную скуку» (К***)	3	95
«Зачем из облака выходишь» (Месяц)	2	449
«Зачем кричишь ты, что ты <i>дева</i> » (На Пучкову)	2	477
«Зачем раздался гром войны» (Бова, наброски начала поэмы)	1	585
«Зачем твой дивный карандаш»	3	435
«Зачем ты, грозный аквилон» (Аквилон)	3	272
«Зачем ты послан был и кто тебя послал?»	3	228
«Здесь Пушкин погребен; он с музой молодою» (Моя эпитафия)	2	404
«Здорово, Юрьев именинник!» (Юрьеву)	3	51
«Здравствуй, Вульф, приятель мой!» (Из письма к Вульфу)	3	249
«Земли достигнув наконец» (Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной)	3	409
Земля и море	3	105
«Земля недвижна; неба своды» (V Подражание Корану)	3	282

«Зензевей осажден Маркобруном» (Бова, планы поэмы)	1	584
«Зима мне рыхлою стеною» (Записка В. П. Горчакову)	3	217
«Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю»	3	511
Зимнее утро	3	513
Зимний вечер	3	343
Зимняя дорога	3	389
Зине (К) («Вот, Зина, вам совет: играйте»)	3	367
«Злое дитя, старик молодой» (Вино)	3	608
«Знакомец милый и старинный» (К сну)	2	593
Золото и булат	3	727
«Зорю бьют... из рук моих»	3	506
Зубову (В альбом) («Когда погаснут дни мечтанья»)	2	600
И ван Царевич по лесам»	2	570
«И вот уже сокрылся день»	3	745
«И вот ущелье мрачных скал»	3	833
«И вы поверить мне могли» (Кокетке)	3	157
«Играй, Адель» (Адели)	3	196
«И дале мы пошли — и страх обнял меня»	3	595
Из Alfieri («Сомнение, страх, порочную надежду»)	2	212
Из Анакреона (Ода LVI) («Поредели, побелели»)	3	678
Из Анакреона (Ода LVII) («Что же сухо в чаше дно?»)	3	679
Из Анакреона («Узнают коней ретивых»)	3	677
Из Антологии (Эпиграмма) («Лук звенит, стрела трепещет»)	3	397
Из Ариостова «Orlando furioso» («Пред рыцарем блещит водами»)	3	368
Из Арно (Уединение)	3	55
Из Афедея («Славная флейта, Феон, здесь лежит»)	3	605
Из Bagu Cognwall («Пью за здравие Мери»)	3	576
* Из Вольтера («Короче дни, а ночи доле»)	3	349
Из Вольтера (Начало первой песни «Девственницы»)	3	355
Из Вольтера (Стансы)	2	499
Из Гафиза («Не пленяйся бранной славой»)	3	484
Из Гонзага («Там звезда зари взошла»)	3	353
«Издавна мудрые искали» (Истина)	2	475
Из драмы Шекспира «Мера за меру»	2	213
«Издrevле сладостный союз» (К Языкову)	3	250
* Из записки к А. О. Россет («От вас узнал я плен Варшавы»)	3	591
Из Катулла (Мальчику)	3	597
Из комедии К. Бонжура «Муж волокита»	2	212
Из Ксенофана Колофонского («Чистый лоснится пол»)	3	605
Из Маро (Старик)	2	440
Измены	2	377
Из Мицкевича («Сто лет минуло, как тевтон»)	3	462
Из Пиндемонти («Не дорого ценю я громкие права»)	3	712
* Из письма к Великопольскому («С тобой мне вновь считаться довелось»)	3	366
* Из письма к Вигелю («Проклятый город Кишинев!»)	3	214
* Из письма к Вульфу («Здравствуй, Вульф, приятель мой!»)	3	249

* Из письма к Вяземскому, П. А. («Блажен, кто в шуме городском»)	2	470
* Из письма к Вяземскому («В глуши, измучась жизнью постной»)	3	333
* Из письма к Вяземскому («Любезный Вяземский, поэт и камергер»)	3	592
Из письма к Вяземскому («Сатирик и поэт любовный»)	3	323
* Из письма к Гнедичу («В стране, где Юлией венчанный»)	3	112
* Из письма к Плетневу («Ты издал дядю моего»)	3	255
* Из письма к Пушкину, В. Л. («Христос воскрес, питомец Феба!»)	2	471
* Из письма к Родзянке («Прости, украинский мудрец»)	3	268
* Из письма к Соболевскому («У Гальяни иль Кольони»)	3	383
Из письма к Я. Н. Толстому («Горишь ли ты, лампада наша»)	3	185
Из Сенесе («Недавно бедный музульман»)	3	137
Из Шенье («Близ мест, где царствует Венеция златая»)	3	410
Из Шенье («Внѣмли, о Гелиос, серебряным луком звенящий»)	3	219
Из Шенье («Покров, упитанный язвительною кровью»)	3	684
Илличевскому (В альбом) («Мой друг! неславный я поэт»)	2	506
«Илья находит пустытника» (Мстислав, планы поэмы)	1	587
«Илья хочет представить сына Владимиру» (Мстислав)	1	586
Именины («Умножайте шум и радость»)	3	76
Императору Александру («Утихла брань племен; в пределах отдаленных»)	2	410
«И недоверчиво и жадно» (Ответ А. И. Готовцовой)	3	470
«Иной имел мою Аглаю» (На А. А. Давыдову)	3	177
Иностранке	3	192
Ион Хиосский (Вино)	3	608
«И путник усталый на бога роптал» (IX Подражание Корану)	3	284
Истина	2	475
История стихотворца	3	74
«Источник быстрый Каломоны» (Кольна)	2	305
«Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался»	2	414
«И ты, любезный друг, оставил» (К Н. Г. Ломоносову)	2	350
«Ищи в чужом краю здоровья и свободы» (Н. Д. Киселеву)	3	445
К *** («Зачем безвременную скуку»)	3	95
К*** («Не спрашивай, зачем унылой думой»)	3	10
К*** («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу»)	3	602
К*** («Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный»)	3	32
К*** («Ты богоматерь, нет сомненья»)	3	388
К*** («Я помню чудное мгновенье»)	3	318
К. А. Б.*** («Что можем наскоро стихами молвить ей?»)	3	77
Каверина (К портрету) («В нем пунша и войны кипит всегдашний жар»)	2	511
Каверину (К) («Забудь, любезный мой Каверин»)	2	492
Кавказ («Кавказ подо мною. Один в вышине»)	3	478

Кавказский пленник	1	151
Казак	2	323
Каймак (Из сказки) («Недавно бедный музульман»)	3	137
«Какая ночь! Мороз трескучий»	3	405
«Как брань тебе не надоела?» (Эпиграмма)	3	103
«Как быстро в поле, вокруг открытом»	3	474
«Как весенней теплою порою» (Сказка о медведихе)	2	280
«Как жениться задумал царский арап»	3	256
«— Как! жив еще Курилка журналист?» (Жив, жив Курилка!)	3	312
«Как наше сердце своенравно!»	3	210
«Как ныне собирается вещей Олег» (Песнь о вещем Олеге)	3	171
«Каков я прежде был, таков и ныне я»	3	475
«Как по Волге-реке по широкой»	3	360
«Как покинула меня Парасковья» (Влах в Венеции)	3	644
«Как сатирой безымянной»	3	505
«Как с древа сорвался предатель ученик» (Подражание итальянскому)	3	710
«Как счастлив-я, когда могу покинуть»	3	385
Калмычке	3	487
Каменный гость	2	137
Кантата (Леда)	2	354
Карамзина (Эпиграмма на) («В его «Истории» изящность, простота»)	3	33
Карамзина (Эпиграмма на) («Послушайте: я сказку вам начну»)	2	491
Карамзиной (Акафист) («Земли достигнув наконец»)	3	409
«Картину раз высматривал сапожник» (Сапожник)	3	508
Картины (Фавн и пастушка)	2	518
Катенину («Кто мне пришлет ее портрет»)	3	126
Катенину (Ответ) («Напрасно, пламенный поэт»)	3	469
Катулла (Из) (Мальчику)	3	597
Каченовского (На) («Бессмертную рукой раздавленный зоил»)	3	28
Каченовского (На) («В Элизии Василий Тредьяковский»)	3	496
Каченовского (На) («Жив, жив Курилка!»)	3	312
Каченовского (На) («Журналами обиженный жестоко»)	3	497
Каченовского (На) («Как сатирой безымянной»)	3	505
Каченовского (На) («Клеветник без дарованья»)	3	163
Каченовского (На) («Там, где древний Кочерговский»)	3	499
Каченовского (На) («Хаврониос! ругатель закоснелый»)	3	102
К Баратынскому («Стих каждый в повести твоей»)	3	365
К бар. М. А. Дельвиг	2	417
К Батюшкову («Философ резвый и пнит»)	2	346
К беседе (Надпись)	2	527
К бюсту завоевателя («Напрасно видишь тут ошибку»)	3	525
К Великопольскому (Из письма) («С тобой мне вновь считаться довелось»)	3	366
К Великопольскому (Послание) («Так элегическую лиру»)	3	429
К вельможе («От северных оков освобождая мир»)	3	538
К Вигелю (Из письма) («Проклятый город Кишинев!»)	3	214
К Вульф Е. Н. («Вот, Зина, вам совет: играйте»)	3	367

К Вульфу А. Н. (Из письма) («Здравствуй, Вульф, приятель мой!»)	3	249
К Вяземскому (Из письма) («В глуши, измучась жизнью постной»)	3	333
К Вяземскому (Из письма) («Сатирик и поэт любимый»)	3	323
К Вяземскому («Так море, древний душегубец»)	3	364
К Галичу (Послание) («Где ты, ленивец мой?»)	2	400
К Галичу («Пускай угрюмый рифмотвор»)	2	387
К Гнедичу (Из письма) («В стране, где Юлией венчанный»)	3	112
К кн. Горчакову (Послание) («Питомец мод, большого света друг»)	3	67
К Делии («О Делия драгая!»)	2	516
К бар. М. А. Дельвиг («Вам восемь лет, а мне семнадцать било»)	2	417
К Дельвигу («Блажен, кто с юных лет увидел пред собою»)	2	553
К Дельвигу («Любовью, дружеством и ленью»)	2	498
К Дельвигу («Послушай, муз невинных»)	2	407
К другу стихотворцу	2	302
Керн («Я помню чудное мгновенье»)	3	318
К живописцу	2	439
К Жуковскому («Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени»)	2	441
К Жуковскому (Записка) («Раевский, <i>молоденец</i> прежний»)	3	64
К Жуковскому (Записка) («Штабс-капитану, Гете, Грею»)	3	83
К Зине («Вот, Зина, вам совет: играйте»)	3	367
Кинжал	3	114
* Кипренскому («Любимец моды легкокрылой»)	3	408
Кирджали («В степях зеленых Буджака»)	3	448
Киселеву Н. Д. («Ищи в чужом краю здоровья и свободы»)	3	445
К Каверину («Забудь, любезный мой Каверин»)	2	492
Клеветникам России	3	586
«Клеветник без дарованья» (На Каченовского)	3	163
Клеопатра («Царица голосом и взором»)	3	741
Клеопатра («Чертог сиял. Гремели хором»)	3	464
К Лиде (Письмо)	2	502
К Ломоносову, Н. Г. («И ты, любезный друг, оставил»)	2	350
«Клянусь четой и нечетой» (I Подражание Корану)	3	280
К Маше («Вчера мне Маша приказала»)	2	479
К моей чернильнице	3	127
К молодой актрисе («Ты не наследница Клероны»)	2	396
К молодой вдове («Лиды, друг мой неизменный»)	2	493
К Морфею	2	447
К морю	3	240
К Наталье («Так и мне узнать случилось»)	2	287
К Наташе («Вянет, вянет лето красно»)	2	375
К Н. Г. Ломоносову («И ты, любезный друг, оставил»)	2	350
К ней («В печальной праздности я лиру забывал»)	3	12

К ней («Эльвина, милый друг! приди, подай мне руку»)	2	395
Княгине З. А. Волконской («Среди рассеянной Москвы»)	3	400
Кня. М. А. Голицыной («Давно об ней воспоминанье»)	3	211
Кня. Голицыной, посылая ей оду «Вольность»	3	19
Князю А. М. Горчакову («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной»)	2	503
Князю А. М. Горчакову («Пускай, не знаясь с Аполлоном»)	2	326
Князю А. М. Горчакову (Послание к) («Питомец мод, большого света друг»)	3	67
«Князь Г. — со мною незнаком» (Эпиграмма)	3	116
Кобылица молодая	3	441
Коварность	3	254
К Овидию («Овидий, я живу близ тихих берегов»)	3	168
К Огаревой («Митрополит, хвастун бесстыдный»)	3	9
«Когда б не смутное влечение»	3	624
«Когда б писать ты начал сдур» (Эпиграмма)	3	101
«Когда, бывало, в старину» (Ек. Н. Ушаковой)	3	399
«Когда великое свершалось торжество» (Мирская власть)	3	711
«Когда владыка ассирийский»	3	701
«Когда в объятия мои»	3	542
«Когда для смертного умолкнет шумный день» (Воспоминание)	3	436
«Когда за городом, задумчив, я брожу»	3	714
«Когда, к мечтательному миру» (Жуковскому на издание книжек его «Для немногих»)	3	26
«Когда ко граду Константина» (Олегов щит)	3	486
«Когда, любовию и негой упоенный» (Желание славы)	3	295
«Когда младым воображеньем» (Жуковскому, на издание книжек его «Для немногих»)	3	733
«Когда на поклоненье» (Фиал Анакреона)	2	486
«Когда погаснут дни мечтанья» (В альбом А. Н. Зубову)	2	600
«Когда помилует нас бог» (Е. П. Полторацкой)	3	493
«Когда порой воспоминанье»	3	561
«Когда по синеве морей» (Земля и море)	3	105
«Когда пробил последний счастьем час» (Разлука)	2	450
«Когда сожмешь ты снова руку»	3	24
«Когда средь оргий жизни шумной» (Ф. Н. Глинке)	3	191
«Когда твой молодые лета»	3	524
«Когда твой друг на глас твоих речей» (Коварность)	3	254
«Когда-то (помню с умиленьем» (В альбом А. Д. Абамелек)	3	599
«Кого союзником и другом» (Бова, наброски начала поэмы)	1	585
Козлову («Певец, когда перед тобой»)	3	313
Кокетке	3	157
«Колокольчики звенят»	3	626
Колосову (На) («Всё пленяет нас в Эсфири»)	3	71
Кольна (Подражанье Оссиану)	2	305
Конрад Валеррод («Сто лет минуло, как тевтон»)	3	462

Конь	3	660
Кораблю («Морей красавец окриленный!»)	3	230
«Король ходит большими шагами» (Видение короля)	3	637
«Короче дни, а ночи доле» (Из Вольтера)	3	349
К переводу «Илиады» («Крив был Гнедич поэт»)	3	558
К письму («В нем радости мои; когда померкну я»)	2	512
К Плетневу (Из письма) («Ты издал дядю моего»)	3	255
К Н. Я. Плюсковой («На лире скромной, благородной»)	3	30
К портрету Вяземского («Судьба свои дары явить желала в нем»)	3	98
* К портрету Дельвига («Се самый Дельвиг, тот, что нам всегда твердил»)	3	85
К портрету Жуковского («Его стихов пленительная сла- дость»)	3	27
К портрету Каверина («В нем пунша и войны кипит все- гдашний жар»)	2	511
К портрету Чаадаева («Он вышней волею небес»)	3	86
К Л. Пушкину (Послание) («Что же? будет ли вино?»)	3	269
К Пушкину (Воспоминание)	2	398
К Пушкину (4 мая) («Любезный именинник»)	2	385
«Краев чужих неопытный любитель»	3	11
Красавица («Всё в ней гармония, всё диво»)	3	601
Красавица перед зеркалом	3	107
Красавице, которая нюхала табак	2	320
«Крив был Гнедич поэт» (К переводу «Илиады»)	3	558
Кривцову («Когда сожмешь ты снова руку»)	3	24
Кривцову («Не пугай нас, милый друг»)	3	15
«Критон, роскошный гражданин»	3	503
К Родзянке (Из письма) («Прости, украинский мудрец»)	3	268
* К Родзянке («Ты обещал о романтизме»)	3	316
Ксенофана Колофонского (Из) («Чистый лоснится пол»)	3	605
К сестре	2	316
К сну (К Морфею) («Знакомец милый и старинный»)	2	593
К Соболевскому (Из письма) («У Гальяни иль Кольони»)	3	383
«К тебе собирался я давно» (К Языкову)	3	444
«Кто видел край, где роскошью природы»	3	133
«Кто, волны, вас остановил»	3	199
«Кто знает край, где небо блещет»	3	431
«Кто из богов мне возвратил»	3	690
К Я. Н. Толстому (Из письма) («Горишь ли ты, лампада наша»)	3	185
«Кто мне пришлет ее портрет» (Катенину)	3	126
«Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?»	3	500
«Кто с минуту переможет» (Опытность)	2	328
«Кубок янтарный» (Заздравный кубок)	2	480
«Куда вы? за город конечно» (Чиновник и поэт)	3	166
«Куда ты холоден и сух!» (Русскому Геснеру)	3	424
К Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы»)	3	20
«К чему, веселые друзья» (Друзьям)	2	548
«К чему нескромным сим убором» (Прелестнице)	3	31
«К чему холодные сомненья?» (Чаадаеву)	3	271

К Шишкову («Шалун, увенчанный Эратой и Венерой»)	2	550
К Юдину (Послание)	2	433
К Юсупову (К вельможе)	3	538
Кюхельбекера (На) («Вот Виля — он любовью дышит»)	2	528
Кюхельбекеру («В последний раз, в сени уединенья»)	2	515
Кюхельбекеру (Мечтателю)	3	29
К Языкову («Издравле сладостный союз»)	3	250
К Языкову («К тебе сбирался я давно»)	3	444
К Языкову («Языков, кто тебе внушил»)	3	374

Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало	2	333
Легенда («Был на свете рыцарь бедный»)	3	746
Леда	2	354
«Лемносский бог тебя сковал» (Кинжал)	3	114
«Лечись — иль быть тебе Панглосом» (Эпиграмма)	3	164
«Лида, друг мой неизменный» (К молодой вдове)	2	493
Лиде (Письмо к) («Лишь благосклонный мрак раскинет»)	2	502
Лиде (Послание) («Тебе, наперсница Венеры»)	2	482
«Лизе страшно полюбить»	3	279
Лиле («Лила, Лила, я страдаю»)	3	73
Литературное известие	3	496
«Лихой товарищ наших дедов»	3	265
Лицинию («Лициний, зришь ли ты: на быстрой колеснице»)	2	361
«Лишь благосклонный мрак раскинет» (Письмо к Лиде)	2	502
«Лишь розы увядают»	3	297
Ломоносова М. В. (На) (Отрок)	3	549
Ломоносову Н. Г. (К) («И ты, любезный друг, оставил»)	2	350
«Лук звенит, стрела трепещет» (Эпиграмма из антологии)	3	397
«Любви, надежды, тихой славы» (К Чаадаеву)	3	20
«Любезный Вяземский, поэт и камергер» (Из письма к Вяземскому)	3	592
«Любезный именованный» (К Пушкину)	2	385
«Любимец ветреных Лаис» (Юрьеву)	3	124
«Любимец моды легкокрылой» (Кипренскому)	3	408
«Люблю ваш сумрак неизвестный»	3	359
«Люблю я в полдень воспаленный» (Вода и вино)	2	376
«Любовь одна — веселье жизни хладной»	2	447
«Любовью, дружеством и ленью» (Дельвигу)	2	498
Любопытный	2	526

Мадонна	3	530
Мадригал М. ой	3	75
Мальчику (Из Катутла)	3	597
«Мальчишка Фебу гимн поднес» (Эпиграмма)	3	516
* Мансурову («Мансуров, закадышный друг»)	3	42
Марко Якубович	3	647
Маро (Из) (Старик)	2	440
Массон, О. («Ольга, крестница Киприды»)	3	41
Маше (К) («Вчера мне Маша приказала»)	2	479

«Медлительно влекутся дни мои» (Желание)	2	455
Мёдок (Мёдок в Уаллах)	3	582
Медный всадник	1	379
«Меж горных стен несется Терек»	3	490
«Меж тем как генерал Орлов» (В. Л. Давыдову)	3	118
«Меж тем как изумленный мир» (Андрей Шенье)	3	286
«Менко Вуич грамоту пишет»	3	669
Мера за меру (Из драмы Шекспира)	2	213
Месяц	2	449
Мечтатель («По небу крадется луна»)	2	389
Мечтателю («Ты в страсти горестной находишь наслаждение»)	3	29
«Мечты, мечты» (Пробуждение)	2	454
«Миг вожденный настал: окончен мой труд многолетний» (Труд)	3	551
Мирская власть	3	711
«Митрополит, хвостун бесстыдный» (К Огаревой)	3	9
Мицкевича (Из) (Будрыс и его сыновья)	3	619
Мицкевича (Из) (Воевода)	3	621
Мицкевичу («В прохладе сладостной фонтанов»)	3	461
Мицкевичу («Он между нами жил»)	3	672
Младенцу («Дитя, не смею над тобой»)	3	267
«Младой Дафнис, гоняясь за Доридой» (Рассудок и любовь)	2	315
«Мне бой знаком — люблю я звук мечей»	3	70
«Мне вас не жаль, года весны моей»	3	96
«Мне жаль великия жены»	3	259
«Мне не спится, нет огня» (Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы)	3	568
«Мне скучно, бес» (Сцена из Фауста)	3	339
Мое завещание. Друзьям	2	392
Моему Аристарху	2	418
«Мое собрание насекомых» (Собрание насекомых)	3	523
«Мой голос для тебя и ласковый и томный» (Ночь)	3	205
«Мой друг, забыты мной следы минувших лет»	3	148
«Мой друг! неславный я поэт» (В альбом Илличевскому)	2	506
«Мой милый, как несправедливы» (Алексееву)	3	159
«Мой первый друг, мой друг бесценный!» (И. И. Пушкину)	3	363
Молодой актрисе (К) («Ты не наследница Клероны»)	2	396
Молодой вдове (К) («Лида, друг мой неизменный»)	2	493
Монастырь на Казбеке	3	481
Монах	2	290
* Мордвинову («Под хладом старости утрюмо угасал»)	3	394
«Морей красавец окриленный!» (Кораблю)	3	230
«Мороз и солнце: день чудесный!» (Зимнее утро)	3	513
«Морфей, до утра дай отраду» (К Морфею)	2	447
«Морфей влюблен в Диану» (Актеон, планы поэмы)	1	583
Морфею (К) («Морфей, до утра дай отраду»)	2	447
Моцарт и Сальери	2	125
Моя родословная («Смеяся жестоко над собратом»)	3	578

Моя эпитафия	2	404
* Мстислав (планы поэмы)	1	586
Муж волокита (Из комедии К. Бонжура)	2	212
Муза	3	106
Муравьева А. Н. (На) («Лук звенит, стрела трепещет»)	3	397
«Мчатся тучи, вьются тучи» (Бесы)	3	544
«Мы рождены, мой брат названный» (Дельвигу)	3	567
Н а А. А. Давыдову («Иной имел мою Аглаю»)	3	177
* На Александра I («Воспитанный под барабаном»)	3	723
На А. Н. Муравьева («Лук звенит, стрела трепещет»)	3	397
На Аракчеева («Всей России притеснитель»)	3	79
На Баболовский дворец	2	530
* Наброски к замыслу о Фаусте	3	303
На Булгарина («Не то беда, Авдей Флюгарин»)	3	563
На Булгарина («Не то беда, что ты поляк»)	3	535
На Великопольского («Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций»)	3	498
«Навис покров угрюмой ночи» (Воспоминания в Царском селе)	2	356
На возвращение государя императора из Парижа в 1815 г. (Александрю)	2	410
На Воронцова («Певец Давид был ростом мал»)	3	233
На Воронцова («Полу-милорд, полу-купец»)	3	232
На Воронцова («Сказали раз царю, что наконец»)	3	301
На выздоровление Лукулла	3	699
На Глинку («Наш друг <i>Фита</i> , Кутейкин в эполетах»)	3	300
На А. Н. Голицына («Вот Хвостовой покровитель»)	3	80
На гр. А. К. Разумовского («Ах! боже мой, какую»)	2	529
Надеждина (На) («Мальчишка Фебу гимн поднес»)	3	516
Надеждина (На) («Надеясь на мое презренье»)	3	536
«Надеждой сладостной младенчески дыша»	3	206
«Надеясь на мое презренье» (На Надеждина)	3	536
«Над лесистыми брегами» (Цыганы)	3	581
«Над Невую резво вьются» (Пир Петра Первого)	3	675
«Над озером, в глухих дубровах» (Русалка)	3	52
«Над омраченным Петроградом» (Езерский)	1	385
«На Дондукова-Корсакова» («В Академии наук»)	3	689
«Над Петербургом омраченным» (Езерский)	1	618
Надпись к беседке	2	527
Надпись на стене больницы («Вот здесь лежит больной студент»)	2	509
«Над Сербией смилуйся ты, боже!» (Воевода Милош)	3	653
Наездники	2	456
«На Испанию родную»	3	685
На Карамзина («В его «Истории» изящность, простота»)	3	33
На Карамзина («Послушайте: я сказку вам начну»)	2	491
* На картинки к «Евгению Онегину» в «Невском Альманахе»	3	504
На Каченовского («Бессмертною рукой раздавленный зонл»)	3	28
На Каченовского («В Элизии Василий Тредьяковский»)	3	496
На Каченовского («Жив, жив Курилка!»)	3	312

На Каченовского («Журналами обиженный жестоко») . . .	3	497
На Каченовского («Клеветник без дарованья») . . .	3	163
На Каченовского («Там, где древний Кочерговский») . . .	3	499
На Каченовского («Хаврониос! ругатель закоснелый») . . .	3	102
На кн. А. Н. Голицына («Вот Хвостовой покровитель») . . .	3	80
На Колосову («Всё пленяет нас в Эсфири») . . .	3	71
На Кюхельбекера («Вот Виля — он любовью дышит») . . .	2	528
На лире скромной, благородной» (К Н. Я. Плюсковой) . . .	3	30
На Ломоносова (Отрок) . . .	3	549
На Надеждина («Надеясь на мое презренье») . . .	3	536
«На небесах печальная луна» . . .	3	322
На Огареву (Экспромпт) . . .	2	474
На перевод «Илиады» («Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи») . . .	3	552
Наперсник . . .	3	447
«Наперсница волшебной старины» . . .	3	193
Наполеон на Эльбе (1815) . . .	2	382
Наполеон («Чудесный жребий совершился») . . .	3	151
«Напрасно ахнула Европа» . . .	3	308
«Напрасно видишь тут ошибку» (К бюсту завоевателя) . . .	3	525
«Напрасно воспевать мне ваши именины» (Бакуниной) . . .	2	413
«Напрасно, пламенный поэт» (Ответ Катенину) . . .	3	469
«Напрасно я бегу к сионским высотам» . . .	3	713
На Пучкову («Зачем кричишь ты, что ты <i>дева</i> ») . . .	2	477
На Пучкову («Пучкова, право, не смешна») . . .	2	476
На Разумовского («Ах! боже мой, какую») . . .	2	529
«Народ кипит, гремят народны клики» (Бова, наброски начала поэмы) . . .	1	586
На Рыбушкина («Бывало, прежних лет герой») . . .	2	351
«Нас было много на челне» (Арион) . . .	3	393
«Насилу выехать решились из Москвы» . . .	2	210
«На скользком поприще Тимковского наследник!» (Второе послание цензору) . . .	3	274
Наслажденье . . .	2	459
На смерть Ризнич («Под небом голубым страны своей родной») . . .	3	372
На смерть стихотворца (Эпиграмма) . . .	2	532
На статую играющего в бабки . . .	3	717
На статую играющего в свайку . . .	3	717
На Стурдзу («Вкруг я Стурдзы хожу») . . .	3	40
На Стурдзу («Холоп венчанного солдата») . . .	3	39
Наталье (К) («Так и мне узнать случилось») . . .	2	287
Наташе (К) («Вянет, вянет лето красно») . . .	2	375
На трагедию гр. Хвостова, изданную с портретом Колосовой («Подобный жребий для поэта») . . .	3	165
На Ф. Н. Глинку («Наш друг <i>Фига</i> , Кутейкин в эпо- летах») . . .	3	300
На Северина (Жалоба) . . .	3	213
На Ф. И. Толстого («В жизни мрачной и презренной») . . .	3	104
«На холмах Грузии лежит ночная мгла» . . .	3	483
Начало I песни «Девственницы» («Я не рожден святыню славословить») . . .	3	355

Начнем ab ovo: «мой Езерский» (Родословная моего героя)	1	347
«Наш друг Фита, Кутейкин в эполетах» (На Ф. Н. Глинку)	3	300
«На это скажут мне с улыбкою неверной»	3	703
«На языке, тебе невятном» («Иностранке»)	3	192
«— Не видала ль, девица»	3	706
«Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря» (Отрок)	3	549
«Недавно бедный музульман»	3	137
«Недавно, обольщен прелестным сновиденьем» (Сновидение)	2	513
«Недавно темною порою» (Окно)	2	455
«Недавно я в часы свободы» (Д. Давыдову)	3	195
«Недавно я стихами как-то свистнул» (Ex ungue leonem)	3	314
«Не дай мне бог сойти с ума»	3	627
«Недаром вы приснились мне» (VI Подражание Корану)	3	283
«Не два волка в овраге грызутся» (Песня о Георгии Черном)	3	652
«Недвижный страж дремал на царственном пороге»	3	224
«Не для бесед и ликований» (Тазит)	1	321
«Недоконченная картина»	3	54
«Не дорого ценю я громкие права» (Из Пиндемонти)	3	712
«Не знаю где, но не у нас»	3	726
«Нельзя, мой толстый Аристип» (Давыдову)	3	229
«Не множеством картин старинных мастеров» (Мадонна)	3	530
«Ненастный день потух; ненастной ночи мгла»	3	239
«Не пленяйся бранной славой» (Из Гафиза)	3	484
«Не пой, красавица, при мне»	3	443
«Не притворяйся, милый друг» (Прителю)	3	161
«Не пугай нас, милый друг» (Кривцову)	3	15
«Нереида»	3	92
«Не розу пафосскую» (Отрывок)	3	575
«Не спрашивай, зачем унылой думой» (К ***)	3	10
«Не стану я жалеть о розах» (Виноград)	3	260
«Несчастье Клита»	2	301
«Не тем горжусь я, мой певец» (В. Ф. Раевскому)	3	183
«Нет, нет, не должен я, не смею, не могу» (К ***)	3	602
«Нет, не черкешенка она» (Ответ Ф. Т ***)	3	386
«Нет ни в чем вам благодати»	3	338
«Не то беда, Авдей Флюгарин» (Эпиграмма)	3	563
«Не то беда, что ты поляк» (На Булгарина)	3	535
«Нет, я не дорожу мятежным наслаждением»	3	728
«Нет, я не льстец, когда царю» (Друзьям)	3	426
«Ни блеск ума, ни стройность платья» (М. Е. Эйхфельдт)	3	220
Н. Н. («Примите «Невский Альманах»)	3	325
N. N. («Я ускользнул от Эскулапа»)	3	44
«Новоселье»	3	541
«Ночной зефир»	3	263
«Ночь»	3	205
«Ночь тиха; в небесном поле»	3	625

Ноёл (Сказки) («Урал в Россию скачет»)	3	34
Няне («Подруга дней моих суровых»)	3	382
Обвал	3	479
«О бедности! затвердил я наконец»	3	698
«О боги мирные поля, дубрав и гор»	3	231
Овидию (К) («Овидий, я живу близ тихих берегов»)	3	168
«О вы, которые любовью не горели» (Мадригал М. . . ой)	3	75
«О вы, которые с язвительным упреком» (Безверие)	2	495
Огаревой (К) («Митрополит, хвостун бесстыдный»)	3	9
Огареву (Экспромпт на) («В молчаньи пред тобой сажу»)	2	474
Ода его сият. Гр. Дм. Ив. Хвостову («Султан ярится. Кровь Эллады»)	3	309
Ода на свободу (Вольность)	3	16
Ода LVI (Из Анакреона) («Поредели, побелели»)	3	678
Ода LVII («Что же сухо в чаше дно?»)	3	679
«О дева-роза, я в оковах»	3	257
«О Делия драгая!» (К Делии)	2	516
«Однажды странствуя среди долины дикой» (Странник)	3	691
«Одни стихи ему читала»	3	730
«О, если правда, что в ночи» (Заклинание)	3	564
«О жены чистые пророка» (II Подражание Корану)	3	280
«Ой, горе мне, Мартын, Мартын!»	2	214
Окно	2	455
«О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье» (Ответ ано- ниму)	3	547
«Октябрь уж наступил — уж роща отряхает» (Осень)	3	629
Олегов щит	3	486
Олизару (Графу) («Певец! издревле меж собою»)	3	252
«Ольга, крестница Киприды»	3	41
«О муза пламенной сатиры!»	3	725
Она («Печален ты; признайся, что с тобой»)	2	514
«— Она меня зовет: поеду или нет?» (Из комедии К. Бон- жура «Муж волокита»)	2	212
«Она мила — скажу меж нами» (Ее глаза)	3	442
«Он вышней волею небес» (К портрету Чаадаева)	3	86
«О нет, мне жизнь не надоела»	3	729
«Он между нами жил»	3	672
Опытность	2	328
«Опять увенчаны мы славой»	3	491
«Опять я ваш, о юные друзья!» (Элегия)	2	445
Оранскому (Принцу)	2	472
Орлову («О ты, который сочетал»)	3	46
«Осада, ночь на башне» (Бова, планы поэмы)	1	584
Осгар	2	312
Осеннее утро	2	446
Осень (отрывок)	3	629
«О, сжальтесь надо мною» (Погреб)	2	490
Осиповой, П. А. («Быть может, уж не долго мне»)	3	315
Осиповой, П. А. («Цветы последние милей»)	3	327
Оссиану (Подражание) (Кольна)	2	305

«От вас узнал я плен Варшавы» (Из записки к А. О. Рос-сет)	3	591
Ответ («Я вас узнал, о мой оракул!»)	3	533
Ответ анониму	3	547
Ответ А. И. Готовцовой («И недоверчиво и жадно»)	3	470
Ответ Катенину («Напрасно, пламенный поэт»)	3	469
Ответ на вызов написать стихи в честь е. и. в. государыни императрицы Елизаветы Алексеевны (К Н. Я. Плюсковой)	3	30
Ответ Ф. Т. *** («Нет, не черкешенка она»)	3	386
«Откуда чудный шум, неистовые клики?» (Торжество Вакха)	3	21
«От меня вечер Леила»	3	720
«От многогочия отрехшись добровольно»	3	356
Отрок	3	549
«Отрок милый, отрок нежный» (Подражание арабскому)	3	704
Отрывки стихотворного начала «Сцен из рыцарских времен»	2	214
Отрывок («Не розу пафосскую»)	3	575
Отрывок из Андрея Шенье («Каков я прежде был»)	3	475
Отрывок из поэмы Мицкевича «Конрад Валенрод»	3	462
«От северных оков освобождая мир» (К вельможе)	3	538
«Отцы пустынники и жены непорочны»	3	709
«О ты, который сочтал» (Баратынскому)	3	423
«О ты, который сочтал» (Орлову)	3	46
«Охотник до журнальной драки»	3	264
«Ох, тетенька ох, Анна Львовна» (Элегия на смерть Анны Львовны)	3	357
«Ох, то-то все вы, девки молодые» (Русалка)	2	183
«О чем, прозаик, ты хлопчешь?» (Прозаик и поэт)	3	348
«О чем шумите вы, народные витии?» (Клеветникам России)	3	586
Шаж , или пятнадцатый год	3	555
Памятник («Я памятник себе воздвиг нерукотворный»)	3	722
Певец	2	466
«Певец-гусар, ты пел биваки» (Денису Давыдову)	3	145
«Певец Давид был ростом мал» (На Воронцова)	3	233
«Певец! издревле меж собою» (Графу Олизару)	3	252
«Певец, когда перед тобой» (Козлову)	3	313
Первое послание цензору («Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой»)	3	188
Перевод из К. Бонжура («— Она меня зовет: поеду или нет?»)	2	212
Перевод неизданных стихов Андрея Шенье («Близ мест, где царствует Венеция златая»)	3	410
«Перед гробницею святой»	3	584
«Перестрелка за холмами» (Делибаш)	3	482
Песни западных славян	3	633
Песни о Стеньке Разине	3	360
Песнь о вещем Олеге	3	171
Песня о Георгии Черном	3	652

«Печален ты; признайся, что с тобой» (Она)	2	514
Пир во время чумы	2	171
Пир Петра Первого	3	675
Пирующие студенты	2	334
Письмо к В. Л. Пушкину («Тебе, о Нестор Арзамаса»)	2	548
Письмо к Лиде («Лишь благосклонный мрак раскинет»)	2	502
«Питомец мод, большого света друг» (Послание к кн. Горчакову)	3	67
Платонизм	3	62
Платоническая любовь (Платонизм)	3	62
Плетневу (Из письма к) («Ты издал дядю моего»)	3	255
Плетневу («Ты мне советуешь, Плетнев любезный»)	3	870
Плетневу («Ты хочешь, мой наперсник строгий»)	3	869
«Плещут волны Флегетона» (Прозерпина)	3	234
Плюсковой (К) («На лире скромной, благородной»)	3	30
«Поверь: когда слепней и комаров» (Совет)	3	307
«Погасло дневное светило»	3	89
Погреб	2	490
«Под вечер, осенью ненастной» (Романс)	2	352
«Под каким созвездием»	3	351
«Под небом голубым страны своей родной»	3	372
«Поднялся шум; свирелью полевой» (Осеннее утро)	2	446
«Подобный жребий для поэта» (На трагедию гр. Хвостова, изданную с портретом Колосовой)	3	165
Подражание арабскому («Отрок милый, отрок нежный»)	3	704
Подражание Анакреону («Кобылица молодая»)	3	441
Подражания древним	3	605
Подражание итальянскому («Как с древа сорвался преда- тель ученик»)	3	710
Подражание Оссиану (Кольна)	2	305
Подражание французскому (Эпиграмма: «Супругою твоей я так пленился»)	2	349
Подражания Корану	3	280
«Подруга дней моих суровых» (Няне)	3	382
«Подруга думы праздной» (К моей чернильнице)	3	127
«Под хладом старости угрюмо угасал» (Мордвинову)	3	394
«Подъезжая под Ижору»	3	494
«Поедем, я готов; куда бы вы, друзья»	3	520
«Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи» (Б. М. Фе- дорову)	3	456
«Пожарский, Минин, Гермоген»	2	531
«Поздно ночью из похода» (Воевода)	3	621
«Пока меня без милости бранят» (Домик в Коломне)	1	612
«По камням гробовым, в туманах полуночи» (Осгар)	2	312
«Пока не требует поэта» (Поэт)	3	395
«Пока супруг тебя, красавицу младую»	3	262
«Покойник Клит в раю не будет» (Эпиграмма на смерть стихотворца)	2	532
«Покров, упитанный язвительно кровью» (Из А. Шенье)	3	684
Полководец	3	681
Полтава	1	273
* Полторацкой Е. П. («Когда помилует нас бог»)	3	493

«Полу-милорд, полу-купец» (На Воронцова)	3	232
«Полюбил королевич Яныш» (Яныш королевич)	3	658
«Полюби меня, девица» (Русская девушка и черкес)	1	587
«Полюбуйтесь же вы, дети»	3	543
«Поля и горы ночь объемлет» (Поэма о гетеристах)	1	583
«Помястья мирного незримый покровитель» (Домовому)	3	50
«Помилюй, трезвый Аристарх» (Моему Аристарху)	2	418
«Помнишь ли, мой брат по чаше» (Воспоминание. К Пушкину)	2	398
«По небу крадется луна» (Мечтатель)	2	389
«Попутный вест ветр. Идет корабль» (Мёдок)	3	582
«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит»	3	671
«Поредели, побелели» (Ода LVI из Анакреона)	3	678
Портрет («С своей пылающей душой»)	3	446
Послание Дельвигу («Прими сей череп, Дельвиг: он»)	3	411
Послание к Великопольскому, сочинителю «Сатиры на игроков» («Так элегическую лиру»)	3	429
Послание к Галичу («Где ты, ленивец мой?»)	2	400
Послание к кн. Горчакову («Питомец мод, большого света друг»)	3	67
Послание к Л. Пушкину («Что же? будет ли вино?»)	3	269
Послание к Юдину	2	433
Послание Лиде («Тебе, наперсница Венеры»)	2	482
Послание В. Л. Пушкину («Скажи, парнасский мой отец»)	2	554
Послание цензору («Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой»)	3	188
«Последним сияньем за лесом горя» (Сраженный рыцарь)	2	405
«Последняя туча рассеянной бури!» (Туча)	3	683
«Послушай, муз невинных» (К Дельвигу)	2	407
«Послушайте: я сказку вам начну» (Эпиграмма на Ка- рамзина)	2	491
Похоронная песня Иакинфа Маглановича	3	646
* Поэма о гетеристах (план и набросок поэмы)	1	583
Поэт («Пока не требует поэта»)	3	395
«Поэт-игрок, о Беверлен-Гораций» (На Великопольского)	3	498
Поэт и толпа	3	476
«Поэт! не дорожи любовью народной» (Поэту)	3	529
«Поэт по лире вдохновенной» (Поэт и толпа)	3	476
Поэту («Поэт! не дорожи любовью народной»)	3	529
«Пред испанкой благородной»	3	577
«Пред рыцарем блещит водами» (Из Аристова «Orlando fugioso»)	3	368
Предчувствие	3	450
«Презрев и голос укоризны»	3	266
«Прекрасная! пускай восторгом насладится» (На Баболов- ский дворец)	2	530
Прелестнице	3	31
«Прибежали в избу дети» (Утопленник)	3	451
«Приветствую тебя, пустынный уголок» (Деревня)	3	36
«Придет ужасный час... твои небесны очи»	3	207

Признание	3	376
Приметы («Старайся наблюдать различные приметы»)	3	156
Приметы («Я ехал к вам: живые сны»)	3	495
«Прими сей череп, Дельвиг: он» (Послание Дельвигу)	3	411
«Примите «Невский Альманах» (Н. Н.)	3	325
«Примите новую тетрадь»	3	141
Принцу Оранскому	2	472
«Ири посылке бронзового сфинкса» («Кто на снегах возра- стил Феокритовы нежные розы»)	3	500
«Приют любви, он вечно полн»	3	236
Приятелю («Не притворяйся, милый друг»)	3	161
Приятелям («Враги мои, покамест я ни слова»)	3	302
Пробуждение	2	454
Прозаик и поэт	3	348
Прозерпина	3	234
«Пройдет любовь, умрут желанья»	2	505
«Проклятый город Кишинев!» (Из письма к Вигелю)	3	214
«Промчались годы заточенья» (Товарищам)	2	507
Пророк	3	378
«Прости мне, милый друг» (Городок)	2	364
«Прости, счастливый сын пиров» (Всеволожскому)	3	57
«Простите, верные дубравы!»	3	7
«Прости, украинский мудрец» (Из письма к Родзянке)	3	268
«Простишь ли мне ревнивые мечты»	3	208
«Простой воспитанник природы» (Кн. Голицыной, посылая ей оду «Вольность»)	3	19
«Прощай, любезная калмычка!» (Калмычке)	3	487
«Прощай, письмо любви, прощай! она велела» (Сожжен- ное письмо)	3	293
«Прощай, свободная стихия» (К морю)	3	240
Прощание («В последний раз твой образ милый»)	3	554
Птичка	3	198
«Пупок чернеет сквозь рубашку». (На картинки к «Евге- нию Онегину» в «Невском Альманахе»)	3	504
«Пускай, не знаясь с Аполлоном» (Князю А. М. Горча- кову)	2	326
«Пускай поэт с кадилъницей наемной» (Сон)	2	460
«Пускай увенчанный любовью красоты»	3	273
«Пускай угрюмый рифмотор» (К Галичу)	2	387
«Пустое <i>вы</i> сердечным <i>ты</i> » (Ты и Вы)	3	437
«Пучкова, право, не смешна» (На Пучкову)	2	476
Пучкову (На) («Зачем кричишь ты, что ты <i>дева</i> »)	2	477
Пушкину В. Л. (Дяде, назвавшему сочинителя братом)	2	478
Пушкину В. Л. (Послание) («Скажи, парнасский мой отец»)	2	554
Пушкину В. Л. («Тебе, о Нестор Арзамаса»)	2	548
Пушкину В. Л. («Что восхитительней, живей»)	2	501
Пушкину В. Л. (Из письма к) («Христос воскрес, пито- мец Фебал»)	2	471
Пушкину, Л. («Брат милый, -отроком расстался ты со мною»)	3	218
Пушкину, Л. (Послание к) («Что же? будет ли вино?»)	3	269

Пушину (В альбом) («Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок»)	2	510
Пушину (Воспоминание) («Помнишь ли, мой брат по чаше»)	2	398
Пушину (Генералу) («В дыму, в крови, сквозь тучи стрел»)	3	146
Пушину, И. И. («Мой первый друг, мой друг бесценный!»)	3	363
Пушину (К) («Любезный именинник»)	2	385
«Пью за здравие Мери» (Из Bagu Cognwall)	3	576
«Пьяной горечью Фалерна» (Мальчику)	3	597
«Пятнадцать лет мне скоро минет» (Паж, или пятнадцатый год)	3	555
«Радивой поднял желтое знамя» (Битва у Зеницы-Великой)	3	641
«Раевский, <i>молодец</i> прежний» (Записка к Жуковскому)	3	64
Раевскому, В. Ф. («Не тем горжусь я, мой певец»)	3	183
Раевскому, В. Ф. («Ты прав, мой друг, напрасно я презрел»)	3	186
Разговор книгопродавца с поэтом	3	243
«Раззевавшись от обедни»	3	135
Разлука («В последний раз, в сени уединенья»)	2	515
Разлука («Когда пробил последний счастьем час»)	2	450
«Раз, полнощной порою» (Казак)	2	323
Разумовского (На гр. А. К.) («Ах! боже мой, какую»)	2	529
Рассудок и любовь	2	315
«Расходились по поганскому граду»	2	570
«Ревет ли зверь в лесу глухом» (Эхо)	3	583
«Редеет облаков летучая гряда»	3	93
«Рифма, звучная подруга»	3	454
Рифма («Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пеней»)	3	550
Родзянке (Из письма к) («Прости, украинский мудрец»)	3	268
Родзянке (К) («Гы обещал о романтизме»)	3	316
Родословная моего героя (Отрывок из сатирической поэмы (См. Езерский))	1	345
* Родрик («На Испанию родную»)	3	685
Роза	2	409
Романс («Под вечер, осенью менастной»)	2	352
«Роняет лес багряный свой убор» (19 октября)	3	328
Россет (Из записки к А. О.) («От вас узнал я плен Варшавы»)	3	591
«Румяный критик мой, насмешник толстопузый»	3	557
Русалка (драма)	2	181
Русалка («Над озером, в глухих дубровах»)	3	52
Руслан и Людмила	1	71
* Русская девушка и черкес (план и набросок поэмы)	1	587
Русскому Геснеру	3	424
Рыбушкина (На) («Бывало, прежних лет герой»)	2	351
Сапожник (притча)	3	508
«Сатирик и поэт любовный» (Из письма к Вяземскому)	3	323

Сафо («Счастливым юноша, ты всем меня пленил»)	3	326
«С благоговейною душой» (Надпись к беседке)	2	527
«С богом, в дальнюю дорогу!» (Похоронная песня Иакинфа Маглановича)	3	646
«Сват Иван, как пить мы станем»	3	616
«Свободы сеятель пустынный»	3	204
«Свод неба мраком обложился» (Вадим)	1	197
«С Гомером долго ты беседовал один» (Гнедичу)	3	600
Северина (На) (Жалоба)	3	213
«Сегодня бал у сатаны»	3	304
«Сегодня, добрые мужья» (Амур и Гименей)	2	484
«Сегодня я поутру дома»	3	212
«Седой Свистов! ты царствовал со славой» (Эпиграмма)	3	515
Сенесе (Перевод сказки «Каймак») («Недавно бедный музультман»)	3	137
«Се самый Дельвиг, тот, что нам всегда твердил» (К порт- рету Дельвига)	3	85
Сестра и братья	3	655
Сестре (К) («Ты хочешь, друг бесценный»)	2	316
«Сижу за решеткой в темнице сырой» (Узник)	3	197
«Сия пустынная страна» (Баратынскому из Бессарабии)	3	175
«— Скажи, какие заклинанья»	3	303
«— Скажи, какой судьбой друг другу мы попались?»	2	210
«Скажи, парнасский мой отец» (Послание В. Л. Пушкину)	2	554
«Скажи, что нового. — Ни слова»	2	603
«Сказали раз царю, что наконец» (На Воронцова)	3	301
Сказка о золотом петушке	2	274
Сказка о медведихе («Как весенней теплою порою»)	2	280
Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях	2	259
Сказка о попе и о работнике его Балде	2	223
Сказка о рыбаке и рыбке	2	253
Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем бо- гатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди	2	228
Сказки. No 1 («Ура! в Россию скачет»)	3	34
«Сквозь волнистые туманы» (Зимняя дорога)	3	389
«Скребницей чистил он коня» (Гусар)	3	609
Скупой рыцарь	2	105
«Славная флейта, Феон, здесь лежит» (Из Афеней)	3	605
Слеза	2	415
Слёнину, И. В. («Я не люблю альбомов модных»)	3	439
«Словесность русская больна»	3	321
Слово милой	2	452
«Слыхали ль вы за рошей глас ночной» (Певец)	2	466
«Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи» (На перевод «Илиады»)	3	552
«Смеясь жестоко над собратом» (Моя родословная)	3	578
Смирновой («В тревоге пестрой и бесплодной»)	3	598
«Смутясь, нахмурился пророк» (III Подражание Корану)	3	281
«Снова тучи надо мною» (Предчувствие)	3	450
Сновидение	2	513
Сну (К Морфею)	2	447

Соболевскому (Из письма к) («У Гальяни иль Кольони»)	3	383
Собрание насекомых («Мое собрание насекомых»)	3	523
Совет	3	307
Сожженное письмо	3	293
«Сокрылся он» (Гроб юноши)	3	149
Соловей	3	651
Соловей и кукушка	3	335
Соловей и роза	3	396
«Соловей мой, соловейко» (Соловей)	3	651
«Сомнение, страх, порочную надежду» (Из Alfieri)	2	212
Сон (Отрывок)	2	460
Сонет (Малонна)	3	530
Сонет (Поэту)	3	529
Сонет («Суровый Дант не презирал сонета»)	3	528
Соснишкой Е. Я. (В альбом) («Вы съединить могли с хол- дностью сердечной»)	3	78
«С перегородкою коморки»	3	278
С португальского («Там звезда зари взшла»)	3	353
«С пятнадцатой весною» (Фавн и пастушка. Картины)	2	518
Сраженный рыцарь	2	405
«Среди беседы вашей шумной» (Друзьям)	2	547
«Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду» (Нереида)	3	92
«Среди рассеянной Москвы» (Княгине З. А. Волконской)	3	400
«Средь темной рощицы, под тенью лип душистых» (Леда)	2	354
«С своей пылающей душой» (Портрет)	3	446
«Стамати был стар и бессилен» (Феодор и Елена)	3	642
«Стамбул гяуры нынче славят»	3	565
«Станица. — Терек. — за водой» (Русская девушка и чер- кес, план поэмы)	1	587
Стансы («В надежде славы и добра»)	3	391
Стансы (Из Вольтера) («Ты мне велишь пылать душою»)	2	499
Стансы Толстому («Философ ранний, ты бежишь»)	3	65
Стансы («Брожу ли я вдоль улиц шумных»)	3	526
«Старайся наблюдать различные приметы» (Приметы)	3	156
Старик	2	440
«Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы»	3	568
«Стих каждый в повести твоей» (К Баратынскому)	3	365
«Стишки для вас одна забава» (Разговор книгопродавца с поэтом)	3	243
«С тобой мне вновь считаться довелось» (Из письма к Ве- ликопольскому)	3	366
«С тобою древле, о всеильный» (IV Подражание Корану)	3	282
«Сто лет минуло, как тевтон»	3	462
«Стою печален на кладбище»	3	674
Странник	3	691
«Страшно и скучно»	3	838
Стурдзу (На) («Вкруг я Стурдзы хожу»)	3	40
Стурдзу (На) («Холоп венчанного солдата»)	3	39
«Судьба свои дары явить желала в нем» (К портрету Вяземского)	3	98
«Султан ярится. Кровь Эллады» (Ода его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову)	3	309

«Супругою твоей я так пленился» (Эпиграмма)	2	349
«Суровый Дант не презирал сонета» (Сонет)	3	528
Сцена из Фауста («Мне скучно, бес»)	3	339
Сцены из рыцарских времен (Отрывки стихотворного начала)	2	214
«Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный» (К ***)	3	32
«Счастлив, кто в страсти сам себе» (Элегия)	2	450
«Счастлив, кто избран своенравно»	3	741
«Счастлив ты в прелестных дурах»	3	507
«Счастливым юноша, ты всем меня пленил» (Сафо)	3	326
Таврида («Ты, сердцу непонятный мрак»)	3	180
* Тазит	1	321
«— Так вот детей земных изгнанье?»	3	304
«Так и мне узнать случилось» (К Наталье)	2	287
«Так море, древний душегубец» (К Вяземскому)	3	364
«Так элегическую лиру» (Послание к Великопольскому, сочинителю «Сатиры на игроков»)	3	429
Талисман	3	421
«Там, где древний Кочерговский» (Эпиграмма)	3	499
«Там, где море вечно плещет» (Талисман)	3	421
«Там громкой славою»	2	606
«Там звезда зари взошла» (С португальского)	3	353
«Там на берегу, где дремлет лес священный»	3	724
«Там у леска, за ближнюю долиной»	3	61
«Твое соседство нам опасно»	3	299
Твой и мой	2	533
«Твоих признаний, жалоб нежных» (Наперсник)	3	447
«Тебе, наперсница Венеры» (Послание Лиде)	2	482
«Тебе, о Нестор Арзамаса»	2	548
«Тебе певцу, тебе герою!» (Д. В. Давыдову)	3	708
«Тебя зову на томной лире» («Одни стихи ему читала»)	3	730
«Тебя ль я видел, милый друг?» (Выздоровление)	3	25
Телега жизни	3	216
Темная, знойная ночь	3	743
Тень Фонвизина	2	422
Тимашевой, К. А. («Я видел вас, я их читал»)	3	381
«Тимковский царствовал — и все твердили вслух»	3	277
Товарищам («Промчались годы заточенья»)	2	507
«Тогда я демонов увидел черный рой»	3	596
Толстого, гр. Ф. И. (Эпиграмма на) («В жизни мрачной и презренной»)	3	104
Толстому, Я. Н. (Из письма к) («Горишь ли ты, лампада наша»)	3	185
Толстому (Стансы) («Философ ранний, ты бежишь»)	3	65
«Торгуя совестью пред бледной нищетою» (VIII Подражание Корану)	3	284
Торжество Вакха	3	21
«Тошней идиллии и холодной, чем ода»	2	534
«Т — прав, когда так верно вас»	3	258
«Три дня купеческая дочь» (Жених)	2	217
Три ключа («В степи мирской, печальной и безбрежной»)	3	403

«Три у Будрыса сына, как и он, три литвина» (Будрыс и его сыновья)	3	619
Труд	3	551
«Трусоват был Ваня бедный» (Вурдалак)	3	654
То Dawe, esq ^r («Зачем твой дивный карандаш»)	3	435
«Туманский, Фебу и Фемиде»	3	223
Тургеневу («Тургенев, верный покровитель»)	3	13
Туча	3	683
«Ты богат, я очень беден» (Ты и я)	3	82
«Ты богоматерь, нет сомненья» (К ***)	3	388
«Ты видел деву на скале» (Буря)	3	347
«Ты в страсти горестной находишь наслажденье» (Мечтателю)	3	29
«Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает»	3	270
Ты и Вы	3	437
«Ты издал дядю моего» (Из письма к Плетневу)	3	255
Ты и я	3	82
«Ты ль передо мною» (Делия)	2	517
«Ты мне велишь пылать душою» (Стансы — Из Вольтера)	2	499
«Ты мне советуешь, Плетнев любезный» (Плетневу)	3	870
«Ты не наследница Клероны» (К молодой актрисе)	2	396
«Ты обещал о романтизме» (К Родзянке)	3	316
«Ты прав, мой друг, напрасно я презрел» (В. Ф. Раевскому)	3	186
«Ты прав — несносен Фирс ученый» (Добрый человек)	3	84
«Ты рождена воспламенять» (Гречанке)	3	184
«Ты, сердцу непонятный мрак» (Таврида)	3	180
«Ты угасал, богач молодой» (На выздоровление Лукулла)	3	699
«Ты хочешь, друг бесценный» (К сестре)	2	316
«Ты хочешь, милый друг, узнать» (Послание к Юдину)	2	433
«Ты хочешь, мой наперсник строгий» (Плетневу)	3	869
У ворот сидел Марко Якубович» (Марко Якубович)	3	647
«Увы, зачем она блистает»	3	94
«Увы! Язык любви болтливый»	3	434
«У Гальяни иль Қольони» (Из письма к Соболевскому)	3	383
«Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой» (Послание цензору)	3	188
«Угрюмых тройка есть певцов»	2	416
Уединение («Блажен, кто в отдаленной сени»)	3	55
Уединение (Деревня)	3	36
«Уж я не тот любовник страстный» (Старик)	2	440
«Узнают коней ретивых» (Из Анакреона)	3	677
Узник	3	197
«У Кларисы денег мало»	3	178
«У лукоморья дуб зеленый»	1	71
«Умножайте шум и радость» (Именины)	3	76
«Умолкну скоро я! Но если в день печали»	3	147
Уныние («Не спрашивай, зачем унылой думой»)	3	10
«Ура! в Россию скачет» (Сказки. Noël)	3	34
«Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила» (Царско-сельская статуя)	3	548
«Уродился я, бедный недоносок»	3	460

«У русского царя в чертогах есть палата» (Полководец)	3	681
«Усердно помолившись богу» (19 октября 1828)	3	459
Усы. Философическая ода	2	468
«Утихла брань племен» (Александрю)	2	410
Утопленник	3	451
* Ушаковой, Ек. Н. («В отдалении от вас»)	3	402
Ушаковой, Ек. Н. («Когда, бывало, в старину»)	3	399
Ушаковой, Ел. Н. («Вы избалованы природой»)	3	492
Ф авн и пастушка. Картины	2	518
Фазиль-Хану («Благословен твой подвиг новый»)	3	488
Федорову, Б. М. («Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи»)	3	456
Феодор и Елена	3	642
Фиал Анакреона	2	486
Филимонову, В. С. При получении поэмы его «Дурацкий колпак»	3	433
Философ ранний, ты бежишь» (Стансы Толстому)	3	65
«Философ резвый и пиит» (К Батюшкову)	2	346
Фонтану Бахчисарайского дворца	3	261
«Фонтан любви, фонтан живой!» (Фонтану Бахчисарайского дворца)	3	261
«Французских рифмачей суровый судия»	3	613
Х аврониос! ругатель закоснелый» (На Каченовского)	3	102
Хвостова, гр. (На трагедию) («Подобный жребий для поэта»)	3	165
Хвостову, гр. Дм. Ив. (Ода его сият.) («Султан ярится. Кровь Эллады»)	3	309
«Ходил Стенька Разин»	3	360
«Холоп венчанного солдата» (На Стурдзу)	3	39
«Хоть, впрочем, он поэт изрядный»	3	117
«Хоть тяжело подчас в ней бремя» (Телега жизни)	3	216
«Хотя стишки на именины»	3	350
«Хочу воспеть, как дух нечистый Ада» (Монах)	2	290
«Хочу я завтра умереть» (Мое завещание. Друзьям)	2	392
«Храни меня, мой талисман»	3	294
«Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений» (Царское село)	3	60
«Христос воскрес, питомец Феба!» (Из письма к В. Л. Пушкину)	2	471
«Хромид в тебя влюблен: он молод, и не раз» (Дионея)	3	143
«Художник-варвар кистью сонной» (Возрождение)	3	66
Художнику	3	707
Ц аревна жалуется своей матери» (Мстислав)	1	587
«Царевна косоогов влюбляется в Мстислава» (Мстислав)	1	586
«Царица голосом и взором» (Клеопатра)	3	741
Царское село («Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений»)	3	60
Царскосельская статуя	3	548
«Царь увидел пред собой»	2	575
Цветок («Цветок засохший, безуханный»)	3	471

«Цветы последние милей»	8	327
* Циклоп	3	531
Цыганы (поэма)	1	235
Цыганы («Над лесистыми брегами»)	3	581
Чаадаева (К портрету) («Он вышней волею небес»)	3	86
Чаадаеву (К) («Любви, надежды, тихой славы»)	3	20
Чаадаеву («В стране, где я забыл тревоги прежних лет»)	3	130
Чаадаеву («К чему холодные сомненья?»)	3	271
«Часто, часто я беседовал» (Бова)	2	338
«Чем чаще празднует Лицей»	3	593
Череп (Послание Дельвигу)	3	411
Черная шаль	3	99
«Черногорцы? что такое?» (Бонапарт и черногорцы)	3	650
Чернь («Поэт по лире вдохновенной»)	3	476
«Чертог сиял. Гремели хором» (Клеопатра)	3	464
Чиновник и поэт («Куда вы? за город конечно»)	3	166
«Чистый лоснится пол» (Из Ксенофана Колофонского)	3	605
«Что белеется на горе зеленой?»	3	668
«Что в имени тебе моем?»	3	532
«Что восхитительней, живей» (Пушкину)	2	501
«Что в разъездах бей Янко Марнавич?» (Янко Марнавич)	3	639
«Что дружба? Легкий пыл похмелья» (Дружба)	3	336
«Что же? будет ли вино?» (Послание к Л. Пушкину)	3	269
«Что ж нового?» — «Ей-богу, ничего» (Любопытный)	2	526
«Что же сухо в чаше дно?» (Ода LVII)	3	679
«Что можем наскоро стихами молвить ей?» (К. А. Б. ***)	3	77
«Что ни конский топ, ни людская молвь»	3	361
«Что смолкнул веселия глас?» (Вакхическая песня)	3	324
«Что с тобой, скажи мне, братец?»	3	352
«Что ты, девица, грустна» (Баллада)	3	69
«Что ты ржешь, мой конь ретивый» (Конь)	3	660
«Чудесный жребий совершился» (Наполеон)	3	151
«Чудный сон мне бог послал» (Родрик)	3	749
«Чу, пушки грянули! крылатых кораблей»	3	618
«Чья мысль восторгом угадала» (Недоконченная картина)	3	54
«Шалун, увенчанный Эратой и Венерой» (Шишкову)	2	488
Шекспир «Мера за меру» (Из драмы)	2	213
Шенье (Из) («Близ мест, где царствует Венеция золотая»)	3	410
Шенье (Из) («Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий»)	3	219
Шенье (Из) («Покров, упитанный язвительною кровью»)	3	684
Шишкову («Шалун, увенчанный Эратой и Венерой»)	2	488
«Штабс-капитану, Гете, Грею» (Записка к Жуковскому)	3	83
«Шумит кустарник... На утес»	3	537
Щербинину («Житье тому, любезный друг»)	3	48
Эвлега	2	310
«Эй, Франц, я говорю тебе в последний раз» (Отрывок стихотворного начала «Сцен из рыцарских времен»)	2	214
* Эйхфельдт, М. Е. («Ни блеск ума, ни стройность платья»)	3	220

Экспромпт на Огареву («В молчаньи пред тобой сижу»)	2	474
Ex ungue leonem	3	314
Элегический отрывок («Поедем, я готов»)	3	520
Элегия («Безумных лет угасшее веселье»)	3	546
Элегия («Богами вам еще даны»)	2	451
Элегия («Воспоминаям упоенный»)	3	38
Элегия («Глубокой ночи на полях»)	2	456
Элегия (Друзьям)	2	451
Элегия (Желание)	2	455
Элегия («Зачем из облака выходишь»)	2	449
Элегия (К Морфею)	2	447
Элегия («Когда пробил последний счастьем час»)	2	450
Элегия («Любовь одна — веселье жизни хладной»)	2	447
Элегия («Медлительно влекутся дни мои»)	2	455
Элегия (Месяц)	2	449
Элегия («Мечты, мечты»)	2	454
Элегия («Морфей, до утра дай отраду»)	2	447
Элегия (Наездники)	2	456
Элегия («Недавно темною порою»)	2	455
Элегия (Окно)	2	455
Элегия («Опять я ваш, о юные друзья!»)	2	445
Элегия (Осеннее утро)	2	446
Элегия («Поднялся шум; свирелью полевой»)	2	446
Элегия (Пробуждение)	2	454
Элегия (Разлука)	2	450
Элегия (Слово милой)	2	452
Элегия («Счастлив, кто в страсти сам себе»)	2	450
Элегия («Я видел смерть: она в молчаньи села»)	2	453
Элегия («Я думал, что любовь погасла навсегда»)	2	452
Элегия («Я Лилу слушал у клавира»)	2	452
Элегия на смерть Анны Львовны («Ох, тетенька! ох, Анна Львовна»)	3	357
«Эллеферия, пред тобой»	3	140
«Эльвина, милый друг! приди, подай мне руку» (К ней)	2	395
Энгельгардту (NN) («Я ускользнул от Эскулапа»)	3	44
Эпиграмма («Арист нам обещал трагедию такую»)	2	322
* Эпиграмма («Бессмертною рукой раздавленный зоил»)	3	28
* Эпиграмма («Бывало, прежних лет герой»)	2	351
* Эпиграмма («В Академии наук»)	3	689
* Эпиграмма («В его «Истории» изящность, простота»)	3	33
Эпиграмма («В жизни мрачной и презренной»)	3	104
* Эпиграмма («Вот Хвостовой покровитель»)	3	80
* Эпиграмма («Всей России притеснитель»)	3	79
* Эпиграмма («Всё пленяет нас в Эсфири»)	3	71
Эпиграмма («Добрый человек»)	3	84
Эпиграмма («Зачем кричишь ты, что ты <i>дева</i> »)	2	477
Эпиграмма («Журналами обиженный жестоко»)	3	497
* Эпиграмма («Иной имел мою Аглаю»)	3	177
Эпиграмма (История стихотворца)	3	74
* Эпиграмма («Как брань тебе не надоела?»)	3	103
* Эпиграмма («Клеветник без дарованья»)	3	163
* Эпиграмма («Князь Г. — со мною незнаком»)	3	116

* Эпиграмма («Когда б писать ты начал сдуру»)	3	101
Эпиграмма («Лечись — иль быть тебе Панглосом»)	3	164
Эпиграмма («Лук звенит, стрела трепещет»)	3	397
Эпиграмма («Мальчишка Фебу гимн поднес»)	3	516
* Эпиграмма («Надеясь на мое презренье»)	3	536
Эпиграмма (На смерть стихотворца)	2	532
* Эпиграмма («Наш друг <i>Фита</i> , Кутейкин в эполетах»)	3	300
Эпиграмма («Не то беда, Авдей Флюгарин»)	3	563
* Эпиграмма («Не то беда, что ты поляк»)	3	535
* Эпиграмма («Охотник до журнальной драки»)	3	264
* Эпиграмма («Певец Давид был ростом мал»)	3	233
* Эпиграмма («Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи»)	3	456
* Эпиграмма («Полу-милорд, полу-купец»)	3	232
Эпиграмма («Послушайте: я сказку вам начну»)	2	491
* Эпиграмма («Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций»)	3	498
Эпиграмма (Прятелям)	3	302
Эпиграмма («Седой Свистов! ты царствовал со славой»)	3	515
Эпиграмма («Скажи, что нового». — Ни слова»)	2	603
* Эпиграмма («Сказали раз царю, что наконец»)	3	301
* Эпиграмма («Словесность русская больна»)	3	321
Эпиграмма («Супругою твоей я так пленился»)	2	349
Эпиграмма («Там, где древний Кочерговский»)	3	499
* Эпиграмма («Тимковский царствовал — и все твердили вслух»)	3	277
* Эпиграмма («У Кларисы денег мало»)	3	178
* Эпиграмма («Хавронис! ругатель закоснелый»)	3	102
Эпиграмма («Холоп венчанного солдата»)	3	39
* Эпиграмма («Хоть, впрочем, он поэт изрядный»)	3	117
* Эпитафия младенцу. Кн. Н. С. Волконскому	3	428
Эхо («Ревет ли зверь в лесу глухом»)	3	583
«Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пенея» (Рифма)	3	550
Ю дину (Послание к) («Ты хочешь, милый друг, узнать»)	2	433
Юноша. Сафо	3	326
«Юноша, полный красоты, напряженья, усилия чуждый» (На статую играющего в свайку)	3	717
«Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колени» (На статую играющего в бабки)	3	717
«Юноша! скромно пируй, и шумную Вакхову влагу»	3	607
«Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила»	3	680
* Юрьеву («Здорово, Юрьев именинник!»)	3	51
Юрьеву («Любимец ветреных Лаис»)	3	124
Я был свидетелем златой твоей весны»	3	306
«Я вас любил: любовь еще, быть может»	3	517
«Я вас люблю, — хоть я бешусь» (Признание)	3	376
«Я вас узнал, о мой оракул!» (Ответ)	3	533
«Я верю: я любим; для сердца нужно верить» (Дориде)	3	72
«Я видел Азии бесплодные пределы»	3	91
«Я видел вас, я их читал» (К. А. Тимашевой)	3	381
«Я видел смерть; она в моччани села» (Элегия)	2	453

«Я возмужал среди печальных бурь»	3	670
«Я говорил тебе: страшися девы милой!» (Дева)	3	120
«Я думал, сердце позабыло»	3	697
«Я думал, что любовь погасла навсегда» (Элегия)	2	452
«Я ехал к вам: живые сны» (Приметы)	3	495
«Я ждал тебя, Рогдай; скажи, какую весть» (Вадим)	2	209
«Я жду обещанной тетради» (Баратынскому)	3	176
«Язвительный поэт, остряк замысловатый» (Вяземскому)	3	139
«Я здесь, Инезилья»	3	559
«Я знаю край: там на брега»	3	425
«Я знаю, Лидинька, мой друг» (Платонизм)	3	62
«Язык и ум теряя разом» (Циклоп)	3	531
«Языков, кто тебе внушил» (К Языкову)	3	374
Языкову (К) («Издравле сладостный союз»)	3	250
Языкову (К) («К тебе собирался я давно»)	3	444
Языкову(К) («Языков, кто тебе внушил»)	3	374
«Я Лилу слушал у клавира» (Слово милой)	2	452
«Я люблю вечерний пир» (Веселый пир)	3	56
«Я не люблю альбомов модных» (И. В. Слѣнину)	3	439
«Я не рожден святыню славословить» (Начало I песни «Девственницы»)	3	355
«Я не совсем еще рассудок потерял» (Дяде, назвавшему сочинителя братом)	2	478
Янко Марнавич	3	639
Яныш королевич	3	658
«Я памятник себе воздвиг нерукотворный»	3	722
«Я пережил свои желанья»	3	108
«Я помню чудное мгновенье» (К ***)	3	318
«Я ускользнул от Эскулапа» (N. N.)	3	44

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Портрет Пушкина работы О. А. Кипренского; масло, 1827 год
Фронтиспис.

Рисунки Пушкина 1821 года: автопортрет, портреты М. Ф. Орлова, П. Я. Чаадаева и др. Между стр. 128 и 129.

Рисунок Пушкина 1828 года. Лесной пейзаж. Между стр. 432 и 433.

Рисунок Пушкина на полях чернового текста стихотворения «Анчар». Между стр. 464 и 465.

Рисунок Пушкина в альбоме Ел. Ник. Ушиковой 1829 года. Автопортрет верлом в бурке. Между стр. 480 и 481.

Рисунок в альбом Ел. Ник. Ушаковой с подписью: «Арзрум, взятый мною А. П. помощью божией и молитвами Екатерины Николаевны 27 июня 1829 о. р. х.». Между стр. 560 и 561.

Рисунок Пушкина к стихотворению «Свят Иван, как пить мы станем». Между стр. 616 и 617.

Рисунки Пушкина к стихотворению «Везувий зев открыл»: центральная фигура картины К. Брюллова «Последний день Помпеи». Между стр. 672 и 673.

Рисунок Пушкина к стихотворению «Странник». Между стр. 688 и 689.

СОДЕРЖАНИЕ*

Стихотворения петербургского периода (1817—апрель 1820)

1817 (ПЕТЕРБУРГ)

«Простите, верные дубравы!»	7	755
«Есть в России город Луга»	8	755
К Огаревой, которой митрополит прислал плодов из своего сада	9	755
К*** («Не спрашивай, зачем унылой думой»)	10	755
«Краев чужих неопытный любитель»	11	755
К ней («В печальной праздности я лиру забывал»)	12	756
Тургеневу («Тургенев, верный покровитель»)	13	756
Кривцову	15	756
Вольность	16	757
Кн. Голицыной («Простой воспитанник природы»)	19	757

1818

К Чаадаеву («Люби, надежды, тихой славы»)	20	757
Горжество Вакха	21	758
«Когда сожмешь ты снова руку»	24	758
Выздоровление	25	758
Жуковскому на издание книжек его «Для немногих» («Когда, к мечтательному миру»)	26	758
К портрету Жуковского («Его стихов пленительная сладость»)	27	758
* Эпиграмма («Бессмертную рукой раздавленный зоял»)	28	758

* Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

Мечтателю («Ты в страсти горестной находишь наслаждение»)	29	758
К Н. Я. Плюсковой	30	759
Прелестнице	31	759
К*** («Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный»)	32	759
* Эпиграмма («В его «Истории» изящность, простота»)	33	759
Сказки. Noël	34	759

1819

Деревня	36	760
Элегия («Воспоминаясь упоенный»)	38	760
* Эпиграмма («Холоп венчанного солдата»)	39	760
«Вкруг я Стурдзы хожу»	40	761
«Ольга, крестница Киприды»	41	761
* Мансурову («Мансуров, закадышный друг»)	42	761
Дорида («В Дориде нравятся и локоны золотые»)	43	761
N. N. («Я ускользнул от Эскулапа»)	44	761
Орлову («О ты, который сочетал»)	46	762
Щербинину	48	762
Домовому	50	762
* Юрьеву («Здорово, Юрьев именинник!»)	51	762
Русалка («Над озером, в глухих дубровах»)	52	762
Недоконченная картина	54	762
Уединение	55	763
Веселый пир	56	763
Всеволожскому	57	763
Царское село («Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений»)	60	763
«Там у леска, за ближнею долиной»	61	764
Платонизм	62	764
* Записка к Жуковскому («Раевский, <i>молодец</i> прежний»)	64	764
Стансы Толстому («Философ ранний, ты бежишь»)	65	764
Возрождение	66	764
Послание к кн. Горчакову («Питомец мод, большого света друг»)	67	765
Баллада («Что ты, девица, грустна»)	69	765

1820 (ПЕТЕРБУРГ)

«Мне бой знаком — люблю я звук мечей»	70	765
* Эпиграмма («Всё пленяет нас в Эсфири»)	71	765
Дориде («Я верю: я любим; для сердца нужно верить»)	72	766

НЕИЗВЕСТНЫЕ ГОДЫ

Лиле («Лила, Лила, я страдаю»)	73	766
История стихотворца	74	766
Мадригал М...ой	75	766
Именины	76	766
К. А. Б.*** («Что можем наскоро стихами молвить ей?»)	77	766

* В альбом Сосницкой («Вы соединить могли с холодно- ностью сердечной»)	78	766
* Эпиграмма («Всей России притеснитель»)	79	766
* Эпиграмма («Вот Хвостовой покровитель»)	80	766
Добрый совет («Давайте пить и веселиться»)	81	767
Ты и я («Ты богат, я очень беден»)	82	767
* Записка к Жуковскому («Штабс-капитану, Гете, Грею»)	83	767
Добрый человек	84	767
* К портрету Дельвига («Се самый Дельвиг, тот, что нам всегда твердил»)	85	767
* К портрету Чаадаева («Он вышней волею небес»)	86	768

**Стихотворения южного периода
(май 1820—июль 1824)**

1820 (ЮГ)

«Погасло дневное светило»	89	768
«Я видел Азии бесплодные пределы»	91	768
Нереида	92	768
«Редеет облаков летучая гряда»	93	768
«Увы, зачем она блистает»	94	768
К *** («Зачем безвременную скуку»)	95	769
«Мне вас не жаль, года весны моей»	96	769
Дочери Карагеоргия	97	769
К портрету Вяземского («Судьба свои дары явить желала в нем»)	98	769
Черная шаль	99	769
* Эпиграмма («Когда б писать ты начал сдуру»)	101	769
* Эпиграмма («Хавронис! ругатель закоснелый»)	102	769
* Эпиграмма («Как брань тебе не надоела?»)	103	770
Эпиграмма («В жизни мрачной и презренной»)	104	770

1821

Земля и море	105	770
Муза («В младенчестве моем она меня любила»)	106	771
Красавица перед зеркалом	107	771
«Я пережил свои желанья»	108	771
Война	109	771
Дельвигу («Друг Дельвиг, мой парнасский брат»)	111	771
* Из письма к Гнедичу («В стране, где Юлией венчанный»)	112	771
Кнжал	114	772
* Эпиграмма («Князь Г. — со мною незнаком»)	116	772
* Эпиграмма («Хоть, впрочем, он поэт изрядный»)	117	772
* В. Л. Давыдову («Меж тем как генерал Орлов»)	118	772
Дева	120	773
«В кругу семей, в пирах счастливых»	121	773
Юрьеву («Любимец ветреных Лаис»)	124	774

Катенину («Кто мне пришлет ее портрет»)	126	774
К моей чернильнице	127	775
Чаадаеву («В стране, где я забыл тревоги прежних лет»)	130	775
«Кто видел край, где роскошью природы»	133	775
«Раззевавшись от обедни»	135	775
«Недавно бедный музульман»	137	776
* Вяземскому («Язвительный поэт, остряк замысловатый»)	139	776
«Эллеферия, пред тобой»	140	776
«Примите новую тетрадь»	141	776
«Вот муза, резвая болтунья»	142	776
Дионея	143	777
«Если с нежной красотой»	144	777
* Денису Давыдову («Певец-гусар, ты пел биваки»)	145	777
Генералу Пущину («В дыму, в крови, сквозь тучи стрел»)	146	777
«Умолкну скоро я. Но если в день печали»	147	777
«Мой друг, забыты мной следы минувших лет»	148	777
Гроб юноши	149	777
Наполеон («Чудесный жребий совершился»)	151	778
«Гречанка верная! не плачь, — он пал героем»	155	778
Приметы («Старайся наблюдать различные приметы»)	156	778
Кокетке	157	778
Алексееву («Мой милый, как несправедливы»)	159	779
Приятелю («Не притворяйся, милый друг»)	161	779
Десятая заповедь	162	779
* Эпиграмма («Клеветник без дарованья»)	163	779
Эпиграмма («Лечись — иль быть тебе Панглосом»)	164	779
На трагедию гр. Хвостова, изданную с портретом Коло- совой	165	780
Чиновник и поэт	166	780
«В твою светлицу, друг мой нежный»	167	780
К Овидию	168	780

1822

Песнь о вещем Олеге	171	781
Баратынскому («Сия пустынная страна»)	175	781
Ему же («Я жду обещанной тетради»)	176	781
* Эпиграмма («Иной имел мою Аглаю»)	177	781
* Эпиграмма («У Кларисы денег мало»)	178	781
Друзьям («Вчера был день разлуки шумной»)	179	781
Таврида	180	782
* В. Ф. Раевскому («Не тем горжусь я, мой певец»)	183	782
Гречанке («Ты рождена воспламенять»)	184	782
* Из письма к Я. Н. Толстому («Горишь ли ты, лампада наша»)	185	783
* В. Ф. Раевскому («Ты прав, мой друг, напрасно я пре- зрел»)	186	783
Послание цензору («Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой»)	188	783
Иностранке	192	784
«Наперсница волшебной старины»	193	784
Ф. Н. Глинке («Когда средь оргий жизни шумной»)	194	784

* Д. Давыдову («Недавно я в часы свободы»)	195	784
Адели	196	785
Узник	197	785

1823

Птичка	198	785
«Кто, волны, вас остановил»	199	786
«Завидую тебе, питомец моря смелый»	200	786
«Бывало, в сладком ослепленье»	201	786
Демон	203	786
«Свободы сеятель пустынный»	204	786
Ночь («Мой голос для тебя и ласковый и томный»)	205	787
«Надеждой сладостной младенчески дыша»	206	787
«Придет ужасный час... твои небесны очи»	207	787
«Простишь ли мне ревнивые мечты»	208	787
«Как наше сердце своенравно!»	210	787
Кн. М. А. Голицыной («Давно об ней воспоминанье»)	211	787
«Сегодня я поутру дома»	212	788
Жалоба	213	788
* Из письма к Вигелю («Проклятый город Кишинев!»)	214	788
Телега жизни	216	788
* Записка В. П. Горчакову («Зима мне рыхлою стеною»)	217	788
* Л. Пушкину («Брат милый, отроком расстался ты со мной»)	218	788
«Внёмли, о Гелиос, серебряным луком авенящий»	219	789
* М. Е. Эйхфельдт («Ни блеск ума, ни стройность платья»)	220	789
«Вечерня отошла давно»	221	789
«Туманский, Фебу и Фемиде»	223	789

1824 (Ю Г)

«Недвижный страж дремал на царственном пороге»	224	789
«Всё кончено: меж нами связи нет»	227	790
«Зачем ты послан был и кто тебя послал?»	228	790
Давыдову («Нельзя, мой толстый Аристип»)	229	790
Кораблю	230	790
«О боги мирные полей, дубрав и гор»	231	790
* Эпиграмма («Полу-милорд, полу-купец»)	232	790
* Эпиграмма («Певец Давид был ростом мал»)	233	790
Прозерпина	234	791
«Приют любви, он вечно полн»	236	791

*Стихотворения периода ссылки в Михайловское
(1824—1826)*

1824 (МИХАЙЛОВСКОЕ)

«Ненастный день потух; ненастной ночи мгла»	239	791
К морю	240	791
Разговор книгопродавца с поэтом	243	791

* Из письма к Вульфу («Здравствуй, Вульф, приятель мой!»)	249	792
К Языкову («Издrevле-сладостный союз»)	250	792
Графу Олизару	252	792
Коварность	254	792
* Из письма к Плетневу («Ты издал дядю моего»)	255	793
«Как жениться задумал царский арап»	256	793
«О дева-роза, я в оковах»	257	793
«Т — прав, когда так верно вас»	258	793
«Мне жаль великия жены»	259	793
Виноград	260	795
Фонтану Бахчисарайского дворца	261	795
«Пока супруг тебя, красавицу младую»	262	795
«Ночной зефир»	263	795
* Эпиграмма («Охотник до журнальной драки»)	264	795
«Лихой товарищ наших дедов»	265	795
«Презрев и голос укоризны»	266	795
Младенцу («Дитя, не смею над тобой»)	267	795
* Из письма к Родзянке («Прости, украинский мудрец»)	268	795
Послание к Л. Пушкину («Что же? будет ли вино?»)	269	796
«Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снedaет»	270	796
Чаадаеву («К чему холодные сомненья?»)	271	796
Аквилон	272	797
«Пускай увенчанный любовью красоты»	273	797
Второе послание цензору («На скользком поприще Тимковского наследник!»)	274	797
* Эпиграмма («Тимковский царствовал — и все твердили вслух»)	277	798
«С перегородкою коморки»	278	798
«Лизе страшно полюбить»	279	798

Подражания Корану

I. «Клянусь четой и нечетой»	280	798
II. «О жены чистые пророка»	280	798
III. «Смутясь, нахмурился пророк»	281	798
IV. «С тобою древле, о всесильный»	282	799
V. «Земля недвижна; неба своды»	282	799
VI. «Недаром вы приснились мне»	283	799
VII. «Восстань, боязливый»	283	799
VIII. «Торгуй совестью пред бледной нищетою»	284	799
IX. «И путник усталый на бога роптал»	284	799

1825

Андрей Шенья	286	799
Сожженное письмо	293	800
«Храни меня, мой талисман»	294	801
Желание славы	295	801
«Всё в жертву памяти твоей»	296	801
«Лишь розы увядают»	297	801
«Если жизнь тебя обманет»	298	801

«Твое соседство нам опасно»	299	801
* Эпиграмма («Наш друг <i>Фита</i> , Кутейкин в эполетах)	300	801
* Эпиграмма («Сказали раз царю, что наконец»)	301	802
Прятелям («Враги мои, покамест я ни слова»)	302	802
* Наброски к замыслу о Фаусте		
I. «Скажи, какие заклинанья»	303	803
II. «— Вот Коцит, вот Ахерон»	303	803
III. «— Так вот детей земных изгнать?»	304	803
«Я был свидетелем золотой твоей весны»	306	803
Совет («Поверь: когда слепней и комаров»)	307	803
«Напрасно ахнула Европа»	308	803
Ода его сият. Гр. Дм. Ив. Хвостову	309	803
Жив, жив Курилка!	312	803
Козлову	313	804
Ex ungue leonem	314	804
П. А. Осиповой («Быть может, уж недолго мне»)	315	804
* К Родзянке («Ты обещал о романтизме»)	316	804
К *** («Я помню чудное мгновенье»)	318	805
«Блестит луна, недвижно море спит»	319	805
«Заступники кнута и плети»	320	805
* Эпиграмма («Словесность русская больна»)	321	806
«На небесах печальная луна»	322	806
* Из письма к Вяземскому («Сатирик и поэт любовный»)	323	806
Вахлическая песня	324	806
Н. Н. («Примите „Невский Альманах“»)	325	806
Сафо	326	806
«Цветы последние милей»	327	807
19 октября («Роняет лес багряный свой убор»)	328	807
* Из письма к Вяземскому («В глуши, измучась жизнью постной»)	333	807
«Брови царь нахмура»	334	808
Соловей и кукушка	335	808
Дружба	336	808
Движение	337	808
«Нет ни в чем вам благодати»	338	808
Сцена из Фауста	339	809
Зимний вечер	343	809
«В крови горит огонь желанья»	345	809
«Вертоград моей сестры»	346	809
Буря («Ты видел деву на скале»)	347	809
Прозаик и поэт	348	809
* Из Вольтера («Короче дни, а ночи доле»)	349	810
«Хотя стишки на именины»	350	810
«Под каким созвездием»	351	810
«Что с тобой, скажи мне, братец?»	352	810
С португальского	353	810
Начало I песни «Девственницы»	355	810
«От многоречия отрехшись добровольно»	356	811
Элегия на смерть Анны Львовны	357	811
«В пещере тайной, в день гоненья»	358	811
«Люблю ваш сумрак неизвестный»	359	811

1826 (МИХАЙЛОВСКОЕ)

Песни о Стеньке Разине		
1. «Как по Волге-реке по широкой»	360	812
2. «Ходил Стенька Разин»	360	812
3. «Что ни конский топ, ни людская молвь»	361	812
* И. И. Пушкину («Мой первый друг, мой друг бесценный!»)	363	812
* К Вяземскому («Так море, древний душегубец»)	364	813
К Баратынскому («Стих каждый в повести твоей»)	365	813
* Из письма к Великопольскому («С тобой мне вновь считаться довелось»)	366	813
К Зине («Вот, Зина, вам совет: играйте»)	367	814
Из Ариостова «Orlando furioso»	368	814
«Под небом голубым страны своей родной»	372	814
«Едва уста красноречивы»	373	815
К Языкову («Языков, кто тебе внушил»)	374	815
«Будь подобен полной чаше»	375	815
Признание	376	815
Пророк	378	815

*Стихотворения последнего периода
(август 1826—1837)*

1826 (МОСКВА—ПЕТЕРБУРГ)

К. А. Тимашевой	381	816
Няне («Подруга дней моих суровых»)	382	817
* Из письма к Соболевскому («У Гальяни иль Кольони»)	383	817
«Как счастлив я, когда могу покинуть»	385	818
Ответ Ф. Т*** («Нет, не черкешенка она»)	386	818
«В еврейской хижине лампада»	387	818
К*** («Ты богоматерь, нет сомненья»)	388	818
Зимняя дорога	389	818
Стансы («В надежде славы и добра»)	391	818

1827

«Во глубине сибирских руд»	392	819
Арион	393	819
* Мордвинову («Под хладом старости угрюмо угасал»)	394	820
Поэт («Пока не требует поэта»)	395	821
Соловей и роза («В безмолвии садов, весной, во мгле ночей»)	396	821
Эпиграмма (Из антологии) («Лук звенит, стрела тре- пещет»)	397	821
«Есть роза дивная: она»	398	821
* Ек Н. Ушаковой («Когда, бывало, в старину»)	399	821
Княгине З. А. Волконской («Среди рассеянной Москвы»)	400	821

* В альбом Павлу Вяземскому («Душа моя Павел») . . .	401	822
* Ек. Н. Ушаковой («В отдалении от вас») . . .	402	822
Три ключа («В степи мирской, печальной и безбрежной») . . .	403	822
Ангел . . .	404	822
«Какая ночь! Мороз трескучий» . . .	405	822
«Весна, весна, пора любви» . . .	407	822
* Кипренскому («Любимец моды легкокрылой») . . .	408	823
Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной . . .	409	823
«Близ мест, где царствует Венеция златая» . . .	410	823
Послание Дельвигу («Прими сей череп, Дельвиг: он») . . .	411	823
«Все красны боярские конюшни» . . .	416	824
«Блажен в златом кругу вельмож» . . .	418	824
«В роше карийской, любезной ловцам, таится пещера» . . .	419	824
19 октября 1827 («Бог помочь вам, друзья мои») . . .	420	824
Талисман («Там, где море вечно плещет») . . .	421	825
«О ты, который сочел» . . .	423	825
Русскому Геснеру . . .	424	825
«Я знаю край: там на берега» . . .	425	825

1828

Друзьям («Нет, я не льстец, когда царю») . . .	426	825
* Эпитафия младенцу («В сиянии, в радостном покое») . . .	428	826
Послание к Великопольскому («Так элегическую лиру») . . .	429	826
«Кто знает край, где небо блещет» . . .	431	826
В С. Филимонову . . .	433	827
«Увы! Язык любви болтливый» . . .	434	827
То Dawe, esq ^r («Зачем твой дивный карандаш») . . .	435	827
Воспоминание («Когда для смертного умолкнет шумный день») . . .	436	828
Ты и вы («Пустое <i>вы</i> сердечным <i>ты</i> ») . . .	437	828
«Дар напрасный, дар случайный» . . .	438	828
И. В. Слѣнину . . .	439	828
«Еще дуют холодные ветры» . . .	440	828
«Кобылица молодая» . . .	441	828
Ее глаза . . .	442	828
«Не пой, красавица, при мне» . . .	443	829
К Языкову («К тебе собирался я давно») . . .	444	829
* Н. Д. Киселеву («Ищи в чужом краю здоровья и сво- боды») . . .	445	829
Портрет («С своей пылающей душой») . . .	446	829
Наперсник . . .	447	829
Кирджали («В степях зеленых Буджака») . . .	448	829
«А в ненастные дни» . . .	449	830
Предчувствие . . .	450	830
Утопленник . . .	451	830
«Рифма, звучная подруга» . . .	454	830
* Эпиграмма («Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи») . . .	456	830
«Ворон к ворону летит» . . .	457	831
«Город пышный, город бедный» . . .	458	831
* 19 октября 1828 («Усердно помолившись богу») . . .	459	831

«Уродился я, бедный недоносок»	460	831
«В прокладе сладостной фонтанов»	461	831
«Сто лет минуло, как тевтон»	462	831
Клеопатра	464	831
Анчар	467	832
Ответ Катенину («Напрасно, пламенный поэт»)	469	833
Ответ А. И. Готовцовой («И недоверчиво и жадно»)	470	834
Цветок («Цветок засохший, безуханный»)	471	834
«Брадатый староста Авдей»	472	834
«За Netty сердцем я летаю»	473	835
«Как быстро в поле, вокруг открытом»	474	835
«Каков я прежде был, таков и ныне я»	475	835
Поэт и толпа	476	835

1829

Кавказ	478	835
Обвал	479	836
Монастырь на Казбеке	481	836
Делибаш	482	836
«На холмах Грузии лежит ночная мгла»	483	836
Из Гафиза («Не пленяйся бранной славой»)	484	837
Дон	485	837
Олегов щит	486	837
Калмычке	487	837
«Благословен твой подвиг новый»	488	838
«Был и я среди донцов»	489	838
«Меж горных стен несется Терек»	490	838
«Опять увенчаны мы славой»	491	839
Ел. Н. Ушаковой («Вы избалованы природой»)	492	839
* Е. П. Полторацкой («Когда помилует нас бог»)	493	839
«Подъезжая под Ижоры»	494	840
Приметы («Я ехал к вам: живые сны»)	495	840
Литературное известие	496	840
Эпиграмма («Журналами обиженный жестоко»)	497	841
* Эпиграмма («Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций»)	498	841
Эпиграмма («Там, где древний Кочерговский»)	499	841
«Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?»	500	842
«Жил на свете рыцарь бедный»	501	842
«Критон, роскошный гражданин»	503	842
* На картинки к «Евгению Онегину» в «Невском Альманахе»		
1. «Вот, перешед чрез мост Кокушкин»	504	842
2. «Пупок чернеет сквозь рубашку»	504	842
«Как сатирой безмянной»	505	842
«Зорю бьют. . . из рук моих»	506	843
«Счастлив ты в прелестных дурах»	507	843
Сапожник	508	843
Дорожные жалобы	509	843
«Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю»	511	843
Зимнее утро	513	844
Эпиграмма («Седой Свистов! ты царствовал со славой»)	515	844

Эпиграмма («Мальчишка Фебу гимн поднес»)	516	844
«Я вас любил: любовь еще, быть может»	517	845
Воспоминания в Царском селе («Воспомяненьями смущен- ный»)	518	845
«Поедем, я готов; куда бы вы, друзья»	520	845
«Еще одной высокой, важной песни»	521	845
Собрание насекомых	523	845
«Когда твои младые лета»	524	846
К бюсту завоевателя	525	845
«Брожу ли я вдоль улиц шумных»	526	847

1880

Сонет («Суровый Дант не презирал сонета»)	528	847
Поэту («Поэт! не дорожи любовью народной»)	529	847
Мадонна	530	847
* Циклоп («Язык и ум теряя разом»)	531	847
«Что в имени тебе моем?»	532	848
Ответ («Я вас узнал, о мой оракул»)	533	848
«В часы забав или праздной скуки»	534	848
* Эпиграмма («Не то беда, что ты поляк»)	535	848
* Эпиграмма («Надеюсь на мое презренье»)	536	849
«Шумит кустарник... На утес»	537	848
К вельможе	538	849
Новоселье	541	850
«Когда в объятия мои»	542	850
«Полюбуйтесь же вы, дети»	543	850
Бесы	544	851
Элегия («Безумных лет угасшее веселье»)	546	851
Ответ анониму («О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье»)	547	851
Царскосельская статуя	548	851
Отрок	549	851
Рифма («Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пеней»)	550	851
Труд	551	852
На перевод «Илиады» («Слышу умолкнувший звук божес- ственной эллинской речи»)	552	852
«Глухой глухого звал к суду судьи глухого»	553	852
Прощание («В последний раз твой образ милый»)	554	852
Паж, или пятнадцатый год	555	852
«Румяный критик мой, насмешник толстопузый»	557	853
К переводу «Илиады» («Крив был Гнедич поэт, преложи- тель слепого Гомера»)	558	853
«Я здесь, Инезилья»	559	853
«Два чувства дивно близки нам»	560	853
«Когда порой воспоминанье»	561	853
Эпиграмма («Не то беда, Авдей Флюгарин»)	563	853
Заклинание	564	853
«Стамбул гяуры нынче славят»	565	853
* Дельвигу («Мы рождены, мой брат названный»)	567	854

Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы	568	855
Герой	569	855
«В начале жизни школу помню я»	572	855
«Для берегов отчизны дальной»	574	856
Отрывок («Не розу пафосскую»)	575	856
Из <i>Barry Cornwall</i> («Пью за здравие Мери»)	576	856
«Пред испанкой благородной»	577	857
Моя родословная	578	857
Цыганы («Над лесистыми брегами»)	581	859
Мёдок	582	858

1881

Эхо	583	858
«Перед гробницею святой»	584	858
Клеветникам России	586	859
Бородинская годовщина	588	859
* Из записки к А. О. Россет («От вас узнал я плен Варшавы»)	591	860
* Из письма к Вяземскому («Любезный Вяземский, поэт и камергер»)	592	860
* 19 октября 1831 («Чем чаще празднует Лицей»)	593	860

1882

1. «И дале мы пошли — и страх обнял меня»	595	860
2. «Тогда я демонов увидел черный рой»	596	860
Мальчику	597	860
«В тревоге пестрой и бесплодной»	598	861
* В альбом А. Д. Абамелек («Когда-то (помню с умиленьем»)	599	861
* Гнедичу («С Гомером долго ты беседовал один»)	600	861
Красавица	601	861
К *** («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу»)	602	861
* В альбом («Гонимый рока самовластьем»)	603	862
* В альбом («Долго сих листов заветных»)	604	862

1883

Подражания древним

1. (Из Ксенофана Колофонского) («Чистый лоснится пол: стеклянные чаши блистают»)	605	862
2. (Из Афенея) («Славная флейта, Феон, здесь лежит Предводителя хоров»)	605	862
«Бог веселый винограда»	606	862
«Юноша! скромно пируй, и шумную Вакхову влагу»	607	862
Вино	608	863
Гусар	609	863
«Французских рифмачей суровый судия»	613	863

«В поле чистом серебрится»	615	863
«Свят Иван, как пить мы станем»	616	863
«Чу, пушки грянули! крылатых кораблей»	618	863
Будрыс и его сыновья	619	863
Воевода	621	864
«Когда б не смутное влеченье»	624	864
«Ночь тиха; в небесном поле»	625	864
«Колокольчики звенят»	626	864
«Не дай мне бог сойти с ума»	627	854
Осень («Октябрь уж наступил — уж роща отряхает»)	629	864

1883—1884

Песни западных славян

Предисловие	633	864
1. Видение короля	637	864
2. Янко Марнавич	639	864
3. Битва у Зеницы-Великой	641	864
4. Феодор и Елена	642	864
5. Влах в Венеции	644	864
6. Гайдук Хризиц	645	864
7. Похоронная песня Иакинфа Маглановича	646	864
8. Марко Якубович	647	864
9. Бонапарт и черногорцы	650	864
10. Соловей	651	864
11. Песня о Георгии Черном	652	864
12. Воевода Милош	653	864
13. Вурдалак	654	864
14. Сестра и братья	655	864
15. Яныш королевич	658	864
16. Конь	660	864
«Что белеется на горе зеленой?»	668	865
«Менко Вучиц грамоту пишет»	669	865

1884

«Я возмужал среди печальных бурь»	670	865
«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит»	671	865
«Он между нами жил»	672	865
«Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя»	673	866
«Стою печален на кладбище»	674	866

1885

Пир Петра Первого	675	866
(Из Анакреона) («Узнают коней ретивых»)	677	866
Ода I.VI («Поредели, побелели»)	678	867
Ода LVII («Что же сухо в чаше дно?»)	679	867
«Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранчала»	680	857
Полководец	681	867

Туча	683	868
Из А. Шенье («Покров, упитанный язвительною кровью»)	684	868
* Родрик («На Испанию родную»)	685	868
* Эпиграмма («В Академии наук»)	689	869
«Кто из богов мне возвратил»	690	869
Странник	691	869
«В мои осенние досуги»	694	869
«..Вновь я посетил»	695	870
«Я думал, сердце позабыло»	697	871
«О бедность! затвердил я наконец»	698	871
«На выздоровление Лукулла»	699	871
«Когда владыка ассирийский»	701	871
«На это скажут мне с улыбкою неверной»	703	871
Подражание арабскому («Отрок милый, отрок нежный»)	704	871
«Воротился ночью мельник»	705	871
«Не видала ль, девица»	706	872

1836

Художнику («Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую»)	707	872
Д. В. Давыдову («Тебе певцу, тебе герою»)	708	872
«Отцы пустынники и жены непорочны»	709	872
(Подражание итальянскому)	710	873
Мирская власть	711	873
(Из Пиндемонти)	712	873
«Напрасно я бегу к сионским высотам»	713	873
«Когда за городом, задумчив, я брожу»	714	873
* 19 октября 1836 («Была пора: наш праздник молодой»)	715	874
1. На статую играющего в свайку	717	874
2. На статую играющего в бабки	717	874
«Альфонс садится на коня»	718	874
«От меня вечер Леила»	720	875
«Забыв и рощу и свободу»	721	875
«Я памятник себе воздвиг нерукотворный»	722	875

НЕИЗВЕСТНЫЕ ГОДЫ

* На Александра I («Воспитанный под барабаном»)	723	875
«Там на берегу, где дремлет лес священный»	724	875
«О муза пламенной сатиры!»	725	875
«Не знаю где, но не у нас»	726	876
Золото и булат	727	876
«Нет, я не дорожу мятежным наслаждением»	728	876
«О нет, мне жизнь не надоела»	729	876
«Одни стихи ему читала»	730	876

Из других редакций

Жуковскому («Когда, к мечтательному миру»)	733	877
Недоконченная картина	734	

Веселый пир	734
Послание к кн. Горчакову («Питомец мод, большого света друг»)	735
«Кто видел край, где роскошью природы»	735
* Вяземскому («Язвительный поэт, остряк замысловатый»)	736
Алексееву («Мой милый, как несправедливы»)	737 877
Разговор книгопродавца с поэтом	737
19 октября (1825) («Роняет лес багряный свой убор»)	737 877
И. И. Пущину («Мой первый друг, мой друг бесценный»)	740 878
Воспоминание («Когда для смертного умолкнет шумный день»)	740 878
Наперсник	741 878
Клеопатра	741 878
Кавказ	745
«На холмах Грузии лежит ночная мгла»	745 880
Ел. Н. Ушаковой («Вы избалованы природой»)	746 880
«Жил на свете рыцарь бедный»	746 880
* 19 октября 1831 («Чем чаще празднует Лицей»)	748 881
Осень	749 881
* Родрик («На Испанию родную»)	749 881
«..Вновь я посетил»	751

Примечания

Примечания	753
Основные издания сочинений Пушкина	882
Алфавитный указатель произведений Пушкина	890
Список иллюстраций	926

Редакционная коллегия:

*В. Г. Базанов, А. Г. Дементьев, В. П. Друзин,
В. Н. Орлов, А. А. Прокофьев, В. М. Саянов,
А. К. Тарасенков, А. Т. Твардовский,
Н. С. Тихонов, С. П. Щипачев*

ПУШКИН АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
СТИХОТВОРЕНИЯ, Т. III

Редактор *В. Г. Базанов*

Художник *И. С. Серов*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректоры *В. Н. Вишнякова* и
И. А. Якимович

Сдано в набор 13/VI 1955 г. Подписано
в печать 20/VIII 1955 г. М 41676.
84×108/32. Печ. л. 60,12 (49,3). Уч.-изд. л.
34,56. Тираж 25 000. Зак. № 637.
Цена 12 р. 10 к.

Ленинградское отделение
издательства «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., д. 28.

Типография № 3 Управления культуры
Ленгорисполкома
Ленинград, Красная ул., д. 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать	По чьей вине
190	7 сл.	к тожу ж	к тому ж	Корректора
308	1 сл.	Еропа	Европа	Корректора
720	4 сл.	Посмеялся	Посмеялася	Типографии

